

$P_8 \frac{21}{15}$

1903 N 12

2015595706

Всмиръ Знамя

СОДЕРЖАНИЕ № 12.

Стр.

А. А. Радцигъ. Внѣшняя торговля Россіи въ первые 8 мѣсяцевъ 1903 г.	3
С. П. Алисовъ. Край будущаго (Изъ впечатлѣній поѣздки въ Сибирь). I. Отъ Петербурга до Челябинска. II. Сибирь. — Байкаль	9
Проф. Эдуардъ Гульдентъ. Возрожденіе наукъ	35
Л. Горскій. Декадентская поэзія на пути въ Россію. III. Чувства и идеи	54

Л. Брандтъ. О чувствительности химическихъ реакцій	77
В. Уде. Новый взглядъ на искусство Те. Изъ впечатлѣній русскаго въ Швейцаріи	83
Проф. Франсъ. Ботаническія бесѣды. О. Гоффманъ. Измѣненія на поверхности луны	88
Доцентъ Н. Д. Бернштейнъ. П. И. Чайковскій. (По поводу десятилѣтія со дня его смерти).	97
	103
	116

В. Гиллеръ

Апри Купэнъ. Своеобразные похоронные обряды 13
 Ю. А. *Веселовскій.* Литературные отголоски. VI. Драма изъ народной жизни: С. Т. Семеновъ, «Надежда Чигалдаева» (Преступники), драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, изданіе «Посредника».—Нищенство и мелодрама (А. Будищевъ, «Солнечные дни», романъ).—Новый изобразитель духовнаго быта: С. Елеонскій, «Разказы».—Проблески симпатичнаго дарованія: О. Ольнемъ, «Очерки и разказы» 14

Изъ литературы и жизни. Конецъ «Фронды».—Стачки въ 1902 году. 15

Вопросы народнаго образованія и—библіографіи. А. А. *Николаевъ.* Изъ жизни нашихъ общественныхъ библіотекъ. (Беллетристика: «читатель—простецъ» и «другъ—читатель».—«Восходящія и заходящія свѣтила» читательскаго небосклона.—Періодическая пресса и ея читатели—Нѣсколько словъ о бюджетахъ нашихъ библіотекъ и объ участіи въ нихъ нашихъ городскихъ и земскихъ «самоуправленій».—Заключеніе).—А. *Николаевъ* 16

Библіографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія.—Изданія М. Д. Орѣхова. «Новая Библіотека».—А. А. Н. В. Н. Ладженскій. Что такое земство?—А. А. Н. 17

Библіографія. Освальдъ Кюльпе. Современная философія въ Германіи. В. В.—*нъ.*—Völkerkunde, von Dr. Heinrich Schurz. А. Г.—А. И. Яцимирскій. Сборникъ Тверскаго Общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія. И. *Александровъ.*—Г. Т. Хохловъ. Путешествіе уральскихъ казаковъ въ «Бѣловодское царство». А. М. *Аносовъ.* 18

Письмо въ редакцію. Проф. *Ив. Озеровъ.* 19

Научная хроника. Сравнительная психологія, антропология. Обладаютъ ли растенія разумомъ?—Соотношеніе психическихъ и физическихъ свойствъ.—Умъ животныхъ.—Сущ. ствовали ли люди въ третичномъ періодѣ.—Царство женщинъ. **Біологія, зоологія, ботаника.** Происхожденіе роговъ.—Отъ чего зависитъ разнообразіе окраски осеннихъ листьевъ.—Вліяніе низкихъ температуръ на органическую жизнь.—Способность насѣкомыхъ различать цвѣта.—Дерево Конфуція.—Дерево легче пробки. **Медицина и гігіена.** Туберкулезъ въ Египтѣ.—Алкоголизмъ въ Англіи.—Новѣйшіе успѣхи свѣтолеченія.—Противотуберкулезная сыворотка д-ра Марморекка.—Еще о борьбѣ съ туберкулезомъ. **Астрономія, физика, химія и техника.** Радій на солнцѣ.—Новое примѣненіе алюминія.—Цвѣтная фотографія.—Новости изъ области телефона.—Говорящее пламя.—Дѣйствіе электрическаго тока на туманъ.—Превращеніе олова въ золото.—О природѣ новыхъ звѣздъ . . . . .

Отвѣты подписчикамъ.

Оглавленіе „Вѣстника Знанія“ за 1903 годъ.

Систематическій указатель статей за 1903 годъ.

Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ № 12.

1. „Общедоступный Университетъ“: Лучи волны. Проф. *Шписъ* и проф. *Ц--ръ.*
2. „Энциклопедическая Библіотека для самообразованія“. Основы развитія органическаго міра: В. *Бельше.*
3. Читальня „Вѣстника Знанія“: Гипнотизмъ родственныя явленія въ наукѣ и жизни. В. В. *Витнеръ.*

Дозв. пенз. СПб. 10 декабря 1903 г.

Типографія Т-ва «Народная Польза». Коломенская ул., с. д. № 39.

№ 12.

1903.

Вѣстникъ Знанія

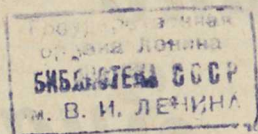
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
СЪ
ПРИЛОЖЕНІЯМИ
для
САМООБРАЗОВАНІЯ.

Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

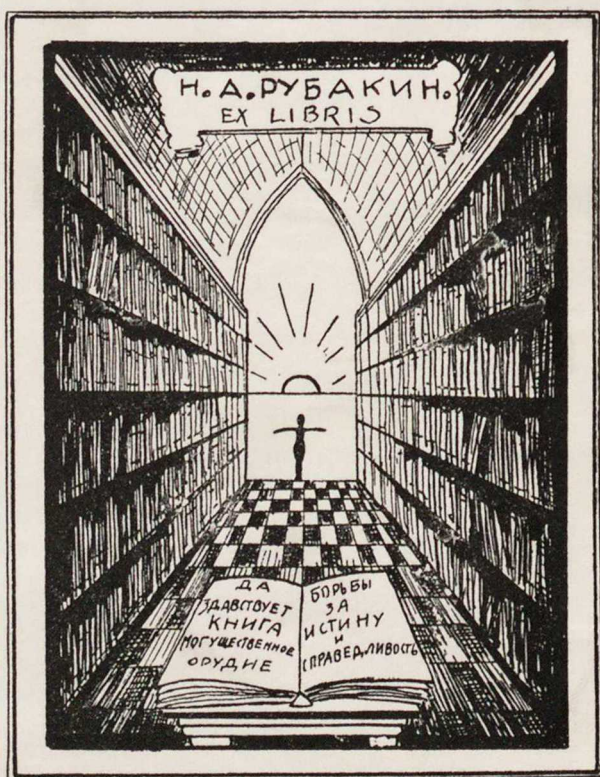
1903

70868

h-3126-48

Дозволено ценз. С.-Петербургъ, 10 Декабря, 1903 г.
Типографія Т-ва „Народная Польза“, Коломенская, 39.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый
5						2	70

18/1—100000

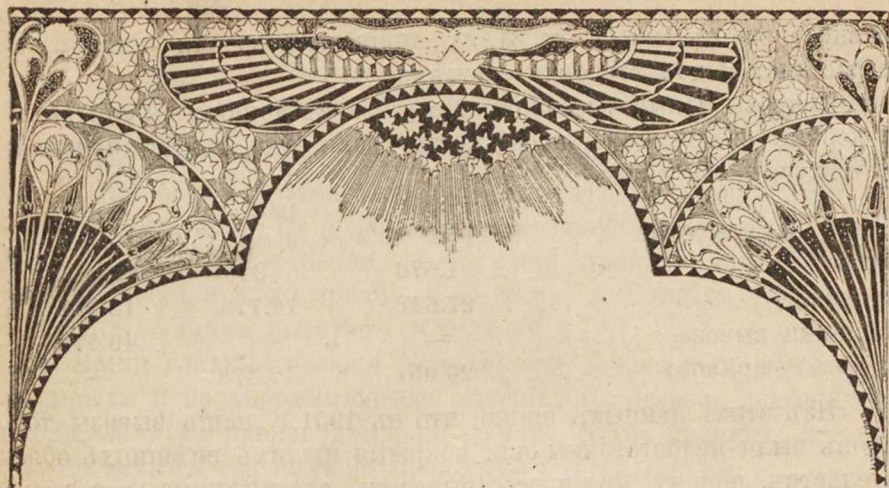

1958 г. 60

8/6

✓

А. А. Гадцигъ.

Внѣшняя торговля Россіи въ первые 8 мѣсяцевъ 1903 года.

Размѣры внѣшней торговли Россіи вполне зависятъ отъ нашего урожая хлѣбовъ; чѣмъ выше сборы хлѣбовъ, тѣмъ значительнѣе вывозы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привозы всевозможныхъ товаровъ, потребляемыхъ сельскимъ населеніемъ. Въ земледѣльческомъ государствѣ, какъ Россія, города живутъ за счетъ деревни, благополученіе которой тотчасъ и отзывается на улучшеніи городской торговли. 1902 г. былъ крайне урожайнымъ годомъ, почему можно было впередъ предугадать, что наша торговля въ 1903 г. будетъ значительно превышать торговлю предыдущихъ лѣтъ; дѣйствительно, нижеслѣдующія цифры вполне подтверждаютъ ожиданія.

Общіе обороты внѣшней торговли по Европейской и Кавказско-Черноморской границамъ въ 1903 г., по сравненію съ двумя предыдущими годами, были слѣдующіе:

	1903 г.	1902 г.	1901 г. *)
	Т ы с я ч и р у б л е й.		
Вывозъ	597.509	492.239	453.570
Привозъ	383.596	341.112	355.751
Общій оборотъ	981.105	833.351	809.321
Балансъ	+213.913	+151.127	+ 97.819

Наши вывозы въ первые 8 мѣсяцевъ 1903 г. увеличились

*) Внѣшняя торговля по Европейской границѣ. Августъ. Выпускъ 221. С.-Петербургъ, 1903 г.

сравнительно съ 1901 г. на 31,7 %, привозы возрасли на 7 %, а возрастаніе общей торговли составило 21,2 %.

Привозы и вывозы золота и серебра въ монетахъ и слиткахъ за первые 8 мѣсяцевъ, послѣднихъ трехъ лѣтъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	1903 г.	1902 г.	1901 г.
	Т ы с я ч и р у б л е й.		
Вывозъ	1.576	345	59.813
Привозъ	27.637	12.723	13.241
Излишки вывоза	—	—	46.572
» привоза.	26.061	12.378	—

Изъ этихъ данныхъ видно, что въ 1901 г. наши вывозы товаровъ были недостаточны для покрытія нашихъ внѣшнихъ обязательствъ, почему пришлось вывозить драгоцѣнные металлы, но за послѣдніе 2 года излишки вывозовъ надъ привозами были такъ велики, что, наоборотъ, наши привозы золота и серебра превышали наши вывозы.

Какъ задолженная страна, Россія должна вывозить больше товаровъ, чтобы излишками вывозовъ погашать наши заграничныя обязательства, но въ то же время мы добываемъ большія количества золота, которое не всегда находить у насъ помѣщеніе, а потому и вывозится. Видѣть что-нибудь угрожающее во временныхъ вывозахъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Россіи не представляетъ основаній; наше денежное обращеніе на душу ничтожно, потому что населеніе бѣдно, и теперешніе запасы золота Россіи совершенно достаточны для нашихъ незначительныхъ торговыхъ оборотовъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ.

Наша общая торговля очень мала, вслѣдствіе низкой производительности населенія. Малы и вывозы и привозы, причемъ послѣдніе тормазятся чрезвычайно высокими пошлинами.

За послѣдніе 3 года (съ 1 января по 31 августа) пошлинъ по Европейской границѣ было получено: 143 милл. руб. въ 1903 г., 137 милл. руб. въ 1902 г. и 133 милл. руб. въ 1901 г., что составляло 37,4 % со стоимости товаровъ въ 1903 г., 40,1 % въ 1902 г. и 37,1 % въ 1901 г.

По отдѣламъ вывозы товаровъ отъ насъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ. Съ 1 января по 31-ое августа было вывезено:

	1903 г.	1902 г.	1901 г.
	Т ы с я ч и р у б л е й.		
Жизненныхъ припасовъ . .	374.255	300.540	260.756
Сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ . . .	196.879	164.919	166.991
Животныхъ	12.303	14.306	11.472

Издѣлій	14.072	12.474	14.351
В о о б щ е	597.509	492.239	453.570

Изъ этихъ цифръ видно, что въ 1903 г. вывозы жизненныхъ припасовъ (главнымъ образомъ, хлѣба) составляли 62,8 % общихъ вывозовъ, на долю сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ (преимущественно лѣсъ, сѣмя льняное, ленъ, пенька, шкуры, кожи и т. д.) приходилось 33 %, животныхъ было вывезено 2,1 % общихъ вывозовъ, а издѣлій 2,3 %.

Наши главные вывозы состоятъ изъ жизненныхъ припасовъ и сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ; вывозы издѣлій мизерны, да и тѣ производятся по цѣнамъ болѣе низкимъ, нежели тѣ, по какимъ эти издѣлія продаются внутри страны.

Вышеприведенныя цифры вполне объясняютъ вліяніе урожая на вывозы. Сравнительно плохой урожай 1901 г. повліялъ на вывозы 1902 г., наоборотъ, хорошій урожай 1902 г. тотчасъ же вызвалъ усиленный вывозъ жизненныхъ припасовъ.

Въ числѣ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ очень значительное мѣсто занимаютъ лѣсъ и ленъ. Вывозы лѣса въ 1903 г. составили 41,9 милл. руб., сравнительно съ 39,7 милл. руб. въ 1901 г., льна было вывезено въ 1903 г. на 51,9 милл. руб., въ 1901 г. лишь на 33,7 милл. руб. Мягкой рухляди и кожъ было вывезено въ 1903 г. на 13,3 милл. руб., въ 1901 г. лишь на 9,1 милл. руб. Вывозы сѣмянъ, составлявшіе въ 1903 г. 9,2 милл. руб., въ 1901 г. доходили лишь до 6,5 милл. рубл. Вывозы шерсти также нѣсколько увеличились.

Въ противоположность нашей вывозной торговлѣ, наши привозы состояли въ большей степени изъ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ и издѣлій, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ. Привозы съ 1 января по 31 августа составляли:

	1903 г.	1902 г.	1901 г.
	Т ы с я ч и р у б л е й.		
Жизненныхъ припасовъ . . .	52.893	48.966	53.775
Сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ	212.798	191.934	190.263
Животныхъ	829	710	860
Издѣлій	117.076	99.502	110.853
В с е г о	383.596	341.112	355.751

Въ процентномъ отношеніи къ общимъ привозамъ, привозы въ 1903 г. жизненныхъ припасовъ составляли: 13,8 %, сырые и полуобработанные матеріалы: 55,5 %, издѣлія: 30,5 %, а животныя лишь 0,2 %.

Въ числѣ жизненныхъ припасовъ главное мѣсто занималъ чай, затѣмъ кофе, какао, табакъ, вино, фрукты и т. д. Для широкаго народнаго потребленія главное значеніе имѣлъ чай, обложенный почти запретительной пошлиной въ 31 р. 50 к. съ пуда. Табакъ, вино, кофе, фрукты составляютъ потребленіе городовъ.

Между сырыми и полуобработанными матеріалами, главное мѣсто, занималъ хлопокъ, котораго въ 8 мѣс. 1903 г. было привезено черезъ европейскую границу на 53,9 милл. рублей и сверхъ того на 7,3 милл. руб. чрезъ азіатскую. Пошлина на хлопокъ (предметъ первой необходимости, какъ сырой матеріалъ для хлопчатобумажныхъ издѣлій) составляла 32,5 милл. рубл. или 60 % стоимости. Джута было привезено всего 1.246 т. пуд. на 2.678 т. рубл., пошлина-же составляла 1.346 т. рубл. или свыше 50 % стоимости. Такія громадныя пошлины ничѣмъ не оправдываются и составляютъ страшное бремя для сельскаго населенія, о чемъ мы уже неоднократно писали и считаемъ необходимымъ повторить вновь. Пошлина на джутъ удовлетворяетъ производству мѣшковъ, потребныхъ для хлѣбной торговли и ухудшаетъ положеніе земледѣльцевъ, продающихъ излишки своего урожая. Въ числѣ сырыхъ матеріаловъ значился и каменный уголь, коксъ и торфъ, всего этихъ матеріаловъ за 8 мѣс. было привезено на 13,6 милл. рубл., пошлина же составила 2,2 милл. руб., или 16 % стоимости.

Въ числѣ издѣлій значились машины и аппараты (на 43,5 милл. руб.), физическіе приборы, часы, велосипеды и т. д., а также шерстяныя и шелковыя издѣлія и т. д.

Привозы къ намъ вообще очень ничтожны, почему требованія на товары и отъ насъ очень ограничены. Мы желаемъ вообще вести одностороннюю торговлю, т. е. вывозить, не ввозя ничего, а это невозможно.

Изъ всего вышесказаннаго можно было видѣть, что наша виѣшняя торговля въ 1903 г., по крайней мѣрѣ за первые 8 мѣсяцевъ, идетъ довольно успѣшно. Что касается до слѣдующихъ мѣсяцевъ до конца года, то мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы наши вывозы могли продолжаться въ теперешнихъ размѣрахъ, такъ какъ урожай 1903 г., повидимому, ниже прошлагодняго.

Мы не можемъ не упомянуть здѣсь о вывозахъ отъ насъ яицъ и масла. За 8 мѣс. 1903 г. вывозы масла достигли громадной цифры 22 милл. руб., вывозы яицъ составили 34 милл. рублей.

Сильное увеличеніе вывозовъ масла за послѣдніе года произошло благодаря вновь возникшему экспорту масла изъ Сибири. Вдоль линіи Западно-Сибирской желѣзн. дороги имѣются прекрасныя пастбища для скота, и, съ открытіемъ движенія по этой дорогѣ, приблизительно съ 1897 г. вывозы сливочнаго масла

отъ нуля, вдругъ, возрасли до невѣроятной степени. Отсутствие пути заставляло сибиряковъ отправлять соленое, русское топленое масло, но какъ только явилась возможность быстро перевезти сливочное масло, такъ тотчасъ же *безъ всякаго покровительства*, какъ по волшебству, явились сотни масляныхъ заводовъ съ сепараторами и маслобойками, и вывозы за годъ превысятъ 30 милл. рублей. Быстрое развитіе сибирскаго маслодѣлія лучше всего доказываетъ, что промышленность не нуждается въ покровительствѣ. Любая отрасль промышленности всегда разовьется, если для ея развитія имѣются всѣ данныя. Мы употребляемъ всякія усилія для поднятія вывозовъ издѣлій отъ насъ, тѣмъ не менѣе, они остаются слабыми, для увеличенія же маслянаго экспорта у насъ почти ничего не было сдѣлано; а между тѣмъ, вывозы стали увеличиваться самостоятельно, безъ всякихъ жертвъ со стороны государства.

Наша внѣшняя торговля, при теперешнихъ пошлинахъ, остается слаба, поэтому пошлины создаютъ дороговизну внутри государства, а дорогой товаръ у насъ никто не купитъ. Съ другой стороны, разъ сѣснены привозы товаровъ, нельзя рассчитывать и на увеличеніе вывозовъ.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ изданіяхъ Департамента Таможенныхъ Сборовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Обзоры Внѣшней Торговли, какъ годовые, такъ и ежемѣсячные, за послѣдніе 10 лѣтъ значительно улучшались, причемъ ежемѣсячные обзоры появляются довольно своевременно.

Но, совершеннаго на свѣтѣ ничего нѣтъ, и въ годовыхъ изданіяхъ, по моему мнѣнію, и сейчасъ есть существенные недостатки. Такъ, данныя въ Обзорахъ Внѣшней Торговли Россіи показываются лишь за одинъ годъ, тогда какъ въ англійскихъ и нѣмецкихъ отчетахъ приводятся цифры за пять лѣтъ, что значительно облегчаетъ задачу пользующихся Обзорами. Съ другой стороны, въ таблицахъ о привозахъ товаровъ таковыя не распределены по отдѣламъ, что также затрудняетъ пользованіе ими. Затѣмъ годовые отчеты появляются слишкомъ поздно. Напр., за 1901 г. Обзоръ Внѣшней Торговли вышелъ изъ печати лишь во второй половинѣ 1903 года. За 1902 г. отчетъ можно ожидать лишь въ 1904 году. Нельзя не упомянуть еще, что оцѣнка товаровъ не всегда соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительной стоимости, и что было бы желательно, чтобы цѣны вывозныхъ и привозныхъ товаровъ повѣрялись бы биржевыми комитетами, всегда имѣющими возможность знать точное положеніе товарныхъ рынковъ. Представляется чрезвычайно желательнымъ, чтобы цѣны вывозныхъ и привозныхъ товаровъ записывались какъ можно точнѣй,

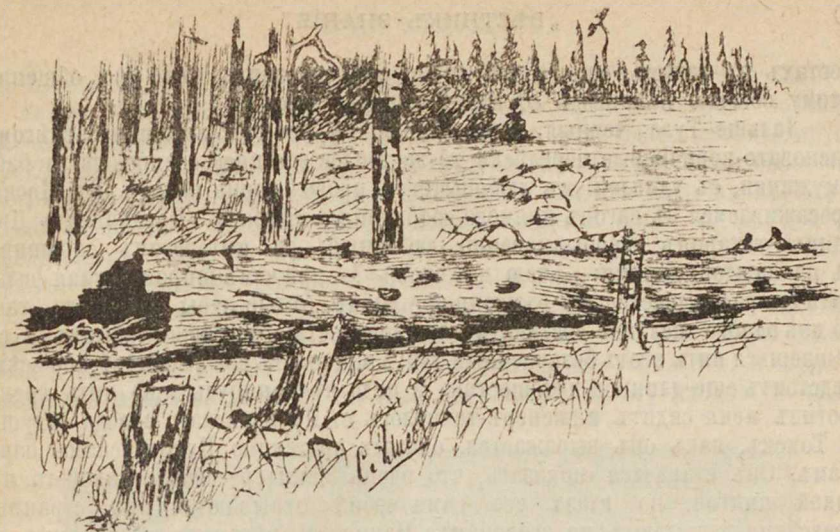
потому что по суммамъ привозовъ и вывозовъ судить о нашемъ торговомъ балансѣ и судить часто совершенно неправильно.

Возвышеніе нашихъ торговыхъ оборотовъ будетъ лишь тогда имѣть мѣсто, когда Россія, наконецъ, откажется отъ чрезвычайнаго протекціонизма и вступитъ на правильный путь постепеннаго пониженія теперешнихъ пошлинъ. Тогда поднимутся и наши торговые обороты.

Антонъ Радцигъ.

С. П. Алисовъ.

Край будущаго.

Изъ впечатлѣній поѣздки въ Сибирь.

I.

Отъ Петербурга до Челябинска.

Паровозъ Николаевской дороги далъ свистокъ, и мы двинулись. Позади—чувство смутнаго сожалѣнія къ покидаемому шумному людному городу, гдѣ оставлено столько дорогихъ людей, дорогихъ мыслей, порывовъ и надеждъ; впереди—жгучее ощущеніе любопытства къ неизвѣданной, чужой интересной странѣ, чужимъ людямъ, чужой жизни, природѣ,—къ длинному, кажется, безконечно длинному путешествію въ вагонѣ—больше 3-хъ недѣль.

Первый день проходитъ скучно, однообразно, чувствуешь неловкость повизны положенія, пробуешь читать и безпричинно раздражаешься; раздражаешься открытымъ окномъ, разговоръ сосѣдей, спящей напротивъ старушкой, меланхолично уставившейся на мою пуговицу, точно ее поразили столбнякъ, или въ блескѣ пуговицы она вдругъ увидала разгадку своего существованія. Поѣздъ пробѣгаетъ мимо давно знакомыхъ мѣстъ. Мелькаютъ красивые силуэты елей и сосенъ, телеграфные столбы, будка съ беременной сторожихой, остроумно укрѣпившей на своемъ животѣ зеленый флагъ, мужикъ, ѣдущій по дорогѣ въ телѣгѣ; лошадь, будто изъ приличія, настораживаетъ уши и наровитъ понести, но поѣздъ проносится, и она, вѣроятно, успокаивается съ чувствомъ исполненнаго долга. Проѣзжаемъ Москву съ тающимъ желтымъ снѣгомъ на улицахъ, съ веселымъ шумнымъ движеніемъ, радушными людьми и радушнымъ мягкимъ солнцемъ, съ кривыми узенькими переулками, съ безчисленнымъ множествомъ церквей самыхъ разнообразныхъ формъ и цвѣтовъ, съ каменной громадой Кремля, образующаго лѣсъ колоколенъ, съ кричащими, хлопотливыми галками на

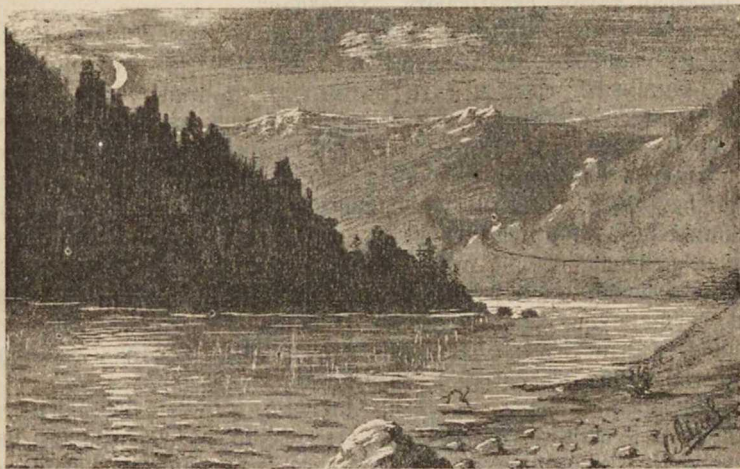
крестахъ въ такомъ множествѣ, точно онѣ собрались сюда по общепринятому обычаю на сѣздъ со всѣхъ концовъ Россіи

Дальше Тула; черныя, сырыя поля, съ кое-гдѣ лежащимъ снѣгомъ, красновато-коричневые перелѣски; то же теплое весеннее солнце, тѣ же бабы и мужички, съ удивленіемъ любопытства провожающіе поѣздъ. Въ Москвѣ пересаживаемся въ вагонъ прямого сообщенія—«Москва—Челябинскъ». Проводникъ-татаринъ, необыкновенно любезный—съ интересомъ спрашиваетъ на каждой станціи:—«чаю не хочешь»?—при чемъ широкоскулая физиономія его расплывается въ блаженной улыбки, бѣлые зубы сверкаютъ, такъ что изъ одного желанія доставить ему удовольствіе, достаешь чайникъ и соглашаешься пить этотъ безконечный чай; а чай пьютъ всѣ въ вагонѣ, ибо всѣмъ предстоитъ еще длинное путешествіе, и надо чѣмъ-нибудь заполнить время. Противъ меня сидитъ инженеръ-технологъ съ Путиловскаго завода, ѣдущій въ Томскъ, какъ онъ выражается, оказать протекцію Путиловскимъ паровозамъ. Онъ старается показать, что очень заинтересованъ какой-то немецкой книгой, но глаза его сами собой отрываються отъ страницъ и разбѣжно блуждаютъ по сторонамъ. Наконецъ, вѣроятно убѣдившись въ безплодности своихъ попытокъ, онъ бросаетъ книгу и апатично смотритъ въ окно.

—Скучно,—говоритъ онъ,—соснуть что ли!—Пульмановскій вагонъ покойно покачивается, мягкія пружины соблазнительно гнутся при каждомъ движеніи; въ купѣ немного жарко, глаза невольно слипаются, въ тѣлѣ пріятная истома—хочется спать. Третій спутникъ по купѣ докторъ, ѣдущій въ Портъ-Артуръ, давно уже забрался на полку и легкимъ свистомъ даетъ знать, что не гигиенично противиться велѣніямъ организма. Желая разогнать сонъ, смотришь въ окно; проѣзжаемъ по южной части Пензенской губерніи. Безконечныя черныя равнины съ небольшими перелѣсками; на поляхъ пахутъ, сѣютъ, дѣловито-важною поступью расхаживаютъ грачи. На станціяхъ встрѣчаются бабы въ оригинальныхъ древне-русскихъ костюмахъ и мужики въ синихъ портахъ и рубахахъ, точно выхваченные изъ «Жизни за царя» или изъ балета «Иванушка дурачекъ». Публика съ любопытствомъ разсматриваетъ ихъ, слышатся замѣчанія удивленія и пр. Ёдемъ дальше,—по сторонамъ тянется однообразная степь, становится прямо жарко; деревья начинаютъ зеленѣть, на станціяхъ продаютъ цвѣты. На поляхъ работающихъ все больше и больше. Наконецъ, Сызрань, Батраки, и Волга. Волга необычайно широка, благодаря разливу. Пассажиры бѣгутъ къ окнамъ—Волга! Волга! какая широкая! смотрите, еле виденъ противоположный берегъ! какъ красиво!—Красиво въ самомъ дѣлѣ! Огромное пространство воды бурлитъ и пѣнится; на горизонтѣ гора, подернутая фіолетовой дымкой, точно вуалью; изъ воды торчатъ затопленные деревья, острова, покрытые красивыми кустами, а тамъ, далеко, синія даль, синія полоса лѣса, бѣлая церковь, и все это играетъ и искрится въ теплыхъ лучахъ весенняго солнца. Кое-гдѣ бѣгутъ хлопотливые пароходы, медленно, словно черепахи, тянутся громоздкія барки вслѣдъ за маленькими гордо поднявшими носъ буксирками; всюду шумъ, движеніе и радость пробуждающейся жизни. Проѣзжаемъ Сызранскій мостъ, бѣлые переплеты котораго тянутся, кажется, въ безконечную даль. Въ вагонѣ опять удивленіе, восклицанія. Докторъ проснулся и смотритъ по часамъ, сколько времени будемъ ѣхать черезъ мостъ. Поѣздъ идетъ страшно медленно, весь содрагаясь, словно онъ, боясь этой массы воды и не довѣряя крѣпости моста, ощупываетъ каждый шагъ. На срединѣ моста между пассажирами замѣчается волненіе, многіе отходятъ отъ оконъ; мы съ докторомъ стоимъ

на площадкѣ; по временамъ закрадывается въ душу что-то вродѣ сомнѣнія, и тогда всего охватываетъ вдругъ какое-то жуткое чувство. Наконецъ, паровозъ выѣзжаетъ изъ-подъ навѣса моста, за нимъ одинъ вагонъ, другой, третій, наконецъ, нашъ. Всѣхъ насъ сразу охватываетъ чувство облегченія, докторъ съ торжествомъ смотритъ на меня и кладетъ часы въ карманъ—ѣхали ровно семь минутъ! Мостъ далеко остается сзади, а мы все еще продолжаемъ смотрѣть на Волгу. Вотъ мало-по-малу скрываются детали чудной картины: при поворотѣ исчезаетъ островъ, пароходы кажутся водяными паучками, гора подергивается синеватымъ туманомъ, наконецъ, огромное море воды сливается мало-по-малу въ одну блестящую полосу, полоса все уже и уже и долго не исчезаетъ на горизонтѣ; я стою на площадкѣ и долго, до боли въ глазахъ, смотрю на эту уходящую полосу

Ураль.

и на душѣ такое чувство, точно покидаешь что-то родное; становится немного грустно. Дальше ѣдемъ степью до самой Уфы. Степь уныло однообразная, какого-то бурого цвѣта, безъ жизни, безъ движенія; кое-гдѣ лишь промелькнетъ статная фигура коннаго калмыка, и опять пустынная, необозримая гладь, бурая земля и синее небо, и такъ безъ конца.

На другой день мы въ Уфѣ. Намъ видна обрывистая гора, на которой, словно неприступная крѣпость, бѣлѣютъ городскія постройки и высятся въ воздухѣ стройныя колокольни. Въ Уфѣ тоже море воды. Бѣлая разлилась, затопивъ подгороднюю деревушку. Изъ воды живописно торчатъ деревянныя крыши хибарокъ, вѣтви деревьевъ; на островѣ высятся сѣрые керосиновые баки бр. Нобель; по зеркальной поверхности воды плыветъ дверь, колесо телѣги; на верхушкахъ вербъ шумно дебагируютъ видимо, какой-то жгучій вопросъ грачи. Отъ Уфы ѣдемъ по обрывистому берегу Бѣлой. Поездъ съ быстрого хода сразу переходитъ на нижній, едва замѣтный. Пассажиры волнуются; болѣе храбрые подходятъ къ окнамъ. Жутко. Внизу, глубоко подъ обрывомъ, тихо плещется вода; наверху скалистая горъ; мы ѣдемъ какъ разъ подъ нею, едва не касаясь стѣнами вагоновъ каменистыхъ выступовъ и на столько близко отъ края обрыва, что изъ-подъ колесъ сыплются мелкіе камни и песокъ. Вдругъ, на поворотѣ

вагонъ вздрагиваетъ, и почти изъподъ самой шпалы срывается огромный камень; прыгая, перескакивая черезъ кусты и ломая все на пути, онъ съ шумомъ летитъ въ пропасть; кто-то въ ужасѣ вскрикиваетъ,—тысячи брызгъ цѣлымъ снопомъ взлетаютъ вверхъ, и звонкое эхо тысячу разъ повторяетъ отзвукъ. Наконецъ, поѣздъ прибавляетъ ходу: опасное мѣсто миновали; слышатся облегченныя восклицанія; купецъ изъ Самары, ѣдущій въ сосѣднемъ купѣ, начинаетъ креститься.

Подъ вечеръ подъѣзжаемъ къ Уралу. На горизонтѣ розовато-фіолетовой волнистой полосой вырисовывается горный хребетъ. Всѣ жалуются, что не придется увидѣть Урала за темнотою. Купецъ, уже нѣсколько разъ ѣздившій въ Челябинскъ, успокаиваетъ.—Ежели рано встать, такъ малость захватить еще можно будетъ. Въ Златоустѣ будемъ часа въ четыре. Тамъ оченно красивы эти самыя горы,—рѣчка тамъ тоже течетъ, „Ай“ прозывается, быстрая такая, сказываютъ „холодная“.

Мы съ докторомъ рѣшаемъ встать пораньше, часа въ три. Инженеръ къ красотамъ природы равнодушенъ и предпочитаетъ блага болѣе существенныя, какъ чай, сонъ и т. д. Въѣзжаемъ въ горы. Горы, сперва не высокія, постепенно становятся все выше и выше; въ вечернихъ сумеркахъ кажется, будто онѣ сбѣгаютъ со всѣхъ сторонъ на дерзкій поѣздъ, желая раздавить его, но озадаченныя его быстротою и его презрительнымъ равнодушіемъ, какъ бы не рѣшаясь напасть на него, молча бѣгутъ по сторонамъ. Вотъ, изъ горныхъ массъ откуда-то вынырнула свѣтлой змѣйкой горная рѣченка, скорѣе ручей и, бурливо шумя, извиваясь и блистая при свѣтѣ вечерней зари раскаленнымъ золотомъ, бѣжитъ за поѣздомъ. Сумерки сгущаются. Заря тухнетъ. Тѣни спутываются, деревья и горы принимаютъ фантастическіе размѣры и очертанія. Публика мало-по-малу отходитъ отъ оконъ къ обычному чаепитію.

— Посмотрите, какъ красиво!—кричитъ кто-то; бросаемъ чай и устремляемся къ окнамъ. Картина, дѣйствительно, поразительная. Молодая луна всходитъ изъ-за-причудливой горы съ красивымъ рисункомъ остроконачныхъ скалъ, похожимъ на средневѣковыя башни и замки. Луна спокойно освѣщаетъ мягкимъ серебристымъ свѣтомъ убѣгающія въ безконечную даль вершины горъ и разсыпается мириадами блесковъ и искръ въ рѣкѣ. Нашъ поѣздъ вскарабкался на порядочную-таки высоту,—становится холодно. Долго крутимся мы около одной и той же вершины; паровозы пыхтятъ, свистятъ,—кажется, чувствуешь, какъ имъ тяжело.

Утромъ меня разбудилъ проводникъ — „Баринъ, вставай, солнце всходило, Златоустъ скоро“. Я встаю и бужу доктора, тотъ просыпается, свирѣпо пучитъ на меня глаза и сперва ничего не понимаетъ; догадавшись, въ чемъ дѣло, онъ быстро вскакиваетъ и одѣвается. Спѣшимъ на площадку. Свѣжо; по сторонамъ на травѣ и на хвѣ бѣлѣтъ морозный иней. Поѣздъ буквально ползетъ по горѣ. Направо, налѣво горы и горы, лѣсистые бока, остроконачныя и пологія вершины,—одни еще подъ снѣгомъ, другія обтаяли и покрыты жидкими елками и березками; глубоко внизу долина, полотно дороги, станція, красный силуэтъ водокачки.

— Это мы только что тамъ ѣхали,—объясняетъ какой-то незнакомый господинъ въ оленьей шапкѣ:—а сейчасъ будемъ спускаться, потомъ опять поднимемся, вотъ видите ту гору, вонъ, что съ просѣкой, еще снѣгъ наверху, такъ туда.—А вы здѣшній?—спрашиваю я.—„Да, изъ Златоуста—мастеръ съ завода“.—Вы здѣсь и родились?—„Да, и я родился, и отецъ, и дѣдъ, все поколѣніе; мы были раньше къ заводу приписаны еще до 61 года, ну, а потомъ и остались: дѣло знакомое.“

Мы спустились и идемъ по берегу быстрой узенькой рѣчки, бѣшено перепрыгивающей черезъ камни и стволы упавшихъ деревьевъ.

— Эта рѣчка «Ай»,—улыбаясь говорить нашъ спутникъ.

— Что за странное названіе?

— Татары такъ окрестили, потому-какъ она быстрая да холодная.

— А звѣрь у васъ тутъ водится?—интересуется кто-то изъ пассажировъ, видимо ярый охотникъ.

— Звѣря здѣсь нѣтъ, онъ живетъ подальше, туда къ югу,—тамъ и лѣсъ гуще, и горы выше.

— А тутъ такъ-таки ничего и нѣтъ?—съ огорченіемъ, чуть не со скорбью спрашиваетъ тотъ же пассажиръ.

— Нѣтъ, козы есть, кабаны, волки.

Мы недоумѣваемъ. Спутникъ смѣется и объясняетъ:

— Звѣремъ зовутъ у насъ медвѣдя, вотъ онъ-то тутъ и не держится: жить ему негдѣ, а живетъ тамъ, гдѣ лѣсъ погуще, заходитъ подчасъ и сюда, да рѣдко.

„Охотникъ“, видимо, оживляется, протискивается къ златоустовцу поближе и производитъ ему формальное интервью по части здѣшней охоты, мѣстныхъ охотниковъ, надлежащаго времени, способовъ облавы и т. д. Этотъ съ своей стороны радостно ему отвѣчаетъ: очевидно, одинъ почувялъ въ другомъ родную душу, и теперь ихъ не разольешь водой.

Мы сначала равнодушно прислушиваемся къ спортсменамъ, потомъ эта канитель намъ надоѣдаетъ, и мы начинаемъ любоваться чудной картиной, развертывающейся передъ нашими взорами.

Паровозы пыхтятъ, поѣздъ ползетъ на гору. А вонъ и Златоустъ!—Межъ двухъ горъ виднѣется что-то вроде озера и кругомъ него красиво раскинулся бѣлый городокъ.

Паровозы даютъ свистки; мы подъѣзжаемъ къ станціи. Благодаря ли раннему пробужденію и свѣжему, холодному воздуху, или разнообразію картинъ и большой массѣ совершенно новыхъ впечатлѣній, настроеніе приподнятое, хочется пѣть, прыгать и т. д. Мы весело соскакиваемъ съ площадки вагона и вприпрыжку, хохоча, словно дѣти, бѣжимъ къ вокзалу. Около вокзала лавочка съ чучелами звѣрей и издѣліями изъ уральскихъ камней. Мы подбѣгаемъ и покупаемъ себѣ по брелокъ-книжечкѣ изъ малахита.

— Сколько стоитъ?—спрашиваетъ докторъ, указывая перстомъ на чучело рыси.

— 28 руб.—слышится отвѣтъ. Мы смогримъ другъ на друга и хохочемъ. Продавецъ съ удивленіемъ смотритъ на насъ и тоже улыбается, а со слѣны задумчиво—грустно смотритъ голова горнаго козла, точно собираясь пожаловаться на то, что ее, гордую, голову отрѣзали и повѣсили въ такое неподходящее мѣсто.

Напившись кофе, выходимъ на платформу. Красивыя синія горы, голубое безоблачное небо, свѣжій душистый весенній воздухъ, весь этотъ аккордъ душевныхъ ощущеній производитъ опьяняющее дѣйствіе, мысли отсутствуютъ, ощутительны только лишь чувства полноты и восхищенія.

Спутники въ вагонѣ мало-по-малу пробуждаются. Конецъ стоитъ у окна.

— Вонъ-инъ благодать-то какая!—съ восхищеніемъ говорить онъ.—Лѣсу этого самаго сколько зря пропадаетъ; къ намъ бы, въ самарскую губернію бы его. И богатства же тутъ, помирать не надо, а вотъ, поди ты, никто, окромя косоглазыхъ, почитай, и не живетъ... А вотъ тутъ вотъ

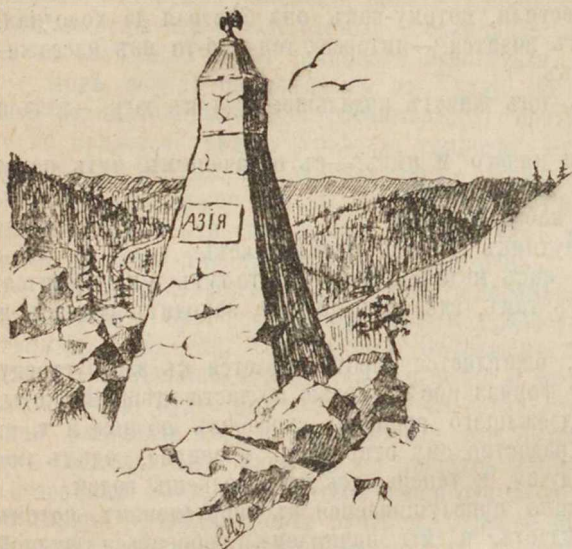

направо, баринъ, будетъ граница, гляди не прозѣвай, столбъ этакой каменный, на одной это сторонѣ будетъ Европа, а на другой Азія... занятно.

По сторонамъ бѣгутъ тѣ же горы, вблизи поросшія хвойнымъ лѣ-

сомъ, дальше синія и, наконецъ, легкимъ едва замѣтнымъ тономъ далеко, далеко сливаются съ горизонтомъ.

Проѣхали знаменитый столбъ съ надписью: „Европа-Азія“. Горы замѣтно понижаются, отступаютъ на задній планъ, подробности ихъ контуровъ постепенно исчезаютъ, наконецъ, онѣ становятся лишь чуть-чуть замѣтны на горизонтѣ фіолетовой зубчатой полосой. Появляются болѣе или менѣе широкія долины. Мы ѣдемъ степью. Степь ровная съ рѣдкими холмами,

Пограничный столбъ.

очень похожая на самарскую, но въ растительности замѣчается перемѣна. Появляются во множествѣ: желтый сибирскій поденѣжникъ, чрезвычайно красивый, съ пушистымъ серебристаго отлива желто-цвѣтникомъ.

Публика на каждой станціи бросается собирать ихъ и скоро почти у cadaго въ рукахъ красуется огромный желтый букетъ.

На горизонтѣ показываются какія-то постройки: станціонное зданіе и вокругъ него широко раскинувшійся городокъ—это Челябинскъ.

II.

С и б и р ь.

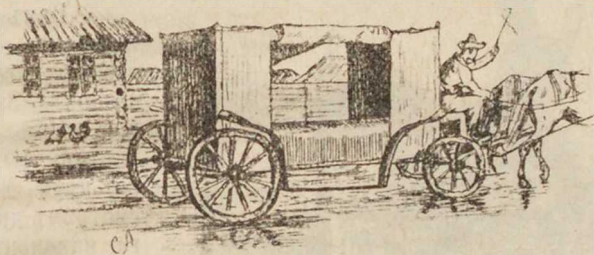
Когда-то Челябинскъ былъ маленькой незначительной деревушкой-станціей Оренбургской области и носилъ имя „Челяба“, а теперь съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги—это быстро растущій городъ. Теперь въ немъ насчитывается около 20,000 жителей, много конторъ, отдѣленій и магазиновъ извѣстныхъ фирмъ, между прочимъ, особенно распространенныхъ по всей Сибири, американской „Кунстъ и Альбертсъ“ и сибирской „Шелкуновъ и Метелевъ“.

Ждать намъ здѣсь около 3-хъ часовъ, а потому мы, наскоро пообѣдавъ, бѣжимъ осматривать городъ. У вокзала стоятъ извозчики въ такихъ оригинальныхъ экипажахъ, какихъ мы нигдѣ, кромѣ Челябинска, видѣть не приходилось. Экипажъ представляется собой крытую линейку, съ сидѣньемъ, идущимъ вдоль, крыша укрѣплена на четырехъ стойкахъ, промежутки между ними затянуты кожей, такъ что съ виду все сооруженіе похоже сразу и на древнерусскую колымагу, и на еврей-

скую балагулу, какія попадаются въ юго-западныхъ городкахъ и мѣстечкахъ; запрягаются эти колымаги парой или тройкой въ дышло. На улицахъ грязь чисто сибирская, перейти съ одной стороны на другую, не перепачкавшись, нѣтъ никакой возможности.

Прямо при вѣздѣ въ городъ идутъ лавки, базаръ, магазины, разныя мастерскія, конторы торговыхъ фирмъ и пр.; очевидно, это коммерческая часть, застроенная на скорую руку около вокзала съ проведеніемъ желѣзной дороги. Дальше идетъ нѣчто вродѣ центра; замѣтны слѣды досчатыхъ тротуаровъ, не видно торговыхъ ларей—это жилая часть; по сторонамъ тянутся безконечныя сѣрые заборы, такіе же сѣрые деревянные дома съ почерѣвшими отъ времени тесовыми крышами, довольно типичныя вообще для всѣхъ сибирскихъ селъ и городовъ; видна бѣлая камен-

Челябинскій извозчикъ.

ная церковь, еще дальше другая; наконецъ, дома все хуже и хуже, грязи больше, попадаются разломанные заборы—это конецъ города. Мы возвращаемся. Городъ, вѣроятно, довольно скучный, хотя на заборахъ кое-гдѣ мы видѣли расклеенныя афиши, гласящія, что въ городѣ находится „Паноптикумъ-музей“, и что сегодня малороссійской труппой, подъ управленіемъ Коваленко, будетъ исполнена „Наталка Полтавка“. Вся жизнь города, повидимому, сосредоточивается въ торговлѣ и поддерживается желѣзной дорогой. Челябинскъ служитъ отправнымъ пунктомъ Сибирской желѣзной дороги и узловой станціей для товаровъ, направляемыхъ изъ Сибири въ Россію и изъ Россіи въ Сибирь.

Благодаря желѣзной дорогѣ, вывозъ хлѣба изъ азіатской части Оренбургской губерніи и сосѣднихъ съ нею губерній сосредоточился въ Челябинскѣ, что, конечно, подняло его экономическое благосостояніе; мало-помалу, изъ деревушки онъ выросъ на степень города.

Въ Челябинскѣ надо пересаживаться въ поѣздъ Сибирской желѣзной дороги. Послѣ обычной суеты, бѣготни и безпокойства о вещахъ и багажѣ, мы, наконецъ, благополучно размѣщаемся въ вагонѣ, придерживаясь уже своей компаніи. До отхода поѣзда остается ровно часъ; дѣлать нечего, чай выпить, а потому мы безцѣльно блуждаемъ по платформѣ, глазѣмъ на публику, зданіе вокзала и т. д. Въ самомъ концѣ платформы шумъ и усиленное движеніе—это прибылъ изъ Россіи поѣздъ съ переселенцами. Бабы и мужики съ необыкновенной поспѣшностью таскаютъ изъ вагоновъ мѣшки, кадушки, сундуки, плачутъ маленькія дѣти, растерянно мечутся взрослые. Судя по языку, это хохлы изъ Кіевской или Полтавской губерніи. Челябинскъ и для переселенцевъ узловая станція. Здѣсь они, обыкновенно, регистрируются для переселенческой статистики. Иногда, такимъ образомъ, ихъ скопляется тысячь до 2—3-хъ. Для размѣщенія ихъ около станціи

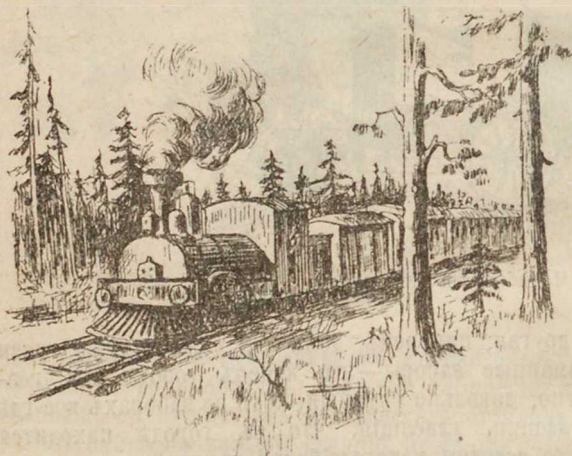
построенъ такъ называемый переселенческій пунктъ, гдѣ они живутъ въ баракахъ, получаютъ горячую пищу и, въ случаѣ нужды, медицинскую помощь. Такіе пункты устроены на многихъ большихъ станціяхъ Сибирской желѣзной дороги, на всемъ ея протяженіи отъ Челябинска до Хабаровска и Владивостока. Ждать въ Челябинскѣ имъ приходится отъ двухъ дней до недѣли и больше.

— Откуда, дядя?—спрашиваю усаго хохла, угрюмо сосущаго „дюльку“.

— Кіевской губерніи.—хмуро отвѣчаетъ „дядя“, очевидно уже тысячу разъ слышавшій тотъ же вопросъ.

— А куда переселяетесь?

— Въ Южно-Уссурийскій край,—нехотя отвѣчаетъ переселенецъ и, очевидно, не желая продолжать разговоръ, поворачивается къ намъ спиной.

Намъ второй звонокъ; мы бѣжимъ къ своему вагону. Третій звонокъ. Залился трелью оберъ. Проходятъ двѣ минуты, три, четыре, пять. Мы удивленно смотримъ другъ на друга; наконецъ, раздается могучій ревъ паровоза; вагонъ скрипитъ, вздрагиваетъ; вдругъ страшный толчекъ; мы стучаемся лбами; сверху летитъ корзина. Значитъ, поѣздъ тронулся.

— Сибирь, Азія проклятая, — говоритъ инженеръ, потирая лобъ

рукой.

Поѣздъ мчитъ по ровнымъ полямъ, на которыхъ работаютъ казаки въ фуражкахъ съ синими околышами и кокардой.

Это Барабинская степь. Когда мнѣ сказали, что это Барабинская степь или, какъ ее здѣсь называютъ „Бараба“, я не повѣрилъ, до того картина, которая видѣлась по сторонамъ, не вязалась съ нашимъ привычнымъ представленіемъ о „степи“. Мнѣ приходилось видѣть южныя украинскія и черноморскія степи; недавно мы проѣзжали степи оренбургскія — все это были ровныя, безлѣсныя поля, пустынные, съ необычайно широкимъ горизонтомъ; изрѣдка попадаются кустарники и больше никакой растительности, кромѣ безконечнаго моря травы. Барабинская степь совершенно не походитъ на только-что названныя. Это равнина, довольно густо поросшая отдѣльными группами березняка, съ виду она довольно оригинальна и даже, пожалуй, своеобразно красива: нѣтъ той пустоты и одиночества, какое испытываешь въ русскіихъ степяхъ. Бараба далеко не безводна; хотя рѣчное водоснабженіе ея и ограничивается лишь системой Оби, зато по всей степи разбѣяно множество озеръ, частью прѣсныхъ, частью соленыхъ (послѣднія размѣщены южнѣе, ближе къ Алтаю). Отъ Петропавловска до Омска озера часто встрѣчаются у полотна желѣз-

ной дороги. Берега однихъ совершенно пустыни, другія же живописно окружены березками и напоминаютъ собою оазисы среди пустыни.

Въ степи попадаются изрѣдка конныя фигуры киргизовъ, на станціяхъ они составляютъ большинство станціонной публики. Въ своихъ оригинальныхъ халатахъ и огромныхъ лисьихъ или волчьихъ шапкахъ—малахалхъ, они напоминаютъ о томъ, что находишься въ Азіи.

Азія и, въ особенности, Сибирь и сибирскіе порядки сказываются, между прочимъ, и еще во многомъ. Съ самаго начала пути нашъ поѣздъ, именуемый почтовымъ, или официально, „№ 4“, начинается опаздывать, такъ что за первыя сутки мы опаздываемъ уже на 1 ч. 15 мин.

— А такъ какъ до Иркутска ѣзды 7 сутокъ,—вычисляетъ докторъ, то мы обязаны опоздать часовъ на 8.

— Или, выражаясь языкомъ математическимъ, опозданіе равняется суммѣ арифметической прогрессіи, у которой первый членъ равенъ 0, разность 1 ч. 15 мин., и число членовъ 7, слѣдовательно, подставивъ въ формулу числовыя величины, получимъ... ровно 8 часовъ 15 минутъ,—пытается со- стрить инженеръ.

Вообще, мы ѣдемъ не спѣша: на станіяхъ стоимъ много дольше положеннаго времени, то ждемъ встрѣчнаго поѣзда, то просто по неизвѣстной причинѣ; отправляемся какъ бы нехотя, точно машинисту жаль разстаться съ каждой станціей; въ пути дѣлаемъ не больше 30 верстъ въ часъ.

Но къ дорогѣ все уже привыкли, времени остается впереди еще много, и ни опозданіе, ни медленность ѣзды никого уже не огорчаетъ. Къ положенію въ ваговѣ мы тоже уже привыкли и устроились въ немъ, какъ дома, даже того, что поѣздъ двигается, а не стоитъ на мѣстѣ, кажется, уже никто не замѣчаетъ. Въ нашемъ купѣ публика серьезная, а потому мы или пьемъ безконечный чай и ведемъ споры по поводу важныхъ и не- важныхъ вопросовъ или сидимъ молча, уткнувшись въ книгу; курить въ нашемъ купѣ общимъ постановленіемъ, по инициативѣ инженера, воспре- щено, а потому воздухъ у насъ сравнительно чистый, и мы живемъ даже съ комфортомъ. Зато въ сосѣднемъ купѣ гвалтъ невообразимый; тамъ собралась компанія комми-вожеровъ, и они отчаянно рѣжутся въ сту- колку. Въ другомъ сосѣднемъ купѣ направленіе романическое — тамъ ѣдетъ до Иркутска какая-то дама съ дѣвицей, вѣроятно, племянницей, за которой усиленно увивается хлыщеватаго вида межевой чиновникъ. При остановкахъ въ вагонѣ поднимается бѣготня; бѣгутъ, кто за чаемъ, кто на базаръ. Кстати сказать, путешествіе по Сибирской желѣзной дорогѣ, несмотря на нѣкоторыя невзгоды, сопряжено съ большими удобствами, и пропитаніе, напр., стоитъ гораздо дешевле, чѣмъ въ Россіи: на каждой станціи либо стоитъ огромный самоваръ съ бесплатнымъ кипяткомъ, либо имѣется особое зданіе водогрѣйки, на каждой же почти станціи имѣется базаръ, гдѣ сибирскіе крестьянки продаютъ молоко, варенныя яйца, жаре-

ныхъ куръ, гусей, рябчиковъ, куропадокъ, поросятъ и пр., иногда можно купить горячую котлету, правда, довольно подозрительную; всё продукты очень дешевы, такъ что спервоначалу мы только удивлялись дешевизнѣ и объѣдались во всю.

— Господа!—вѣтаетъ въ купѣ докторъ, неся въ бумагѣ какую-то снѣдь,—это прямо поразительно! — половина поросенка—20 копѣекъ! жареная утка—15 коп! Удивительно! Пирουμεъ по сему случаю!.. А вы что приобрѣли?

У инженера замѣчаются вегетаріанскія наклонности, поэтому онъ всегда покупаетъ молоко или яйца; на этотъ разъ у него оказываются двѣ бутылки молока.

— И всего по 5 копѣекъ!—восторженно восклицаетъ онъ.

Я иду за кипяткомъ, и мы начинаемъ „пировать“, что повторяется каждый день съ тѣхъ поръ, какъ мы отъѣхали отъ Челябинска.

Въ Омскѣ мы ночью. На другой день опять безконечная „Бараба“, и лишь полъ вечеръ мы подъѣзжаемъ къ Оби. Черезъ Обь довольно большой мостъ такого же типа, какъ и на Волгѣ, но значительно короче.

На противоположномъ берегу широкой полосой раскинулся поселокъ Ново-Николаевскій. По своей величинѣ—это городъ, такъ же, какъ и Челябинскъ, быстро разросшійся, благодаря желѣзной дорогѣ. Въ настоящее время это большое торговое село съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ; здѣсь, кромѣ желѣзнодорожной станціи „Обь“, съ паровознымъ депо и мастерскими, находится еще и судовая пристань.

Обь—судоходная рѣка, шириной мало уступающая Волгѣ, но гораздо глубже ея и служить воднымъ путемъ сообщенія для Тюмени, черезъ Иртышъ, и Семипалатинска. Ново-Николаевскій поселокъ—точка пересѣченія между двумя великими торговыми путями: воднымъ и желѣзнодорожнымъ, почему онъ съ каждымъ годомъ замѣтно увеличивается и скоро, вѣроятно, превратится въ торговый городъ.

Потѣдъ стоитъ здѣсь 2 часа, а потому мы съ докторомъ собираемся посмотреть поселокъ. Кромѣ пристани, оживленно-шумной и хлопотливой, поселокъ на взглядъ не представляетъ ничего интереснаго—это типичное сибирское село съ сѣрыми деревянными домиками, крышами и заборами; впрочемъ, иногда рядомъ съ развалившимися хибарками попадаются двухъ-этажные, пестро разрисованные дома, довольно нескладной архитектуры, чѣмъ поселокъ напоминаетъ внезапно разбогатѣвшаго кулака, у котораго изъ подъ-англійскаго смокинга выглядываетъ ситцевая рубашка.

Грязь, конечно, невылазная. Кое-гдѣ на улицахъ, несмотря на конецъ апрѣля, еще лежитъ снѣгъ.

У вокзала и по улицамъ, которыхъ, кажется, здѣсь всего двѣ, стоятъ извозчики въ сибирскихъ кошевыхъ. По улицамъ, по случаю праздника, сидитъ и разгуливаетъ публика, пощелкивая кедровые орѣхи, которые здѣсь въ гораздо большемъ употребленіи, чѣмъ въ Россіи подсолнухи. Эти орѣшки носятъ здѣсь оригинальное названіе „сибирскіе разговоры“ и, кажется, иногда, дѣйствительно, съ большимъ успѣхомъ замѣняютъ русскіе пересуды и „перемываніе косточекъ“.

Удовлетворивъ нашу любознательность, мы возвращаемся въ вагонъ. Инженеръ съ пытѣньемъ и проклятіями укладываетъ свои вещи: черезъ нѣсколько перегоновъ ему пересадка на Тюмень, до котораго отъ главнаго пути идетъ вѣтвь. На станціи „Тайга“ мы съ нимъ трогательно прощаемся и ѣдемъ дальше только вдвоемъ. Заключается молчаливое соглашеніе давать отпоръ новымъ пассажирамъ, для чего всѣ четыре койки

баррикадируются чемоданами, корзинами, подушками и пр. Но, несмотря на наше единодушное сопротивление, къ намъ таки сажаютъ какого-то господина въ сѣрой шляпѣ съ умнымъ интеллигентнымъ лицомъ въ очкахъ. Онъ деликатно отодвигаетъ наши вещи, очищая мѣсто; мы моментально смѣняемъ прежнюю суровость и неприступность на самую утонченную любезность и съ нѣсколько сконфуженнымъ видомъ бросаемся убирать свое имущество.

Убравши баррикады, мы предлагаемъ новому спутнику чаю. Завязывается обыкновенный въ этихъ случаяхъ разговоръ: онъ узнаетъ, кто мы, откуда и куда ѣдемъ, мы узнаемъ, кто онъ. Новый знакомый оказывается желѣзнодорожнымъ служащимъ, ѣдущимъ по службѣ въ Красноярскъ.

Утромъ меня разбудилъ докторъ.

— Эй, вы, художникъ, вставайте, тайгой ѣдемъ, смотрите скорѣе! Всакиваю и смотрю въ окно. Дорога идетъ тайгой, по сторонамъ

тянется лѣсная чаща, внизу густо заросшая, съ длинными тощими стволами елей, почти лишенными вѣтвей и хвои и похожими на исполинскій бурьянъ. Кое-гдѣ одиноко высятся стройныя сосны съ шапкой хвои на макушкѣ и съ обломаннымъ уродливо, точно искалѣченные руки, торчащими вѣтвями. Лѣсъ хвойный довольно низкій, кое-гдѣ попадаются поляны, проносятся мимо длинныя тощія березки, торчатъ обгорѣлые пни, лежать, словно трупы, огромныя лѣсные великаны, изрѣдка встрѣчается болотце; растительность вокругъ него еще унылѣе и чахлѣе и уже положительно напоминаетъ нашъ осенній бурьянъ гдѣ-нибудь на задворкахъ уѣзднаго городишка, только все это увеличено, точно смотришь черезъ телескопъ.

Эта картина до такой степени не отвѣчала моимъ представлѣніямъ о тайгѣ, сложившимся до поѣздки въ Сибирь, что я невольно воскликнулъ:

— Да это не тайга.

— Нѣтъ, это тайга, — улыбается новый пассажиръ, — и притомъ самая настоящая.

— Я представлялъ ее себѣ совершенно иной. Тайга мнѣ казалась густымъ громаднымъ, почти непроходимымъ хвойнымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ огромныхъ стройныхъ сосенъ и гигантскихъ елей, лѣсомъ сырымъ и темнымъ безъ полянъ и просвѣтовъ внизу, дѣйствительно, стоящимъ стѣной, населеннымъ множествомъ звѣрей и птицъ и т. д. Вотъ какой представлялась мнѣ тайга! А это не то, это, если хотите, вступленіе въ тайгу, такъ сказать, увертюра.

— Да есть и такой лѣсъ, только не вездѣ, хотя ваше воображеніе все-таки довольно-таки сгустило краски. Непроходима и эта тайга, — по-

крайней мѣрѣ, проѣхать по ней трудно и, кромѣ московскаго тракта, идущаго черезъ всю Сибирь, другихъ дорогъ, исключая верховыхъ тропъ, здѣсь нѣтъ. Благодаря непроходимымъ дебрямъ, здѣсь постоянная сырость, влѣдствіе чего почва болотистая, а на такой почвѣ, кромѣ чахлой растительности, ничего и не можетъ быть, отъ густоты же вытянулись до такой колоссальной вышины вонъ и эти ели; кромѣ того, здѣсь бываютъ каждый годъ по нѣскольку разъ лѣсные пожары; вонъ дальше, можетъ быть, сами увидите: они уже теперь начинаются, отъ нихъ выгораетъ масса лѣса, а потому особенной густоты тайги и ждать нельзя. Да и не культивируется она—это тоже важно.

— Но, какъ же, вѣдь кому-нибудь принадлежитъ же этотъ лѣсъ, какъ же можно допустить, чтобъ цѣнность пропадала, хотя бы, наприкладъ, отъ пожаровъ?

— Да, вонъ въ этихъ мѣстахъ тайга принадлежитъ частью казнѣ, частью крестьянамъ. Ну, казнѣ этотъ лѣсъ, пока что, безынтересенъ: у казны имѣются еще сосновые боры съ мачтовымъ лѣсомъ, который она, дѣйствительно, бережетъ, а этого она и беречь даже не можетъ; лѣсные участки огромные, людей мало, впору услѣдить только за борами, которые даютъ доходъ, а это пока мертвый капиталъ.

— А крестьяне?

— Крестьяне? да имъ-то что за печаль? на свой обиходъ имъ по-вѣкъ хватить, а для промысла здѣсь нѣтъ путей сообщенія; вонъ около желѣзной дороги, большихъ рѣкъ, ну тамъ еще какъ-нибудь сплавляютъ, а здѣсь вѣдь его и везти не на чемъ. Да, потомъ, что могутъ крестьяне подѣлать съ пожарами? Да и зачѣмъ это имъ, когда они же сами нарочно пожары-то устраиваютъ.

— То-есть, какъ нарочно?

— Да такъ. Есть, допустимъ, у Петрова или Сидорова сѣнокосъ въ тайгѣ; чтобъ лучше росла трава, надо старую выжечь, ну, вонъ онъ и запаливаетъ; выгораетъ трава, выгораетъ и лѣсъ, а иногда выгораютъ и деревни... вонъ вамъ и сообразительность. Правда, иной разъ виноваты въ пожарѣ паровозы, охотники, бродяги; бросаютъ костеръ не потушивши, ну и готово, здѣсь эта музыка очень легко дѣлается. Но, вообще говоря, эти челдоны достаточно-таки безхозяйственны, лѣнны, рутинны; поселенцы,—вонъ тѣ кула расторопнѣй—это вѣдь наши культуртрегеры Сибири.

— Кто такіе эти „челдоны“? это инородцы, что ли?

— О нѣтъ, это коренные сибиряки; ихъ окрестили такимъ именемъ поселенцы. Въ Сибири существуетъ три главныхъ народныхъ типа: челдонъ—коренной сибирякъ, поселенецъ—уголовно-ссыльный, и самоходъ—такъ зовутъ въ настоящее время добровольныхъ переселенцевъ изъ Россіи. Челдоны—это очень любопытный народъ. Когда я попалъ въ Сибирь лѣтъ шесть тому назадъ, мнѣ пришлось долго прожить въ Енисейской губерніи; тогда я, собственно, и познакомился съ населеніемъ. Тогда я и узналъ, какіе хозяева эти самые челдоны, и что они для земледѣльческой культуры, если таковая возможна въ таежной мѣстности, совершенно не годятся. Взять, къ примѣру, какъ они обрабатываютъ землю; видите вы, вонъ какъ разъ на полянѣ участокъ пашни?—Очень жаль, что теперь весна и на немъ ничего не растетъ, да еще поѣздъ идетъ такъ быстро, что очень трудно разсмотрѣть качество обработки, а то бы вы видѣли, что земля еле-еле всковыряна. Да и какая это работа, если выѣдетъ челдонъ-пахарь, пройдетъ пять-шесть бороздъ, и отдыхать; пить чай часа два, потомъ опять нѣсколько бороздъ, опять отдыхъ и чай, и такъ безъ конца; ну, конечно,

работа, сами можете судить, какая... Вообще, чай пьютъ они, можно сказать, при каждомъ удобномъ случаѣ. Зимой они только и дѣлаютъ, что съ небольшими перерывами пьютъ чай, да пьютъ-то какъ оригинально: чай кирпичный, гадость порядочная самъ по себѣ, а они пьютъ его еще, конечно, безъ сахару, но зато, съ лукомъ, солью, хлѣбомъ и т. д.

— Ну, не всё, вѣроятно, такъ проводятъ зиму, вѣдь приходилось читать, что зимой сибиряки занимаются рубкой лѣса и заготовляютъ матеріалъ на весну для сплава плотовъ...

— Ну, это только тамъ, гдѣ есть казенные лѣса, удобные для сплава рѣки, вообще, гдѣ лѣсъ представляетъ нѣкоторую цѣнность, а здѣсь, прежде, кто жилъ близко отъ тракта, занимались извозомъ, возили пассажировъ и почту, а съ проведеніемъ желѣзной дороги этотъ промыселъ самъ собой исчезъ, и имъ больше ничего не остается, какъ лежать да пить чай; кое-кто, правда, занимается охотой, пушнымъ промысломъ, для чего иногда уходятъ и уѣзжаютъ очень далеко, верстъ за 300—400, и на югъ, къ Минусинску, и на сѣверъ, бьютъ бѣлокъ, лисицъ, горностаевъ, медвѣдей; осенью охотятся на козъ и оленей, хотя послѣдніе встрѣчаются только ближе къ Иркутску, и южнѣе. Да и этотъ промыселъ, перешедшій къ современному поколѣнію по наслѣдству отъ обитателей глухой тайги, гдѣ ни земледѣліе ни лѣсная торговля не могли быть прибыльными, здѣсь мало кѣмъ примѣняется.

— А насколько въ этихъ мѣстахъ прибыльно полевое хозяйство?

— Какъ вамъ сказать? Я самъ одно время пробовалъ заниматься имъ, но слава Богу во время бросилъ.

— А что?

— Да то, что дѣло это здѣсь требуетъ много труда, большихъ знаній и денегъ. Вести хозяйство такимъ образомъ, какъ ведется оно крестьянами, можно только при наличности бесплатной рабочей силы, а при наемной обработкѣ овчинка выдѣлки не стоитъ: рабочіе руки дороги, да и не всегда ихъ можно достать, такъ какъ занимаются почти исключительно поселенцы или всякій бездомный бродячій людъ, а, стало-быть, для того, чтобы нанять работника, надо ждать случая. Впрочемъ, въ большихъ селахъ это теперь упростилось, и предложеніе иногда даже превышаетъ спросъ, а въ глухой тайгѣ все идетъ по-прежнему: волна пришлыхъ людей туда еще не дохлынула. Затѣмъ большое препятствіе для земледѣлія представляетъ еще и климатъ.

— Лѣто здѣсь, хотя и жаркое—жара доходитъ иногда до 35°, а иногда и 40°—но относительно короткое, а главное, страшно капризное. Земля обнажена отъ снѣга съ конца апрѣля по конецъ сентября, значить, пять мѣсяцевъ—время достаточное; но иногда въ полѣ, когда хлѣбъ только что наливается, выпадаютъ морозы, и, конечно, весь урожай пропадаетъ, что, между прочимъ, и случилось въ прошломъ году, когда хлѣбъ вымерзъ на корню... Все это отражается, конечно, на благосостояніи населенія, а, главнымъ образомъ, отъ этого страдаютъ новоселы-переселенцы, еще не осѣвшіе, какъ слѣдуетъ, и не приспособившіеся къ мѣстнымъ условіямъ. Особенно плохо приходится хохламъ, за то они уже пронюхали эту исторію, и теперь сюда почти не переселяются. Къ намъ идутъ бѣлоруссы—могилевскіе, смоленскіе, изъ великорусскихъ губерній, но переселяются вообще не много, такъ что Енисейская и Иркутская губерніи до сихъ поръ, кажется, служатъ мѣстомъ ссылки, какъ и Якутская область.

— Странно, до сихъ поръ держитея у насъ въ Россіи укоренившееся мнѣніе, что Сибирь это золотое дно, въ особенности, съ проведеніемъ до-

роги; по вашимъ словамъ этого не видно. Гдѣ же эти богачи-заимочники, живущіе чуть не помѣщиками, гдѣ пріиски, на которыхъ деньги колоссально дешевы? Есть вѣдь и до сихъ поръ это?

— Да, есть, и мнѣніе о золотомъ днѣ, пожалуй, вѣрно, но все это въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Дорога, правда, принесла огромную пользу Сибири, но пока только узкой полосѣ ея, верстѣ на 100, ну, самое большее двѣсти въ обѣ стороны отъ линіи. Благодаря желѣзной дорогѣ, здѣсь, какъ вы знаете, развилась совершенно новая хозяйственная отрасль—молочное хозяйство, главнымъ образомъ, маслосдѣліе, но это только въ мѣстности, прилегающей къ пути, а дальше, сами посудите, какой расчѣтъ производить масло, когда доставлять его до желѣзнодорожной станціи можно только черезъ двое-трое сутокъ, да еще иногда вьючнымъ путемъ?—Точно также и пріиски. Въ районѣ пріисковъ, положимъ, въ Маріинскомъ округѣ, конечно, живетъ относительно недурно, еще и до сихъ поръ оттуда уходятъ иногда съ очень большими деньгами, жизнь тамъ, если хотите—разливанное море, деньги швыряются зря, но какая краю-то отъ этого польза? вѣдь, кромѣ золотопромышленниковъ и лицъ, причастныхъ къ пріискамъ, никто ничего не получаетъ; правда, окрестное населеніе порядочно зарабатываетъ торговлей, но оно же и терпитъ отъ пріисковъ: нигдѣ не случаются такъ часто кражи и убійства, какъ на пріискахъ, хотя, опять-таки надо сказать, эти операціи вообще не въ диковину и для остальной Сибири. Тѣхъ богачей-заимочниковъ, о которыхъ вы говорили, и о которыхъ писалъ, положимъ, Короленко, теперь осталось очень мало. Большинство вѣдь изъ нихъ жило на тракту, и богатѣло разными темными способами, отъ содержанія постоянныхъ дворовъ и почтовыхъ лошадей, до кражъ и грабежей включительно; нѣкоторые еще и теперь проживаютъ награбленные деньги. Съ уничтоженіемъ московскаго тракта само собой вышло, такъ что и имъ пришлось сниматься съ насиженныхъ гнѣздъ. Одни пристроились на желѣзной дорогѣ, занялись торговлей на станціяхъ и въ городахъ, не прекращая и темныхъ операцій; другіе перебрались на боковые тракты, или за Байкалъ, гдѣ промышленяютъ тѣмъ же, и только тѣ, у которыхъ были деньги, остались на мѣстѣ и занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ, ведутъ торговлю масломъ и мало-по-малу превращаются въ капиталистовъ... Однако, господа, я надѣлся вамъ, должно быть порядочно своей болтовней; впрочемъ, скоро Красноярскъ, тамъ я слѣзю.

— Нѣтъ, что вы, пожалуйста; мы съ большимъ любопытствомъ слушаемъ васъ: все, вѣдь, это для насъ совершенно ново, а потому, конечно, чрезвычайно интересно.

— Да, всѣ эти вопросы очень интересны и для насъ. Сибирь—молодая страна, и для ея развитія они имѣютъ не маловажное значеніе. Хотя такъ говорить, конечно, нельзя; Сибирь—это слишкомъ обширное понятіе, а всѣ эти вопросы касаются лишь определенныхъ уголковъ ея. Культурное развитіе Сибири очень своеобразно, и именно тѣмъ, что культура почти не касается всей страны—такъ велика ея площадь—а каждый городъ, каждый уголокъ развивается самостоятельно, даже больше,—культура касается только наиболѣе населенныхъ мѣстъ ея—городовъ.

— Вы изъ Красноярска?

— Нѣтъ, изъ Томска, но хорошо знаю и Красноярскъ, такъ какъ жилъ тамъ три года.

— Скажите, что за города Томскъ и Красноярскъ?

— Довольно неясный вопросъ, что это за города? Томскъ, напримѣръ, городъ мало чѣмъ отличающійся отъ русскіихъ городовъ. Вообще я за-

мѣтилъ, что публика, прибывающая сюда изъ Россіи, всегда удивляется, что сибирскіе города очень похожи на російскіе. Однажды, когда я кому-то изъ такихъ господъ сказалъ, что въ Красноярскѣ имѣется телефонъ, онъ съ величайшимъ изумленіемъ переспросилъ: «телефонъ? да не можетъ быть!» до того это показалось ему поразительнымъ, что въ какомъ-то Красноярскѣ, лежащемъ чуть ли не тамъ, куда даже и знаменитый Макарь не рѣшается гонять телятъ, имѣется вдругъ „телефонъ“, о чемъ многимъ російскимъ городкамъ приходится еще лишь мечтать. По типу, правда, сибирскіе города отличаются отъ російскихъ: деревянные некрашенные дома, деревянные крыши, досчатые тротуары, все это въ Россіи большая рѣдкость, но и въ сибирскихъ городахъ они встрѣчаются теперь уже только на окраинахъ, въ центрѣ же почти всегда преобладаютъ постройки общегородского типа. Зато обыватели нашихъ городовъ куда интеллигентнѣе, чѣмъ въ російскихъ; это и я замѣтилъ, когда только что пріѣхалъ сюда, да и отъ многихъ приходилось слышать то же самое. Произошло это, вѣроятно, оттого, что Россія, по странному недоразумѣнію, высылала въ Сибирь лучший элементъ въ смыслѣ культурности. Политическіе ссыльные, напримѣръ, очень много сдѣлали и теперь дѣлаютъ для развитія культурности въ Сибири. Да иначе и быть не можетъ: человѣкъ, выхваченный сразу изъ культурнаго общества и притомъ почти всегда изъ najbolше лучшей его части и пересаженный на новое мѣсто, даже совершенно дикое, если не погибаетъ, то переноситъ съ собой сюда свои культурные интересы, привычки, что, конечно, мало-по-малу перенимается окружающими. А такъ какъ пересадки такого рода совершались и совершаются довольно часто и притомъ почти всегда въ изрядномъ количествѣ, то ясно, что возможность развитія у сибиряковъ была гораздо большая, чѣмъ у російской публики. Дальше вы сами въ этомъ убѣдитесь и встрѣтите, напримѣръ, между фельдшерами, машинистами, конторщиками вполне интеллигентныхъ людей, тогда какъ въ Россіи подобный господинъ представляетъ собою, можно сказать, раритетъ, о которомъ можно писать въ газетахъ. Теперь огромное большинство сибирской молодежи ѣдетъ получать высшее образованіе не только въ Томскъ, Петербургъ и Москву, но въ Берлинъ, Мюнхенъ, Парижъ, Швейцарію и т. д., и современемъ Сибирь будетъ имѣть своихъ врачей, инженеровъ, юристовъ, а въ развитіи опередитъ Россію на много лѣтъ.

— Ну, положимъ!

— Вотъ вамъ и положимъ. А что, господа, какъ вы относительно обѣда?—вдругъ перебилъ самъ себя нашъ собесѣдникъ.

— Что-жъ, идемте.

Въ Красноярскѣ попадаемъ вечеромъ, въ сумеркахъ на горизонтѣ рисуются горы, стальная полоса Енисея, огоньки, неясные силуэты построекъ; вокругъ вокзала мягко свѣтятъ большіе электрическіе шары. На вокзалѣ движеніе, шумъ, оживленіе.

— Мы останавливаемся и разглядываемъ толпу.

— Обыватель-то совсѣмъ, какъ у насъ, вотъ штука-то, Господи ты Боже!—восхищается докторъ, закуривая.

— Только этотъ проснулся. Нашъ тотъ, словно рыба въ кадущкѣ, а этотъ вишь-ты такъ и бурлитъ. Вотъ-те и Азія! Чудеса, братцы!

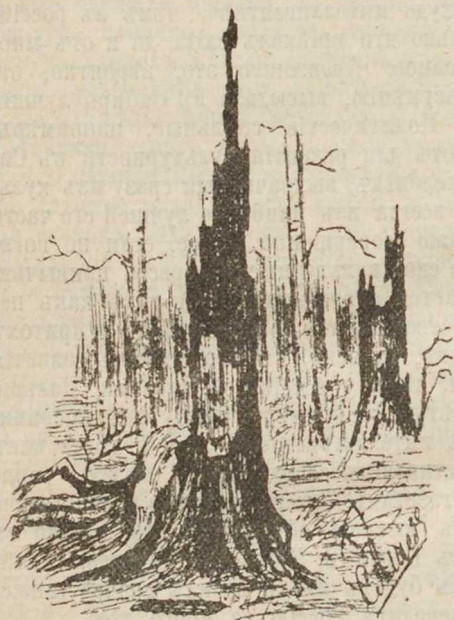
— Ну, вы, полагаю, слышали, интеллигентъ-то повѣствовалъ, вѣдь, пожалуй, правда.

— Почему неправда,—вонъ посмотрите типъ, тотъ въ пенснэ, ну, прямо писатель, радикалъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Говоритъ этакъ, должно быть, молодымъ баритончикомъ, горячо, убѣжденно, а вонъ смо-

трите, смотрите, интеллигентка стриженная, ахъ, ты, Господи! Должно, курси́стка высланная. Ну, ей-Богу, если бы не вонъ эта азіатская морда въ малахѣ, ни за что не повѣрилъ бы, что это Красноярскъ и Сибирь.

Уѣзжаемъ изъ Красноярска ночью, такъ что, кромѣ огоньковъ и еще свѣтлѣющей полосы Енисея, ничего не видно. На обратномъ пути въ Россію мнѣ пришлось остановиться въ Красноярскѣ на нѣсколько дней, и тогда я осмотрѣлъ его подробно. Это очень красивый и по внѣшности и по мѣстоположенію городъ, чему очень способствуютъ довольно высокіе отроги Саянскихъ горъ и Енисей. Если смотрѣть на Красноярскъ издали съ горъ, онъ напоминаетъ собой, что-то вродѣ крымскихъ или кавказскихъ городовъ. Окрестности Красноярска, кромѣ художественной красоты, полны всякихъ фокусовъ природы; ими особенно изобилуетъ притокъ Енисея, Мана. Въ 6 верстахъ отъ Красноярска находятся знаменитые почти на всю Сибирь такъ называемая «столбы». Это огромныя скалы, дѣйствительно, торчащія тремя высокими куполообразными столбами. Одинъ изъ нихъ похожъ на такъ назыв. «чортовъ палецъ», какіе образуются въ пескѣ отъ удара молніи, только увеличенный во много миллионовъ разъ. Всѣ они съ большимъ вкусомъ, точно какимъ-нибудь художникомъ-гигантомъ разукрашены тамъ и сямъ разбросанными березками, соснами и елями. «Столбы» излюбленное мѣсто прогулокъ красноярскихъ обывателей и, благодаря этому, имѣютъ уже «культурный» видъ; теперь тамъ построены шалашики, камни испещрены всевозможными надписями, инициалами и пр., все это, конечно, портитъ природную художественность.

Интеллигентный пассажиръ въ Красноярскѣ слѣзъ. Мы съ докторомъ остаемся въ купѣ вдвоемъ, и на этотъ разъ насъ ужъ не тревожитъ болѣе никто. На слѣдующій день опять безконечно-однообразная тайга. Кое-гдѣ попадаются уже небольшія горы—отроги Саяновъ. По дорогѣ обгоняемъ переселенческій поѣздъ. Красные товарные вагоны переполнены людьми. Изъ отворенныхъ дверей вагоновъ видно множество головъ, съ любопытствомъ провожающихъ пассажирскій поѣздъ, молодая баба съ замѣчательно симпатичнымъ лицомъ грустно смотритъ на пробѣгающій поѣздъ, мелькаетъ хорошенъкая фізіономія дѣвочки съ большими карими глазами, дальше бородатый мужикъ равнодушно смотритъ въ одну точку: очевидно, долгая дорога и утомленіе отбили у него всякій интересъ къ окружающему міру. За красными-переселенческими—большой сѣрый вагонъ съ надписью «санитарный», изъ окна усталыми голубыми глазами разглядываетъ публику кудлатый студентъ-медикъ, сопровождающій поѣздъ. Типичныя лица переселенцевъ, типичные костюмы и говоръ производятъ такое впечатлѣніе, будто получилъ вѣсточку съ родины; невольно переносишься туда, далеко

домой, гдѣ, какъ кажется, иначе свѣтитъ солнце, гдѣ теперь все цвѣтетъ и зеленѣетъ, гдѣ эти люди кажутся не жанровой картинкой, выхваченной изъ прекраснаго далека, отъ вишневыхъ садовъ и стройныхъ тополей, а настолько гармонируютъ съ природой, что ступевываютъ и не обращаютъ на себя вашего вниманія.

Сообщаю свои впечатлѣнія доктору.

— Эхъ вы «художникъ», все бы вамъ жанръ да пейзажъ, вы бы вотъ лучше подумали, какой голодъ и какая нужда заставила этотъ жанръ покинуть свой пейзажъ и пуститься бродяжить къ «чертямъ на кулички»! Т. е., будь я на ихъ мѣстѣ, ну, ни за какія коврижки не согласился бы отправиться въ такую чортову даль. А вѣдь ѣдутъ, чортъ ихъ подери, и, что хуже всего, ѣдутъ—на-авось, хорошо еще и сами не зная-куда затащить ихъ судьба, ѣдутъ для того, чтобы черезъ годъ вернуться на родину, «гладну, босу и неприкрыту».

Я сконфуженно молчалъ.

Мы прилипли къ окну.

На горизонтѣ лиловая полоса лѣса мало-по-малу заволакивалась синеватымъ туманомъ; кое-гдѣ бѣлѣли густыя облака дыма—это было, какъ оказалось, начинало таежнаго пожара. Къ вечеру въ воздухѣ начало сильно пахнуть гарью; небо приняло желтый оттѣнокъ, красное солнце низко остановилось надъ лѣсомъ, дымъ сгустился все больше и больше—мы въѣзжали въ область пожара. Ночью за Нижне-Удинскомъ пожаръ принялъ фантастическій видъ; онъ не походилъ на обыкновенный пожаръ; нигдѣ не было видно ни большого зарева, ни сильнаго огня: вѣдѣствие сырости тайга «тлѣла», огонь перескакивалъ по сухимъ вѣткамъ и стеблямъ прошлогодней травы и бурьяна и только въ наиболѣе сухихъ мѣстахъ, изобилующихъ валежникомъ, разгорался въ большое, яркое пламя. Эти одинокіе огоньки въ темнотѣ ночи представляли удивительно красивое зрѣлище; казалось, что мы въѣхали въ огромный городъ, что по горамъ разбросано безчисленное количество домовъ; иногда огоньки выстраивались въ одну прямую линію и тогда похожи были на линію сторожевыхъ костровъ какого-нибудь несмѣтнаго полчища, расположившагося на ночлегъ по окрестнымъ горамъ и долинамъ. Дальше по пути огонь постепенно приближается къ линіи желѣзной дороги: въ окнѣ вагона мелькаетъ горящій пенъ, умоляюще протянувшій корявыя руки, вонъ, какъ свѣча, эффектнымъ, прямымъ пламенемъ горитъ колоссальная сосна; пожаръ усиливается все больше, черныя силуэты обгорѣлыхъ деревьевъ рѣзко вырисовываются на огненномъ фонѣ, дымъ проникаетъ въ вагонъ, ѣсть глаза, щекочетъ въ носу. Паровозъ даетъ длинный протяжный свистокъ, звонкое, горное эхо шаловливо подхватываетъ отзвукъ и на тысячу ладовъ долго перекатываетъ его по долинамъ. Вдругъ два короткихъ тревожныхъ свистка, сильный толчекъ,—

Переселенческій вагонъ.

пассажиры падаютъ другъ на друга, поѣздъ, пройдя саженой пять, визжа и скрипя тормазами, останавливается. Черезъ вагонъ поспѣшно пробѣгаетъ растерянная фигура кондуктора.

— Что случилось? Что такое?—слышатся тревожные вопросы, фигура молча пробирается къ дверямъ, не удостоивъ вопрошающихъ ни однимъ словомъ... Въ вагонѣ тревожное недоумѣніе.

Крушеніе?! Такъ отчего же мы не летимъ въ пропасть, отчего не слышно треска, стоновъ, крика?.. Дѣло, наконецъ, разясняется просто. Мы стоимъ у станціи Худо-Еланской, на которой отъ лѣснаго пожара загорѣлись дрова, заготовленные въ огромномъ количествѣ. Публика высыпаетъ изъ вагоновъ любоваться картиной. Направо огромное пламя, свирѣпо свистящее и бушующее—море огня; силуэты уже обгорѣлыхъ деревьевъ; вонъ лѣсной великанъ стоитъ весь охваченный пламенемъ и, не выдержавъ напора, подкошенный у корня, со стономъ и страшнымъ шумомъ рушится наземь, снопы искръ и горящихъ шапокъ вздымаются вверхъ. Налѣво эффектно вырисовываются на темномъ фонѣ лѣса и небо, ярко освѣщенные станціонныя постройки; возятся бѣгаютъ и кричатъ люди: зданіе станціи поливаютъ водой. Пламя такъ велико и сильно, что, несмотря на почтительное разстояніе, стоять на площадкѣ становится горячо.

— Господа, пожалуйте въ вагоны!—раздается крикъ кондуктора—сейчасъ ѣдемъ.

Протяжный басовый свистокъ паровоза, и мы трогаемся. Постепенно ускоряя ходъ, поѣздъ съ быстротой молніи проносится мимо пожара и, несмотря на это, въ нашемъ вагонѣ все-таки лопаются два стекла. Пожаръ скрывается за деревьями, видно только огромное зарево; густой широкій столбъ ярко освѣщенного дыма медленно поднимается къ небу и похожій на фантастическое огненное чудовище медленно, какъ бы нехотя, расплывается надъ тайгой. Лѣсной пожаръ продолжается. Смотрѣть становится уже скучно. Иду въ купѣ, а въ глазахъ все еще стоятъ случайные образы и силуэты пожара, то оригинальной сказочной формы, обгорѣлый пенъ, то темный изящный силуэтъ сосны, то горящій, падающій великанъ.

На другой день мы расстаемся съ докторомъ: я по дѣлу долженъ былъ остановиться на нѣсколько дней на ст. Тулунъ.

Тулунъ, большое торговое село, находится въ 2-хъ верстахъ отъ ст. желѣзной дороги. Названіе Тулунъ происходитъ отъ бурятскаго слова „тулунъ“—мѣшокъ, котель. Село получило это имя, вѣроятно, благодаря своему мѣстоположенію. Расположено оно въ котловинѣ между тремя холмами на рѣкѣ „Тулунчикъ“, притокъ рѣки „Ги“, текущей въ живописныхъ горныхъ берегахъ. По своей величинѣ, культурности и богатству село могло бы называться городомъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ гораздо выше своего уѣзднаго города Нижне-Удинска. Въ настоящее время въ немъ болѣе 5000 жит., имѣются большіе магазины и даже съ электрическимъ освѣщеніемъ, клубъ, библіотека, телефонное сообщеніе со станціей и Никольскимъ заводомъ за 60 в. отъ села, есть хорошо устроенная больница, школа, лѣсное училище. По внѣшнему виду, Тулунъ—типичное сибирское село съ деревянными постройками, за исключеніемъ большой улицы, лежащей на тракту, гдѣ постройки уже приняли болѣе городской видъ, въ особенности, около магазина „Щелкунова“—съ зеркальными окнами и электрическимъ фонаремъ.

Но особенно сильно замѣтна культурность около желѣзнодорожной станціи, какъ, впрочемъ, и вездѣ по Сибири. Въ станціонномъ поселкѣ

почти исключительно живутъ желѣзнодорожные служашіе. Для нихъ здѣсь имѣется порядочная библіотека, образцово поставленная четырехклассная школа. При школѣ имѣется естественно-историческій музей, совершенно достаточный для школьнаго возраста и очень удачно подобранный. Въ школѣ даются спектакли, исполняемые любителями изъ школьниковъ. Учительскій персоналъ, по сравненію съ россійскими народными учителями, очень интеллигентенъ и сдѣлалъ бы честь любой россійской гимназіи. У одной изъ учительницъ я увидалъ на столѣ карточку проф. Лесгафта; на вопросъ мой, какимъ образомъ она къ ней попала, учительница отвѣтила, что она кончила курсы Лесгафта. Для Петербурга это, конечно, не рѣдкость, но въ Иркутской губерніи встрѣтить такую народную учительницу право отрадно. Очень много для школы и вообще для поднятія интеллигентности среди служащихъ дѣлаетъ чрезвычайно симпатичный инженеръ—начальникъ дистанціи, и его семья.

Въ станціонномъ же поселкѣ находится переселенческій пунктъ, гдѣ постоянно живутъ врачъ и двѣ фельдшерицы; всѣ эти люди составляютъ одну интеллигентную семью, среди которой совершенно забываешь, что находишься въ «Сибири».

Жители Тулуна, по преимуществу, земледѣльцы. Землю обрабатываютъ довольно первобытнымъ способомъ, точно такъ же, какъ и россійскіе крестьяне. Система хозяйства, конечно, трехпольная, и объ улучшеніяхъ сельскохозяйственной техники не имѣется почти никакого понятія. Существованіе крестьянъ довольно сносное, хотя около Тулуна-то и вымерзъ хлѣбъ въ прошломъ году. Но отъ этого пострадали, главнымъ образомъ, новоселы—переселенцы изъ Россіи, среди которыхъ развилась страшная цынга. Переселенцы въ этой мѣстности, по преимуществу, бѣлоруссы и черниговскіе хохлы; характерныхъ чертъ своей національности ни въ костюмѣ, ни въ языкѣ еще не потеряли. Говорятъ, что они вообще держатся на новыхъ мѣстахъ обособленно, живутъ своими хуторами и съ окружающими «челдонами» поддерживаютъ чисто внѣшнія отношенія. Въ населеніи этого края уже начинается появляться та пестрота, какая вообще характерна для восточной Сибири. Кромѣ «челдоновъ» и различныхъ типовъ ссыльных изъ Европейской Россіи, правда, уже въ большинствѣ случаевъ ассимилировавшихся въ общей массѣ, здѣсь попадаются еще буряты или, какъ ихъ называютъ, «братскіе». Они разбѣяны небольшими кучками по Ир-

Челдонъ.

кутской губ. и въ отдаленныя времена, вѣроятно, представляли здѣсь, если не исключительный, то, по крайней мѣрѣ, господствующій типъ. Благодаря, вѣроятно, этому, и коренные жители этого края имѣютъ въ физіономіи много монгольскихъ чертъ. Вообще «челдоны» въ Иркутской губерніи и въ Забайкальи гораздо типичнѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ западныхъ губерніяхъ Сибири. Типичный челдонскій костюмъ здѣсь таковъ: мѣховая шапка мѣхомъ внутрь и зимой, и лѣтомъ, зимой полшубокъ и на ногахъ «пимы» — высокіе валенки, больше бѣлые, пестро разрисованные красными нитками и вставками; лѣтомъ яркихъ цвѣтовъ широкая русская рубаха, широкій суконный поясъ, плисовые широценные шаровары и на ногахъ «бродни» или «ичиги» — кожаная обувь, состоящая изъ двухъ отдѣльныхъ частей: голенища и мягкаго широкаго башмака на толстой подошвѣ безъ каблукъ; у франтовъ иногда встрѣчаются плисовые поддевки темно-синяго или чернаго цвѣта; верхнимъ лѣтнимъ платьемъ служить бурятскій халатъ, сдѣланный изъ какой-то непромокаемой матеріи, вродѣ брезента.

Верстахъ въ 200 отъ Тулуна находится еще другое большое село «Братское» или «Братскій острогъ» — это историческое мѣсто. Здѣсь когда-то отсиживались казаки отъ нападенія монгольскихъ полчищъ, еще и до сихъ поръ тамъ сохранились памятники того времени, между прочимъ, деревянная сторожевая башня, обращенная теперь, кажется, въ пожарное сооруженіе.

Отъ Тулуна до Иркутска по желѣзной дорогѣ ѣзды всего часовъ 15, а потому, проспавши ночь въ вагонѣ, я на другой день уже увидѣлъ Иркутскъ.

Со стороны желѣзной дороги, отъ которой Иркутскъ отдѣляется рѣкой «Ангарой», это чрезвычайно красивый городъ и по мѣстоположенію, и по архитектурѣ. Красотѣ Иркутска много способствуетъ необыкновенно колоритная рѣка «Ангара».

Выхожу на вокзалъ.

— Извозчикъ!

— Пожалуйста! Куда прикажете!

— Въ городъ, въ гостиницу. Сколько возьмешь?

— Рубликъ положьте, ваше высокоблагородіе!

— Что ты, съ ума спятилъ? Тутъ, вѣдь, всего черезъ рѣку переѣхать, рукой подать.

— Ну, семь гривенъ.

— Тридцать копѣекъ.

— Полтинничекъ таксея, баринъ.

— Ну, ладно.

Извозчикъ въ папахѣ, здоровенный дѣтина, лошадь у него въ исправности, экипажъ европейскій. Проѣзжаемъ черезъ понтонный мостъ, на которомъ за что-то берутъ съ меня 8 коп.; я возмущаюсь, извозчикъ объясняетъ, что это за «понтонъ». Покоряюсь необходимости и плачу за удовольствіе ѣхать черезъ «понтонъ». Отъ рѣки сильно вѣетъ холодомъ; вода чуднаго бирюзово-зеленаго цвѣта, быстро бѣжитъ и бурлитъ, ударяясь о понтонныя барки. Ангара вытекаетъ изъ Байкала, а потому и по температурѣ, и по цвѣту съ нимъ совершенно одинакова. Температура воды въ ней почти круглый годъ равномерна, по крайней мѣрѣ нѣтъ такихъ рѣзкихъ колебаній, какъ въ нашихъ рѣкахъ. Лѣтомъ вода никогда не нагрѣвается выше 9°, зато зимой Ангара замерзаетъ очень поздно — въ декабрѣ; вскрывается ото льда въ началѣ апрѣля, такъ что, несмотря на морозы въ 40° и 50°, какіе въ Иркутскѣ представляютъ

явленіе обыкновенное, она находится подо льдомъ всего 4 — 5 мѣсяцевъ. Ангара рѣка рыбная; преобладающій видъ рыбы—харюсъ или, какъ здѣсь называютъ, «харюза». Проколесивъ два переулка по городу мимо уже надотѣвшихъ своимъ однообразіемъ деревянныхъ заборовъ и построекъ, извозчикъ останавливается передъ двухъэтажнымъ домомъ, на которомъ красуется вывѣска «гостинница и ресторанъ Вокзалъ».

— Какъ, уже?

— Да-съ, пожалуйста ваше В—діе, гостинница хорошая и изъ дешевыхъ.

Звоню. Выскакиваетъ заспанный швейцаръ по всей формѣ и начинаетъ таскать вещи.

— Погодите, куда-же вы? Номера есть дешевые?

— Найдутся, пожалуйста!

— Цѣна какая?

— Дешево-съ и удобно, останетесь довольны.

Покоряюсь такому натиску и иду вслѣдъ за нимъ. На повѣрку выходить, что номеровъ дешевле 1½ руб. нѣтъ, былъ одинъ въ рубль, но онъ сейчасъ занятъ,—да этотъ номеръ вашему б—дію и не понравится: онъ у насъ по спеціальности для приходящихъ,—объясняетъ коридорный. Извозчикъ уже уѣхалъ и, несмотря на сильное нежеланіе, приходится оставаться въ этомъ притонѣ. Потомъ я узналъ, что въ Иркутскѣ почти всѣ «номера» подобнаго типа и, что дешевле 1½ руб. номеровъ почти не бываетъ. Иркутскъ напоминаетъ собой большой русскій городъ, вродѣ Харькова, Екасеринослава и др. На улицахъ попадаются мостовыя, довольно удовлетворительное освѣщеніе, удобные извозчики. На большой улицѣ сосредоточены магазины. Магазины европейскаго типа, съ порядочнымъ выборомъ товара, довольно хорошаго по качеству: почти всѣ товары получаютъ изъ Москвы. На этой же улицѣ высится огромное зданіе, на которомъ изображено «Пассажъ В. Второва», гдѣ можно найти все, что вамъ угодно. По типу, элегантности приказчиковъ и товаровъ магазины ничѣмъ не отличаются отъ европейскихъ, зато цѣны азіатскія; нѣкоторые товары, особенно художественные, стоятъ вдвое или втрое дороже, чѣмъ въ Россіи. Вообще въ смыслѣ дороговизны продуктовъ и жизни Иркутскъ нисколько не уступаетъ Петербургу. По населенію это городъ интернаціональный. Кромѣ преобладающаго русскаго населенія: чиновниковъ, купцовъ, ссыльныхъ, здѣсь живутъ въ очень большомъ количествѣ нѣмцы, англичане, американцы, японцы, китайцы и т. п. Чрезвычайно много въ Иркутскѣ кавказцевъ и евреевъ; послѣдніе потеряли уже почти всѣ національныя черты, особенно замѣтно отсутствіе акцента: евреи говорятъ здѣсь, какъ и во всей Сибири чистымъ языкомъ, болѣе правильнымъ, чѣмъ сибиряки, у которыхъ рѣчь постоянно пересыпана разными мѣстными словами и испорченными окончаніями вродѣ „быватъ“ вмѣсто „бываетъ“, „паря“, „чево“, замѣняющее всѣ вопросительныя мѣстоименія и нарѣчія: напр. „чево ты дѣлаешь?“ „чево ѣдешь“ и т. п. Китайцы, у которыхъ въ Иркутскѣ множество чайныхъ лавокъ, живутъ обособленно своей компаніей и съ остальнымъ населеніемъ не смѣшиваются; все же остальное пестро перемѣшано между собой. Интеллигенцію въ Иркутскѣ составляютъ врачи, адвокаты, купцы, чиновники, инженеры и т. д. Отсутствіе родовой аристократіи ничуть не ощутительно, а даже, благодаря этому обстоятельству, въ городѣ дышется свободнѣе, отношенія проще и радушнѣе. „Интеллигентъ“ еще цѣнится въ Иркутскѣ, и потому ему всюду раскрыты двери, несмотря ни на происхожденіе, ни на націо-

нальность, ни на социальное положеніе. Въ культурномъ отношеніи Иркутскъ стоитъ сравнительно, довольно высоко. Здѣсь есть библіотека-читальня, картинная галлерей, довольно порядочно подобранная и принадлежащая какому-то капиталисту, прекрасный естественно-историческій и этнографическій музей, гдѣ особенно хороши по своей полнотѣ отдѣлы: восточно-сибирскій и китайскій, при музеѣ садъ, въ которомъ громаднымъ шатромъ высится чудный экземпляръ сибирскаго кедра. Недалеко отъ музея находится городской театръ, по архитектурѣ, прямо художественное зданіе. Сюда прѣзжаютъ на гастроли разныя русскія знаменитости, этимъ лѣтомъ напр., была труппа Московскаго Малаго театра. Въ Иркутскѣ же издается лучшая изъ всѣхъ сибирскихъ газетъ по серьезности и направленію, „Восточное Обозрѣніе“. Несмотря, однако, на всю европейскую культурность, Иркутскъ все-же имѣетъ много азіатскаго, благодаря присутствію на улицахъ азіатскихъ народностей. Не говоря уже о китайцахъ, которые спуютъ по улицамъ въ своихъ оригинальныхъ шапочкахъ съ разноцвѣтными шариками, въ синихъ шелковыхъ кофтахъ, съ черными блестящими косами и т. д., въ Иркутскѣ много бурятъ, которые ведутъ торговлю скотомъ и появляются со своими гуртами въ городѣ около половины лѣта. Тогда на улицахъ можно наблюдать чисто азіатскія сцены, напоминающія объ отдаленныхъ временахъ Батыя, Чингизъ Хана и т. д. Горбатые монгольскіе быки—скупившись бѣгутъ по улицамъ, постоянно шарахаются въ стгору, пугаясь непривычной обстановки, съ обѣихъ сторонъ стада на маленькихъ, подвижныхъ монгольскихъ лошадакахъ гарцуютъ скуластые косоглазые всадники съ винтовками за плечами и съ длинными палками въ рукахъ; шумъ, гортанные выкрики, все это напоминаетъ что-то степное, дикое, „азіатское“, въ воображеніи невольно встаютъ далекія времена монгольскихъ полчищъ и ихъ дикихъ свободолюбивыхъ героев.

Байкаль.

Въ 60 верстахъ отъ Иркутска лежитъ красивое, бурливо могучее «святое озеро Байкаль», по справедливости, могучее считается красивѣйшимъ уголкомъ Сибири и врядъ ли много уступающее швейцарскимъ озерамъ. По желѣзной дорогѣ ѣзды до него всего 3 часа, а потому за свое пребываніе въ Иркутскѣ я успѣлъ побывать и пожить на немъ нѣсколько разъ и увидѣть всѣ его чудеса и эффекты. Особенно хорошъ Байкаль въ маѣ, когда окрестныя горы окрашены розовыми кустами цвѣтущаго богульника, а горная цѣпь на противоположномъ берегу еще покрыта снѣгомъ, и кажется висящей въ воздухѣ далеко-далеко за моремъ. Помню одно чудное утра. Я прѣхалъ на Байкаль въ 5 ч. утра, солнце только что всходило; сѣрый туманъ медленно подымался съ озера и, растягиваясь по берегу, подымаясь все выше и выше, окутывалъ облаками вершины прибрежныхъ горъ; утреннее прозрачное небо спокойно сіяло въ вышинѣ, легкія перистыя облачка нѣжно румянились въ утреннихъ лучахъ, точно стыдятся своей красоты; необъятная спокойная поверхность воды лѣниво колыхалась, еле приподымая волны; озеро, точно не рѣшаясь разстаться съ ночнымъ покоемъ, нѣжилось въ утренней полудремотѣ; далеко на горизонтѣ синяя полоса воздуха, а надъ нею, блестя и переливаясь, сверкали розовыя вершины снѣговыхъ горъ. Картина до того была захватывающе хороша, до того оригинальна, что я простоялъ на берегу около получаса, какъ очаро-

ванный. Красивъ Байкаль еще во время бури. Низкія черныя тучи зловѣще тянутся съ высокихъ горъ къ морю; далеко гдѣ-то слышны раскаты грома; вотъ начинается шелестѣть горный лѣсъ, притихшая, словно выжидающая чего-то, вода подергивается мелкой рябью; вотъ прорвался вѣтеръ, прошумѣлъ по верхушкамъ сосенъ и лиственницъ, съ свистомъ и визгомъ спустился внизъ и съ бѣшеной силой и быстротой помчался по озеру, вздымая бѣлые гребни волнъ; бѣлое облачко оторвалось отъ, громадной, темносиней тучи и быстро начало крутиться надъ горой, то опускаясь, то подымаясь и, наконецъ, подхваченное струей вихря, вынеслось въ открытое озеро и помчалось надъ водой, постепенно разбиваясь. А черная туча спускается все ниже и ниже; вонъ дальнія горы затянулись сѣрымъ флеромъ; въ воздухѣ сразу потемнѣло; море угрюмо ворчитъ и сердито плещется; ослѣпительно сверкнула молнія, окрасивъ на мгновеніе воду огненнымъ свѣтомъ, вслѣдъ за нею съ страннымъ трескомъ и грохотомъ прокатился по горамъ громъ, горнее эхо подхватило его и понесло далеко-далеко, перекачивая съ горы на гору, и затерялось гдѣ-то очень далеко въ «пади» *). Море взревѣло. Огромныя волны съ воемъ заходили взадъ и впередъ, пѣнясь и вздымая брызги на страшную высоту, какъ бы стараясь лизнуть низкія черныя тучи, которыя въ безпорядкѣ крутились надъ моремъ, почти ежеминутно разверзаясь, выпуская цѣлые снопы искръ и оглашая воздухъ пушечнымъ грохотомъ; громъ, ревъ разбушевавшихся волнъ при горномъ резонансѣ производятъ впечатлѣніе какой-то адской симфоніи.

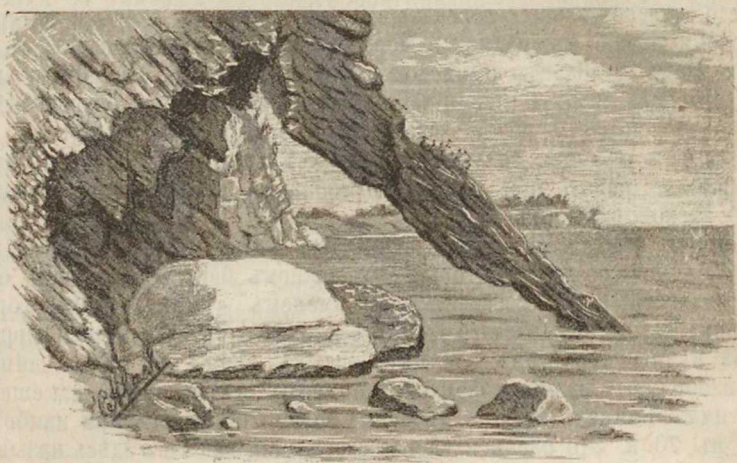
Байкаль лежитъ на высотѣ 500 фут. надъ уровнемъ моря между отрогами Саянскихъ горъ, которыя на южномъ берегу образуютъ особый хребетъ, извѣстный въ географіи подъ именемъ «Байкальскихъ горъ», а на мѣстномъ языкѣ называемый «Хамаръ-Дабанъ», съ высочайшей вершиной, покрытой вѣчнымъ снѣгомъ, «Мунку-Сардыкъ». Горы эти чрезвычайно красивы и изобилуютъ разными фокусами природы, къ которымъ мы еще возвратимся ниже. Байкаль имѣетъ въ длину болѣе 700 верстъ при наибольшей ширинѣ въ 70 в. Это очень глубокое озеро, или, какъ его здѣсь называютъ, «море», глубина его еще въ точности неизвѣстна, но предполагаютъ, что она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ простирается до 3-хъ верстъ.

Вода въ Байкалѣ чуднаго изумруднаго цвѣта, вѣроятно, отъ присутствія различныхъ минеральныхъ солей, входящихъ въ составъ ея, и такъ прозрачна, что на глубинѣ пяти—семи сажень, какъ, напримѣръ, у пристани, можно отлично видѣть на днѣ всякія мелочи вроде гвоздей, сардиночныхъ коробокъ, чайниковъ и т. п. У окрестныхъ жителей какъ у русскихъ, такъ и бурятъ существуетъ масса повѣрій и фантастическихъ сказокъ объ этомъ озерѣ, особенно о различныхъ грандіозныхъ, оригинальныхъ скалахъ, горахъ и проч. Къ такимъ мѣстамъ дикое населеніе относится съ суевѣрнымъ страхомъ и окрестило ихъ разными мистическими названіями. Изъ нихъ особенно интересны: «Шаманскій камень» у выхода Ангара изъ Байкала, напоминающій огромную бѣлую лошадь, стоящую по грудь въ водѣ; гора «Шаманка» на рѣкѣ Иркутъ, въ видѣ огромнаго каменнаго стола, и «Шаманскій мысъ», чрезвычайно интересный съ геологической точки зрѣнія. Шаманскій камень находится недалеко отъ ст. Байкаль, расположенной у выхода Ангара изъ озера, о немъ существуетъ въ народѣ легенда, будто въ отдаленныя времена онъ служилъ орудіемъ правосудія. Дикіе буряты сажали подозрѣваемаго въ преступленіи на этотъ ка-

*) «Пады», по-сибирски ущелье.

мень и оставляли его тамъ сутокъ 3—4; благодаря страшной быстротѣ теченія въ этомъ мѣстѣ и порядочной глубинѣ порожистой рѣки, преступнику нельзя было достигнуть берега вплавъ и онъ волей-неволей принужденъ былъ сидѣть на камнѣ до тѣхъ поръ, пока отъ голода и истощенія силъ не сваливался въ рѣку; если подозрѣваемый сваливался, то правосудіе, стало быть, совершилось, если же онъ продолжалъ сидѣть по прошествіи положеннаго времени, его снимали, и онъ считался оправданнымъ. Гора «Шаманка», кромѣ своей оригинальной столообразной формы, ничѣмъ не замѣчательна, а потому о ней говорить нечего, и мы перейдемъ прямо къ южному берегу Байкала, самой интересной и красивой части озера. Весь южный берегъ окруженъ грядами скалистыхъ горъ съ безчисленнымъ множествомъ ущелій, называемыхъ по сибирски «падъ». Острые хребты этихъ горъ покрыты, словно щетиной, хвойнымъ лѣсомъ; изъ древесныхъ породъ здѣсь растутъ ель, сосна, различные виды лиственницъ, сибирскій кедръ

Скала «Хоботъ».

береза; изъ кустарниковъ «богульникъ», похожій на кусты нашего можжевельника или жасмина и весною густо покрытій розовыми цвѣтами; изъ растений встрѣчаются нѣкоторые виды лѣсныхъ и болотныхъ травъ; въ концѣ мая и въ іюнѣ горная тайга вся сплошь покрывается темно-фіолетовыми цвѣтами сѣвернаго ириса, оригинальными пестрыми цвѣтами орхидей, которыя здѣсь значительно меньше, чѣмъ въ Забайкальи, гдѣ фауна вообще богаче; кромѣ этихъ видовъ, встрѣчаются еще ярко-красная, цвѣта киновари, «саранка» и оранжевый болотный цвѣтокъ «жаркой» и др. сѣверныя травы. Тайга Байкала населена гораздо богаче сибирской; здѣсь водятся въ большомъ количествѣ: дикіе кабаны, горныя сѣверныя козы «маралы», изюбри (видъ оленя), медвѣди, волки, лисицы, бѣлки; изъ птицъ, которыхъ и на Байкалѣ, и кругомъ него великое множество, замѣчается полное отсутствіе пѣвчихъ, какъ и вообще во всей Сибири, гдѣ, какъ говорятъ, «ни цвѣты не пахнутъ, ни птицы не поютъ». Большинство птицъ водяныхъ и болотныхъ; на Байкалѣ альбатросъ-буревѣстникъ и дикія утки-чирки, на рѣкахъ Байкальской системы—всевозможные виды дикихъ утокъ и гусей; изъ лѣсныхъ—тетерева, глухари, рябчики и нѣсколько другихъ общихъ всему міру видовъ, вроде воробьевъ, галокъ и т. п.; вороны

здѣсь нѣсколько отличаются отъ своихъ европейскихъ серодичей—они немного мельче и чернаго цвѣта. Изъ рыбъ въ Байкалѣ водится омуль, хай-ріусъ и нѣсколько мелкихъ видовъ; весной во время ледохода на южномъ берегу появляется тюлень, по мѣстному «нерпá», который лѣтомъ опять перебирается на сѣверную сторону озера.

По берегу Байкала разбросано множество поселковъ и селъ, между которыми интересны: Култукъ и Баргузинъ; кромѣ нихъ, по падямъ попадаются еще и отдѣльныя замки изъ двухъ-трехъ хибарокъ. (Село Листвяничное тянется по берегу озера на протяженіи 10 верстъ, вытянувшись въ одну линію, такъ какъ за крутизною горъ строиться дальше отъ берега не представляется возможнымъ. Здѣсь находится почтовая контора, таможня; село соединено съ Иркутскомъ телеграфомъ и телефономъ; тутъ же торговая пристань, небольшая корабельная верфь, и стеклянная фабрика. Въ прежнее время Листвяничное богатѣло, благодаря торговой пристани, на которой сосредоточивались всѣ товары, идущіе изъ Забайкалья, Китая и Монголіи въ Россію и обратно, изъ Европы сюда; теперь, же съ проведеніемъ дороги торговля и таможня перешли на желѣзнодорожную станцію, и богатство Листвяничнаго съ каждымъ годомъ падаетъ все больше и больше. Населеніе здѣсь, по преимуществу, коренное сибирское, и только изрѣдка попадаютъ буряты или сильно-поселенцы, что составляетъ рѣзкое отличіе отъ остальныхъ поселковъ, гдѣ населеніе обыкновенно случайный сбродъ самыхъ разнообразныхъ національностей. Въ Листвяничномъ три школы и довольно порядочная больница.

Отъ ст. Байкалъ до Култука надо ѣхать вдоль южнаго берега 90 верстъ. Пароходъ, колесный частнаго общества «Нѣмчиновъ и Ко», несравненно хуже, напр., волжскихъ, даже обскихъ и енисейскихъ; дороговизна билета и пропитанія—варварская, даже по сравненію съ желѣзнодорожной. Пароходъ идетъ все время у берега, заходя почти въ каждую падь. Дорога эта необычайно красива; по берегу въ настоящее время ведется постройка Кругобайкальской ж. д., и поэтому весь берегъ полонъ жизни и движенія. Микроскопическіе, по сравненію съ громадами прибрежныхъ скалъ, люди микроскопическими молоточками откалываютъ микроскопическіе камешки; издали это кажется работой пигмеевъ, и не вѣрится, что когда-нибудь грозныя громады уступятъ напору титанической силы пигмеевъ; маленькія фигурки людей, беззвучно стучащихъ молоточками, спокойное море, угрюмо спокойныя колоссальныя горы, украшенныя скалистыми замками, башнями и колокольнями, ясное небо, маленькія зеленныя елочки и березки, съ палубы парохода все это чрезвычайно похоже на сказку; кажется, вотъ—вотъ изъ какой-нибудь пади, населенной феями и эльфами, появится красненькій человечекъ съ длинной бѣлой бородой и мановеніемъ своей палочки перемѣнитъ картину.

Село Култукъ лежитъ у южнаго залива озера и, по своему положенію, очень напоминаетъ какой-нибудь черноморскій городокъ вродѣ Анапы, Поти, Батума; при лунномъ освѣщеніи это сходство становится еще болѣе замѣтнымъ. Село это теперь центръ постройки Кругобайкальской ж. д. и, благодаря сравнительно большому скопленію желѣзнодорожной администраціи, изъ поселка поднялось на степень мѣстечка. Само по себѣ оно ничего особеннаго не представляетъ, за исключеніемъ удивительной смѣси народностей, похожей буквально на вавилонское столпотвореніе. Мы приходилось встрѣчать здѣсь представителей почти всѣхъ племенъ Кавказа, Закавказскаго края, Туркестана, Персіи, Монголіи, Китая, Сибири, Великобританіи, Польши, Украйны, даже Англіи, Германіи и Италіи. Вся

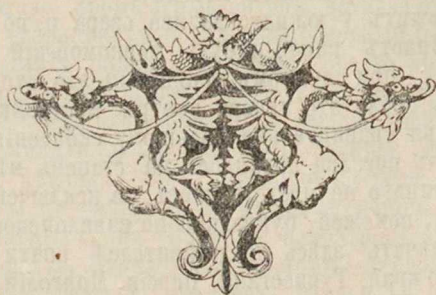

эта разношерстная толпа работаетъ на постройкѣ Кругобайкальской линіи, о которой я поговорю съ читателями въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ журнала.

Южный берегъ Байкала около Култука называютъ «Сибирской Ривьерой» и совершенно справедливо. По оригинальной красотѣ береговыхъ горъ, чудному изумрудному колориту моря, великолѣпному, глубокому воздуху Култукъ не уступить, вѣроятно, многимъ мѣстностямъ Швейцаріи, такъ усердно посѣщаемой туристами. Верстахъ въ двухъ отъ Култука находится знаменитый «Шаманскій мысъ», оригинальнѣйшая игра природы, какую мыѣ гдѣ-либо приходилось встрѣчать. Этотъ мысъ, особенно часть его, представляетъ груды окаменѣлыхъ нагроможденныхъ другъ на друга гигантскихъ древесныхъ стволовъ, сваленныхъ въ кучу какимъ-нибудь геологическимъ переворотомъ. Нѣкоторыя части такъ хорошо сохранились и до сихъ поръ, что въ камняхъ легко можно различить кусочки коры, древесину и пр.

Одинъ изъ такихъ гигантовъ, отдѣлившись отъ прочей плотно спрессованной массы опустился въ море и похожъ на хоботъ слона, пьющего воду, почему и получилъ отъ прѣзжающей сюда публики названіе «Скалы Хоботъ». Кругомъ этого «Хобота» въ хаотическомъ безпорядкѣ нагромождены груды камней бѣлыхъ, сѣрыхъ, черныхъ и т. п., и вся картина въ совокупности производитъ грандіозное благовѣрное впечатлѣніе: невольно, кажется, чувствуешь во всей этой могучей работѣ присутствіе титанической силы, почему у дикихъ бурятъ это мѣсто до сихъ поръ считается священнымъ, и еще не такъ давно здѣсь совершались языческія жертвоприношенія. Русское населеніе, благодаря чудесамъ природы, относится къ Байкалу также съ суевѣрнымъ страхомъ и рассказываетъ про него массу басенъ; говорятъ, напр., что глубина озера неизмѣрима, и будто въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно совсѣмъ не имѣетъ дна, дно его устлано такими же горами, какъ и берега, что отчасти есть и на самомъ дѣлѣ, и что на днѣ подъ водой находятся цѣлые города, и осенью во время бури изъ глубины моря явственно слышенъ колокольный звонъ. Помимо сказочныхъ погребенныхъ городовъ, въ нѣдрахъ Байкала покоится масса затонувшихъ пароходовъ и лодокъ, людей, лошадей и т. д., и каждую весну во время вскрытія льда, „святое море“, поглощаетъ все новыя и новыя жертвы. Такая ненасытность еще болѣе усиливаетъ суевѣрный страхъ полудикихъ обитателей, такъ что утопающихъ рѣдко рѣшаются спасать, боясь накликать на себя кару разгнѣваннаго моря.

С. Алисовъ.

Проф. Эдуардъ

Гульдентъ.

Возрожденіе наукъ*).

Столѣтія, слѣдовавшія за паденіемъ Римской Имперіи, были свидѣтелями нарожденія, южно-европейскихъ языковъ: итальянскаго, испанскаго, французскаго; процессъ развитія послѣднихъ положилъ почти непреодолимую преграду на пути расцвѣта науки. Латинскій языкъ сдѣлался языкомъ мертвымъ; греческаго никто не зналъ; языки же, на которыхъ люди говорили, еще не имѣли никакой литературы. „Сокровищница знанія была замкнута для людей“, всѣ юридическіе документы, вся корреспонденція, наконецъ, самые церковный ритуалъ велись на латинскомъ языкѣ; до самаго конца XIII столѣтія почти не встрѣчалось свѣтскихъ лицъ, которыя бы умѣли писать или даже читать. Одно только духовенство владѣло этимъ искусствомъ. До сихъ поръ еще не выяснено, умѣлъ ли Карлъ Великій подписать свое имя; а что Альфредъ Великій имѣлъ лишь самыя слабыя понятія о латыни — фактъ установленный.

Въ періодъ времени съ VI по XI вѣкъ масса духовенства являлась также лишь немного просвѣщеннѣе своей паствы. Альфредъ говорилъ, что при его восшествіи на престолъ (871) на всей территоріи къ югу отъ Темзы не было ни одного священника, который бы понималъ самыя

*) Переводъ съ англійскаго М. Н. Данилевской

простыя молитвы или могъ бы переводить съ латинскаго на свой родной языкъ.

Въ VIII и IX столѣтіи арабы ознакомились, благодаря переводамъ несторіанскихъ монаховъ, съ произведеніями греческихъ философовъ, медиковъ, математиковъ и астрономовъ. Астрономы Багдада, Персіи, Египта, Испаніи и Туркестана слѣпо, почти рабски, слѣдовали указаніямъ Птолемея, и такъ длилось до тѣхъ поръ, пока знаніе процвѣтало въ этихъ странахъ. Арабамъ мы обязаны безконечно многимъ за ихъ добросовѣстную передачу астрономическихъ теорій; для усовершенствованія послѣднихъ у этой націи не хватало математическаго генія. Мы обязаны имъ и за тысячи наблюденій, произведенныхъ съ цѣлью сдѣлать таблицы движенія солнца и планетъ болѣе точными, и за составленіе каталоговъ положенія и блеска неподвижныхъ звѣздъ; и, наконецъ, за то, что въ своихъ школахъ, или университетахъ, разбросанныхъ какъ въ Испаніи, такъ и въ другихъ мѣстахъ, они въ періодъ времени съ VIII по XV столѣтія, сумѣли охранить священный огонь знанія. Со временъ греческихъ школъ въ Александріи, очагами точныхъ наукъ были послѣдовательно: Багдадъ, Кордова, Севилья, Танжеръ, Бухара и Самаркандъ. И только въ XVI столѣтіи онѣ окончательно основались въ христіанской Европѣ.

Даже въ самомъ краткомъ очеркѣ необходимо отмѣтить, что большая доля астрономическихъ наблюденій и открытій, приписываемыхъ мавританской школѣ, принадлежитъ евреямъ; честь сознанія такой важной истины какъ та, что всякій прогрессъ въ астрономіи долженъ основываться на постоянныхъ и дѣятельныхъ наблюденіяхъ надъ положеніемъ небесныхъ тѣлъ, также принадлежитъ Восгоу, а не Европѣ; равно и сознаніе, что всякая теорія должна основываться на практическихъ данныхъ. Этотъ взглядъ, обыкновенно, приписываютъ Тихо Браге; величайшимъ его дѣломъ считаютъ несомнѣнно полное признаніе факта, что безъ наблюденій надъ движеніями планетъ, нельзя вывести сколько-нибудь вѣрной теоріи этого движенія. Но еще въ IX и X вѣкахъ астрономы Индіи и Персіи вполне прониклись этимъ основнымъ закономъ (Улугъ-Бекъ въ Самаркандѣ, 1393—1449 г) и изобрѣтали способы для полученія возможно болѣе точныхъ наблюденій и притомъ въ достаточномъ количествѣ. Въ 1450 г. Пербахъ вполне понялъ необходимость большого числа возможно точныхъ наблюденій. Въ 1471 г. Регіомонтанъ вернулся изъ Италіи, чтобы устроить въ Нюрнбергѣ обсерваторію со спеціальной цѣлью исправленія Альфонсовыхъ таблицъ, которыя онъ вмѣстѣ съ Пербахомъ нашелъ еще двадцать лѣтъ назадъ крайне неудовлетворительными. Ландграфъ Вильгельмъ IV Кассельскій и его астрономы работали въ этомъ же направленіи во времена Тихо. Заслуга же послѣдняго состоитъ въ томъ, что онъ первый въ Европѣ построилъ телескопъ достаточной силы и въ теченіе долгихъ лѣтъ пользовался имъ съ необычайнымъ прилежаніемъ. О томъ, что дѣла ось на Востоку, до Даніи доходило немного свѣдѣній. Работы Тихо были совершенно свободны отъ вліянія дальняго Востока. Въ это же время Европа начинаетъ входить въ тѣсное соприкосновеніе съ Востокомъ, благодаря Венеціи; многіе сыны ея отправляются учиться въ мавританскихъ школахъ; такимъ образомъ, возможно, что Тихо и не былъ вполне чуждъ деталей работы, произведенной въ Самаркандѣ за полтора вѣка до него.

Еще и до сихъ поръ Европа не вполне сознала, чѣмъ она обязана дальнему Востоку. Тѣмъ или другимъ путемъ, но культура Востока создала, оживила или измѣнила нашу культуру еще тридцать вѣковъ назадъ. Ре-

лигія, наука, искусство, архитектура Востока сильно повліяли на Западъ. Европейское рыцарство въ широкой мѣрѣ продуктъ сарацинскаго рыцарства, которое устремилось въ Европу двумя потоками: черезъ Константинополь и черезъ Испанію. Поэзія трубадуровъ и романсы феодальнаго періода чисто арабскаго происхожденія.

Даже ритмъ своихъ пѣсень трубадуры заимствовали изъ арабскихъ образцовъ, а трехструнная лира жонглеровъ также занесена въ Европу отъ арабовъ. Самая идея ритмической поэзіи и та подарокъ Востока.

Остановимся на Персіи. Александръ Великій разрушилъ въ Персе-полѣ зданія, великолѣпнѣе своимъ превосходившія зданія всего міра, не исключая и Аѳинскихъ памятниковъ; ткацкіе станки Персіи способствовали пышности Византійской Имперіи; слово *гимн* персидскаго происхожденія, и арабы заимствовали свои познанія въ этомъ искусствѣ съ Ирана; всѣ лѣкарственныя снадобы Гиппократъ имѣютъ персидскія имена; черезъ персовъ арабы ознакомились съ безсмертными баснями и аналогіями Индіи, арабы же передали ихъ на Западъ; по книгамъ персидскаго ученаго Авиценны учились въ университетехъ Парижа и Монпелье вплоть до временъ Людовика XIV; наши дѣти вырастаютъ на арабскихъ сказкахъ „Тысяча и одна ночь“, большая часть которыхъ персидскаго происхожденія; такимъ образомъ, Востокъ вліялъ на Западъ на тысячу ладовъ. Въ то время, какъ Англія была заселенной дикарями пустыней, Персія была уже политической, воздѣланной, промышленной, ученой и славной страной. Сознательно, но мы многому научились отъ тѣхъ, чьи заслуги въ настоящее время признаютъ только учеными. Мусульмане заимствовали культуру грековъ, какъ японцы нашихъ дней заимствовали культуру Европы. Помню, какъ одному образованному японскому морскому офицеру дали астролябію, сдѣланную въ Англіи въ XVII столѣтіи для русскаго сѣвернаго флота. Онъ былъ отлично знакомъ съ повѣйшими усовершенствованіями въ морскомъ дѣлѣ и секстантомъ, но этотъ классическій инструментъ казался загадкой для его ума. Современники его отца плавали на своихъ маленькихъ судахъ вдоль береговъ отъ одного мыса къ другому, но ни одинъ изъ нихъ никогда не видѣлъ ни сектанта, ни квадранта. Подобно древнимъ арабамъ, они сразу сдѣлали скачокъ отъ полного невѣжества въ этой области къ знакомству съ самыми утонченными аппаратами, тогда какъ англійскіе мореплаватели шагъ за шагомъ, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, учились пользоваться бакстафомъ, градштокомъ, астролябіей, квадрантомъ и секстантомъ.

Подобныя разсужденія говорятъ отчасти въ пользу того факта, что, оставляя въ сторонѣ ихъ сообразительность, арабы прибавили мало или даже ничего не прибавили къ теоріи научной астрономіи. Больше того, ихъ религія давала имъ въ этой области мало свободы. Дозволенія и воспрещенія Корана ставили ихъ въ очень узкія границы. Такъ, имъ было воспрещено дѣлать изображенія какого бы то ни было животнаго, какъ въ живописи, такъ и въ скульптурѣ. Поэзія было сѣтена магометанскими преданіями. Архитектура была единственной областью, въ которой они могли дать волю своему артистическому чувству, анатомированіе человѣческихъ труповъ было воспрещено, дѣлать какія-бы то ни было изслѣдованія было почти невозможно. Но то, что имъ разрѣшалось дѣлать, они дѣлали хорошо. Занимаясь астрономіей, они хранили классическія книги и производили массу точныхъ наблюденій... По какой-то случайности, европейцы мало воспользовались ихъ работой. Если бы между Востокомъ и западными

странами существовала активная торговля, исторія средневѣковой Европы была бы иная, въ ней было бы больше свѣта.

Исторія науки въ средніе вѣка распадается на два періода. Въ первый періодъ арабская ученость еще не проникла на Западъ. Существовавшій запасъ знаній перешелъ въ Европу отъ грековъ черезъ Римъ. Во второй періодъ сокровища грековъ изучались на ряду съ результатами трехвѣковой комментаторской работы восточныхъ философовъ. Представителями астрономіи въ первый періодъ были Манилій, Гигинъ и Бэда. Работы Птолемея были имъ незнакомы. Для науки это было, поистинѣ, темное время. Во второй періодъ для Европы открылось все богатство Александріи, увеличенное еще наблюденіями Альбатегниуса и Ибнъ-Яноса и комментаріями Альбумассара и его послѣдователей. Хорошей исторіи наукъ въ средніе вѣка мы все еще не имѣемъ. Да она и не могла быть написана до 1860 г., такъ какъ только тогда доктрина постоянства разъ востановившихъ видовъ была замѣнена теоріей медленной, но неуклонной и безконечной эволюціи. Случаи вырожденія служатъ столько же примѣромъ эволюціи, какъ прогресса. Книга эта могла бы быть предложена подъ видомъ серіи біографій великихъ людей, если бы при томъ, при составленіи этихъ біографій, не упускали изъ виду, что каждый, даже самый великій человѣкъ является, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова продуктомъ своего времени. вмѣстѣ съ развитіемъ христіанства теологія сдѣлалась на Западѣ первенствующей наукой. Въ теоріи философія была плодомъ откровенія, и богословіе считалось мѣркой, которой каждый философъ долженъ былъ держиваться. Но такъ же, какъ философія, при дедуктивномъ мысленіи, можетъ имѣть въ основѣ теологію, такъ и вся наука можетъ основываться на нѣсколькихъ фактахъ, какъ геометрія древнихъ основывалась на немногихъ аксіомахъ. При существованіи подобнаго предвзятаго взгляда, не могло быть дѣйствительной науки, основывающейся на теоріи, проверенной наблюденіемъ и опытомъ.

Средневѣковая наука пользовалась методомъ логической дедукціи. Современная наука пользуется совершенно инымъ методомъ.

Уэвелль формулируетъ эту мысль такъ:

«Универсальная наука основывалась на авторитетѣ религіозныхъ вѣрованій. Ея универсальность имѣла почвой ошибочные взгляды на соотношеніе словъ и истины; ея притязанія, какъ науки, обуславливались раболѣпнымъ характеромъ человѣческаго ума; а ея религіозный авторитетъ основывался на томъ, что всякая истина есть часть религіи. Философія, какъ и религія, потребовала признанія своихъ правъ и раздѣлила съ ней ея царственную власть: отступленія отъ ея доктринъ были осуждаемы и не разрѣшались. Ошибки признавались беззаконіями, разногласіе еретичествомъ; отрицать человѣческія доктрины было все равно, что сомнѣваться въ божественныхъ установленіяхъ».

Аристотель сдѣлался въ наукѣ единственнымъ авторитетомъ, какъ церковь была единственнымъ авторитетомъ въ религіи.

Хотя общія разсужденія, подобныя вышеприведенному, въ большинствѣ случаевъ и бывають правильны, однако, чтобы служить объясненіемъ хода интеллектуальнаго прогресса въ средніе вѣка, они требуютъ массы подробностей. Тогдашнія условія были почти такъ же сложны, какъ тѣ, которыя господствуютъ въ наше время. Они были обусловлены безчисленными обстоятельствами: мѣста, времени и личности. Въ одной формулѣ невозможно выразить духъ среднихъ вѣковъ, даже интересуясь лишь одной областью науки. Совершенно, напр., справедливо, что авторитетъ Аристо-

теля тяготѣлъ надъ наукой. Все то, чего нельзя было найти въ его произведеніяхъ, признавалось невѣрнымъ. Это общая истина, и карьера Галилея служить ея комментариемъ. Но, съ другой стороны, не надо думать, что Аристотель во всемъ и всегда признавался неоспоримымъ.

Авторитетъ Аристотеля сдѣлался всемогущимъ и универсальнымъ лишь съ XIII столѣтія, когда два великіе доктора церкви, Альбертъ Великій и св. Тома Аквинатъ, признали, объяснили и освѣтили его доктрины. Рожеръ Беконъ, великій современникъ св. Тома и Альберта, былъ также, по словамъ Вольтера, «человѣкомъ замѣчательнымъ для своего вѣка. Какого вѣка? спросите вы. Вѣка господства феодализма и схоластики. Представьте себѣ самоѣдовъ и остяковъ, налитавшихся Аристотеля и Авиценны—вотъ что мы представляли собою».

Наступилъ 1000 годъ, но онъ не совпалъ съ концомъ міра, какъ это предсказывали и ожидали: «Послѣ этого человѣкъ снова сталъ господиномъ земли и самого себя». Это дало доступъ для дѣятельности умственной; свобода и комфортъ для тѣла были уже, до извѣстной степени, достигнуты. Человѣкъ снова сталъ интересоваться человѣчествомъ, жизнью, природой. Впервые наука сдѣлалась возможна. Понять положеніе, которое заняли средніе вѣка въ отношеніи науки очень трудно. Время это полно сильнѣйшихъ контрастовъ. Рожеръ Беконъ самая его свѣтлая точка. Самую темную сторону мы находимъ въ испанской инквизиціи. Судить о немъ можно лучше всего по поэмамъ и легендамъ, которыя нравились народу. *Bestiaries* или книги разсказовъ о животныхъ были очень популярны.

Въ нихъ, между прочимъ, говорилось слѣдующее:

«Василискъ убиваетъ однимъ взглядомъ своихъ глазъ; укусъ василиска смертеленъ для ласки, если она не съѣстъ предварительно руты; саламандра живетъ въ огнѣ; манурасоръ стонетъ, когда его вырываютъ изъ земли; пеликанъ питаетъ своихъ дѣтенышей кровью изъ своей груди; черный турпанъ наполовину растеніе, наполовину животное; гіена разговариваетъ съ пастухомъ; крокодилъ плачетъ надъ своими жертвами; барометцъ овца и въ то же время отчасти растеніе; бѣгущій левъ замечаетъ слѣды концомъ своего хвоста; отецъ муравъ много льва—левъ, а мать—муравей; отецъ питается мясомъ, а мать травами; его передняя часть пахнетъ льва, а задняя часть—муравья; при такомъ строеніи онъ не можетъ бѣть ни мяса, какъ отецъ, ни травъ, какъ мать, а потому онъ и погибъ».

Вотъ нѣкоторыя извлеченія изъ книги, которая нѣсколько вѣковъ назадъ, очаровывала Европу.

Землю все считали плоской, хотя александрійскіе греки и были другого мнѣнія. По водамъ надъ небеснымъ сводомъ по общему мнѣнію, можно было плавать; существовалъ даже разсказъ о якорѣ, свалившемся на землю съ корабля, плившаго по этому второму океану. Люди вѣрили, что существуютъ расы одноглазыхъ, одноногихъ, наконецъ, снабженные такими огромными ногами, которыя служатъ въ то же время зонтиками для предохраненія отъ палящихъ лучей солнца. Шекспировскіе люди, головы которыхъ лежатъ между плечъ, также имѣютъ источникомъ эти легенды. Въ то время вѣрили въ фанковъ, фей, вѣдьмъ, силфовъ и вампировъ и т. п. Всякое сверхъестественное явленіе люди принимали съ удивленіемъ, но не пытались его критиковать: будь это чудо, происходящее отъ прикосновенія къ святой реликвиі или экстравагантный разсказъ путешественника. «Вѣкъ вѣры заслуживаетъ это имя постольку, поскольку онъ является вѣкомъ полного отсутствія критической оцѣнки».

Одно изъ компилятивныхъ арабскихъ сочиненій, относящееся къ X вѣку, Adjo ib al-Hind—Чудеса Индій, состоитъ изъ 124 параграфовъ, каждый изъ которыхъ содержитъ повѣствованія о какомъ-нибудь чудѣ, слышанное авторомъ отъ лицъ, имена которыхъ онъ приводитъ тутъ же. Вся книга проникнута серьезностью; повѣствователи знаменитые моряки, купцы и путешественники, знакомые съ Индійскимъ океаномъ, Малайскимъ архипелагомъ, Китайскимъ моремъ и Цейлономъ. Подобныя исторіи въ общемъ показываютъ, что уже въ то время велись живыя сношенія между дальнимъ и ближнимъ Востокомъ и краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о ловкости и храбрости первыхъ мореплавателей, плававшихъ по незнакомымъ морямъ, слѣдуя исключительно указаніямъ небесныхъ свѣтилъ. Здѣсь упоминаются многія чудеса «Арабскихъ Ночей»: птица рокъ, долина алмазовъ, охраняемая змѣями, мореплаватели, которые приняли спину спящей черепахи гигантскихъ размѣровъ за островъ, и тому подобное. Легенда объ островѣ женщинъ подъ звѣздой *Conopus* гдѣ море течетъ съ горы, и гдѣ обитаютъ только женщины, приводится даже безъ словъ: «но Аллахъ одинъ вѣдаетъ, правда ли это»; которыми добрый мусульманинъ обыкновенно, выражаетъ свое сомнѣніе. Относительно существованія гигантской птицы рока авторъ говоритъ: «Эго фактъ хорошо извѣстный мореплавателямъ, и я никогда не встрѣчалъ ни одного человѣка, который бы въ этомъ усомнился». Крокодилы, говоритъ Серира не трогаютъ людей, по его словамъ потому, что они зачарованы волшебникомъ, который имѣлъ власть сдѣлать ихъ безвредными или вредными. Предусмотрительный властелинъ страны приказалъ ему сдѣлать ихъ безвредными—и затѣмъ убилъ волшебника; такимъ образомъ эти воды и до нашихъ дней вполне безопасны. Разказы этого рода прерываются чудесными описаніями дальнихъ странъ. Но и тому и другому вѣрили въ одинаковой степени.

Но что особенно поражаетъ современнаго читателя, это отнюдь не невѣжество автора, а скорѣе полнѣйшее отсутствіе критическаго сужденія. Это отсутствіе является очень характернымъ, какъ для европейцевъ, такъ и для арабовъ среднихъ вѣковъ. Временами наши предки, дѣйствительно, представляются эскимосами, начитавшимися Аристотеля.

Въ 1238 г. жители Швеціи не выслали своихъ кораблей на ловлю сельдей къ берегамъ Англіи изъ опасенія передъ татарами; такимъ образомъ, экспортъ сельдей прекратился, и 40 или 50 штукъ этой рыбы можно было купить за шиллингъ. «Странно,—замѣчаетъ Гиббонъ,—что дѣйствія Могуль-Хана, царствовавшаго близъ границъ Китая, могли понизить цѣну сельдей на англійскомъ рынкѣ».

На первый взглядъ, вѣра настолько царилъ въ средніе вѣка, что начинаешь думать будто тысячу лѣтъ назадъ никто не осмѣливался протестовать противъ установленій религіи. Однако, детальное изученіе исторіи освѣщаетъ многіе эпизоды, служащіе какъ бы переходомъ отъ рационализма древнихъ къ рационализму позднѣйшему. Въ исторіи философіи легко очертить этотъ переходъ. Его же можно прослѣдить и въ исторіи знанія. Весь XIII вѣкъ, на первый взглядъ, проникнутый только религіозностью, характеризуется движеніемъ свободной мысли, оставившей въ исторіи очень мало слѣда, исключительно благодаря тому, что въ это время исторію писали приверженцы Доминиканской школы. Рожеръ Бэконъ былъ продуктомъ своего времени, а не *lusus naturae*.

Философія арабскихъ комментаторовъ Аристотеля—пантеистическая по своей сущности—была прямо противоположна философіи ортодоксаль-

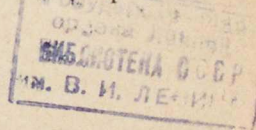
ныхъ схоластиковъ. Въ 1209 г. Парижскій Соборъ осудилъ естественную философію Аристотеля и всѣ, относящіеся къ этому сочиненію, комментаріи. Въ 1231 г. Григорій IX, буллою подтвердилъ это осужденіе. Подобное осужденіе свидѣтельствуетъ о широкомъ распространеніи «заблужденія». Въ половинѣ столѣтія Альбертъ Великій занялся изученіемъ Аристотеля, такимъ образомъ послѣдній снова попадаетъ въ почетъ; въ текстъ Альбертъ Великій включилъ и все то, что нашелъ полезнаго въ арабскихъ комментаріяхъ. Иновѣрные комментаріи были частью опровергнуты имъ; частью же совершенно отброшены. Св. Тома Аквинатъ далъ еще болѣе солидное направленіе ортодоксальной филозофіи и рѣшился вступить въ борьбу съ доктринами арабовъ. Въ 1277 г. серія въ тринадцать тезисовъ, извлеченныхъ болѣею частью изъ Авиценны и Аверроэса была предана въ Парижѣ и Оксфордѣ формальному осужденію. На соборѣ францисканцевъ въ Ассирѣ въ 1295 г., братію особенно предостерегали отъ «экзотическихъ» мнѣній. Эти историческіе примѣры, имѣвшіе мѣсто въ теченіе одного столѣтія показываютъ, что о всеобщемъ умственномъ застоѣ въ это время не могло быть и рѣчи. Осужденія иновѣрныхъ философовъ повторялись, по крайней мѣрѣ, каждые двадцать лѣтъ. Но XIII вѣкъ, такъ далекъ отъ насъ, что мы можемъ разсмотрѣть его только въ общихъ чертахъ и видимъ только общій абрисъ направленія его теченія. Если бы мы вглядѣлись поближе, мы бы увидѣли, какъ сложна была жизнь въ то время. И это заключеніе одинаково справедливо, какъ для мусульманской, такъ и для христіанской Европы.

Гакапъ II, калифъ Кордовскій, жившій въ X столѣтіи, обладалъ бібліотекой въ 600.000 рукописей. Одинъ каталогъ составлялъ 44 тома. Онъ имѣлъ агентовъ въ Александрію, Каиръ, Багдадъ и Дамаскъ; они должны были приобрѣтать для него, не стѣняясь цѣной, книги древнія и новѣйшія. Нерѣдко случалось, что книга, написанная въ Персіи или Сиріи, читалась въ Испаніи раньше, чѣмъ приобрѣтала извѣстность въ родномъ городѣ автора; такъ, за Анталогію Алуль-Фораджи изъ Испагани; Гакамъ заплатилъ 1000 золотыхъ динаріевъ. Его страсть къ книгамъ была нѣчто большее, чѣмъ простой инстинктъ коллекціонера, т. е. есть факты, доказывающіе, что онъ необыкновенно интересовался біографіей и исторіей своего времени. Андалузскіе мавры выказывали склонность къ свободнымъ наукамъ даже и до Гакама. Періодъ времени съ X по XIII столѣтіе былъ золотымъ вѣкомъ для исторіи знанія въ Испаніи. Мавры, евреи и христіане состязались въ научныхъ трудахъ, покровительствуемые принцами. Кордовскія мечети полны учащихъся.

Севильскій замокъ Ожиральда былъ выстроенъ (1196) для обсерваторіи Гебера. Картина безусловно привлекательная, но мы не должны забывать, что это только одна сторона дѣла. Въ Испаніи, какъ и всюду въ Европѣ, это было все же темное время.

Богатство рукописей, которымъ обладалъ, въ общей сложности, мусульманскій міръ, было громадно. Въ одной мавританской Испаніи, говорить, было больше семидесяти публичныхъ бібліотекъ. Библіотека фатимидскихъ калифовъ въ Каирѣ заключала 100,000 манускриптовъ; изъ нихъ 6,500 были посвящены медицинѣ и астрономіи. Когда крестоносцы взяли Триполи въ Сиріи (1109), 100,000 рукописей погибло. Частныя бібліотеки часто были также очень велики. Такъ, Фэзи, поэтъ-лауреатъ великаго могула индостанскаго Акбара, имѣлъ коллекцію въ 4,600 манускриптовъ.

Въ Европѣ XII и XIII столѣтія также возникла настоящая страсть

къ собиранію манускриптовъ. Въ 1373 г. библіотека Карла Мудраго въ Луврѣ заключала 900 рукописей. Въ половинѣ слѣдующаго столѣтія Боккаччо жалуется на упадокъ библіотекъ. Ватиканская библіотека была основана въ 1453 г., а коллекція Медичи во Флоренціи нѣсколько раньше. Библіотека герцога Урбино (1474) стоила 30,000 дукатовъ и заключала все въ то время извѣстныя классическія книги. Мы съ удивленіемъ спрашиваемъ, откуда же брались эти манускрипты? Но вспомнимъ, что Александрійская библіотека заключала въ себѣ все эти богатства. Изъ нея рукописи были переведены въ Римъ, а затѣмъ въ Константинополь: въ то же время онѣ списывались, копіи опять переписывались.

Какъ драгоценности, онѣ переходили изъ рукъ въ руки; на нихъ смотрѣли, какъ на что-то священное. *Sortes Virgilianae* приписываютъ магическую силу простому манускрипту. Произведенія Гомера покупались благодаря своей плѣнительной красотѣ. Европейскіе манускрипты хранились сначала въ церквахъ, а затѣмъ въ монастыряхъ и аббатствахъ, гдѣ они списывались, переписывались и продавались по высокой цѣнѣ. Церкви мы обязаны тѣмъ, что они сохранились. Войны и неурядицы на западѣ не оказались столь фатальны для манускриптовъ, какъ на востокѣ. Когда Константинополь былъ взятъ крестоносцами (1204), тысячи манускриптовъ погибли, другіе затерялись во время трехъ большихъ пожаровъ; но, несмотря на это, тысячи томовъ сохранились и дошли до насъ. И это одно уже можетъ дать представленіе о громадности оригинальныхъ коллекцій. Въ началѣ XVI столѣтія Ксменесъ сжегъ на площадяхъ Гренады 80,000 манускриптовъ. Великолѣпная коллекція Эскуриала взята изъ Марокко; половина ея еще погибла во время пожара 1671 г.

Калифы изъ династїи Абассидовъ были покровителями науки, что было принято въ то время. Интеллигентный умъ Гаруна интересовался наукой; кромѣ того, онъ былъ окруженъ повстинѣ мудрыми совѣтниками. Аль-Мамунъ интересовался наукой, пожалуй, даже больше Гаруна. Покровительство наукамъ и искусствамъ было необходимой принадлежностью пышности царствованія султана. Они признавали аристотелевское понятіе о великолѣпіи, теперь совершенно забытое царственными особами. *Almagest* былъ переведенъ въ царствованіе Гарунъ-аль-Рашида (765—809) ученымъ евреемъ; но еще его предшественники поддерживали въ Дамаскѣ обсерваторію. Сынъ его, Аль-Мамунъ (786—833) устроилъ въ Багдадѣ въ 829 г., 67 лѣтъ спустя послѣ основанія города, великолѣпную обсерваторію. Арабскіе инструменты были построены согласно указаніямъ Птолемея, но они были значительно больше и точнѣе тѣхъ, которыми пользовались греки. Мало того, арабскіе астрономы наблюдали небесныя тѣла непрерывно, и это-то повело ихъ къ болѣе точному знакомству съ элементами планетнаго движенія. Отношеніе восточныхъ монарховъ къ наукѣ хорошо характеризуется нижеприводимымъ отрывкомъ изъ мемуаровъ Тамерлана. Тамерланъ былъ почти дикарь, но, наводясь въ сношеніяхъ съ образованными націями, онъ не хотѣлъ отставать отъ другихъ государей. Любопытно, что онъ старался не отставать отъ моды. Вотъ что онъ говорилъ:

«Я собралъ вокругъ себя людей, знающихъ медицину и искусство врачеванія, астрологовъ и математиковъ, которые необходимы для поддержанія достоинства имперіи; съ помощью врачей и хирурговъ я могу дать здоровье больнымъ; съ помощью астрологовъ я узнаю о благопріятномъ и неблагопріятномъ стояніи звѣздъ; я слѣжу за ихъ движеніемъ и

за небесными революціями: съ помощью геометровъ и архитекторовъ я разбиваю сады и планирую и строю великолѣпныя зданія».

При дворѣ Акбара (1575) было 38 докторовъ права и теологовъ, 69 литераторовъ, 50 врачей, 153 поэта, не считая историковъ, артистовъ, астрологовъ, 3 іезуита и безконечное число переводчиковъ и переписчиковъ.

Несмотря на все это, арабская исторія показываетъ, что культурность и стремленіе къ этой культурности никогда не проникали въ массы народа. Они оставались строго мусульманскими; ученыхъ людей эти массы обвиняли въ еретичествѣ и даже въ худшихъ вещахъ. Аристократія денежная или родовая; и нѣтъ большей нетерпимости, чѣмъ нетерпимость невѣжества. Государи ничѣмъ не могли снискать большей популярности, какъ публичнымъ сожженіемъ еретическихъ книгъ и рукописей. Всѣ манускрипты Гакима были сожжены послѣ его смерти для успокоенія умовъ. Оставлены были только сочиненія по теологіи, грамматикѣ и медицинѣ и нѣсколько элементарныхъ трактатовъ по астрономіи — такъ какъ было необходимо умѣть опредѣлить направленіе, въ которомъ лежитъ Мекка, кибла *), къ которой всякій мусульманинъ поворачивается лицомъ во время молитвы.

Народныя массы въ Аравіи, Испаніи и Европѣ были фанатичны, грубы и невѣжественны. Вліяніе мудрыхъ людей, какъ Бэкѣнъ и Аверроэсъ, и либеральныхъ государей, какъ Гакимъ и Фридрихъ II, спасло знаніе отъ гибели; но для того, чтобы подняться до настоящей высоты, новымъ идеямъ пришлось пережить столѣтія; да и теперешняя терпимость не основывается ли она скорѣе на равнодушіи, чѣмъ на пониманіи? Если внимательнѣе ознакомиться съ исторіей возрожденія искусствъ въ Италіи, невѣжество и равнодушіе выступать на первый планъ и здѣсь. Тамъ, гдѣ искусство служить религіи, суевѣрію или мѣстному самолюбію, массы мирятся съ нимъ. Но только немногіе избранные интересуются искусствомъ для искусства.

Греческіе писатели проникли къ арабамъ въ переводахъ съ сирійскаго. Въ 431 г. несторіанская ересь была осуждена на Эфесскомъ соборѣ. Несторіанскіе священники были изгнаны и разсѣялись по Сиріи, Персіи и дальнему Востоку, разнося съ собою западную ученость. Во времена калифовъ они заняли все пространство отъ Кипра до Китая и превышали числомъ греческое и латинское духовенство. Въ 334 г. по Р. Х. въ Мервѣ былъ несторіанскій епископъ; а относительно Герата и Самарканда мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о такомъ же фактѣ въ 500 г. по Р. Х. Кератскіе туркмены приняли христіанство около 1.000 г. Несторіанскій христіанинъ былъ супер-интендентомъ багдадскихъ школъ при одномъ изъ калифовъ изъ династіи Абассидовъ. До самой смерти Тамерлана (1405), несторіанъ можно было встрѣтить всюду на Востокѣ.

Неизвѣстно, знали ли хоть одинъ арабскій ученый греческій языкъ; но крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ мавританскихъ докторовъ не зналъ его. Печатные экземпляры Аристотеля Аверроэса — латинскій переводъ съ еврейскаго перевода комментарій и арабскаго перевода, сдѣланнаго въ свою очередь съ сирійскаго перевода греческаго подлинника. Смыслъ оригинала

*) Кибла, правильнѣе *кыбла* (отъ арабск. глагола *оабала*) означаетъ *встрѣчное направленіе*, а отсюда — *мѣсто къ которому мусульмане обращаются лицомъ во время молитвы*.

былъ, разумѣется, совершенно утраченъ, благодаря передачѣ на языкахъ, столь различныхъ по своему духу, какъ греческій, сирійскій, арабскій, еврейскій и латинскій. Латинскія изданія отдѣльных частей или всего Аристотеля Аверроэса очень распространились въ Европѣ со временъ изобрѣтенія книгопечатанія. Въ теченіе столѣтія 1480—1580 г. разошлось около ста изданій. Въ одной Венеціи ихъ было пятьдесятъ. Авиценна далъ самое полное выраженіе арабской философіи, а Альгазель является самымъ оригинальнымъ ея представителемъ. Замѣчательнѣйшими изъ астрономовъ были Альбатеніусъ, Ибнъ-Юнисъ и Абуль-Вефа.

Греческій языкъ распространялся въ Европѣ крайне медленно, хотя окончательно его здѣсь никогда не забывали. Въ X вѣкѣ Гросвита, ганновская монахиня, сочинила поэмы и драмы на латинскомъ языкѣ, изучала греческій языкъ и читала Аристотеля. Въ XII—Абеляръ совѣтовалъ параклетскимъ монахамъ изучать и латинскій и греческій языки; Алоизъ зналъ одинаково хорошо латинскій, греческій и еврейскій языки. Въ XII столѣтіи нѣкоторые ученые, какъ, напримѣръ, Робертъ Линкольнъ систематически собираютъ греческіе манускрипты; предложенія Рожера Бэкона основать школы сравнительной грамматики для изученія халдейскаго, еврейскаго, арабскаго и греческаго языковъ представляютъ собою девятый валъ могучаго потока учености. Письма Петрарки служатъ доказательствомъ возникновенія въ XIV вѣкѣ великаго рационалистическаго движенія, для котораго изученія греческихъ классиковъ въ оригиналъ было предметомъ первой необходимости. Ни Петрарка, ни Данте не знали греческаго языка настолько, чтобы читать Гомера въ подлинникѣ. Соборъ въ Базелѣ, собранный въ 1431—1449 г. для обсужденія вопроса о соединеніи церквей, греческой и латинской, привлекъ въ Западную Европу многихъ греческихъ ученыхъ; съ паденіемъ Константинополя (1453 г.) греческіе ученые съ запасомъ цѣнныхъ манускриптовъ разсѣялись по всемъ христіанскимъ странамъ.

Раймондъ Толедскій, великій канцлеръ Кастиліи, основалъ около половины XII столѣтія коллегію переводчиковъ: произведенія Авицены и другихъ арабскихъ философовъ были переведены на латинскій языкъ. Во всехъ подобныхъ работахъ большая доля труда принадлежитъ ученымъ евреямъ. Переводы были прямо варварскіе. Каждое арабское слово переводилось на латинскій языкъ однимъ лицомъ, конструкція предложеній—предоставлялась другому. „Латинское слово накладывалось на арабское, какъ шахматы на доску“. Грамматическая конструкція фразъ была скорѣе арабская, чѣмъ латинская. Стилъ былъ варварскій. „*Suarkin terra alkanarihy, stediei et baraki et castrum munitum destendedy descenderunt deukiratiubi descendit super cos aqua Euphratis veniens de Euetin*“,—фраза нѣмецкаго переводчика, Германа; она вполне подтверждаетъ слова Рожера Бэкова, что ученые, изучая подобные переводы, только тратятъ даромъ время, трудъ и деньги. „Если бы Цицеронъ или Ливій жили,—говоритъ Петрарка,—и если бы они спотыкаясь, съ трудомъ разобрали бы свои произведенія, они бы разумѣется заявили, что это не ихъ работа, а чужая, и притомъ работа варвара“.

Мы видѣли, что страсть къ коллекціонерству манускриптовъ порой давала мавританскимъ ученымъ возможность знакомиться съ литературными произведеніями раньше, чѣмъ они распространялись въ той странѣ, гдѣ были написаны. Копіи переписывались и распространялись очень быстро: популярныя сочиненія скоро становились извѣстны всей Европѣ. „Поэмы французскихъ трубадуровъ разошлись въ переводахъ на нѣмецкій, швед-

скій, норвежскій, исландскій, фламандскій, голландскій, цыганскій, итальянскій и испанскій языки меньше, чѣмъ въ столѣтіе. Для того, чтобы стать извѣстнымъ въ Парижѣ или Кельнѣ произведенію, сочиненному въ Марокко или Каирѣ, требовалось меньше времени, чѣмъ книгѣ, сочиненной въ наше время въ Германіи, чтобы перешагнуть Рейнъ“ (Ренанъ). Этому интеллектуальному движенію сильно способствовала торговая дѣятельность евреевъ. Какъ только возникало требованіе на какой-нибудь рѣдкій манускриптъ, они спѣшили его удовлетворить. Научныя сочиненія разумѣется не распространялись съ такой быстротой, какъ книги по медицинѣ и философіи; но спросъ на нихъ все же всегда удовлетворялся. Знаніе латинскаго языка было очень распространено среди евреевъ. Въ XIII столѣтіи Соломонъ Барселонскій укоряетъ своихъ единовѣрцевъ, населяющихъ Провансъ, что они въ своемъ рвеніи изучить латинскій языкъ, пренебрегаютъ изученіемъ еврейскаго.

Трудно было найти гдѣ-нибудь большую вѣротерпимость, чѣмъ среди испанскихъ арабовъ. Кордова была центромъ учености; Севилья—веселья и музыки. Евреи, магометане и христіане занимали одинаковое положеніе и говорили на одномъ языкѣ. Еврейскія и испанскія книги были нерѣдко написаны арабскимъ шрифтомъ. Христіанскій епископъ, Іоаннъ Севильскій перевелъ библію на арабскій языкъ. Несмотря на протесты духовенства, смѣшанные браки были нерѣдки. Этотъ фактъ говорить за то, что терпимость уже стала проникать въ народныя массы; однако, выводить отсюда какія бы то ни было опредѣленныя заключенія нельзя, такъ какъ при малѣйшемъ поводѣ, религіозная вражда снова вспыхивала. Терпимость была скорѣе свойствомъ либеральныхъ государей. Евреи и христіане могли жить среди мавровъ, пока интересы ихъ не сталкивались. Въ то невѣжественное время свѣтъ истиннаго знанія не проникъ еще въ народныя массы ни въ Испаніи, ни въ Европѣ. Съ другой стороны, при дворахъ государей умственный интересъ былъ сильно возбужденъ.

Ничего, между тѣмъ, не могло быть легче, какъ ученому найти слушателей въ мусульманскихъ странахъ. Каждая мечеть могла служить аудиторіей для ученаго, а такъ какъ почти при каждой мечети были правительственныя школы, то слушателей всегда было больше, чѣмъ нужно. Если ораторъ былъ краснорѣчивъ, то къ нему стекались сотни слушателей. Предметами преподаванія служили: юриспруденція, логика, философія, медицина, математика и астрономія. Всѣ поименованныя науки, кромѣ первой, были заимствованы у грековъ или ихъ арабскихъ комментаторовъ. Съ греческой литературой, поэзіей и драмой арабы были совсѣмъ незнакомы. Они даже не понимали различія между греческой комедіей и трагедіей.

Мы можемъ судить объ авторитетности Аристотеля среди арабовъ по изданію его сочиненій, съ комментаріями Аверроэса: «Авторъ этой книги,—говорить арабскій комментаторъ,—Аристотель, мудрейшій изъ грековъ, основавшій и развившій логику, физику и метафизику»... «За 500 лѣтъ никто не могъ приавить что-нибудь къ его сочиненіямъ или найти въ нихъ крупную ошибку»... «Его скорѣе можно назвать богомъ, чѣмъ человѣкомъ»... «Доктрины Аристотеля—царственная истина, ибо его умъ является предѣломъ человѣческаго пониманія».

Похвалы эти отчасти можно приписать привычкѣ арабовъ пѣть хвалебныя гимны, благодаря которымъ ихъ государи обратились въ «тѣнь Бога»; однако, мудрейшіе язычники и христіане всѣхъ временъ отзывались объ Аристотелѣ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ.

«По моему мнѣнію, Аристотель занимаетъ въ философіи совершенно обособленное мѣсто». — Цицеронъ (106—43 г. по Р. Х.).

«Аристотель, личный секретарь природы, макалъ свое перо въ разумъ». — Евсевій (264—349 г. по Р. Х.).

«Какъ только божественная мудрость Аристотеля отверзаетъ уста, на мудрость остальныхъ, какъ мнѣ кажется, перестаютъ обращать вниманіе». — Данте (1265—1321).

«Аристотель былъ человѣкъ, равнаго которому не создалъ ни одинъ вѣкъ». — Гегель (1770—1831).

«По какой-то странной случайности величайшій изъ индуктивныхъ философовъ сдѣлался героемъ чисто дедуктивнаго вѣка». (Робинсонъ).

Благодаря еще болѣе странной случайности, онъ сдѣлался краеугольнымъ камнемъ римско-католической теологіи.

«Онъ соглашается съ католическимъ теизмомъ, говоря, что Богъ единъ и безстрастенъ, но на этомъ ихъ согласіе и кончается. Исключивъ возможность божественнаго вмѣшательства въ природу, его теологія исключаетъ и явленія умершихъ, и откровенія, и чудеса, и милость Божию». (Бень: греческіе философы, I, стр. 312).

«Въ концѣ XII столѣтія въ мусульманскомъ мірѣ возникло гоненіе на философію. Теологическая реакція подобная той, которая въ латинской церкви послѣдовала за Тридентскимъ Соборомъ (1545—63), старалась помощью аргументацій и силы, захватить утраченную территорію... «Болѣе и болѣе отдаляясь изъ-подъ контроля арабской расы, скептической по своему характеру, исламизмъ сдѣлался доскопаніемъ расъ склонныхъ къ фанатизму — берберовъ, испанцевъ, персовъ и турокъ — и принялъ форму суроеаго и исключительнаго догматизма. Исламизмъ, вообще говоря, пошелъ тѣмъ же путемъ, какъ католицизмъ въ Испаніи; если бы то же самое случилось въ цѣлой Европѣ конца XVI и XVII столѣтія, то религія задушила бы всякое національное развитіе“ *)».

Доктрины, изложенныя арабскими писателями, были экзотерическія **) — предназначенныя для пониманія толпы. Свои тайныя доктрины они излагали устно или, иногда, въ книгахъ для избранныхъ. Алгазель въ своей логикѣ заявляетъ, что здѣсь имъ изложены мнѣнія, которыхъ онъ не раздѣляетъ, а что съ его взглядомъ можно познакомиться по его книгѣ «О противорѣчій философскихъ воззрѣній». Проблемы, которыя онъ въ своихъ обнародованныхъ вѣщахъ признаетъ неразрѣшимыми, онъ разрѣшаетъ въ этой книгѣ экзотерическихъ доктринъ. Абдель-Меликъ-Инь-Вагиль Севильскій не хотѣлъ даже бесѣдовать на деликатныя темы, «такъ что въ его произведеніяхъ нельзя было найти, какъ у другихъ философовъ, секретныхъ матерій, разрѣшить которыя можно только послѣ смерти». Авиценна объясняетъ взгляды другихъ и скрываетъ свои собственные, признаваясь что на ряду съ обнародованными трудами, онъ написалъ трактатъ, въ которомъ изложилъ философскій взглядъ, «отвѣчающій только природѣ и разуму». Это была его «Восточная философія», теперь потерянная, если она вообще когда-нибудь и была распространена. Вотъ какъ комментируетъ Рожеръ Бэконъ это заявленіе Авиценны: «Голую истину нельзя высказать».

*) Ренанъ: «Аверроэсъ и аверроизмъ», гл. I. Какъ и всѣ разсужденія, выше-приведенное требуетъ для полной своей точности болѣе подробной разработки въ деталяхъ; персы, напримѣръ, какъ я знаю, никогда не были суровы и догматичны.

**) Экзотерическое ученіе — проповѣдуемое явно, открыто, въ противоположность экзотерическому — тайному, внутреннему ученію; экзотерики — избранные ученики, которыхъ древніе философы посвящали въ сущность своего ученія.

Авиценна хорошо понималъ, что зависть и гордость его соперниковъ и глупость толпы заставляютъ его говорить въ обнародованныхъ трудахъ, какъ всѣ; онъ зналъ также, что доктрины чистой науки доступны лишь немногимъ» «Чистыя» доктрины Авиценны были прямо пантеистическія—Богъ у него отождествляется съ движущимися сферами. Бэконъ горячо возстаетъ противъ этого отождествленія, не зная, впрочемъ, что было послѣднимъ словомъ Авиценны.

Студенты толпились, стремясь въ школы, которыя могли доставить имъ желанное образованіе; впрочемъ, это и всегда было такъ. Еще въ VI вѣкѣ ученый островъ Лослсморъ у береговъ Шотландіи посѣщался учениками, стекавшими сюда изъ всей Европы. Въ XII вѣкѣ въ мавританскихъ университетахъ можно было встрѣтить наряду со студентами изъ Италіи и Франціи, и прибывшихъ изъ Англіи. Наблюденія за перемѣщеніемъ умственного центра въ разные вѣка могло бы быть крайне интересно. Взору наблюдателя пришлось бы изъ Туркестана перескакивать въ Тунисъ и Толедо.

Ознакомимся съ литературой путешествій, которая въ это время начинала становиться популярной. Веньяминъ Тудельскій (1173) посѣтилъ Самаркандъ и Индію. Жанъ Барнеъ, францисканецъ, былъ посланъ (1246) папой Иннокентіемъ IV съ миссіей къ татарамъ, а Рубрукъ (1253) отправился къ нимъ же по порученію Людовика Святого. Въ 1295 г. Марко Поло вернулся изъ Китая и Индіи. Путешествіе сэра Джона Мандевилля на Востокъ (въ серединѣ XIV столѣтія) было описано имъ на трехъ языкахъ и разошлось по всей Европѣ. Отмѣтимъ, кромѣ того, что съ ближнимъ Востокомъ Европа состояла въ постоянныхъ сношеніяхъ и что въ городахъ Италіи и Южной Франціи можно было найти всѣ восточные товары. Умы людей были подготовлены для воспріятія рассказовъ путешественниковъ. Всюду были разбѣяны школы при аббатствахъ и университеты. Знаніе стало достояніемъ многихъ.

Какъ въ англійскихъ университетахъ изучалась еще въ XVI столѣтіи математика, можно судить по нижеслѣдующему любопытному отрывку изъ Оксфордскихъ лекцій сэра Генри Сэвила (1549—1622): «Милостью Божьей, господа слушатели, я выполнилъ свое обѣщаніе, я сдержалъ свое слово. Я пояснилъ вамъ, какъ могъ, опредѣленія, постулаты, аксіомы и первыя восемь теоремъ элементовъ Евклида». Ни больше, ни меньше, какъ восемь теоремъ!

Данте въ своемъ *Convito* даетъ схему знанія, преподававшагося въ то время въ университетахъ, немного измѣненную ради совпаденія съ девятью небесными сферами, населенными ангелами знанія; самая совершенная сфера—самъ Богъ.

Свободныя искусства.	Тривіумъ	Грамматика	Луна—Ангелы.
		Диалектика	Меркурій—Архангелы.
	Квадривіумъ	Реторика	Венера—Престолы.
		Арифметика	Солнце—Власти.
		Музыка	Марсъ—Силы.
		Геометрія	Юпитеръ—Начала.
		Астрологія	Сатурнъ—Могущества.
Философія.	Физика и метафизика.	Звѣздное небо	Херувимы.
	Нравственныя науки.	Прозрачное небо	Серафимы.
	Теологія.	Горнее небо	Богъ.

Около конца XV столѣтія въ Италіи началось движеніе противъ арабскихъ комментаторовъ Аристотеля. 4 апрѣля 1497 г. въ Падуанскомъ университетѣ состоялась первая лекція оригинальнаго греческаго текста. «Праздныя толкованія» арабовъ были отброшены большинствомъ наиболѣе выдающихся ученыхъ XVI столѣтія. Гиппократъ и Галенъ признаны непреложными только въ греческомъ оригиналѣ. Въ 1552 г. въ предисловіи къ одному изъ изданій Аверроэса говорится: «Наши предки не находили ничего интереснаго въ философіи и медицинѣ, пока они не были преподаваны имъ маврами. Нашъ вѣкъ, съ другой стороны, опрокинулъ толкованіе арабовъ и преклоняется только передъ тѣмъ, что исходитъ непосредственно изъ сокровищницы Греціи; онъ обожаетъ только грековъ; только ихъ онъ хочетъ имѣть своими учителями; тотъ, кто не знаетъ греческаго, не знаетъ ничего». Арабскій Аристотель сдѣлался «отравителемъ, обскурантомъ, палачомъ человѣческой расы, который разорилъ міръ перомъ, какъ Александръ мечомъ». Новая школа, наконецъ, побѣдила, но не безъ долгой борьбы.

Во времена Петрарки доктрины Аристотеля сдѣлались, благодаря арабскимъ комментаторамъ совершенно безсмысленны; казалось, настало время ихъ замѣнить.

«Петрарка заслуживаетъ названія перваго челоѣка новыхъ вѣяній, такъ какъ онъ первый сообщилъ итальянцамъ тонкости античной культуры, источника всей нашей цивилизации»... «Онъ первый открылъ секреты благороднаго, великодушнаго и либеральнаго пониманія жизни, которое ускользнуло отъ насъ, когда варвары восторжествовали надъ древнимъ міромъ».

Когда въ началѣ XVII столѣтія арабская философія, наконецъ, опрокинулась (мы могли бы отмѣтить этотъ моментъ смертью Крамонини), свобода совѣсти въ 1631 г., гнѣздившаяся на сѣверовостокѣ Италіи, окончательно восторжествовала. Борьба прекратилась. Ортодоксальная философія побѣдила. Окончательная побѣда надъ арабами была съ одной стороны, знаменіемъ побѣды экспериментальной науки; съ другой стороны, эта наука вступила на путь строго ортодоксальный. Еще въ то время, когда борьба арабскаго и греческаго Аристотеля была въ полномъ разгарѣ было уже совершенно ясно, что свобода мысли должна одержать верхъ. Это неудержимо повлекло къ двумъ результатамъ, о которыхъ мы уже говорили: однимъ изъ нихъ было сознаніе необходимости примѣненія экспериментальныхъ научныхъ методовъ; вмѣстѣ съ сознаніемъ этой необходимости началась для науки новая эра, эра, освѣщенная изысканіями Галилея. Съ другой стороны, греческій Аристотель побѣдилъ. Свобода, обусловленная борьбой, не могла быть долѣе терпима. Самая ортодоксія нашла себѣ новыя толкованія и воцарилась твердо и строго. Для народа, въ широкомъ смыслѣ этого слова, конецъ борьбы ознаменовывалъ паденіе ереси, а не завоеваніе новаго міра для науки. Пантеистическій идеализмъ Аверроэса и арабовъ хранили лишь немногіе умы. Карданъ, Помпанаций и Джордано Бруно были не чужды его. Но въ церковныхъ дѣлахъ ортодоксальная точка зрѣнія царила безраздѣльно.

Въ первые вѣка христіанской эры никто не писалъ ничего въ защиту правъ Римской церкви на главенство. Римскій епископъ былъ намістникомъ Св. Петра; его церковь считалась матерью всѣхъ церквей; онъ жилъ въ столицѣ имперіи. Этого было довольно. Около 500 г. были собраны апостольскіе каноны, изъ которыхъ впоследствии образовалось каноническое право. Библейскія заповѣди, извлеченія изъ сочиненій отцовъ

церкви, постановленія церковныхъ соборовъ, письма (декреталии) римскихъ епископовъ — вотъ изъ чего были созданы церковные законы. Но въ итальянскихъ школахъ память о гражданскихъ законахъ имперіи не могла совершенно исчезнуть. Еще въ началѣ XII столѣтія Ирперіусъ читалъ въ Болоньѣ лекціи по Corpus Juris Юстиніана; эти лекціи послужили основаніемъ Болонскаго университета, подобно тому, какъ лекціи Абелляра послужили основаніемъ Парижскаго университета. Одинъ изъ учениковъ Ирперіуса сталъ лекторомъ въ Оксфордѣ. Однако, въ Парижскомъ и Оксфордскомъ университетахъ изучалась главнымъ образомъ теологія и общая культура — т. е. quadrivium, или группа высшихъ наукъ.

Науки, которыми занимались въ Болоньѣ (юридическія) и въ Салерно (медицина) носили болѣе спеціальный характеръ. При изученіи ихъ поневолѣ приходилось сталкиваться съ классическими авторами и съ исторіей Римской имперіи. Вопросъ о легальности церковнаго права долженъ былъ выдвинуться самъ собой. Когда и какимъ образомъ онъ былъ признанъ ею? Какія онъ имѣлъ законныя санкціи? На какой почвѣ могло произойти примиреніе каноническаго и гражданского права? Это были вопросы, на которые церковь отвѣчала очень своеобразно. До этихъ отвѣтовъ намъ нѣтъ никакого дѣла.

Гражданскіе законы затрагивали всѣ личныя и общественныя отношенія людей; имъ приходилось имѣть дѣло со всѣми сторонами жизни гражданского общества; ихъ принципы не совсѣмъ совпадали съ тѣми, на которыхъ основывалось каноническое право.

Происхожденіе того явленія, которое мы называемъ возрожденіемъ наукъ, надо искать въ тѣхъ спорахъ, которые неизбежно возникали при сравненіи столь различныхъ принциповъ и въ необходимости обратиться къ оригиналамъ классическихъ авторовъ. Собственно, начало эпохи Возрожденія слѣдуетъ искать въ итальянскихъ школахъ начала XII столѣтія.

Исторія первой половины XIII столѣтія служитъ доказательствомъ того, что закваска для этой эпохи готовилась и въ Оксфордѣ, и въ Парижѣ, въ лицѣ Роберта Линкольна и Рожера Бэкона, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Еще задолго до появленія ученыхъ, принадлежащихъ эпохѣ Возрожденія, Бэконъ настаивалъ на изученіи мертвыхъ языковъ, философіи, математики, классической литературы. За нѣсколько сотъ лѣтъ до Лютера онъ указалъ на ошибки вульгаты и отцовъ церкви. Онъ подготовилъ путь Петраркѣ, хотя послѣдній и явился фактически только столѣтіемъ позднѣе. Какая причина вызвала этотъ неожиданный переходъ къ сильному и здоровому движенію? Ни одинъ факторъ не явился въ этомъ случаѣ столь дѣйствительнымъ, какъ реабилитация Аристотеля, апостола ортодоксальной философіи, имѣвшая мѣсто около 1250 г. «Первый представитель новаго направленія» опоздалъ явиться на цѣлое столѣтіе, а дальнѣйшее возрожденіе даже на три столѣтія. Войны XIV вѣка залили европейскую науку потоками крови. Исторіи начала эпохи Возрожденія наукъ, относящагося къ XII и XIII столѣтіямъ, до сихъ поръ еще не существуетъ, а роль, которую заняла научная мысль Бэкона и его современниковъ въ исторіи этого возрожденія оцѣнивается гораздо ниже, чѣмъ слѣдуетъ. Наука, какъ одна изъ двигательныхъ силъ всей эпохи, была забыта. Въ работахъ профессиональных историковъ ренессанса рѣдко встрѣчаешь имя какого нибудь-ученаго; даже имя Коперника не упоминается почти нигдѣ.

Движеніе началось въ Италіи. Петрарка былъ первымъ человекомъ новаго міра, какъ Данте былъ послѣднимъ представителемъ стараго. Гер-

манія, входившая въ составъ Священной Римской Имперіи, всей душой отзывалась на это движеніе, находясь въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Италіей; каждый изъ германскихъ полунезависимыхъ дворовъ былъ благоприятнымъ центромъ для развитія новыхъ идей.

Открытіе Колумба послужило могущественной поддержкой для освобожденія мыслей человѣка отъ цѣпей обычаевъ и предрасудковъ. Путешествія Васко-де-Гамы въ Индію (1497—99) и Магеллана вокругъ свѣта (1519—21) расширили кругозоръ людей, возбуждая въ нихъ въ то же время любознательность и надежды. Люди создали себѣ новыя цѣли; изобрѣтенія и открытія—были уроки, преподанные людямъ эпохой. Эти уроки касались всего человѣчества. Даже крестьянинъ, слушая рассказы о новыхъ чудесныхъ открытіяхъ, начиналъ больше сознавать себя человѣкомъ. Философа, работающаго въ кабинетѣ, они подстрекали на новые труды. Новымъ духомъ повѣяло во всей цивилизованной Европѣ.

Чтобы понять эпоху, необходимо ознакомиться съ состояніемъ ея искусства, науки, техники, промышленности. Въ продолженіе среднихъ вѣковъ были изобрѣтены или заимствованы: порохъ, часы, телескопъ, пергаментъ, бумага, компасъ; математика—въ особенности алгебра и тригонометрія получили широкое развитіе; перспектива изучалась и совершенствовалась; аспериментальная химія, которая все еще не могла назваться наукой, также служила предметомъ изученія; хирургія стала на одну доску съ медициной; музыка, какъ мы знаемъ, получила начало, благодаря системѣ нотныхъ знаковъ, предложенной Гвидо д'Ареццо; контрапунктъ превратился въ цѣлую теорію; въ области оптики и акустики было сдѣлано много усовершенствованій; въ это же время было положено начало механикѣ; искусство книгопечатанія сдѣлало литературу общимъ достояніемъ какъ бѣдняковъ, такъ и богачей.

Если мы перейдемъ къ области искусства, то здѣсь можно отмѣтить много выдающагося. Всѣ итальянскіе базилики, всѣ арабскія мечети, всѣ византийскія церкви, всѣ готическіе соборы принадлежатъ этому періоду. Св. Софія построена въ 532 г. по Р. Х., Соборъ Св. Марка въ 1052 г., Соборъ Парижской Богоматери въ 1163 г., Юркскій соборъ въ 1171 г., Соборъ Св. Петра въ 1450 г. Изъ великихъ художниковъ Чимабуэ родился въ 1240 г. Джотто въ 1276, Ванъ-Дейкъ въ 1366, Боттичелли въ 1447, Леонардо Да Винчи въ 1452, Дюреръ въ 1470, Микель-Анжело въ 1474, Тицианъ въ 1477, Рафаэль въ 1483, Корреджіо въ 1494, Гольбейнъ въ 1495, Тинторетто въ 1512, Веронезъ въ 1532. Эти, взятые почти что на удачу примѣры занимаютъ почти тысячу лѣтъ; но эпохой великаго прогресса можно только считать періодъ между XII и XVI столѣтіемъ. Если мы взглянемъ на сумму того, что сдѣлано въ теченіе 500 лѣтъ, то мы видимъ, что эпоха полна кипучей дѣятельности. Ея интересы—не научные: комфортъ не составляетъ ея идеаловъ. Въ самомъ началѣ темной жизни Европы ея задачей было наложить узду на варваровъ, овладѣвшихъ страной и примирить, насколько возможно, обычаи, законы, идеалы и учрежденія сѣверныхъ и южныхъ расъ. Движеніе прогресса, принимая во вниманіе существовавшія начала, нельзя признать медленнымъ. Успѣхи, достигнутые Европой съ VI по XVI столѣтіе, являютъ собой поразительный феноменъ и никто при изученіи этой эпохи не можетъ удержаться отъ изумленія.

Мы, которые дышимъ другимъ воздухомъ, не должны забывать, что духовенство мало заботилось о наукѣ, какъ о таковой, и думало исключительно о религіи. Въ своей Summa св. Тома Аквинатъ посвящаетъ

ученымъ матеріямъ только одну главу. Кромѣ того, мы должны старательно избѣгать возможности смѣшенія философскихъ воззрѣній съ мнѣніемъ толпы. Толпа тогда, какъ и теперь, мало задумывалась надъ философскими проблемами и получала мнѣнія уже въ готовомъ видѣ. Терпимость философская есть продуктъ опыта. Принцы, какъ Аль Мамунъ и Альфонсъ X покровительствовали наукамъ въ широкихъ размѣрахъ. Толпы докторовъ, поэтовъ, врачей, артистовъ, астрономовъ жили при ихъ дворахъ въ мирѣ и согласіи, къ чему ихъ вынуждало положеніе. Вѣтъ сферы придворной парии зависть исключенныхъ изъ этой среды теологовъ и суровая ненависть народа. Чего люди не понимаютъ, то всегда кажется имъ ересью. Едва ли нашелся бы въ средніе вѣка хоть одинъ мусульманскій или христіанскій докторъ, который бы среди простого народа не слылъ за волшебника. Медицина, астрологія, алхимія, считались волшебными искусствами. Для людей, искренно вѣрившихъ въ существованіе вездѣшнихъ дьяволовъ, всякая наука казалась подозрительной.

Соображенія этого рода должны дѣлать насъ снисходительными къ ошибкамъ нашихъ братьевъ, жившихъ въ давнія времена. Составить списокъ безумій, заблужденій и преступленій своего вѣка легко; зато трудно найти для нихъ оправданіе; исходя изъ этого принципа, не будемъ торопиться осуждать средневѣковыхъ людей, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ противныхъ наукамъ теологическихъ сочиненіяхъ. Невѣжды, по прежнему, наиболѣе строгіе судьи. Для насъ фраза *Tout comprendre, c'est tout pardonner* также примѣнима, какъ и въ средніе вѣка.

Въ средніе вѣка ни одинъ философъ не былъ свободенъ отъ гипотетическаго метода—онъ неустанно подыскивалъ теоріи для объясненія замѣчнаго явленія. Однако, онъ не могъ касаться религіи или даже рѣзко агословить о предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ религіи. Малѣйшій намекъ на еретическія воззрѣнія приводилъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Да и въ наше время нападки на излюбленные убѣжденія встрѣчаются крайне нетерпимо. Нашей теперешней свободой мы въ большей степени обязаны равнодушію извѣстныхъ классовъ. При жизни Коперника его доктрины не послужили причиной церковнаго скандала, такъ какъ онъ выразилъ ихъ чисто научнымъ путемъ, избѣгая теологическихъ намековъ. Книги его были включены въ индексъ лишь въ 1616 году, и то только вслѣдствіе личной ненависти, которую Галилей возбудилъ своими рѣзкими сатирами. Если бы Рожеръ Бэконъ слѣдовалъ методамъ Коперника, онъ бы избѣгъ многихъ непріятныхъ минутъ, которыми была полна его жизнь, и міръ бы избавленъ отъ трехъ столѣтій блужданія по невѣрнымъ тропинкамъ. Если бы Галилей послѣдовалъ его примѣру, онъ могъ бы прожить мирно; и нашей теперешней свободой мы были бы обязаны другому мученику.

Мы привыкли избѣгать трудностей, принимая символы за идеи, типы—за людей; намъ грозитъ опасность утратить за этими типами и символами настоящее сужденіе о дѣйствительности. Скульптура грековъ суммируется для насъ въ нѣсколькихъ именахъ; но вѣдь, кромѣ Фидія и Праксителя, въ Греціи было много великихъ скульпторовъ. Астрономія XVI и XVII столѣтій богата славными именами; но для насъ она олицетворяется въ лицѣ Коперника, Тихо Браге, Кеплера и Галилея. Намъ кажется, что Коперникъ выплылъ откуда-то изъ темноты и создалъ новую эпоху; но онъ былъ такимъ же продуктомъ своего времени, какъ и Дарвинъ, этотъ второй *Bahnbrecher* (прокладыватель пути). Въ теченіе десятилѣтій, предшествовавшаго 1543 году опубликованія его книги, среди астрономовъ возникло сильное движеніе. Коперникъ былъ продуктъ уни-

верситетовъ; итальянскія школы, которыя онъ посѣщалъ годами, были полны духомъ изслѣдованія. Наступила эпоха пересмотра установившихся теорій. Обнародованіемъ своихъ теорій онъ обязанъ поддержкѣ друзей и ученыхъ, которые были согласны съ ними еще до того, какъ первая строчка ихъ появилась въ печати. Если бы Коперникъ и не существовалъ, геліоцентрическая теорія была бы безъ сомнѣній все же открыта еще до истеченія XVI столѣтія. Наблюденія Тихо носили въ себѣ ея зародыши. И она, навѣрное, не ускользнула бы отъ Кеплера.

Тихо является типомъ человѣка, который понималъ, что необходимо имѣть въ рукахъ большое число точныхъ наблюденій надъ движеніемъ небесныхъ тѣлъ, раньше чего нельзя составить теорію ихъ движенія. Испанскіе мавры, багдадскіе арабы и самаркандскіе турки дошли до этого раньше; итальянскіе же и нѣмецкіе астрономы также опередили Тихо на этомъ пути.

Кто можетъ сказать, въ какой степени Кеплеръ обязанъ своему учителю Мустлину, которому онъ не устаетъ пѣть хвалы за помощь въ чудесномъ открытіи?

Результатами, достигнутыми имъ въ астрономіи, Галилей много обязанъ телескопу; послѣдній же былъ изобрѣтенъ не имъ. Его величайшій вкладъ въ науку—механическая теорія; но даже Леонардо да-Винчи удалось далеко пойти по этому пути, а его современникъ, Стевинусъ, развилъ ее болѣе независимо и съ такимъ же пониманіемъ дѣла. Галилей былъ окруженъ людьми одинаковыхъ съ нимъ воззрѣній, если не пониманія.

Мы, въ свою очередь, можемъ признать этихъ четырехъ великихъ людей: Коперника, Тихо, Кеплера и Галилея—замѣчательными типами; но мы не должны забывать, что они не стояли обособленно. Каждый изъ нихъ сіялъ яркимъ и чистымъ свѣтомъ, но и каждый до извѣстной степени былъ зеркаломъ своего вѣка, концентрируя и отражая свѣтъ меньшихъ свѣтилъ, которыя его окружали. Однако, то, что онъ получалъ отъ нихъ въ видѣ тумана, онъ изливалъ дождемъ, какъ выразился одинъ лекторъ.

Но изъ этихъ четверыхъ двое, дѣйствительно, создали эпоху—первый и послѣдній. Послѣ того, какъ люди поняли книгу Коперника, міръ совершенно измѣнился. Центромъ его стало что-то другое. Солнце, а не земля стали царить въ нашей планетной системѣ. Планеты и звѣзды сдѣлались министрами солнца, а не башаами. Человѣкъ, *nodus e vinculum mundi*, утратилъ тронъ и корону. Доктрины Коперника измѣнили картину міра.

Чтобы постичь эту важную перемѣну потребовалось много времени. Галилей сказалъ рѣшительное слово—теорія Коперника была провѣрена телескопомъ. Новыя доктрины были расценены—отступленіе сдѣлалось невозможнымъ. Галилей, а не Коперникъ является противникомъ мнѣній того времени. Дѣло одного закончилъ другой. Но полная вѣра въ открытіе Коперника воцарилась не раньше Ньютона. Его и теперь встрѣчаютъ недружелюбно.

Въ представленіи средневѣковаго человѣка міръ былъ небольшимъ пространствомъ, втиснутымъ въ систему вращающихся сферъ. Это было просто, красиво и совершенно,—словно игрушка въ кристальномъ ящикѣ, внѣ стѣнокъ котораго не существуетъ ничего. Небо нетлѣнно. Никакой перемѣны во всей системѣ произойти не можетъ, развѣ въ самой землѣ. Міръ созданъ исключительно для человѣка. Онъ былъ малъ и ограниченъ. Мы даже послѣ долгаго размысленія не можемъ представить себѣ этого

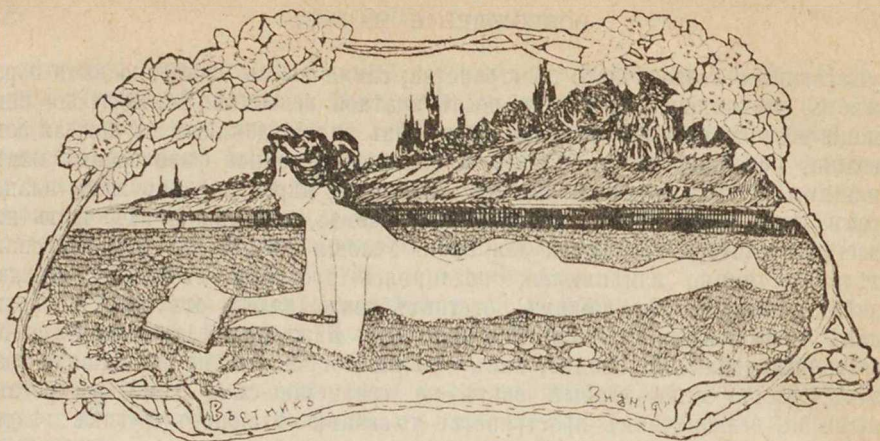

ужасающаго безконечнаго пространства; самая мысль настолько насъ поражаетъ, что спѣшить угаснуть послѣ краткой вспышки. Человѣческое вниманіе не можетъ охватить этого сразу. Изъ миллиардовъ звѣздъ каждая есть солнце подобное нашему, какъ и оно, подверженное физическимъ измѣненіямъ и катастрофамъ. Каждое изъ нихъ, вѣроятно, окружено планетами, подобными тѣмъ, которыя мы знаемъ; но большая ихъ часть навсегда останется невидимой для насъ. Условія жизни каждаго небеснаго тѣла постоянно измѣняются, подчиняясь прогрессу эволюціи. Каждая звѣзда, которую мы видимъ, отстоитъ также далеко отъ своей сосѣдки, какъ наше солнце отъ ближайшей звѣзды. Каждая звѣзда находится въ состояніи движенія. Солнце, какъ оно ни могущественно въ нашихъ глазахъ, даетъ лишь слабый свѣтъ по сравненію съ другими, разбросанными въ безконечномъ пространствѣ тысячами миллионовъ другихъ звѣздъ, свѣтъ которыхъ, чтобы дойти до насъ, употребляютъ цѣлыя столѣтія. Озаренная слабымъ свѣтомъ солнца, нашего источника жизни, земля наша свѣтитъ, какъ ничтожнѣйшій атомъ. Съ ея границами связана историческая судьба человѣчества.

Мы не должны забывать, что новѣйшій взглядъ на вселенную разнится отъ взгляда Коперника. До него земля стояла неподвижно въ центрѣ міра. Послѣ него она начинала непрерывно двигаться вокругъ солнца. Солнце-же Коперникъ призналъ неподвижнымъ. Но, согласно законамъ Ньютона о всемірномъ тяготѣніи, неподвижныхъ тѣлъ не существуетъ. Все движется. Наше солнце со всѣми планетами носится въ пространствѣ, стремясь къ какой-то неизвѣстной цѣли. Законъ Ньютона лишилъ вселенную покоя. По мнѣнію Коперника и Птолемея состояніе покоя есть то, къ чему стремится каждое тѣло. Оно движется только подъ вліяніемъ вѣчныхъ побужденій. Механика, наука созданная Галилеемъ и Ньютономъ измѣнила все это. Настоящая реформація въ наукѣ началась съ воцареніемъ этой новой идеи.

Л. Горскій.

Декадентская поэзія на пути въ Россію*).

III.

Чувства.

Перейдемъ теперь отъ формы къ содержанію декадентской поэзіи—сначала въ области чувствъ. Тутъ мы натываемся на второе столкновеніе декадентской поэзіи—съ принципомъ добра. Тяжелыя обвиненія сыплются градомъ: «распущенность», «извращенность чувствъ», «эгоизмъ и эгоизмъ», «попраніе лучшихъ идеаловъ» и т. д. Посмотримъ, не слишкомъ ли огульны обвиненія, нельзя ли смягчить тяжести приговора, не вправѣ ли мы и въ данномъ случаѣ постоять за красоту противъ аргумента добра, и не окажется ли, что въ конечномъ результатѣ добро не только не потеряетъ, но и выиграетъ на косвенныхъ путяхъ.

Итакъ, новая поэзія «безиравственна»?!

Мнѣ кажется, что этимъ аргументомъ слѣдуетъ пользоваться весьма осторожно. Процессъ поэзіи и вообще искусства съ добромъ такъ же старъ, какъ процессъ съ пользой.

Безиравственна античная скульптура. Нагота ея смущаетъ даже старика Толстого. Безиравственность Боккачіо, Рабле, Вольтера, будетъ уже общимъ мѣстомъ. Со строгой моралистической точки зрѣнія автора «Что такое искусство?» творенія Гомера, Софокла, Шекспира—«безиравственны», «дики», «жестоки».

Не правъ ли Толстой?.. Но предположите, что вы находитесь подъ вліяніемъ проповѣди Берты Сутнеръ, вы устали подобно Некрасову отъ «газетнаго витійства», призывающаго къ войнѣ, вы измучены въ конецъ «впечатлѣніями крови и убійства», вы жаждете «кроткихъ звуковъ» и вы повѣрили автору «Страшнаго года», что

Стонъ стоитъ надъ міромъ, не смолкая,
Только ты, поэзія святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

И вотъ, желая отдохнуть на лонѣ „святой поэзіи“, вы открываете *Иліаду* Гомера, воспитательную книгу юншества, плодъ дочери „счастія и любви“. Вы ужаснетесь. Всѣ буквы налились кровью. Попробуйте найти страницу, на которой не было бы рѣчи о «витязяхъ, свѣтлоу мѣдью одѣтыхъ», о «коняхъ златосбруйныхъ» и «жаждущихъ брани», о «чудныхъ видомъ колесницахъ» съ рѣжущими спицами, о „мѣтко бросаемыхъ копьяхъ“—и т. п.

«День разрознился священный;

Сыпались стрѣлы съ обѣихъ сторонъ и валились герои».

«Остріе черезъ шлемъ пролетѣло и кость проломило»... «Мозгъ сотряхнулся внутри» и т. д. и т. д. Убиваютъ и какъ убиваютъ! «Вогонравный Гекторъ» и «божественный Ахиллъ» поражаютъ не только «стрѣлой крылатой» и „звонкою мѣдью“, но прямо бросаютъ камнями и разбиваютъ головы не хуже—лучше нашихъ хулигановъ!..

Перескочите почти тридцать вѣковъ и откройте трилогію Сенкевича, которою всѣ мы увлекались и увлекаемся... Опять война, герои, сочувственно описываемый Лонгинусъ Подбиента, только о томъ и мечтающій, чтобы однимъ ударомъ сабли срубить три турецкихъ головы заразъ...

Вернитесь назадъ за нѣсколько вѣковъ... къ историческимъ драмамъ Шекспира. Вчитайтесь, какъ сочувствуетъ гениальный и просвѣщенный поэтъ сожженію... „колдунъ“ Жанны д'Аркъ!—Какая иронія! англійскій поэтъ осуждаетъ народную героиню Франціи. Французскій поэтъ Вольтеръ нишетъ острымъ перомъ въ игриво-пикантномъ духѣ поэму объ Орлеанской дѣвицѣ, нѣмецъ Шиллеръ—идеализируетъ ее.

Сколько извилистыхъ и расходящихся линій... А мы ищемъ добра и у Шекспира, и у Вольтера, и у Шиллера, какъ ищемъ и искали его у Гомера... И кто скажетъ, что мы не находимъ его тамъ?! Очевидно пути красоты не совпадаютъ съ однимъ прямолинейнымъ путемъ идеала добра... и на тѣхъ поэтическихъ путяхъ разсыпаны только золотыя его крупницы... или „добрыя чувства“ извлекаются изъ поэзіи какимъ-то косвеннымъ путемъ.

Станьте на точку зрѣнія моралиста Толстого и попробуйте идти по указанному имъ пути. Вы не встрѣтите на дорогѣ вовсе искусства, либо встрѣтите одну только рекомендуемую Толстымъ „Исторію Іосифа и братьевъ“. Вы не найдете на ней „Войны и мира“, „Анны Карениной“ и т. п. Эти „безнравственные сочиненія“ устранены самимъ авторомъ. И если Толстой правъ, что „искусство заражаетъ насъ чувствами“, а это несомнѣнно, то не придется ли ужаснуться, что „опасная зараза“ течетъ изъ всей поэзіи, отовсюду, миллиономъ тайныхъ потоковъ.

Однако, оставляя даже строгую, педантическую точку зрѣнія Толстого, ужъ такъ ли просто и доказуемо безъ всякихъ околичностей, напр., то, что великій русскій поэтъ „чувства добрыя лирой пробуждалъ“?

„Люблю героя моего“—говоритъ Пушкинъ о Евгеніи Онѣгинѣ. И чувство автора поэмы поневолѣ находитъ откликъ въ сердцахъ читателей. Но если взять аршинъ доброй нравственности въ руки, то увлеченіе автора Онѣгина своимъ героемъ, заражающее читателей, не покажется ли, по меньшей мѣрѣ, страннымъ?

Поэтъ беспощадными словами упрекаетъ окружающихъ Онегина, что они такъ „неблагодарно отзываются“ о немъ (ср. 11 строфу VIII пѣсни).

Онъ защищаетъ скучающаго, бездѣлничающаго вѣтрогона, „москвича въ гарольдовомъ плащѣ“, который, бывъ причиною дуэли, *первымъ* выстрѣлилъ и убилъ благороднѣйшаго друга!

Оцѣнка Писаревымъ поэмы неправильна. Но его же нравственная оцѣнка ничтожности героя поэмы—съ точки зрѣнія „добрыхъ чувствъ“, развѣ также неправильна?

И между тѣмъ, всѣ мы чувствуемъ, что въ упомянутомъ „люблю“ поэта есть доля справедливости, что его слабость къ Онегину, его поэтическое прощенье—столь же естественны и понятны, какъ высокій гнѣвъ Писарева. Только въ такомъ случаѣ, это: „чувства добрыя лирой пробуждалъ“ не такъ ужъ явно, коль скоро Писаревъ могъ столь сильно ошибиться,—коль скоро заблуждается и Толстой!

И какія именно чувства пробуждалъ поэтъ?.. Вамъ придется съ вашею *прямолинейною* мѣркою стать втупикъ между эпиграммой на Карамзина и „Божьей грозой—Петромъ“ во вдохновенный поэмъ о Полтавѣ, между безумцемъ Евгениемъ изъ „Мѣднаго Всадника“ и „строителемъ чудотворнымъ“, между „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“ и „Нѣтъ, я не лстецъ...“, между „Посланиемъ въ Сибирь“ и „Одой на выздоровленіе Лукулла“ и... хоть бы прозой прошеній къ Бенкендорфу то о денежной помощи, то о разрѣшеніи издавать добронравную политическую газету, между „Одой къ свободѣ“ и „Одой на взятіе Варшавы“, между начатымъ переводомъ „Конрада Валенрода“ и шовинистическимъ воплемъ „Клеветникамъ Россіи“. Сколько изгибовъ души, въ общемъ несомнѣнно лысокой, сколько поворотовъ и переливовъ!

Въ демоническомъ Лермонтовѣ мы могли бы отыскать интересныя аналогіи такого внутренняго смятенія. Авторъ „Героя нашего времени“ еще менѣе выдержалъ бы мѣрку простодушной нравственности съ ясными, голубыми глазами.

Укажемъ еще на автора „Корсара“, прослывшаго среди чопорно-нравственной англійской публики чуть ли не злодѣемъ. Вспомнимъ, какъ упорно поддерживалъ Байронъ свою дурную репутацію выводимыми въ своей поэзіи типами. А все же авторъ „Манфреда“, „Донъ-Жуана“, „Каина“, вдохновитель лермонтовскаго Демона, пушкинскаго Алеко, мицкевичевскаго „Конрада“—не есть ли для насъ образецъ нравственной мощи, высокаго протеста противъ ханжей и святошей, противъ фальшивой, косной, мѣщанской добродѣтели англійскаго общества? А Шелли, подвергнувшійся также осужденіямъ?..

Идеаль поэзіи не добро, а красота. Поэзія не гонится за добромъ по какому-то прямому, какъ стрѣла, торному пути. Она не бонна, учащая добропорядочности и благовоспитанности. Она изображаетъ цѣлое море дивно-волнующихся человѣческихъ чувствъ. Красота чувства для нея не въ добрѣ, а въ силѣ и искренности. Порывъ энтузіазма, гордой чести, патріотизма, относитъ иногда волны ея далеко отъ сострадательности, мягкости. За то, наоборотъ, порывъ сострадательности, высшей справедливости, психическаго проникновенія, иногда взбиваетъ ея волны высоко надъ плоскими берегами мѣщанской, холодной

порядочности съ ея бессмысленными и жалкими осужденіями.—Иногда порывъ воодушевленія, надежды, идеализма живительнымъ сокомъ брызжетъ изъ поэзій и побѣждаетъ общественное малодушіе. Иногда... горечь разочарованія, философскій скептицизмъ, пессимистическое настроеніе, охватывая душу поэта, разражаются насмѣшкой, крикомъ отчаянія, проклятіемъ всему—наперекоръ бодрости и оптимизму честныхъ труженниковъ и борцовъ за лучшіе идеалы...

Вотъ нѣкоторые тоны этой многозвучной гаммы чувствъ. Повторяю: ихъ красота—въ силѣ и искренности настроенія, въ глубинѣ, тонкости, оригинальности его... При этомъ качество его можетъ быть весьма различно. Силѣ бодрости соответствовать можетъ такая же степень «силы» апатій. Высота гнѣва отвѣчаетъ „высотѣ“ подавленности. Сарказмъ и вѣра одинаково красочны въ этой радугѣ чувствъ. Муза мести и печали дышетъ заодно съ музой любви и веселья...

И, въ концѣ концовъ, о „дурныхъ“ чувствахъ не можетъ быть рѣчи. Красота, не совпадая съ добромъ, гнушается зломъ и низостью. Протестъ поэтовъ противъ данной степени нравственности бываетъ прямымъ или косвеннымъ требованіемъ высшей нравственности. Истинно великое произведеніе не можетъ быть безнравственно. Нагія статуи Праксителя—цѣломудренны. Противъ всякихъ „Loi Beranger“ во Франціи, „Loi Woeste“ въ Бельгіи, „Lex Heinze“ въ Германіи полно силы заявленіе Эдмонда Пикара: „Непозволительно называть порнографическимъ произведеніе великаго художника“. Или умѣстна ссылка на Эмиля Вергерена (Verhaeren): «Безнравственность въ литературѣ начинается тамъ, гдѣ оканчивается творческая сила».

Если подѣ тѣмъ же угломъ зрѣнія мы вникнемъ въ странныя черты новой поэзій, то многое, что въ ней огульно осуждается, представится намъ въ совершенно новомъ свѣтѣ. Иной разъ подѣ злобною маской мы увидимъ болѣзненно сжимающееся сердце. Иной разъ эгоистическая гордость окажется лишь временной и законной реакціей избытка отвергнутой любви. Подѣ напускною себялюбивою торжественностью откроемъ глубину разочарованія. Высокомѣрный аристократизмъ представится намъ, какъ законный отпоръ одинокой и несчастной въ одиночествѣ души, направленный противъ назойливости толпы, той самой черни, которую презиралъ Пушкинъ, которой гнушался еще болѣе Лермонтовъ, которую проклиналъ Байронъ, которая казалась *profanum vulgus* еще Горацію.

Новая поэзія, послѣ того, какъ черезъ рѣмованныя формы протекло столько ясно очерченныхъ чувствъ, поневолѣ принуждена искать новыхъ оттѣнковъ чувствъ, выражать оригинальные изгибы души, дабы не казаться читателю повторяющейся, ненужной, скучной. Въ этомъ отношеніи новая поэзія идетъ также по пути, указанному прежними поэтами. Пресловутая „простота“ чувствъ у Пушкина и Лермонтова и естественность выраженія у нихъ, при болѣе глубокомъ анализѣ, окажутся плодомъ сложнаго психическаго процесса, на ускореніе котораго повліяли оба названные поэта.—Вотъ примѣръ. Наше чувство идеализированной любви, кажущееся столь простымъ, весьма сложно, богато массою оттѣнковъ и несомнѣнно составляетъ плодъ вѣковаго развитія, на ходъ котораго по-дѣйствовали средневѣковые трубадуры, провансальскіе пѣвцы, авторъ „Божественной Комедіи“, авторъ „Ромео и Джульетты“ романтики и многіе другіе—

на русской же почвѣ, между прочимъ, сангитментальный Карамзинъ, романтичскій Жуковский, тонкій Пушкинъ, пламенный Лермонтовъ, чуткій Тургеневъ и т. д.

Человѣческая душа способна къ безконечному усложненію и обогащенію новыми оттѣнками. Притомъ каждое пріобрѣтеніе, разъ оно достигнуто и сдѣлалось устойчивымъ, кажется и естественнымъ и простымъ. Что можетъ быть сложнѣе способности рѣчи, и что для насъ проще, когда мы *говоримъ*, не задумываясь надъ чудеснымъ умѣніемъ вызывать и сочетать правильно и неизмѣнно быстро многообразныя движенія органовъ рѣчи?...

Углубленіе и «утонченіе» впечатлительности, обогащеніе и усложненіе души новыми оттѣнками, увеличеніе наслѣдія великихъ поэтовъ-учителей въ области чувства—вотъ тотъ лозунгъ, который сознательно или безсознательно провозглашаютъ новой поэзіей. Лозунгъ весьма опасный, ибо, прикрываясь имъ, проникаетъ въ литературу неискренность, лжманіе, кривляніе, дѣланная оригинальность. Но лозунгъ вполне законный, обязывающій критиковъ осторожно произносить свой приговоръ: „*неискренно*“—при всякой встрѣчѣ съ необыденнымъ способомъ чувствовать и воспринимать явленія жизни. Ибо тутъ легко ошибиться...

Литература, которая имѣла духовидца Достоевскаго съ его причудливо-фантастическими образами, съ его страстью забираться въ самые сокровенныя тайники души, съ его „Идіотомъ“ и „Бѣсами“, какъ бы многотомными хрониками дома умалишенныхъ на свободѣ—литература, говоря, не можетъ задержать движенія по тому-же „больному“ направленію. „Болѣзнь“ и „здоровье“—это вопросъ сложнаго и томительнаго діагноза, а не поверхностныхъ наблюденій трезваго разсудка или „пошлаго опыта“, рѣзко названнаго Некрасовымъ „умомъ глупцовъ“.

Страна, въ которую черезъ прорубленное Петромъ и расширенное временемъ окно хлынули потоки выработанной вѣками западной культуры и прикоснулись къ верхнимъ пластамъ относительно свѣжей, нетронутой почвы, должна была образовать весьма своеобразную интеллигенцію. Тутъ должны были зародиться тѣ оригинальныя, полныя смятенія, поражающія контрастами души, которыя въ твореніяхъ Толстого и Достоевскаго призвели въ восхищеніе западъ, пробудили любопытство къ Россіи тамъ, гдѣ культурная нивелировка уничтожила непосредственность и оригинальность чувствъ и вызвала *естественнымъ* путемъ, какъ протестъ, рожденіе декадентства.

Я предугадываю упрекъ; мнѣ могутъ сказать: пусть то развитіе, о которомъ я говорю, будетъ основою для дальнѣйшаго развитія. Но изощренность, рафинированность чувства на русской почвѣ могутъ развиваться лишь неестественнымъ путемъ. Гдѣ массы не поднялись до уровня того, что нормально, до духовнаго развитія, достигнутого поэзіей Пушкина, Лермонтова, Некрасова, прозой Тургенева, Толстого и т. п.—тамъ рафинанція преждевременна, опасна... тамъ она является аномаліей.

Опять-таки нельзя съ этимъ не согласиться въ значительной мѣрѣ. Культурная позиція русскаго общества дѣлаетъ болѣе правомѣрнымъ отпоръ „декадентству“, чѣмъ на Западѣ. Потому-то онъ и идетъ изъ лагеря честныхъ борцовъ и труженниковъ за народное благо. Въ этомъ и заключается неблагопріятное

условіе для развитія декадентской поэзіи въ Россіи: она отталкивается обществомъ. И въ этомъ отстраняющемъ движеніи живетъ мощь здороваго идеализма, оптимизма сильныхъ душою тружениковъ.

Но—хотя это покажется парадоксомъ—въ этой же культурной позиціи скрывается заразъ условіе, благоприятствующее развитію декадентства. Философская разочарованность Запада усугубляется на русской почвѣ соціальной разочарованностью болѣе слабыхъ душъ, вызываетъ ту подавленность, отъ которой иные ищутъ спасенія въ искусствѣ, въ обожествленіи красоты. Понять это—значить: многое простить!

И еще одно: разъ *верхи* русскаго общества развились до уровня западной культуры и, въ постоянномъ общеніи съ нею, въ состояніи проникнуться ея чувствами и мыслями, то такъ-ли легко устоять имъ передъ искушеніемъ текущей съ Запада струи, только изъ-за того, что массы не достигли средняго уровня западной культуры?

Псевдоклассицизмъ, сентиментализмъ, романтизмъ, байронизмъ, реализмъ—всѣмъ этимъ окачено было русское общество черезъ то же прорубленное Петромъ окно. Странно читать въ учебникахъ литературы, въ родѣ Галахова, о «періодахъ» развитія русской словесности, когда знаешь, что Державинъ, Карамзинъ Жуковский, Лермонтовъ, Пушкинъ—все это современники. А между тѣмъ, это такъ. Русская *интеллигенція* движется чрезвычайно быстро потому именно, что она подвергается вліяніямъ готовыхъ образцовъ Запада, обладаетъ удивительной способностью воспріятія и усвоенія. Но это способность исключительная, даровитыхъ натуръ, вкисившихъ отъ древа познанія, европейски образованныхъ. Она не можетъ жить и проявляться въ болѣе широкомъ масштабѣ, среди неграмотныхъ или полуграмотныхъ массъ населенія. Отсюда та зіяющая пропасть между верхами и низами... печальная и нежелательная!

Однако, если даровитыя поэтическія натуры въ Россіи подвергаются идущему съ Запада движенію декадентскаго искусства, то не законно ли это въ той самой мѣрѣ, какъ всѣ предыдущія соприкосновенія, привитія, приобщенія—всѣ прежнія явленія «заразительности чувствъ». И что дѣлать, если разочарованность Европы течетъ въ Россію наперекоръ смѣлой и мощной надеждѣ лучшихъ людей, и горечь ея усиливается химическимъ средствомъ съ родными горестями?..

Бороться противъ опасности!—отвѣтять мнѣ.

Бороться осторожно, чтобы не смять нѣжнаго цвѣтка красоты—не будетъ ли это вѣрнѣе?.. И вотъ почему:

Опасность заразы чувствами по читанному и слышанному не столь сильна, какъ, обыкновенно, предполагается. Еслибы она была такъ сильна, не пришлось бы автору «Исторіи матеріализма», Ланге, удивляться, что чтеніе въ теченіе вѣковъ Евангелія такъ медленно дѣйствовало на толпу и не помѣшало появленію инквизиціи... А сегодня?..

Если сопоставить великіе завѣты христіанской этики съ душевною мерзостью современныхъ челоуѣконенавистниковъ, позволяющихъ себѣ дѣлать ссылки

на Евангеліе, то придется констатировать, что извѣстные чувства на слишкомъ неразвитыхъ души не оказываютъ должнаго вліянія: они имъ непонятны.—

Мнѣ кажется, что утонченныя, изощренныя, иногда хитросплетенныя чувства декадентовъ также неспособны оказывать вліянія на массы. Въ этомъ заключается для нихъ естественная преграда, пожалуй, сильнѣе той, которую воздвигаетъ противъ нихъ общественная борьба. Въ этомъ кроется причина отчужденности и аристократическаго одиночества поэтовъ-декадентовъ.

Альпійскія розы, вырастающія на высокихъ недоступныхъ скалахъ, попадаютъ въ руки лишь тѣхъ путниковъ, которые взберутся на вершины. И все же онѣ цвѣтутъ...

Для тѣхъ, кто напьется изъ горькаго источника декадентской поэзіи, ея красоты не будутъ отравой. Не понимающіе отвергнутъ напитокъ, ибо найдутъ его безвкуснымъ. Понимающіе отведутъ имъ душу. Та горечь, которая въ немъ находится, будетъ лишь перелитой въ краски и звуки горечью ихъ собственной души.

Высказанная боль есть облегченіе для читающихъ. Гете, написавъ Вертера, сказалъ: «я отдѣлался отъ своего любовнаго страданія». Страдающіе отъ любви, плача надъ страницами Вертера, находили облегченіе. Такъ дѣйствовала поэзія всѣхъ вѣковъ: «побасенки» Шекспира, комедіи Гоголя, сатиры Щедрина.

Въ «декадентской» отравѣ для смятенныхъ и безсильныхъ душъ современности есть такое же успокоеніе и истекающая изъ него обновленная сила. Это парадоксъ—но это парадоксъ не нашъ лично. Это парадоксъ человѣческой души.

По нашимъ толкованіямъ выходитъ что-то обидное... «Декаденты» вдругъ оказываются на вершинѣ! Но пусть читатель вспомнить, что мы смотримъ на группировку культурныхъ явленій съ эстетической точки зрѣнія. Тогда высоко поднятая «терраса Плошовскихъ»—употребляя сравненіе героя „Безъ догмата“—представляется вполне умѣстнымъ символомъ.

Эта терраса утопаетъ въ облакахъ мистицизма. Съ ея высоты якобы не видны страданія простаго люда, столь близкія «гражданской поэзіи», благородной музѣ Некрасова или Беранже. Вѣрнѣе же говоря, они видны—но не въ индивидуальныхъ подробностяхъ, а въ общихъ очертаніяхъ, въ туманномъ сплоченномъ обликѣ всего, что наблюдается съ высоты. И печальное холодное одиночество вершинъ есть какъ бы отвѣтъ ужасамъ глубины. Вглядитесь лучше: «дебошъ» на террасѣ есть меланхолическая пляска смерти, какъ у Сень-Санса...

Честь тѣмъ, которые нашли въ себѣ мужество оставаться внизу и отсюда производить давленіе, имѣющее въ виду поднятіе низовъ. Но отчаяніе убѣжавшихъ на «террасу» находитъ себѣ оправданіе. Тонкимъ нервамъ этихъ послѣднихъ трудно слышать гулъ, лязгъ желѣза, торжествующіе крики злости, многообразные голоса повседневной суеты, шумъ брани, все то, что доносится снизу, изъ пропастей, изъ господствующей либо изъ защищающейся позиціи... Отчаявшіеся мечтатели укрылись въ облакахъ—ищутъ спасительныхъ звѣздъ на небѣ красоты—молятся поэзіи, въ мукахъ рождаютъ свои строфы.

И когда современемъ все подымется, когда разсѣется туманъ, можетъ

быть, ихъ поэтический трудъ будетъ также признанъ, оцененъ, понятъ широкими массами.

Прекрасной иллюстраціей стремленій новыхъ поэтовъ служить стихотвореніе г-жи З. Гиппиусъ «О вѣрѣ». Въ немъ оригинально то, что онъ противорѣчитъ вѣчнымъ порывамъ поэзіи къ прошлому, тоскѣ за былою вѣрою. Вспомнимъ хотя бы приведенное вышеба лѣмонтовское: «Отчего въ языкѣ отошедшихъ людей...» И все же стихотвореніе это не проникнуто сомнѣніемъ. Въ его мужественной серьезности дышетъ надежда на то, что есть еще для человѣчества впереди новая вѣра—«das dritte Testament», какъ выразился Гейне. Впрочемъ, это лишь поэтический моментъ. Какъ чувствуетъ г-жа Гиппиусъ завѣтъ Христовой любви, увидимъ ниже.

О Вѣрѣ.

Великій грѣхъ—желать возврата
Неясной вѣры дѣтскихъ дней.
Намъ не страшна ея утрата,
Не жаль пройденныхъ ступеней.
Мечтать ли намъ о повтореньяхъ?
Иной мы жаждемъ высоты:
Для насъ—въ сліяньяхъ и сплетеньяхъ
Есть откровенія простоты.
Отдайся новымъ созерцаньямъ,
О томъ, что было—не грусти.
И къ вѣрѣ истинной,—со знаньемъ,—
Ищи безстрашнаго пути.

Стремленіе къ «новой вѣрѣ» г-жи Гиппиусъ можетъ казаться какимъ-то болѣзненнымъ извращеніемъ чувствъ. Строгихъ критиковъ успокоитъ, я думаю, стихотвореніе г-жи Гиппиусъ подъ заглавіемъ «Сообщники». Оно написано на старую тему. Фраза, что «мы каждый день вновь распинаемъ Христа», не нова. Но мысль эта блеснула подъ перомъ г-жи Гиппиусъ новизной. Она усилена рядомъ образовъ, картинностью ужасныхъ подробностей. Наша ежечасная грѣховность поднята до символа. Есть какая-то художественная дерзновенность въ проникновенности и точности образовъ этого стиха.

Ты думаешь, Голгова миновала.
При Понтіи Пилатѣ пробилъ часъ,
И жизнь съ тѣхъ поръ уже не повторяла
Того, что быть могло—единный разъ?
Иль ты забылъ? Недавно мы съ тобою
По площади бѣжали второпяхъ
Къ судилищу, гдѣ двое предъ толпою
Стояли на высокихъ ступеняхъ.
И спрашивалъ одинъ, и сомнѣвался,
Другой—молчалъ, какъ и въ былые дни.
Ты все впередъ, къ ступенямъ порывался...
Кричали мы: «распни Его, распни!»
Шелъ въ гору Онъ—ты помнишь?—безъ сандалій...
И ждалъ его народъ изъ ближнихъ мѣстъ.
Съ Молчавшаго мы тамъ одежду сняли

И на веревкахъ подняли на крестъ.
 Ты, помяу, былъ на лѣстницѣ, направо...
 Къ ладони узкой я приставилъ гвоздь.
 Ты стукнулъ молоткомъ по шляпкѣ ржавой,
 И вникло остріе, не тронувъ кость.
 Мы о хитонѣ спорили съ тобою,
 Въ сторонкѣ сидя, у костра, вдвоемъ...
 Не на тебя-ль попала кровь съ водою,
 Когда ударилъ я Его коньемъ?
 И не съ тобою ли у двери гроба
 Мы тѣло сторожили по ночамъ?
 .....
 Вчера, и завтра, и до вѣка, оба—
 Мы повторяемъ казнь—Ему и намъ.

Какое окончаніе! Какъ сильно это: «мы». И вся мысль стихотворенія!
 Это-ли нехорошія чувства?

Безнадежную тоску поколѣнія выражаетъ подобающимъ тономъ г. Мережков-
 скій въ «Молитвѣ о крыльяхъ».

Ницъ простертые, унылые,
 Безнадежные, безкрылые,
 Въ покаяніи, въ слезахъ,—
 Мы лежимъ во прахѣ прахъ,
 Мы не смѣемъ, не желаемъ,
 И не вѣримъ, и не знаемъ,
 И не любимъ ничего.
 Боже, дай намъ избавленья,
 Дай свободы и стремленья,
 Дай веселья Твоего,
 О спаси насъ отъ безсилія,
 Дай намъ крылья, дай намъ крылья,
 Крылья духа Твоего!

Ощущеніе потребности молитвы слышится часто въ современной поэзии
 Авторъ «Альмы» *) г. Минскій картинно изображаетъ положеніе современнаго не-
 вразумленнаго, обращающагося съ мольбой къ Богу.

Къ тебѣ, Господь, душа моя пришла,
 Не какъ цвѣтокъ идетъ въ лучи тепла,
 Не какъ вершина—въ свѣтъ эира горній,
 Но какъ нисходятъ алчущіе корни
 Въ подземный міръ, гдѣ ихъ накормитъ прахъ,
 Гдѣ напоитъ ихъ смерть въ своихъ гробахъ.
 Сошелъ я въ глубину и въ темноту
 Твоихъ, о Боже, тайнъ, да обрѣту
 Для древа жизни жизненные соки,

*) Произведеніе это задумано очень глубоко. Трагическая тройная борьба
 между идеалами дѣвственности и половой жизни, идеаломъ всеобщей любви и любви
 къ своей крови, идеаломъ любви къ ближнему и любви къ красотѣ изображена
 поэтомъ въ оригинальныхъ картинахъ. Жаль, что столкновенія нѣсколько схемати-
 зированы и конецъ драмы отдаетъ скукой. Все же критика несправедливо замолчала
 или выпустила это произведеніе. Оно достойно лучшей участи.

Да напою цвѣты и стволъ высокій,
Засохшіе подъ зноемъ бытія,
Молящіе прохлады, какъ и я.

Но вернемся къ Бальмонту, «полюбившему несдержанность мечтанія», по-ищемъ тѣхъ извращенныхъ чувствъ, которыя такъ беспокоятъ нѣкоторыхъ критиковъ. Вглядываясь въ нихъ, мы увидимъ, что они вовсе не такъ опасны. Бальмонтъ любитъ слово: «убить», и желаетъ убить, чтобы уподобиться Богу. Но оказывается, что дѣло идетъ объ убіеніи лягушки и рассказывается о чувствахъ ребенка.

Я помню скользкое въ рукахъ,
Я помню холодъ, дрожь,
Я помню солнце въ облакахъ
И въ дѣтскихъ пальцахъ ножъ.
Я темный духъ, я темный парь;
Минута недолга:
И торжествующій дикарь
Скальпировалъ врага.
И что-то билось безъ конца
Въ глубокой тишинѣ,
И призракъ страшнаго лица
Приблизился ко мнѣ.
И кто-то близкій мнѣ сказалъ,
Что проклятъ я теперь,
Что, кто слабѣйшаго терзалъ,
Въ томъ сердца нѣтъ,—онъ звѣрь.

Видите, что такимъ образомъ утверждается сила человѣческой совѣсти, что сердце маленькаго убійцы, задумавшаго уподобиться Богу въ правѣ уничтоженія, потрясено до глубины. Но... вотъ идутъ дикія «декадентскія» мысли, утверждающія право наносить боль. Если, однако, читатель задумается надъ необходимостью боли въ природѣ, остановитъ мысль на утвержденіи ея всѣми религіями, на ея плодородности, если читатель обратитъ вниманіе, что поэтъ прощаетъ и благословляетъ тѣхъ, которые ему причинили боль, и что, въ концѣ концовъ, онъ самъ смущенъ откровеніемъ своего ума—то злобредность стихотворенія пропадетъ и откроется лишь его поэтическая прелесть. Я привожу окончаніе:

Но странно былъ мой умъ упрямъ,
И молча думалъ я,
Что боль дана, какъ правда, намъ,
Чужая и моя.
О, знаю, боль сильнѣй всего,
И ярче всѣхъ огней,
Безъ боли тупо и мертво
Мельканіе жалкихъ дней.
И я порой терзалъ другихъ,
Я мучилъ ихъ... Ну, что-жъ!
Зато я создалъ звонкій стихъ,
И этотъ стихъ не ложь.
Кому я радость доставлялъ,
Тотъ спалъ, какъ сытый звѣрь.
Кого терзаться заставлялъ,

Предъ тѣмъ открылась дверь.
 И самъ въ безжалостной борьбѣ
 Терзаніе принявъ,
 Благословеніе шлю тебѣ,
 Кто предо мной неправъ.
 Быть можетъ, ересь я пою?
 Мой духъ ослѣпъ, оглохъ?
 О, нѣтъ, я слышу мысль мою...
 Я знаю, вѣченъ Богъ!

Вездѣ, гдѣ выражены жестокія чувства, собственно говоря, дѣло касается несдержанности мечтанія. Это преувеличеніе тѣхъ чувствъ, которыя общи всѣмъ намъ. Именно подъ *искреннимъ*, а не неискреннимъ перомъ, перомъ поэта, и въ силу его душевной чистоты и мягкости, рефлексивныя, легкія зачатки злобныхъ чувствъ не скрываются имъ и принимаютъ злобщую форму. «Убить въ душѣ» — вотъ казнь, совершаемая поэтомъ. И онъ убиваетъ, такимъ образомъ, не постороннихъ, которыхъ «любить любовью равнодушною», а именно, самыхъ близкихъ, самыхъ любимыхъ, ибо тѣ, любя, иногда претендуютъ на насъ, какъ на вещь, на собственность! Съ этой точки зрѣнія читатель оцѣнитъ психологическую тонкость того портрета, который поэтъ нарисовалъ съ самого себя.

Я не могу понять, какъ можно ненавидѣть
 Остывшаго къ тебѣ, обидчика, врага.
 Я радости не зналъ — сознательно обидѣть,
 Свобода ясности мнѣ вѣчно дорога.
 Я всѣхъ люблю равно, любовью равнодушной,
 Я весь душой съ другимъ, когда онъ тутъ, со мной,
 Но чуть онъ отойдетъ, какъ свѣтлый и воздушный,
 Забвеньемъ я дышу, своею тишиной.
 Когда тебя твой рокъ случайно сдѣлалъ гнѣвнымъ,
 О, смѣйся надо мной, приди, ударь меня:
 Ты для моей души не станешь ежедневнымъ,
 Не сможешь затемнить — мнѣ вспыхнувшего — дня.
 Я всѣхъ люблю равно, любовью безучастной,
 Какъ слушаютъ волну, какъ любятъ облака.
 Но есть и для меня источникъ боли страстной,
 Есть ненависть и жгучая тоска.
 Когда любя люблю, когда любовью боленъ,
 И тотъ, другой, какъ вещь беретъ всю жизнь мою,
 Я ненависть въ душѣ тогда сдержатъ не воленъ,
 И хоть въ душѣ моей, но я его убью.

Вообще Бальмонта, какъ всѣхъ поэтовъ поколѣній, возмущаютъ цѣпи супружества, если они связуютъ нелюбимыхъ. И онъ находитъ для выраженія своего возмущенія сатирически-яркую картину, пишетъ стихотвореніе, въ которомъ слышится злобный дьявольскій хохотъ:

Подъ низкою крышкою гроба,
 Забиты гвоздями,
 Недвижно лежали мы оба,
 Съ враждебными оба чертами.
 Застывшіе трупы, мы жили
 Сознаньемъ проклятыя,

Что вотъ и въ могилѣ—въ могилѣ!—
 Мы въ мерзостной позѣ объяться.
 И дьяволъ смѣялся надгробно,
 Плитой погребальной:
 «Эге»—говорилъ: «какъ удобно»
 «Уродцамъ— въ могилѣ двуспальной!».

А вотъ стихотвореніе, въ которомъ опять—таки выражается свойственная Бальмонту (впрочемъ, всему роду поэтовъ) несдержанность мечтаній.

Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ,
 Изъ сочныхъ гроздій вѣнки свивать;
 Хочу ушиться роскошнымъ тѣломъ.
 Хочу одежды съ тебя сорвать!
 Хочу я зноя атласной груди,
 Мы два желанья въ одно сольемъ.
 Уйдите боги! Уйдите люди!
 Мнѣ сладко съ нею побыть вдвоемъ!
 Пусть будетъ завтра и мракъ и холодъ,
 Сегодня сердце отдамъ лучу.
 Я буду счастливъ! Я буду молодъ!
 Я буду дерзокъ. Я такъ хочу!

Это стихотвореніе можетъ показаться даже комичнымъ. Но забудьте имя поэта, забудьте лицо. Въдъ здѣсь говорить юная дерзость, волненіе, присущее молодой крови.

Есть, однако, у Бальмонта также стихи неискренніе, въ которыхъ явно ломаніе, оригинальничаніе, кривляніе. Намъ жаль мѣста, и мы не станемъ приводить ихъ здѣсь. Впрочемъ, иногда рядомъ съ преувеличеннымъ чувствомъ злобы: «И съ тайнымъ восторгомъ смотрю я въ лицо—врагу» и съ совѣтамъ никуда негоднымъ заявленіемъ о «невозможности презирать» (легко ли и справедливо ли?) встрѣчается красивая при всей напыщенности мысль:

Я не знаю, какъ можно быть гордымъ
 Предъ другимъ, я гордъ—предъ собой.

Мысль испорченная экстра-декадентскимъ придаткомъ:

О, струны мои, прозвените небывалымъ аккордомъ,
 Чтобъ врагъ мой былъ, какъ я, во мглѣ голубой! (?)

Врага, «во мглѣ голубой» (?) можно и не презирать...

Въ заключеніе этого отдѣла приведемъ стихотвореніе малоизвѣстнаго поэта, автора вдохновенной поэмы «Заколдованный лѣсъ», Рукавишниковъ. Тутъ оригинально и психологически правдиво выражено чувство примиренія «соперниковъ» въ виду смерти любимаго существа. Это какъ-бы переведенная на поэтическій языкъ послѣдняя сцена изъ «Мадамъ Бовари». Только обстановка другая. Тамъ мужъ и любовникъ.

Ступени тонули во мглѣ молчаливой,
 Изъ сѣраго камня ступени.
 Мы оба спускались неслышно, какъ тѣни.
 Назадъ озирались пугливо.
 А тамъ, наверху, на постели холодной
 Остывшее тѣло лежало;

Тамъ смерти премудрой жестокое жало
 Смотрѣло изъ пасти голодной.
 Мы шли и дрожали и въ памяти оба
 Прожитые дни воскрешали;
 Кровавую распрю свою вспоминали,
 Вражду, какъ казалось, до гроба.
 Мы шли и дрожали и плакали. Слезы
 Не слушались насъ, не боялись.
 Намъ съ болью мгновенья конца вспоминались,
 Погибшія лучшія грезы.
 И горько любовь наша плакала съ нами
 И гордыхъ враговъ примиряла.
 А смерть передъ нами, какъ призракъ, стояла
 Какъ демонъ, смѣясь надъ слезами.
 И плакали мы и дрожали. Со счастьемъ
 И горемъ убиты и горемъ согнуты,
 Прощались мы въ эти минуты.
 Мы робко другъ другу съ участіемъ
 Въ глаза заглянули; И ясно намъ стало,
 Что мы не враги съ этой ночи...
 Предъ нами носились любимыя очи
 И мертвое тѣло лежало!

Но довольно примѣровъ! Всего богатства чувствъ, затрогиваемыхъ современной лирой, исчерпать невозможно. Въ заключеніе сдѣлаемъ одно общее замѣчаніе. Если-бы искусство докламаціи было болѣе развито, и публика умѣла бы схватывать фizioномію души изъ нѣсколькихъ строкъ стихотворенія, то она находила бы такую же предель въ стихахъ, какую находить, напр., въ сочиненіяхъ Горькаго. Ибо то, что привлекаетъ въ сочиненіяхъ этого писателя, есть именно оригинальность чувствъ босяцкаго міра. Критика важно разбираетъ, правдивъ ли этотъ міръ, или нѣтъ, забывая, что онъ правдивъ, хотя бы по тому одному, что онъ иллюстрируетъ душу вышедшаго изъ этого міра—Горькаго! Міръ «На днѣ» натуралистиченъ, но онъ «пропущенъ сквозь призму темперамента» автора—и это вполнѣ закономѣрно, согласно съ общимъ закономъ художественнаго творчества, установленнымъ Золя. Это міръ оригинальныхъ чувствъ, сильныхъ, мощныхъ, иногда дикихъ. Онъ правится и долженъ правиться дряблой интеллигентной публикѣ по закону контраста; онъ восполняетъ въ воображеніи недостатокъ воли у интеллигенціи, съ головой ушедшей въ микроскопическій анализъ собственной души. Читающіе всегда искали экзотизма. Потому и восхищались нѣкогда Вольтеръ и Сю, переносившіе читающихъ на Востокъ. Горькій открылъ публикѣ новый «экзотическій» міръ... тутъ, подъ рукою... «міръ босяковъ»!... Какъ это ни странно, но это такъ: не грубая реалистическая сторона привлекаетъ читателей, а именно, экзотическая, странная, новая...

IV.

И д е и.

Можно высоко ставить научное знаніе, признавать, что только тѣ пути, которые указываются научными методами ведутъ къ *спрному* понятію явленій міра и ихъ законовъ, ведутъ къ открытію *научной истины*. Можно преклоняться передъ чудной силой человѣческаго ума, прокладывающаго эти пути—кратчайшіе къ доступной человѣку истинѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно себя отдавать отчетъ въ томъ, что эти пути при всей ихъ длинѣ и великолѣпіи ограничены, что, какъ ни наслаждается взоръ ихъ направленіемъ черезъ свѣтоточныя точки гениальности, ихъ плодотворностью теоретической и практической—все же онѣ упираются въ стѣну: въ «Ignorabimus» Дюбуа-Реймонда, въ «Непознаваемое» Спенсера, въ «Ding an Sich» Канта, въ агностицизмъ позитивизма.

Рядомъ съ ребяческою и напускною разочарованностью, жалуемой, что нельзя все познать и не спѣшащей познать то, что можно, стоитъ дѣйствительно философскій и поэтически-философскій умъ, который отчаянно бьется о ту стѣну и сгораетъ жаждою истины истинъ, послѣдней недоступной человѣку истины. Этотъ умъ ударяется въ метафизику, въ мистицизмъ, въ символизмъ, стремится разгадать то, что недоказуемо...

Пусть онъ тогда блуждаетъ по кривымъ дорогамъ, пусть онъ и дѣлаетъ прыжки на путяхъ, гдѣ методъ не возможенъ, пусть углубляется въ мистическіе туманы—это законно и благородно. Это вѣчная болѣзнь человѣчества. Уничтожить ее—это заставить забыть человѣка, что онъ и весь міръ находится въ безконечности, это ради истины убить стремленіе къ истинѣ. Это ненаучно. Ибо безконечность—фактъ.

На этихъ кривыхъ линіяхъ нѣтъ *научной истины*. Ихъ кривизну логическій умъ всегда легко обнаружить, методически докажетъ заблужденіе. Но коль скоро самъ логическій умъ доходить до стѣны, либо задерживается у пропасти міровой тайны, то пусть жаждущіе напьются изъ источниковъ мистицизма, разъ эти источники способны приносить успокоеніе, уничтожить горечь сомнѣнія.

Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что научное познаніе на широкой философской основѣ само питаетъ это сомнѣніе, открываетъ глаза на эту невѣдомую даль, вызываетъ безпокойство мысли...

Къ горечи сомнѣнія присоединяется еще другая горечь. Наука, добываясь истины, безжалостно разсѣиваетъ красивые призраки, сдергиваетъ обманчивыя покровы, разрушаетъ многое, что мы любимъ и во что мы вѣруемъ... И во имя высшихъ цѣлей познающаго ума это вполне закономерно...

Только закономерно также находить утѣшеніе хотя бы и на кривыхъ дорогахъ. Холодный умъ не заботится о доставленіи намъ во что бы то ни было счастья. А сердце жаждетъ счастья. При всѣхъ богатствахъ ума мы стали бы бѣдняками безъ богатствъ сердца и воображенія.

Процессъ поэзіи съ истиной такъ же старъ, какъ процессъ ея съ пользою и съ добромъ. «Тѣмы низкихъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ»—это формулировка этого процесса на сторонѣ поэзіи, формулировка Пушкина.

Съ этимъ всегда соглашались мечтатели-поэты. И пасмурные мечтатели-эдакденты идутъ по тому же пути. Они ткуть красоту, красивые призраки, красивые самообманы... И это вполне законно—ради потребности мечтающаго о неизвестномъ ума и тоскующаго по недостижимому счастью сердца.

Истина не совпадаетъ съ красотой. Однако, нельзя не стать *отчасти* на сторону красоты. У нея свои права.

И опять-таки: отъ этого истина такъ же мало потерпѣть, какъ добро и польза... Иногда поэзія предугадываетъ то, къ чему лишь въ послѣдствіи добирается идущій осторожно и медлительно неадантический умъ... Истина извлекается изъ поэзіи косвенными путями. Кривыя линіи ея тутъ и тамъ пересѣкаются съ прямой линіей науки—иногда ранѣе, чѣмъ эта прямая ясно начертана будетъ рукой ученыхъ. Вдохновенная мысль творца «Фауста» цитируется учеными неоднократно для выраженія научной истины.

Враждебность «символизму» представляетъ обратный фактъ.

Спротивленіе людей съ научно воспитаннымъ умомъ, впрочемъ, и понятно, и естественно. Мнѣ кажется, что тутъ идетъ вѣковая борьба между числомъ и словомъ. Наука старается свести всѣ явленія къ числу, къ счету; она усиленно переводитъ качество на количество (число комбинацій волнъ эфира, воздуха и т. п.). И это вполне закономерно: въ этомъ прогрессъ. Наивное поэтическое пониманіе міра въ противовѣсъ этому, задерживается на словѣ. Въ словѣ есть синтезъ. Въ числѣ—анализъ, раздробленіе. Слово богато и красочно. Поэзія хватается за слово. Люди вѣры, пророки, были всегда поэтами. Вспомните: «Богъ создалъ міръ *словами*». или «Въ началѣ было слово».

И эта горячая приверженность къ слову вполне закономерна. Для поэзіи она составляетъ *raison d'être*. Есть ли это сплошное заблужденіе? Конечно, нѣтъ... Тутъ дѣйствуетъ какой-то неумолимый законъ человѣческой души. Безъ слова цифра немощна. Наука, стремясь къ числовому изображенію, оперируетъ словомъ, т. е. символомъ, образомъ. Слово давитъ насъ, но въ словѣ мы также растемъ. Слово затемняетъ, но оно и освѣщаетъ. Любовь къ «слову» стала на дорогѣ Копернику, Галилею, возвела на костеръ Джордано Бруно. Доводъ противъ вращенія земли вокругъ солнца звучалъ: «Ибо сказано: Иисусъ Навинъ *задержалъ* солнце»... Отсюда выводъ: солнце движется. Доводъ противъ шарообразности земли былъ: «сказано, что въ послѣдній день сойдетъ Богъ и узрять его живые и мертвые». Выводъ: антиподовъ не можетъ быть, ибо какъ они „узрять“?.. Однако, за числовые расчеты Коперника, Галилея, Ньютона, Кеплера, вступаетъ также слово, которое поясняетъ расчетъ.

Многимъ кажется, что символика декадентной поэзіи есть новшество. Но поэзія безъ символовъ никогда не бывало. Вы говорите: «крестъ», вы смотрите на «крестъ»—одно слово, шесть буквъ, два сложенныхъ куска дерева. А между тѣмъ въ этомъ цѣлый міръ идей и чувствъ, страданій и восторговъ, огромная исторія, что-то невыразимое...

Зеленый листъ — символъ весны, надежды, юности, обновленія, мира и т. д.

Красный, черный, голубой цвѣтъ—опять цѣлые міры представлений, ассоціацій...

Поэзія создавала эти символы, сопоставляла слова, вдыхала жизнь въ эти сплетенія, внушала намъ ихъ значеніе. Мы породнились со многими символами, пользуемся ими—каждодневно, разговариваемъ при ихъ помощи и... когда «декадентская» поэзія идетъ по тому же направленію, вамъ кажется, что происходитъ что-то новое, неестественное, смѣхотворное...

Мы не желаемъ вовсе защищать всякое случайное бессмысленное сопоставленіе словъ. Мы настаиваемъ лишь на законности новыхъ уподобленій матеріальнаго духовному и наоборотъ, а также новыхъ связей между разнообразными на первый взглядъ ощущеніями.

«Сладкіе тоны музыки», «холодные и теплые тоны живописи», «горькая обида», «красныя мысли», «зеленый шумъ», «ледяная рѣчь», «черная неблагодарность», «голубой цвѣтокъ романтизма», «желтый цвѣтъ зависти», «свѣтлыя чувства»—все это когда-то звучало странно. А между тѣмъ появленіе этихъ выраженій въ языкѣ опредѣляетъ прогрессъ мысли и чувствъ...

Прямая линія научнаго метода—если можно говорить о такой прямой, какъ о равнодѣйствующей многообразныхъ линій, проводимыхъ усиліями отдѣльныхъ ученыхъ—намъ кажется сегодня единственной прямой познанія. Но было время, когда эта линія научнаго метода казалась какой-то кривой, проводимой дьявольскими ухищреніями и ведущей къ опаснымъ заблужденіямъ. Отчасти этотъ взглядъ удерживается и нынѣ. Въ то время, когда наука была еще немощна и въ мукахъ рождалась на свѣтъ, прямой казалась линія исключительно религіознаго міропониманія, притомъ сопряженная съ массою грубѣйшихъ предразсудковъ.

До какой степени эта линія казалась единственно вѣрной линіей ума, свидѣтельствуетъ фактъ, приведенный въ «исторіи раціонализма» умершимъ на дняхъ англійскимъ ученымъ Лекки. Въ средніе вѣка нашелся ученый, который написалъ единственную въ то время книгу, опровергающую вѣру въ колдовство, въ чертей и т. п. И этотъ ученый въ послѣдствіи добровольно отступилъ отъ своихъ мнѣній. Онъ написалъ новое сочиненіе о демонологіи, въ которомъ извиняется, что ввелъ читателей въ заблужденіе. «Теперь», прочтя десятки сочиненій о демонахъ, колдуньяхъ и т. п., онъ «убѣдился», что ранѣе заблуждался. «Чертовщина существуетъ». И онъ сослался на мнѣнія многихъ отцовъ церкви, опиравшихся на библейскіе тексты... Ему доказано было то, что онъ отвергъ. Доказано непровержимо. «Прямая» линія средневѣковаго ума восторжествовала... Печальное время, когда ученый англійскій докторъ, обвиняемый въ томъ, что онъ колдовствомъ поднялъ бурю на морѣ во время поѣздки Карла II—терпя ужасную пытку на раскаленной желѣзной кровати клялся, что... «не онъ поднялъ бурю» несчастный полагалъ, что онъ обвиненъ за чужое преступленіе!

И эта «прямая» линія прошлаго кристаллизовалась, застыла. Она кажется еще нынѣ прямой многимъ умамъ. И этихъ умовъ нельзя убѣдить никомъ образомъ, что именно линія современной науки есть прямая, ведущая къ истинѣ.

Когда въ этой сферѣ начинается движеніе, когда людьми, несклонными воспринять прямую науки, колеблется догматическая кривая, когда на «новыхъ

путяхъ» открываются «новыя мозговыя линіи»—я полагаю, что этому можно порадоваться. Открывается движеніе отъ застывшей кривой—отъ мнимой прямой прошлаго. Есть надежда, что путемъ отклоненій начинающие думать со временемъ болѣе или менѣе приблизятся къ прямой науки, къ прямой прогрессивнаго общественнаго движенія. На кривыхъ линіяхъ происходитъ также прогрессивная эволюція, только медленнѣе.

Вотъ почему нельзя не порадоваться, что на засѣданіяхъ философско-религіознаго общества въ С.-Петербургѣ говорится нынѣ о вопросахъ, о которыхъ въ извѣстныхъ сферахъ принято было молчать. Хорошо напр., что даже г. Розановъ «требуешь себѣ свободы», когда говорить о религіозныхъ вопросахъ—и хотя онъ приходитъ въ концѣ концовъ къ заключенію о «невозможности устранить преслѣдованія сектантовъ, и даже настаивать на этомъ», но на кривой своего мышленія онъ уже сознаетъ, что «преслѣдованіе сектантовъ нелѣпо, для церкви вредно и въ отношеніи сектантовъ несправедливо» *). И это есть «*excelsior*»—хотя и медленное... Это значить, что даже неподвижное, наконецъ, двинулось...

И мнѣ думается, что на кривыхъ линіяхъ декадентской мысли обрѣтается также отчасти такой косвенный прогрессъ.

Необходимость яснаго теоретическаго изложенія затронутыхъ нами сложныхъ вопросовъ отымаетъ у насъ мѣсто для подробныхъ иллюстрацій. Если читатель заинтересовался «кривыми линіями» декадентской мысли, онъ самъ найдетъ примѣры. Впрочемъ, объ идейномъ содержаніи новой поэзіи говорить приведенныя выше цитаты.

На этомъ мѣстѣ мы укажемъ лишь два три примѣра символизаціи. Можно-ли, напр., удачнѣе Бальмонта о характеризовать отношеніе нашей развѣренной, сухой, отовсюду огражденной, и во многомъ *добровольно* огражденной, мѣщанской жизни къ тому свободному степному духу, который чаруетъ насъ въ сочиненіяхъ Горькаго. Поэтъ изображаетъ, это отношеніе въ символѣ. «Въ домахъ»—вотъ наша жизнь. Та другая—разливныя рѣки, лавина и т. п. Отношеніе поэта къ «филистерамъ» въ концѣ кажется слишкомъ жестокимъ. Но оно ни чуточку не жесточе отношенія Пушкина-Алеко къ просящимъ себѣ цѣпей. Стихотвореніе, несмотря на два-три прозаизма, въ общемъ весьма красиво:

Въ мучительно-тѣсныхъ громадахъ домовъ

Живутъ невеселые люди,

Окованы памятью выцвѣтшихъ словъ,

Забывши о творческомъ чудѣ.

Все скучно въ ихъ жизни. Полюбятъ кого,

Сейчасъ же наложить тяжелыя цѣпы.

«Ну, что же, ты счастливъ?»—«Да, что-жъ... Ничего...»

О, да, ничего нѣтъ нелѣпѣй!

И чахнутъ, замкнувшись въ гробницахъ своихъ.

А гдѣ-то по воздуху носятся птицы.

Что птицы! Мудрѣй привидѣній людскихъ

Жуки, пауки и мокрицы.

*) «Новый Путь». Октябрь стр. 170.

Все цѣльно въ просторахъ безлюдныхъ пустынь,
Желанье свободно уходить къ желанью.

Тамъ нѣтъ заподозрѣнныхъ чувствомъ святыхъ,

Тамъ нѣтъ пригвожденій къ преданью,

Свобода! Свобода! Кто понять тебя,

Тотъ знаетъ, какъ волны разливыя рѣки,

И если лавина несется—губя,

Лавина прекрасна навѣки.

Кто близокъ былъ къ смерти и видѣлъ ее,

Тотъ знаетъ, что жизнь глубока и прекрасна.

О, люди, я вслушался въ сердце свое,

И знаю, что ваше несчастно!

Да, если бы только могли вы понять...

Но вотъ предо мною захлопнулись двери,

И въ кѣлочкахъ гномы застыли опять,

Лепечуть: «Мы люди, не звѣри».

Я проклялъ васъ люди. Живите впотьмахъ.

Тоскуйте въ разбѣренной чинной боязни.

Влѣднѣйте въ мучительныхъ вашихъ домахъ.

Вы къ казни идете отъ казни.

А вотъ стихотвореніе Э. Гиппиусъ, которое кажется порожденіемъ больного воображенія, полукомичнымъ, полубезобразнымъ.

Пауки.

Я въ тѣсной кельѣ—въ этомъ мірѣ.

И келья тѣсная низка.

А въ четырехъ углахъ—четыре

Неутомимыхъ паука.

Они ловки, жирны и грязны.

И все плетутъ, плетутъ, плетутъ...

И страшень ихъ однообразный,

Непрерывающійся трудъ.

Они четыре паутины

Въ одну, огромную, сплели.

Гляжу, шевелятся ихъ спины

Въ зловонно-сумрачной пыли,

Мои глаза—подъ паутиной...

Она мягка, сѣра, липка...

И рады радостью звѣриной

Четыре толстыхъ паука.

И все же это стихотвореніе, право, интересно... Тяжелая, жестокая тѣснота нашей жизни хорошо символизирована тѣсной кельей съ низкимъ потолкомъ. Мучительное настроеніе поэтессы отлично передано въ принужденномъ созерцаніи отталкивающихъ картинъ. Но, что за четыре паука?—вы спросите. Да представьте себѣ что угодно! Не опутана ли жизнь наша тонкими теологическими паутинами и паутинами политической жизни и хитрымъ сплетеніемъ жизни экономической и паутиной общественныхъ приличій? «Общественное мнѣніе» — «нашъ кумиръ» — вотъ вамъ одинъ жирный, радующійся звѣриной радостью паукъ... Для остальныхъ можно придумать что угодно. Это неважно. Важно настроеніе стиха...

V.

Индивидуализмъ.

Если бы требовалось свести къ одному общему понятію всѣ элементы декадентской поэзіи, то ихъ можно бы фиксировать въ одномъ словѣ: индивидуализмъ.

Для поэтовъ новой школы важно утвердить самобытность своего художественнаго „я“, выразить свою личность въ томъ, что въ ней есть индивидуальнаго, отличнаго отъ другихъ, самаго тонкаго или самаго глубокаго, что составляетъ, такъ сказать, поэтическое *raison d'être* данной души въ средѣ многократной повторяемости психическихъ явленій. Поэтъ-декадентъ какъ бы разсуждаетъ: если я лишь очередной номеръ извѣстнаго зоологическаго типа, если я не отличаюсь ничѣмъ отъ сѣрой массы, если я таковъ, какъ всѣ, то какое я имѣю право записываться въ книгу памяти, въ скрижали поэзіи? Онъ пожалуй, готовъ усумниться при отсутствіи отличій въ своемъ правѣ на существованіе! Словомъ, онъ признаетъ себя и цѣнитъ лишь въ отличіяхъ отъ другихъ, въ святой святыхъ индивидуальности, въ томъ „я“, которое неповторяемо, непохоже на другихъ.

Отличаться!... Отсюда то непреоборимое стремленіе къ вѣншей оригинальности, къ новизнѣ размѣровъ и ритмъ, къ смѣлымъ эпитетамъ, къ экстравагантнымъ образамъ, къ необычайнымъ сопоставленіямъ словъ, къ изысканности рѣчи—бѣгство отъ банальныхъ формъ, отъ заученныхъ формулъ школьной эстетики. Отсюда любовь ко всему причудливому, странному, необычайному, туманному, сверхкультурному, вкусъ къ утонченному, даже къ уродливому, неестественному, капризы фантазій, насильственные сочетанія несоизмѣримыхъ ощущеній и т. п. Отсюда экзотическіе ирреальные сюжеты, отыскиваніе вѣнзвумныхъ связей между отдаленными точками психическаго міра, мистика, логическіе и психологическіе прыжки, весь арсеналъ индивидуальныхъ исключительностей, пробы синтеза чувствъ въ родѣ окрашеннаго слуха, явленія, отмѣчаемая критикой клеймомъ дегенераціи, внезапные переходы отъ высокаго спиритуализма къ самому яркому сенсуализму, отъ горячей религіозности къ торжествующему или горькому безвѣрію, загадочная смѣсь разнообразѣйшихъ впечатлѣній, противорѣчій темперамента, искренности съ полуйскренностью или безсознательной неискренностью, а иногда просто разсудочная искусственность, холодная, риторическія выдумки, дѣланность и кривляніе...

Изъ того-же источника идутъ рецепты французскихъ мастеровъ декадентства: „*épater les bourgeois*“, наказы подчинить слову ощущенія, до сихъ поръ невыразимыя (*réduire par le vers*), поученія Верлена: „Музыки! музыки! предпочитайте стихъ менѣе опредѣленный, болѣе растворимый въ воздухѣ, чуждый тяжести и грубости. Выбирайте слова безъ опредѣленности: нѣтъ ничего милѣе смутной пѣсни, гдѣ ясное сливается съ неяснымъ. Ибо мы ищемъ однихъ оттѣнковъ, не красокъ, не цвѣтовъ—однихъ оттѣнковъ! О, лишь оттѣнокъ сливается воедино мечту съ мечтой“.

Такъ, изъ протеста противъ сѣрости, банальности, повседневности и изъ глубокой вѣры въ отличіе отъ другихъ и въ значительность своего внутренняго „я“ рождается та странная поэзія, которая стремится заразъ обратить на себя

вниманіе оригинальностью фізіономіи и... стать вдали отъ этого вниманія, почти непонятности, претендуя лишь на' маленькій кружокъ посвященныхъ въ тайны поэзіи эстетовъ.

И все же не подлежитъ сомнѣнію, что, какъ въ стремленіи обогатить палитру слова, увеличить тонкость чувствъ и дифференціацію ощущеній, найти новые богатые символы для мысли, обнаружено было нами здоровое зерно, такъ кроется оно и въ общемъ стремленіи къ индивидуализму.

И мифъ кажется, что нѣтъ нужды доказывать это въ русской литературѣ, справедливо гордящейся именами Н. К. Михайловскаго и Карѣева, Вл. Соловьева и Градовскаго; значительность индивидуализма понятна русскому читателю, освѣщена для него съ соціально-философской и съ историко-эволюціонной точки зрѣнія.

И пусть подчиненіе индивида группѣ, ради общаго блага представляется намъ справедливо закономѣрнымъ и цѣлесообразнымъ. Пусть это вопросъ порядка жизни! Все же съ другой стороны, если принять во вниманіе поглощеніе индивида группой, которымъ открывается исторія, задавленность и укороченіе личной души на путяхъ культуры, то стремленіе къ эмансипаціи личности представится намъ, равнымъ образомъ, закономѣрнымъ, благимъ и цѣлесообразнымъ историческимъ процессомъ. Въ особенности это такъ, когда дѣло касается высшихъ ступеней развитія, когда характеръ индивида уже «соціализированъ», т. е. когда дурные, антиобщественные инстинкты притуплены, воля не обладаетъ естественной экспрессивностью, общественная нравственность насаждена, и жизнь течетъ въ идейныхъ и эстетическихъ руслахъ. Тогда вопросъ касается лишь свободы высказать мысль, выразить чувство, дѣйствовать убѣжденіемъ и красотой.

Тутъ вопросъ счастья единичной души.

Не подлежитъ сомнѣнію, что человѣчество—все, человѣкъ—ничто. Единица безъ содѣйствія генія всего рода обречена была бы на гибель. Тутъ основа любви и уваженія индивида къ своей группѣ, и къ болѣе широкому—къ человѣчеству.

Но, съ другой стороны, нельзя не забывать, что человѣчество—абстракція. Реально существуютъ лишь индивиды. И съ этой точки зрѣнія человѣчество—ничто, человѣкъ—все. Въ этомъ основа чувства самоуваженія, собственного достоинства, любовнаго самоуглубленія. Тутъ-то и беретъ начало лозунгъ декадентской поэзіи—самобытность личности художника.

Обыкновенно, принято думать, что поэты въ родѣ Пушкина и Лермонтова черпали живительные соки, главнымъ образомъ, изъ первой основы. Употребляются избитыя выраженія: близость къ народному духу, выраженіе народнаго духа и т. п. И при этомъ никто не смущается тѣмъ, что выразитель народнаго духа, Толстой, отрицаетъ выразителя народнаго духа, Пушкина, и оба выразители народнаго духа, Пушкинъ и Лермонтовъ, столь многообразны и столь непохожи на признаннаго пѣвца народной скорби, Некрасова.

Между тѣмъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Толстой и другіе геніальные художники есть прежде всего крупныя художественныя индивидуальности, поражающія

своимъ размахомъ по тремъ пространственнымъ направленіемъ духа — буде такъ, позволено выразиться — въ ширину, въ высоту и въ глубину.

И, собственно говоря, массы соприкасаются съ этими гениальными художниками главнымъ образомъ только по *ширинѣ*; онѣ не въ состояніи проникнуть ни въ глубину ихъ чувствъ, ни пробраться на высоту ихъ мечтаній.

Но, благодаря точкамъ любовнаго соприкосновенія между массами и этими гениями по ширинѣ, на какой-то средней позиціи души гениевъ, образуется въ массахъ стремленіе итти также на тѣ высоты и глубины, при чемъ родство съ великимъ «народнымъ» писателемъ все возрастаетъ, хотя верхнія и глубочайшія точки все же остаются для массы, даже интеллигентнаго общества, недостижимыми: только отдаленность съ теченіемъ времени сокращается. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что первоначальная, отправная точка соприкосновенія есть, дѣйствительно, точки родства — горячей любви поэта къ народу, напряженности таланта, умѣющаго отыскать и съ привлекательной красотой изобразить интересующую общество тему и т. п. Однако, верхнюю точку индивидуальности Пушкина — лирическіе его сочиненія — узрѣлъ и смогъ оцѣнить впервые лишь поэтъ Гоголь. Мистическія глубины Гоголя ждуть также оцѣнки поэта или философа. Если бы дѣло обстояло иначе, то Гоголю не пришлось бы изстрадаться въ холодѣ окружающей атмосферы, Пушкину и Лермонтову общество не позволило бы погибнуть такъ дико-глупо, такъ трагикомически изъ-за какихъ-то Дантеса или Мартынова!..

Раздраженная тупость и медлительное сочувствіе массъ въ отношеніи къ великимъ поэтамъ, а также избытокъ точекъ соприкосновенія поэтической струны съ массовой душой — являются одной изъ главныхъ причинъ, что новые поэты ведутъ свою линію въ отчужденности отъ «средняго обывателя», т. е. начинаютъ свою эволюцію отъ болѣе высокихъ и болѣе глубокихъ точекъ, достигнутыхъ гениями поэзіи. Это и носить названіе: изощренія, утонченности, углубленія чувствъ. Индивидуальное души Пушкина и Лермонтова декаденты воспринимали и индивидуализируютъ въ собственной душѣ. Это закономерно. Но это также и опасно...

Широкая торная дорога, проложенная гениями, окончилась. Надо итти по узкимъ, нависшимъ надъ пропастями тропинкамъ; иногда итти въ горькомъ одиночествѣ, не слыша сочувственнаго отклика пѣснѣ утомленной души...

Всякая тонкая работа хрупка. Легкое уклоненіе рѣзца и тонкая скульптура испорчена! Тонкая поэзія декадентовъ подлежитъ тому же тяжелому закону. Но возможно возставать лишь противъ дурной, испорченной работы. Нельзя противиться тонкой работѣ вообще потому лишь, что тотъ или другой неискусный работникъ дастъ вещь испорченную, безобразную, или даже искусный въ моментъ ослабѣвшаго вдохновенія не исполнитъ, какъ слѣдуетъ, творческаго плана.

Итакъ, гдѣ же предѣлы?

Мы думаемъ, что теоретически возможно поставить лишь максимальные предѣлы.

I. Въ области формы:

На пути къ звучности—полная безсодержательность. Можно признавать гипнотизирующее впечатлѣніе созвучій, можно преклоняться передъ музыкой поэтической рѣчи. Но нельзя забывать, что рѣчь никогда не достигнетъ по красочности звуковъ, по тембру и т. д. музыкальности инструмента или пѣнія. Нельзя забыть, что слово содержаніемъ своимъ всегда пробуждаетъ извѣстныя идейныя ассоціаціи. Потому-то самый музыкальный наборъ невяжущихся по содержанію словъ, во-1-хъ, будетъ стоять ниже музыки и пѣнія, а разъ стихъ не сообщаетъ *ничего*, то слушатель предпочтетъ *неговорящую* музыку, во-2-хъ, такой наборъ словъ вызоветъ нѣкоторое непріятное впечатлѣніе, ослабляющее удовольствіе отъ музыкальности, такъ какъ, невольно вслушиваясь въ слова, мы не можемъ не почувствовать, что говорится либо *глупость*, либо не говорится *ничего*. Притомъ легкость рифмы, мелодичность размѣра, звучность стиха достигается безъ всякаго труда, когда нѣтъ осложняющей и задерживающей работы въ другомъ направленіи—по содержанію, т. е., когда просто подбираются красивыя слова и созвучія. Это трудъ римоплетовъ, а не поэтовъ...

Точно также красочность выраженій не должна доходить до фальшиваго риторизма, не согрѣтаго ни искреннимъ чувствомъ, ни серьезною творческою мыслью.

II. Въ области содержанія:

а) Въ сферѣ чувства.

Тутъ предѣломъ утонченности является — болѣзненная извращенность, неестественность, уродливость чувства. Нечего уже говорить, что низменность и неискренность чувства вообще не могутъ имѣть доступа въ храмъ поэзіи...

б) Въ сферѣ мысли.

Тутъ предѣломъ углубленій является—безсмыслица. Белиберда, пустословіе, явная фальшь, уродливость и неискренность мысли, все это должно быть изгнано изъ поэзіи. Мы бы не говорили такихъ трюизмовъ, если бы все это не проникало въ поэзію на легкихъ волнахъ декадентства, если бы къ шеницѣ не примѣшивались въ такой массѣ плевелы, и туманная безсмыслица не казалась иногда этапомъ новой формаціи углубленною мыслью!

Наконецъ, имѣя въ виду

III. *Общее стремленіе къ индивидуализму*, слѣдуетъ также установить предѣлъ:

Уродливая индивидуальная исключительность, абсолютно теряющая связи съ общечеловѣческимъ, не въ правѣ также требовать себѣ доступа въ храмъ поэзіи, какъ и «Allzumenschliches», какъ плоскость и банальность. Если банальность по абсолютному сходству со *всякимъ*, не въ правѣ подымать голосъ, ибо она, находясь на общемъ уровнѣ, сможетъ сказать лишь *то* и *такъ*, что и какъ говорить всякій, то и исключительность, по абсолютному различію со *всеми*, не въ правѣ требовать себѣ голоса въ храмъ поэзіи, ибо она не можетъ быть понята никѣмъ, не можетъ найти сочувственнаго отклика. Правда, еще Пушкинъ замѣтилъ, что «поэтъ самъ себѣ судья» и удалялся пѣть «въ широко-шумныя дубравы,

на берега пустынныхъ волнъ»;—но это поэтическое «façon de parler» не удержало ни его, ни поэтовъ-декадентовъ отъ связи съ печатнымъ станкомъ. А такъ какъ послѣдніе одержимы весьма сильно лихорадкой печатанія (Druckfieber) и черезъ окошко книжныхъ магазиновъ весьма претенціозно кокетничаютъ съ публикой оригинальными обертками стихотворныхъ сборниковъ, то, очевидно, они для *кого-то* поютъ и *къ-то* желаютъ быть поняты. Ибо не могутъ же они рассчитывать только на гоголевскихъ Петрушекъ, любящихъ читать все печатное по складамъ, ради процесса чтенія, или на недомысліе нашихъ чтецовъ, которые тѣмъ болѣе восхищаются, чѣмъ менѣе понимаютъ...

Поэтъ поневолѣ жаждетъ общенія съ сочувствующей душой—если не исполнѣ сегодня, такъ исполнѣ завтра: даже въ индивидуальныхъ отличіяхъ онъ долженъ быть понятнымъ, долженъ идти на встрѣчу духу человѣчества, изъ котораго онъ многое взялъ и хоть небольшое обязанъ ему дать отъ себя!

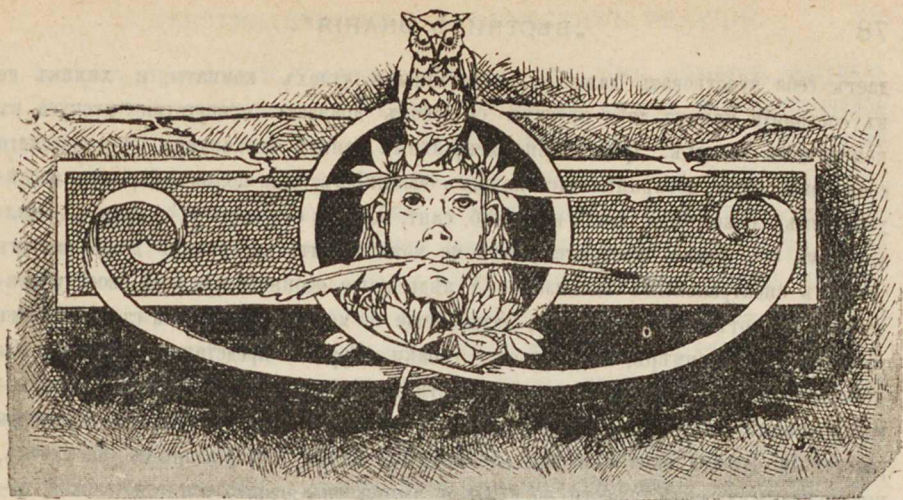
Съ другой стороны, и критика должна сохранять осторожность въ сужденіяхъ о томъ, перешелъ ли поэтъ ту опасную границу, гдѣ поэзія внезапно превращается въ фальшь, распутство, въ заслуживающій насмѣшки горячечный бредъ и т. п. Какъ легко ошибиться, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что явленія окрашеннаго слуха, которыя нынѣ признаются психологіей, какъ фактъ, высмѣивались критиками въ качествѣ выдумки неискреннихъ поэтовъ. Между тѣмъ, литература еще до декадентства чутко отмѣтила это явленіе (ср. «Слѣпота музыканта» Короленки). Вообще, трудно въ настоящее время сказать, есть ли тотъ синтезъ ощущеній, къ которому стремятся декаденты, явленіе вырожденія, атавизма, возвратъ къ тому времени, когда чувства наши еще не дифференцировались, или же это явленіе высшаго порядка, предчувствуемое сліяніе многообразныхъ ощущеній на почвѣ вновь обрѣтенной высшей связи раздѣленныхъ нервныхъ путей.

Дабы въ сужденіяхъ о декадентской поэзіи не ошибаться, необходимо развивать въ обществѣ тонкій эстетическій вкусъ на ряду съ нравственнымъ чуткомъ и аналитической способностью научно-образованнаго ума. При этомъ условіи *зато* декадентской поэзіи будетъ отвергнуто, а *добро* будетъ воспринято съ пользой для эстетической культуры общества. Это и будетъ та справедливая оцѣнка, къ которой приведетъ критиковъ и читающую публику само движеніе времени! Только... и новая поэзія должна еще долго совершенствоваться, чтобы склонить въ свою пользу сердца и умы... Ибо помимо внѣшнихъ условій, русская декадентская поэзія, въ общемъ, еще слишкомъ *слаба*, чтобы покорить душу общества.

Л. Горскій.

Л. Брандт.

О чувствительности химических реакцій.

Химія, ставшая наукой лишь съ конца 18-го столѣтія, въ настоящее время оказываетъ глубокое вліяніе почти на всѣ области человѣческой дѣятельности. Она, съ одной стороны, находитъ себѣ полезное примѣненіе въ химической техники при добываніи синтетическимъ путемъ множества продуктовъ, ставшихъ необходимыми современному человѣку, а съ другой стороны, аналитическій методъ въ химіи приобретаетъ все возрастающее значеніе для всѣхъ отдѣловъ знанія. Химическій анализъ даетъ важныя для индустріи, торговли и сельскаго хозяйства свѣдѣнія относительно состава самыхъ различныхъ предметовъ; при гигиеническихъ изслѣдованіяхъ пищевыхъ средствъ онъ оказываетъ большія услуги дѣлу народнаго здравія; правосудіе, часто пользуется химическимъ анализомъ для раскрытія темныхъ уголовныхъ дѣлъ. Въ слѣдующихъ строкахъ мы попытаемся, въ общихъ чертахъ, представить читателямъ картину чувствительности химическихъ реакцій и скажемъ также о степени точности, которой можетъ достигнуть химикъ при своихъ аналитическихъ изысканіяхъ.

При точныхъ анализахъ необходимы очень чувствительныя вѣсы, показывающіе при 100 грм. нагрузки разницу въ $\frac{1}{10}$ млгрм., т. е. въ одну миллионную часть груза. Для физическихъ и особенно точныхъ химическихъ изслѣдованій употребляются еще болѣе точныя вѣсы, выходящія изъ равновѣсія даже отъ $\frac{1}{100}$ или $\frac{1}{200}$ миллиграмма. Если требуется только найти какое-нибудь тѣло, безъ опредѣленія его вѣса, то часто бываютъ достаточны количества, значительно меньшія тѣхъ, которыя мы можемъ опредѣлить при помощи самыхъ точныхъ вѣсовъ. Изъ наиболѣе чувствительныхъ, извѣстныхъ намъ, матеріальныхъ вліяній укажемъ на вліяніе, которое оказываютъ многія тѣла на наши органы чувствъ, главнымъ образомъ, на наше обоняніе. Маленькій кусочекъ мускуса, помѣщенный въ большой комнатѣ,

даетъ себя чувствовать даже въ отдаленныхъ углахъ комнаты, и химикъ не въ состояніи какимъ-либо другимъ способомъ доказать присутствіе мускуса въ комнатномъ воздухѣ. Чрезвычайно непріятный запахъ меркаптана, органическаго соединенія сѣры, воспринимается нашимъ обоняніемъ, судя по достовѣрнымъ изслѣдованіямъ, даже тогда, когда въ 1 куб. сант. воздуха содержится $\frac{1}{460000000}$ миллиграмма его. Такая чувствительность не можетъ быть достигнута даже самымъ тонкимъ спектральнымъ анализомъ. А вѣдь наше обоняніе при всей своей удивительной остротѣ, какъ извѣстно, далеко еще не можетъ сравниться съ обоняніемъ животныхъ, напримѣръ, съ чутьемъ собаки. Трудно представить себѣ, чтобы дѣйствительно матеріальныя частицы достигали носа собаки, часами отыскивающей старый слѣдъ, или возбуждаютъ обонятельные нервы дичи, на далекомъ разстояніи чующей охотника, но, несомнѣнно, слѣды матеріальныхъ частичекъ, подверженныхъ силѣ тяжести, хотя мы и вынуждены отказаться отъ всякой попытки опредѣленія вѣса этихъ частицъ.

Чувство вкуса также отличается высокой степенью тонкости, значительно уступая, однако, обонянію. Мы явственно ощущаемъ сладость отъ $\frac{4}{5}$ млгрм. тростниковаго сахару, положеннаго на языкъ; болѣе сладкаго (въ 550 разъ) сахарина достаточно $1\frac{1}{2}$ тысячныхъ части миллиграмма. Чрезвычайно горькій вкусъ стрихнина и пикриновой кислоты не достигаетъ такой интенсивности, а именно: стрихнина требуется почти $\frac{1}{200}$ млгрм., пикриновой кислоты $\frac{1}{500}$ млгр.

Далѣе, не всѣ химическіе методы, употребляемые для обнаруженія отдѣльныхъ веществъ, проявляютъ подобную чувствительность. Разсмотримъ ближе тѣ изъ этихъ методовъ, которые основаны на нерастворимости или труднорастворимости химическихъ соединеній. Очень многія вещества, растворимыя въ водѣ или другихъ жидкостяхъ, прибавленіемъ опредѣленныхъ реагентовъ могутъ быть обращены въ нерастворимыя соединенія, выдѣляющіяся изъ растворовъ въ видѣ осадковъ. Чѣмъ труднѣе растворимо данное соединеніе, тѣмъ большее разведеніе необходимо для выдѣленія осадка, и тѣмъ чувствительнѣе, такимъ образомъ, будетъ реакція. Къ трудно растворимымъ соединеніямъ относятся сульфатъ барія (1 на 4000.000 частей воды) и хлористое серебро, для растворенія котораго требуется почти 1 миллионъ вѣсовыхъ частей воды. Последнее соединеніе образуется при прибавленіи къ раствору обыкновенной поваренной соли раствора серебра; въ крѣпкихъ растворахъ образуется при этомъ бѣлый осадокъ, похожій на свѣжій творогъ, а въ слабыхъ только молочная муть. Этой реакціей можно доказать присутствіе поваренной соли въ 2.000.000 разъ большемъ количествѣ воды, т. е. $\frac{1}{2}$ млгрм. въ литрѣ воды или $\frac{1}{2}$ грамма въ кубическомъ метрѣ. Если для опыта взять 10 куб. сант., то для реакціи достаточно $\frac{1}{200}$ млгрм.

Здѣсь уместно будетъ привести одну реакцію, которая отличается большой чувствительностью и аналогична реакціямъ, при которыхъ происходитъ образованіе осадка; мы говоримъ объ образованіи мышьячнаго зеркала вслѣдствіе разложенія мышьяковистаго водорода. Рѣчь здѣсь идетъ объ образованіи плотнаго тѣла не изъ капельно-жидкаго, а изъ газообразнаго тѣла—о явленіи, вполнѣ, впрочемъ, аналогичномъ образованію осадковъ въ жидкостяхъ. Для испытанія какого-нибудь тѣла на мышьякъ это тѣло помѣщаютъ въ растворенномъ состояніи въ аппаратъ,

въ которомъ происходитъ образованіе водорода, при чемъ мышьякъ, вступивъ въ соединеніе съ избыткомъ свободного водорода, уносится въ видѣ чрезвычайно ядовитаго мышьяковистаго водорода. Нагрѣваніемъ струи газа въ особой трубкѣ мышьяковистый водородъ разлагается на свои составныя части, и мышьякъ отлагается позади нагрѣтой части трубки въ видѣ чернаго металлическаго зоркальнаго налета. Такимъ способомъ удается доказать присутствіе $1/100$ млгрм., а по другимъ источникамъ даже $1/1000$ млгрм. мышьяковистой кислоты. Нелегко получить такіе реагенты, которые при этомъ опытѣ оказались бы совершенно свободными отъ мышьяка. Особенная осторожность поэтому нужна при судебныхъ изслѣдованіяхъ, когда можетъ получиться мышьякъ не изъ изслѣдуемаго объекта, а изъ реагентовъ.

Въ новѣйшее время часто употребляется способъ Гутцейта, состоящій въ томъ, что образовавшійся мышьяковистый водородъ дѣйствуетъ на пропитанную растворомъ азотно-кислаго серебра бумагу, при чемъ появленіе бурого цвѣта указываетъ на присутствіе мышьяка. Эта реакція еще чувствительнѣе предыдущей и обнаруживаетъ $1/10000$ и даже $1/20000$ млгрм.

Такъ какъ многія тѣла обладаютъ удивительною красящей силой, то цвѣтныя реакціи чувствительнѣе тѣхъ, которыя характеризуются появленіемъ осадковъ. Даже несвѣдущіе въ химіи знаютъ, напр., что небольшой кристаллъ марганцево-кислаго калия окрашиваетъ цѣлый стаканъ воды въ интенсивно-красный цвѣтъ. Если этотъ растворъ развести настолько, чтобы сохранилась слабая, но все же замѣтная окраска, то въ каждомъ литрѣ раствора будетъ заключаться почти $1/5$ млгрм. соли. Почти въ такомъ же растворѣ 1:5,000,000 можно путемъ образованія темно-краснаго роданистаго желѣза доказать присутствіе желѣза; такъ какъ для этой реакціи требуется лишь 10 куб. сант., то дѣйствительное, могущее еще быть обнаруженнымъ. количество желѣза равняется $1/500$ млгрм. Еще болѣе сильную красящую способность проявляютъ органическія красящія вещества. Достаточно 1 миллиграмма фенолфталина, чтобы въ щелочномъ растворѣ окрасить въ красноватый цвѣтъ 30 литровъ воды, а 1 млгрм. фуксина проявляетъ свое красящее дѣйствіе въ 50 литрахъ воды, т. е. въ растворѣ 1:50 миллионный. Изъ органическихъ красящихъ веществъ заслуживаетъ упоминанія флуоресценинъ, натронная соль котораго извѣстна въ продажѣ, подъ именемъ «уранина», такъ какъ щелочные растворы флуоресценина въ высокой степени обладаютъ флуоресцирующей способностью, т. е. при проходящемъ свѣтѣ наблюдается другая окраска, чѣмъ при падающемъ. Эта особенность, наблюдаемая также въ обыкновенной нефти, выступаетъ ярко въ растворахъ уранина, по интенсивности окрашиванія почти не уступающаго фуксину. Такъ какъ уранинъ, кромѣ того, отличается постоянствомъ, то его примѣнили къ изученію подземныхъ ходовъ воды и во многихъ случаяхъ къ установленію подземной связи различныхъ водныхъ источниковъ другъ съ другомъ или съ почвенной водой.

Чрезвычайную чувствительность проявляютъ реакціи, при помощи которыхъ опредѣляется присутствіе азотной и азотистой кислотъ; онѣ, поэтому, имѣютъ важное значеніе при оцѣнкѣ годности питьевой воды. Азотная кислота узнается

при прибавленіи одной капли воды къ раствору сѣрно-кислаго дифениламина, при чемъ вокругъ этой капли образуется темно-голубое кольцо. Реакція эта, по Lunge, даетъ положительный результатъ даже тогда, когда въ одномъ литрѣ заключается всего $\frac{1}{20}$ млгрм., а въ 1 куб. метрѣ воды 50 млгрм. азота въ формѣ азотной кислоты. Но такъ какъ для этой пробы берутъ только $\frac{1}{2}$ куб. сант. воды, то требуемое для реакціи количество азота составляетъ $\frac{1}{40000}$ миллигр.

Понятнѣ, изумительная чувствительность!

Для обнаруженія азотистой кислоты употребляется цѣлый рядъ реагентовъ, изъ которыхъ самымъ чувствительнымъ является предложенная Gries's'омъ сульфаниловая кислота въ соединеніи съ сѣрно-кислымъ α -нафтиламиномъ: положительный результатъ получается при содержаніи въ 1 куб. метрѣ воды 10 млгрм. ангидрида азотистой кислоты. Итакъ, эта реакція позволяетъ обнаружить $\frac{1}{100}$ гр. вещества, раствореннаго въ 10 гектолитрахъ или 20 центнерахъ воды, т. е. 1 часть въ 100 миллионѣхъ вѣсовыхъ частей воды!

Послѣ того, какъ мы назвали самыя сильныя растворы, при которыхъ чувствительнѣйшіе химическіе реагенты могутъ открыть присутствіе вещества, небезынтересно будетъ сравнить ихъ съ тѣми растворами, какія примѣняются гомеопатами при изготовленіи лѣкарствъ. Основныя тинктуры, разбавлялись въ 10 или 100 разъ большимъ объемомъ воды. 1 часть полученной такимъ образомъ «первой силы» въ свою очередь разводится 10 или 100,— кратнымъ количествомъ воды и эта процедура часто повторялась до 30 разъ и болѣе. Въмѣсто насыщеннаго раствора, содержащаго 26% поваренной соли уже при 6-мъ разведеніи получается столь слабый растворъ соли что азотно-кислымъ серебромъ не удается больше доказать присутствіе въ растворѣ соли. Чрезвычайно слабый растворъ, при которомъ получается реакція на азотистую кислоту помощью предложеннаго Griss's'омъ реагента, (1:100 миллионѣвъ) соотвѣтствуетъ почти восьмому разведенію гомеопатовъ. Тридцатое разведеніе соотвѣтствуетъ разведенію 1 части на квинквилліонъ частей, т. е. такое число, которое изображается единицей съ тридцатью нулями, а при разведеніи каждый разъ въ 100 разъ большимъ количествомъ воды число это изображается 1 съ 60 нулями. Время, когда гомеопаты видѣли свое искусство въ подобнаго рода преувеличеніяхъ и старались перещеголять другъ друга все возрастающими разведеніями лѣкарствъ, конечно, миновало: новая гомеопатія научилась въ этомъ пунктѣ быть немного умѣреннѣе.

Не для всѣхъ тѣлъ химія имѣетъ въ своемъ распоряженіи столь чувствительныя реакціи, какъ только что описанныя. Но и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя примѣнить достаточно чувствительную реакцію, можно открыть даже незначительныя слѣды растворенныхъ тѣлъ, увеличивая кипяченіемъ концентрацію раствора. Какъ примѣръ, укажемъ на нахожденіе золота и серебра въ морской водѣ. Доказано, что 1 куб. метръ морской воды содержитъ въ растворенномъ состояніи $\frac{6}{100}$ грамма золота и приблизительно столько же серебра, такъ что 1 граммъ золота содержится почти въ 17 куб. метрахъ воды. При всей ничтожности процентнаго содержанія золота (0,000,006%) количество раствореннаго во всѣхъ моряхъ золота, считая общій объемъ воды всѣхъ океановъ въ 1.200

милліоновъ куб. метровъ, представляетъ внушительную массу въ 73 милліарда тоннъ по 1.000 килограм.; объемъ этой массы золота равнялся бы 4 кубич. километрамъ или 4 милліардамъ кубич. метровъ. Добываніе такихъ богатствъ при столь слабомъ растворѣ было бы, конечно, сопряжено съ большими трудностями, но все же въ послѣднее время снова были выданы патенты на такого рода добываніе, при чемъ о какихъ-либо практическихъ результатахъ ничего неизвѣстно.

Почти всѣ до сихъ поръ упомянутыя реакціи далеко превзойдены однимъ методомъ, который, правда, находитъ себѣ ограниченное примѣненіе, но зато отличается феноменальной чувствительностью: мы говоримъ о спектральномъ анализѣ. Предполагая уже знакомство читателей съ сущностью спектрального анализа, приведемъ лишь нѣсколько пояснительныхъ примѣровъ.

Нахожденіе поваренной соли съ помощью линіи натрія возможно и при наличности одной трехмилліонной части миллиграмма! Въ сущности, слабая линія натрія всегда появляется въ спектроскопѣ, такъ какъ воздухъ постоянно содержитъ слѣды поваренной соли, которая уносится вмѣстѣ съ испареніями морской воды, покрывающей большую часть земной поверхности, и вѣтрами разносится по континенту. Достаточно гдѣ-нибудь вблизи спектрального аппарата подняться пыли, чтобы вполне отчетливо появилась линія натрія. Конечно, ни одна другая спектральная реакція не обладаетъ такой чувствительностью, такъ, самое меньшее количество углекислага литія, различаемое спектроскопомъ, равняется $1/100000$ а солей калия $1/1,000$ мгрм.

Спектральный анализъ находитъ себѣ примѣненіе и при изслѣдованіи жидкостей въ сосудахъ съ плоскими параллельными стѣнками, помѣщенныхъ между источникомъ свѣта и спектроскопомъ. Въ такомъ видѣ часто пользуются спектральнымъ анализомъ для опредѣленія различныхъ красящихъ веществъ, напр., для открытія фальсификаціи краснаго вина. Спектроскопъ даетъ возможность открыть даже незначительныя количества крови; далѣе, на трупахъ путемъ спектроскопическаго изслѣдованія крови можно съ величайшей точностью доказать отравленіе окисью углерода, такъ какъ красящее вещество крови, содержащее окись углерода, имѣетъ характерный видъ.

Кровью пользуются также для обнаруженія въ воздухѣ небольшихъ количествъ окиси углерода, для чего смѣшиваютъ воздухъ съ водой, содержащей одну каплю крови, и жидкость подвергаютъ спектроскопическому изслѣдованію. Такимъ путемъ удается обнаружить 1 объемъ окиси углерода въ 100.000 объемахъ воздуха. Послѣ того, какъ мы познакомились съ столь чувствительными реакціями, которыя находятся въ распоряженіи аналитической химіи, нужно удивляться, что такъ поздно открыты нѣкоторыя тѣла, которыя до послѣдняго времени ускользали отъ наблюденія. Мы говоримъ объ аргонѣ, газообразномъ тѣлѣ, которое содержится въ воздухѣ въ количествѣ 1% и о существованіи котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ даже и не предполагали. Объясненіе этому нужно искать въ большомъ сходствѣ этого газа съ азотомъ и чрезвычайномъ непостоянствѣ аргона въ химическомъ отношеніи. Недавно были открыты въ воздухѣ и другіе элементы, криптонъ, неонъ и ксенонъ, которые, въ виду ничтожнаго содержанія этихъ

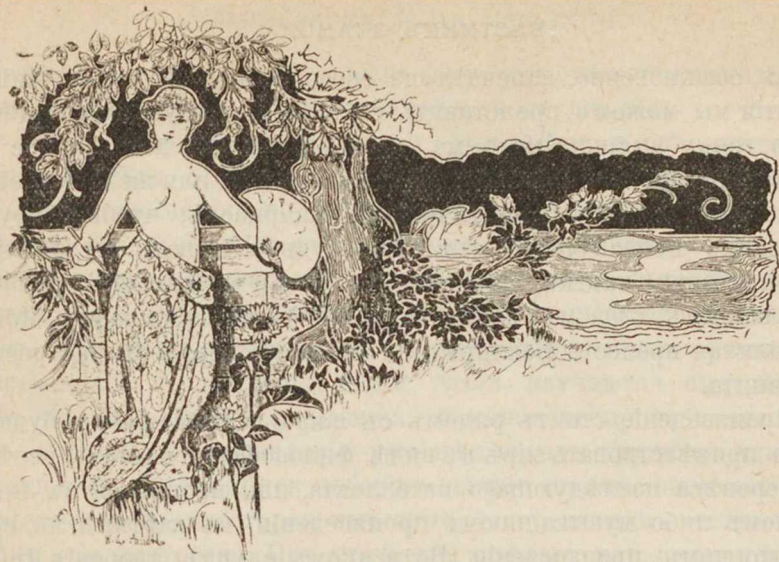

газовъ въ воздухѣ, открыты были лишь тогда, когда научились превращать въ жидкое состояніе большія массы воздуха и путемъ частичнаго испаренія жидкаго воздуха получили большее содержаніе этихъ рѣдкихъ составныхъ частей воздуха. Криптонъ, напр., содержится въ воздухѣ въ количествѣ $\frac{1}{50,000}$ процента.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о такихъ техническихъ приемахъ, которые представляютъ интересъ, благодаря очень малому содержанію добываемыхъ тѣлъ. Чтобы стоило добывать вещество при этихъ условіяхъ, необходимо, чтобы оно было очень цѣннымъ; примѣромъ этому могутъ служить благородные металлы. Горнозаводскій рабочій отдѣляетъ серебро отъ свинца даже тогда, когда оно составляетъ $\frac{1}{10,000}$ часть послѣдняго. Одну часть золота можно съ выгодой добывать изъ 2.000 частей серебра. При новѣйшихъ способахъ добыванія золота изъ золотоснаго песку съ помощью раствора ціанистаго калия можно разрабатывать песокъ съ 2,3 грамма золота на тонну или съ 0,000,23 процента золота. Это такіе успѣхи, которые превосходятъ отчасти точность многихъ аналитическихъ операций. Что это возможно только при исключительно благоприятныхъ условіяхъ, понятно всякому, кто знаетъ, что при техническихъ операціяхъ должны быть приняты въ расчетъ издержки производства, которыя рѣшаютъ вопросъ о выгодоности разработки песку съ очень небольшимъ процентнымъ содержаніемъ золота.

В. Уде.

Новый взгляд на искусство.

Психологія искусства постепенно занимает мѣсто исторіи искусства. Не составленіе скучныхъ рефератовъ по каталогамъ душевныхъ архивовъ, но свободное познаніе своеобразія творческой воли человѣка, указывающей пути художественному творчеству, занимаетъ въ наше время людей, интересующихся искусствомъ. Все рѣже встрѣчаются лица, радостно устанавливающія факты вродѣ того, сколько получить какой-нибудь плохенькій мастеръ за картину, нынѣ уже утраченную. Правда, скромныя оргіи, празднуемыя въ архивахъ, никогда не исчезнутъ вполне. Это совсѣмъ въ порядкѣ вещей, что людей „цѣнимыхъ въ кругу знатоковъ“, встрѣчаютъ съ уваженіемъ, и никто не можетъ имъ отказать въ признаніи, что они вѣрны, честны и трудолюбивы. Однако, нынѣ господствуетъ уже не „трудолюбивый искатель и счастливый находчикъ“, а человѣкъ стоящій значительно выше: тотъ, для котораго искусство есть средство спуститься въ глубину творческой личности, уразумѣть и выразить словами особенный міръ красоты, открытый въ этой глубинѣ.

Въ произведеніи искусства доставляетъ намъ удовольствіе уже не установленіе факта, что въ X году данная картина написана господиномъ Н., супруга котораго умерла, подавившись рыбьею костью, и у котораго восьмой сынъ былъ негодяй. Нынѣ трогаетъ насъ встрѣча съ высокой индивидуальностью. Все, на что она положила извѣстный отпечатокъ, возбуждаетъ въ насъ интересъ; прежде всего, біографія великаго человѣка, его судьба,

которая, обыкновенно, запечатлѣна своеобразностью генія. Линію его бытія мы можемъ представить себѣ въ видѣ дуги; мы видимъ начало, точку высшаго подъема, и окончаніе. Мы познаемъ ее по тому, тянется ли она съ классической простотой, или же колеблется безпокойной волной романтическихъ капризовъ, чтобы вдругъ неожиданно исчезнуть. Соотвѣтствіе судьбы и воли художника обуславливаетъ картину его жизни, тона и краски его произведеній; нашимъ глазамъ являются солнечныя ландшафты Мона, причудливая прелесть Беклина, или полное содержаній настроеніе Рембрандта.

Произведеніе стоитъ рядомъ съ жизнью. И все равно, будетъ ли оно привѣтствовать міръ въ видѣ философской системы вслѣдствіе перевѣса изслѣдующаго интеллекта, или проявится въ литературномъ либо музыкальномъ произведеніи, въ картинѣ ли или скульпторномъ произведеніи. Во всякомъ случаѣ, творенія генія есть предметъ искусства. И, какъ по стилю жизни художника мы опредѣляемъ движущія имъ силы, точно также творенія представляютъ документы для уразумѣнія духовной исторіи личности.

Первое требованіе, очевидно, состоитъ въ томъ, чтобы умѣть прочесть этотъ документъ. Всю прелесть обходительнаго хозяина мы познаемъ легче всего въ уютной комнатѣ, на фонѣ прекрасной художественной обстановки, бесѣдуя за стаканомъ хорошаго стараго вина, наслаждаясь долетающими до ушей звуками пріятной музыки. Если это такъ, то вѣдь нужна также извѣстная благовѣйная тишина, настроеніе или капризъ любителя, дабы, разсматривая произведеніе искусства, сознать во всей полнотѣ величіе творческаго ума, который говоритъ намъ на своеобразномъ языкѣ о своихъ радостяхъ, страданіяхъ и страстяхъ. Кто подходитъ къ произведенію искусства на скрипящихъ двойныхъ подошвахъ критики или съ профессорскимъ любопытствомъ, кося глаза сквозь золотыя очки, тотъ напередъ лишаетъ голоса произведеніе. Кто хочетъ не насладиться, а кой-что узнать, тотъ справедливо натывается на пріемъ, какимъ встрѣчаютъ репортера, а не друга. И, къ несчастію, въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ пишутъ объ искусствѣ, именно, репортеры,—объ искусствѣ въ широкомъ значеніи слова, какъ излученіи своеобразной творческой силы. Между тѣмъ, вовсе недостаточно излагать систему спекулятивной философіи и показывать пальцемъ: это, дескать, „правильно“, а это „ошибочно“; и недостаточно описать содержаніе и планъ поэтическаго произведенія, опредѣлить характеръ, изложить идею. Все это имѣетъ такое-же достоинство, какъ описаніе картины мастера въ слѣдующемъ родѣ: „Картина представляетъ собою ландшафтъ. По срединѣ протекаетъ рѣка. Направо лѣсъ, по лѣвой сторонѣ тянется поле,

которое вспахиваетъ человѣкъ плугомъ, запряженнымъ парюу воловъ. Настроеніе вечера схвачено очень удачно“.

Въ исторіи спекулятивной философіи и въ литературѣ почти совсѣмъ отказались отъ того, чтобы по характеру цѣлаго, по слогу сочиненія, по чисто формальнымъ моментамъ—разумѣется, въ сочетаніи съ идейнымъ содержаніемъ—угадывать своеобразную художественную личность и ею-то, именно, наслаждаться; но въ исторіи искусства этотъ шагъ впередъ уже сдѣланъ. При этомъ, прежде всего, пробуждается вновь органъ художественнаго наслажденія, наши глаза научаются смотрѣть, въ насъ восстанавливается утраченная наивная воспріимчивость.

Въ такомъ направленіи уже цѣлые годы трудится Альфредъ Лихтваркъ, стремящійся побороть вліяніе школы, систематически разрушающей одностороннимъ интеллектуализмомъ естественное воспріятіе искусства. Онъ старается сдѣлать изъ индивида наивный, тонкій и всегда своеобразно реагирующий инструментъ, указываетъ пути къ новому гармоническому спокойному наблюденію искусства, послѣ того, какъ первоначальное убито школой—и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ прочную заслугу въ дѣлѣ будущей нѣмецкой культуры на почвѣ искусства. Благодаря ему, глазамъ нашимъ возвращены ихъ естественныя функціи различать краски, тоны, оттѣнки, гармоніи цвѣтовъ и находить въ этомъ наслажденіе.

Среди тѣхъ, которые научили насъ наслаждаться картиной, не какъ иллюстраціей сюжета, а именно ея живописными и художественными средствами, особенно выдаются Рихардъ Мутеръ и Генрихъ Вельфлинъ. Мутеръ продолжаетъ дѣло Якова Бухгардта, онъ требуетъ, подобно послѣднему, большей глубины въ характеристикѣ художниковъ. Перечисленіе біографическихъ данныхъ,—говоритъ онъ,—не даетъ еще взору проникнуть въ душу человѣка.

Отъ внѣшняго слѣдуетъ стремиться вглубь, къ индивидуальности; нужно нѣкоторыя произведенія искусства объяснять личностью творца. Нужно составить новый методъ описанія этихъ произведеній. Нужно умѣть вдохнуть весь ихъ запахъ и оттѣнки своихъ впечатлѣній передать словомъ. Элементъ „внушенія“ долженъ повсюду вступить на мѣсто сухой каталогизаціи.

Слѣдуя этому методу, Мутеръ въ своихъ произведеніяхъ по исторіи искусства сталъ, такъ сказать, его „драматургомъ“. Изъ стиля картинъ, изъ красокъ, линій, композиціи въ сопоставленіи съ идейнымъ содержаніемъ онъ возсоздаетъ всю личность творца съ его судьбами, желаніями, надеждами, радостями, трагедіями, страстями. Умѣя все это прочесть и передать въ оригинальныхъ систематическихъ формахъ, своеобразнымъ литературнымъ языкомъ, онъ поднялъ исторію искусства на степень

явленія, которое, какъ и самую жизнь, мы способны читать съ пользой, съ любовью и съ внутреннимъ волненіемъ.

Мутеръ своеобразно развилъ и углубилъ критическій методъ Тэна. Генрихъ Вельфлинъ къ сдѣланному Мутеромъ при-совокупилъ еще что-то новое. Онъ доказываетъ, что въ произведеніи художника есть еще нѣкоторое эстетическое *profession de foi*—догматъ, который не имѣетъ ничего общаго ни съ убѣжденіями времени, ни съ убѣжденіями личности, а всецѣло зависитъ отъ художественнаго способа смотрѣть на вещи. Въ каждой картинѣ есть нѣкоторые „моменты безъ тона чувства“ (*ohne Gefühlston*), которые даютъ ключъ не къ творческой душѣ, но къ художническому глазу живописца. Поэтому, рядомъ съ психологическимъ методомъ обозрѣнія, который черпаетъ свои заключенія изъ единства идеи, краски, линіи и композиціи, возможно еще чисто художественное разсмотрѣніе, которое ищетъ эстетическихъ ключей въ однихъ формахъ, въ моментахъ, въ самой картинѣ лежащихъ.

Этотъ второй родъ изслѣдованія Генрихъ Вельфлинъ прекрасно примѣнилъ къ твореніямъ эпохи Возрожденія; теоретически же обосновалъ этотъ способъ Адольфъ Гильдебрандъ. Къ сожалѣнію, преувеличенія неумѣлыхъ подражателей подвергли этотъ методъ критическимъ нападкамъ со стороны лицъ, непонимающихъ, что Вельфлинъ и Гильдебрандъ не могутъ отвѣчать за смѣхотворность попытокъ ихъ слабыхъ подражателей на этомъ весьма трудномъ пути. Къ счастью, добрую славу этого метода опять возстановляетъ талантливый критикъ Карлъ Шеффлеръ, который сумѣлъ соединить въ характеристикѣ произведеній искусства внутренніе и формальные элементы.

И мы думаемъ, что придетъ время, когда этотъ новый критическій методъ будетъ изъ области искусства переведенъ въ область оцѣнки произведеній литературы и спекулятивной философіи. *) Будетъ понятно, что въ философіи важно не одно содержаніе, что и въ ней имѣется что-то соотвѣтствующее линіямъ, краскамъ, тонамъ композиціи, а это уже вполне допускаетъ художественную точку зрѣнія при оцѣнкѣ.

Философская система проводить свою главенствующую идею въ извѣстномъ темпѣ, въ попеременной игрѣ свѣта и тѣни, имѣетъ свои линіи движенія мысли, въ зависимости отъ того, ослабѣваетъ ли или усиливается тяготѣніе къ центральной идеѣ системы. Сопоставляя всѣ эти чисто художественные моменты съ

*) Эта точка зрѣнія проводится въ философіи уже и нынѣ Зиммелемъ. см. Вступленіе къ «Философіи денегъ».

идейнымъ содержаніемъ, возможно уразумѣть творческую индивидуальность философа. Ибо вовсе недостаточно знать по отдѣльнымъ тезисамъ, что думалъ человѣкъ; при полнотѣ созерцанія его творчества, надо умѣть почувствовать, *какъ* онъ чувствовалъ.

Все это, разумѣется, очень трудно. Надо разбудить дремлющія въ немъ эстетическія силы, надо найти способъ встрѣтить оттѣнки чувствованій, которые пока не выражались. Но если и въ этой области найдутся люди вродѣ Лихтварка, Мутера, Вельфлина, то при встрѣчѣ съ міровыми картинами философскихъ системъ и поэтическихъ произведеній мы станемъ съ наслажденіемъ переживать новое соприкосновеніе съ творческими силами и судьбами человѣческой души.

Те.

Из впечатлѣній русскаго въ Швейцаріи.

Едва-ли не каждый русскій, въ первый разъ попавшій за границу, питаетъ полную увѣренность въ превосходствѣ Запада надъ нашей родиной; онъ ему кажется какимъ-то раемъ, обѣтованной землей, гдѣ вся жизнь проникнута другими высшими началами, рѣзко отличающимися ее отъ того тусклаго, сѣраго „существованьица“, къ которому мы издавна привыкли у себя дома. Русскій человѣкъ, если онъ только предъявляетъ высокія требованія къ жизни, „взыскую вышняго града“—обыкновенно такъ усталъ отъ тяготы жизни, полной всяческой нескладицы, и испытываетъ такую сильную потребность въ чемъ-то высшемъ, болѣе свѣтломъ и осмысленномъ, что ему страстно хочется вѣрить въ неизмѣримо болѣе высокій уровень жизни—по ту сторону Вержболова или Границы; то „другое“, что не дается, какъ кладъ, и неуловимо, какъ тѣнь, у себя на родинѣ, дома, цвѣтеть пышнымъ цвѣтомъ на свободной нивѣ Запада. Наблюдая изъ „прекраснаго далека“, европейскую жизнь, мы, русскіе, пожалуй, и не ошибаемся относительно многого, что составляетъ дѣйствительныя, положительныя завоеванія Запада, но зато въ другихъ отношеніяхъ питаемъ чистѣйшія иллюзіи, оправдывающія поговорку: „славны бубны за горами“...

Авторъ настоящей замѣтки, конечно, очень далекъ отъ того, чтобы утверждать: „Западъ гниетъ“ и предаваться патріотическимъ восхваленіямъ родныхъ пенатовъ, подъ сѣнью которыхъ неукоснительно совершается мирное и „самобытное“ развитіе Россіи. Но въ то же время ему кажется, что къ жизни Запада нужно относиться гораздо объективнѣе, чѣмъ это обыкновенно

дѣлается у насъ, и слѣдуетъ одинаково замѣчать и свѣтъ, и тѣни, вынося для себя изъ этихъ наблюденій назидательные уроки.

Мнѣ пришлось быть въ прошломъ году въ Швейцаріи, этой классической странѣ „свободы“ — самой свободной изъ всѣхъ странъ Европы,—и, какъ мнѣ кажется, я успѣлъ уловить общій тонъ швейцарской жизни, подмѣтить хорошее и дурное,—и, въ частности, уяснить соотношеніе между свободными учрежденіями Швейцаріи и общимъ складомъ жизни ея народа.

Собственно говоря, то, что прежде всего поражаетъ русскаго заграницей,—въ Швейцаріи въ частности,—это необычайная мощь матеріальной культуры, техническія удобства жизни (которыми вы можете пользоваться пропорціонально содержимому вашего кошелька). Торжество человѣческаго генія, его изобрѣтательность въ Швейцаріи особенно наглядны.

Швейцарецъ прорылъ „каменную грудь“ Альпійскихъ горъ, проложилъ всюду рельсы, провелъ зубчатыя желѣзныя дороги на вершины горъ, построилъ отели въ области вѣчныхъ льдовъ, воспользовался силой водопадовъ для добыванія электрической энергіи, использовалъ всѣ богатства природы и окружилъ себя достаткомъ; и это сочетаніе дивной альпійской природы, полной величавой прелести и генія человѣка, заключаетъ въ себѣ что-то неотразимо обаятельное. Жаль только, что швейцарецъ при своей практичности обнаруживаетъ мало вкуса; это замѣчаніе справедливо не только относительно архитектуры, но и положительно всего. Швейцарецъ не зарекомендовалъ себя вообще ничѣмъ замѣчательнымъ ни въ одной области искусства. Кстати замѣчу, что я нигдѣ не встрѣтилъ въ Швейцаріи даже хорошей музыки: оркестръ въ Thonhalle въ Цюрихѣ очень шуменъ, но далеко уступаетъ хотя бы нашему Павловскому оркестру.

Второе, что пріятно изумляетъ русскаго — это.... отсутствіе „начальства“ вообще — и „недреманнаго ока“ полисменовъ въ частности. Истинно-патріотическое русское сердце должно непремѣнно придти въ уныніе. Въ самомъ дѣлѣ; вы идете по улицѣ; встрѣчаете всюду толпы людей, одѣтыхъ въ цивильное платье („форма“ почти совершенно отсутствуетъ!), въ костюмахъ рѣзкой разницы не замѣчаете, и вамъ трудно отличить какого-нибудь статскаго совѣтника или богатаго барина отъ мелкаго служащаго, а, пожалуй, и простого слесаря или булочника. Одѣты всѣ по европейски,—оборванцы и нищіе отсутствуютъ. Вы замѣчаете, что всѣ чувствуютъ себя одинаково свободно и безъ малѣйшей „опаски“. То ли у насъ! Какое разнообразіе цвѣтовъ въ петличкахъ и кантахъ,—какая разница въ выраженіи фізіономій, какая субординація царитъ даже въ походкахъ, поклонахъ, взглядахъ! У насъ на Невскомъ, напримѣръ, къ иному

прохожему не рѣшишься и подойти,—а здѣсь вы можете остановить каждаго, спросить, что вамъ нужно—и вамъ навѣрно отвѣтятъ любезно и вѣжливо. Что же касается полисменовъ (а ихъ вообще немного), такъ тѣ подчасъ готовы даже перецеголять всѣхъ своей предупредительной любезностью — и, повидимому, твердо помнить, что они существуютъ для публики, а не публика для нихъ. Мнѣ пришлось быть въ Женевѣ во время большого сѣзда любителейскихъ музыкальныхъ обществъ (международнаго музыкальнаго конкурса) и наплыва прїѣзжихъ, желавшихъ присутствовать на концертахъ и празднествахъ. Всѣ гостиницы были переполнены, и масса частныхъ комнатъ (*chambre à louer*), сдаваемыхъ предусмотрительными хозяевами специально на это время были также заняты. Улицы съ утра до вечера запружены народомъ, всюду гремѣть музыка. Весь городъ украшенъ флагами, лентами, транспарантами и, кстати замѣчу, никакой печати казенщины на такого рода украшеніяхъ замѣтно не было. По всему было видно, что женевцы справляютъ свой городской праздникъ, привѣтствуютъ гостей и дѣйствительно веселятся. Порядокъ былъ образцовый, но присяжныхъ блюстителей его замѣтно не было.

На третій день празднествъ должно было состояться генеральное шествіе всѣхъ обществъ отъ городского сада по главнымъ улицамъ города. Съ утра всѣ центральныя улицы и площади были заполнены народомъ, толпившимся на мостовыхъ, панеляхъ, подъѣздахъ, ступенькахъ. Старики и молодые, повозки съ дѣтьми; шутки, смѣхъ, всеобщее оживленіе... Вотъ 5—6 подгулявшихъ музыкантовъ движутся по улицѣ не совсѣмъ увѣренной походкой и наигрываютъ какія-то необыкновенныя рулады; одинъ изъ нихъ выводитъ *solo* какую-то чрезвычайно замысловатую и комическую фіоритуру. Толпа хохочетъ, мальчуганы толпой бѣгутъ за музыкантами.... Лично я, признаться, никакъ не ожидалъ, что иностранцы могутъ веселиться такъ непосредственно, простодушно—по-дѣтски. Полиціи не замѣтно, порядокъ образцовый: ни давки, ни грубыхъ сценъ, ни напившихся до невмѣняемости, ни энергическихъ выраженій. Но вотъ, наконецъ, начинается шествіе. Безконечной вереницей, стройными колоннами, виновники 3-хъ дневнаго торжества, одѣтые въ разнообразныя костюмы (были даже туземцы изъ Алжира въ національномъ одѣяніи), дефилируютъ при громѣ музыки и въ предшествіи знаменъ передъ весело настроенными толпами женевцевъ. Оживленіе достигаетъ апогея,—но полиціи все-таки незамѣтно, и только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ оказалась наибольшая скученность, я замѣтилъ, наконецъ, три скромныхъ фигуры полицейскихъ, поддерживавшихъ веревку, которая ограждала мѣсто ше-

ствія; и это все—при такомъ необычайномъ скопленіи публики! А вечеромъ того же дня на озерѣ была устроена чудесная иллюминація. Вереницы лодокъ, набережная, дома были залиты огнями. Теперь вся Женева была здѣсь и всѣ готовились любоваться великолѣпнымъ фейерверкомъ, долженствовавшимъ продолжаться цѣлыхъ полчаса. На набережной буквально негдѣ было яблоку упасть. Вотъ взвилась ракета, и фейерверкъ начался. Это было поразительно эффектное зрѣлище, неподдающееся описанію. Ракеты, свѣчи, непрерывнымъ дождемъ летѣли въ небо и разсыпались на миллионы разноцвѣтныхъ огненныхъ брызгъ, падавшихъ въ озеро, —а въ воздухѣ стояла несмолкавшая канонада, сливавшаяся съ гуломъ шумно выражавшей свои восторги толпы. Но.. полиціи и на этотъ разъ нигдѣ не было видно.

Но все это больше внѣшняя сторона жизни. Обратимся къ внутренней.

Свободныя выборныя учрежденія Швейцаріи всеобщее избирательное право (каждый, достигшій 20-ти лѣтняго возраста, имѣетъ право голоса), принципъ народовластія и самоуправленія, доведенный здѣсь до наиболѣе полного выраженія, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, свобода личности, равенство всѣхъ передъ закономъ, широкая общественная самодѣятельность—позволили швейцарцамъ развить прочную экономическую культуру и создать болѣе или менѣе общую обезпеченность. Законъ о бѣдныхъ, кассы призрѣнія спасаютъ отъ крайней нужды, не говоря уже о нищетѣ. Всеобщее обученіе (бесплатное и свѣтское) также здѣсь осуществлено и поставлено образцово. Недаромъ Швейцарія—родина Песталоцци. Популярныя бесѣды, наглядныя пособія, коллекціи образовательныя экскурсіи здѣсь очень распространены. Что касается высшаго образованія, то имѣется нѣсколько университетовъ, а въ Цюрихѣ, „Швейцарскихъ Аѳинахъ“ есть еще политехникумъ, который, на ряду съ мѣстнымъ университетомъ, извѣстенъ далеко за предѣлами Швейцаріи... Швейцарскую армію представляетъ народная милиція: организована она демократически.

Все это говоритъ намъ уже очень многое, но далеко не все. Каковъ самый духъ жизни, социальнo-психическая атмосфера, нравы, въ широкомъ смыслѣ слова, внутренній бытъ народа? Увы! общій характеръ жизни здѣсь оставляетъ желать многого. Содержаніе жизни узко и мелко, идеаль ея блѣденъ.

Мнѣ хочется припомнить слова одного простолюдина, прожившаго весь вѣкъ въ заботахъ о своемъ углѣ и пришедшаго въ концѣ концовъ къ такому заключенію: „чувствую, что *дыханіе* во мнѣ есть, а *души* нѣту“. Все, что мы сказали до сихъ поръ положительнаго о жизни Швейцаріи, составляетъ ея *дыханіе*; что же ка-

сается души, то она оказывается мелкобуржуазной и содержаніе ея исчерпывается двумя словами: *культурное мѣщанство*. Идеаль „мѣщанскаго счастья“ проникаетъ собою все помыслы и всю дѣятельность средняго швейцарца. Заботы о довольствѣ въ своемъ углу, вѣрная и добродѣтельная супруга, погруженная въ хозяйственныя заботы и расчеты, да участіе въ какомъ-нибудь стрѣлковомъ обществѣ (которыхъ здѣсь превеликое множество) или въ пѣвческомъ или въ другомъ подобномъ, въ родѣ Цюрихскаго фѣрейна для украшенія окрестностей города („Verschönungverein“) и поддержаніе мудрыхъ демократическихъ учреждений обезпечивающихъ каждому такого рода житейское благополучіе—вотъ все, что составляетъ содержаніе жизни швейцарца. Стрѣлковые, гимнастическіе и т. п. кружки имѣютъ разнообразныя значки, знамена, устраиваютъ шествія, переносящія васъ невольно въ средніе вѣка и такія зрѣлища здѣсь очень обычны и популярны. Общества же съ болѣе „широкими“ задачами обыкновенно не могутъ подняться выше идеи какой-нибудь „арміи спасенія“ и т. п.

Мѣриломъ культурности для всякаго народа можетъ служить социальное положеніе, которое занимаетъ женщина, та роль, которую она играетъ, или, по крайней мѣрѣ, та энергія, съ которою она стремится завоевать самостоятельность положенія, такъ какъ до тѣхъ поръ, пока отсутствуетъ умственное и интеллектуальное равенство половъ, социальная жизнь не можетъ развить въ себѣ богатаго и полного содержанія. Швейцарская женщина стоитъ очень низко по развитію, погружена исключительно въ хозяйство, трудолюбива, чистоплотна, и представляетъ собою какой-то придаточный органъ мужа,—относится чуть не съ презрѣніемъ къ мысли о высшемъ образованіи для женщинъ. Странно видѣть, что въ то время, какъ русская женщина стремится за тридевять земель въ швейцарскіе университеты,—швейцарка не пользуется тѣмъ, что у нея подъ рукою. Когда въ швейцарскихъ университетахъ впервые появилась женщина-иностранка, большинство студентовъ не знало, какъ и выразить свое крайнее ироническое отношеніе къ такому явленію, пока, наконецъ, не помирилось съ совершившимся фактомъ въ силу привычки. Мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ интеллигентнымъ швейцарцемъ; социаль-демократомъ. Онъ очень низко ставилъ швейцарскую женщину и сообщилъ мнѣ, между прочимъ, тотъ любопытный фактъ, что въ Цюрихѣ, напр., многіе интеллигенты, соц.-демократы, женаты на русскихъ. Мой собесѣдникъ вообще, впрочемъ, былъ очень высокаго мнѣнія о славянахъ, о русскихъ въ частности, хотя судить онъ могъ главнымъ образомъ лишь по тѣмъ нашимъ соотечественникамъ, которыхъ часто исключительныя обстоятельства толкаютъ

за границу. (Русскими вообще сильно интересуются извѣстные слои швейцарскаго общества. Въ такихъ газетахъ, какъ „Berner Tagewacht“ или „Volksrecht“ постоянно встрѣчаются свѣдѣнія о Россіи,—и здѣсь вы можете иногда почерпнуть сенсаціонныя новости, которыхъ не встрѣтите въ русскихъ газетахъ). Что касается швейцарскаго студента, то онъ проникнуть въ такой же мѣрѣ буржуазнымъ филистерствомъ, какъ и вообще заграничный студентъ. Широкія соціальныя вѣянія ему чужды. Онъ просто изучаетъ извѣстную спеціальность, которая ему нужна, какъ ремесло. Когда въ Цюрихѣ нѣсколько лицъ попытались издавать журналъ („Молодая Швейцарія“) спеціалью для молодежи, съ цѣлю привлечь ее къ широкимъ общественнымъ задачамъ, то попытка эта не имѣла никакого успѣха: журналъ скоро захирѣлъ и совершенно прекратилъ существованіе. По виѣшнему впечатлѣнію швейцарскій студентъ представляетъ также мало симпатичнаго. Вы видите передъ собой обыкновенную „приличнаго“ молодого человѣка, достаточно корректнаго и вѣжливаго, сколько это требуется правилами общежитія—и, въ то же время, съ печатью деревянности на челѣ и съ сухимъ, непривлекательнымъ выраженіемъ лица. Отпечатокъ сухости вообще лежитъ здѣсь на всемъ. Во взаимныхъ отношеніяхъ чувствуется мало отзывчивости, чуткости, душевности и, если въ Швейцаріи помогаютъ, на примѣръ, бѣднымъ, то это дѣлается, обыкновенно, безъ участія сердца, а просто въ силу предписаній кодекса, которымъ моральная поддержка, конечно, не предписывается.

Но жизнь не можетъ застыть надолго въ однѣхъ и тѣхъ же рамкахъ. Мелко-буржуазный идеаль, достигнувъ наиболѣе полнаго развитія, переживаетъ самого себя, и въ Швейцаріи за послѣднее время мы замѣчаемъ нѣчто новое. Это новое вносится оживленіемъ класеовой борьбы. Борьба пролетаріевъ принимаетъ болѣе сознательный характеръ, ставитъ болѣе широкія цѣли и пріобрѣтаетъ единство, и, одновременно, мы наблюдаемъ обостреніе отношеній между буржуазной партіей и рабочими. Мнѣ какъ-то пришлось побывать на одномъ собраніи рабочихъ въ Цюрихѣ.

Это была Ptotestversammlung по слѣдующему поводу. На выборахъ во многихъ округахъ Цюриха весьма значительнымъ большинствомъ прошли соціаль-демократы. Этотъ фактъ заставилъ всполошиться буржуа и побудилъ искать повода къ опротестованію выборовъ. Рѣшено было придратъся къ нарушенію одной формальности: законъ запрещаетъ избирателямъ передавать голоса, но на практикѣ правило это нарушалось издавна всѣми партіями — и, между прочимъ, такое нарушеніе было допущено на этотъ разъ соціаль-

демократами. Поводъ былъ найденъ, и выборы объявлены неправильными. Рабочимъ оставалось собраться, обсудить положеніе и дальнѣйшій образъ дѣйствій. Собраніе происходило вечеромъ на одной изъ большихъ площадей Цюриха и отличалось рѣдкимъ многолудствомъ. Рабочіе . . . впрочемъ, для русскаго глаза видъ людей, присутствовавшихъ на собраніи, мало гармонировалъ съ обычнымъ представленіемъ о рабочихъ: не говоря уже о томъ, что на всѣхъ мужчинахъ были шляпы, манишки, галстуки, на лицахъ ихъ, обыкновенно открытыхъ, добродушныхъ, лежала печать большей интеллигентности, чѣмъ прочтете на физиономіи иного патентованнаго „интеллигента“. Рабочіе и работницы плотной стѣной окружали трибуну, съ которою размѣренно, отчеканивая каждое слово — какъ имѣютъ обыкновеніе говорить нѣмцы — ораторы произносили рѣчи. По временамъ кто-нибудь вставлялъ слово, выражалъ одобреніе; иногда раздавался общій смѣхъ, вызванный удачною острою оратора или остроумнымъ замѣчаніемъ кого-либо изъ слушающихъ. Въ перерывахъ между рѣчами аудиторія превращалась въ хоръ: исполнялось нѣсколько куплетовъ изъ рабочихъ пѣсень. Собраніе происходило при свѣтѣ факеловъ; тамъ и сямъ видѣлись знамена. Это придавало оригинальный видъ. Первымъ долженъ былъ говорить Грелихъ, ораторъ наиболѣе популярный не только въ Цюрихѣ, но и вообще въ Швейцаріи. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ на трибунѣ пастора, выступающаго въ роли социаль-демократическаго оратора... (Мое недоумѣніе нѣсколько разъяслось, когда мнѣ замѣтили, что пасторы въ Швейцаріи — выбираютъ). Собраніе вынесло резолюцію, довольно пространную, заключающую приглашеніе употребить всѣ усилія, чтобы на *перевыборахъ* отстоять всѣ позиціи. Эту резолюцію тотчасъ же было рѣшено распубликовать по всѣмъ кантонамъ Швейцаріи. На слѣдующій день мнѣ пришлось, между прочимъ, бесѣдовать объ этомъ собраніи съ хозяиномъ загородной гостиницы, въ которой я остановился, — типичнымъ швейцарцемъ, представителемъ мелкой буржуазіи. Надо было видѣть, съ какимъ недоброжелательствомъ и презрѣніемъ отзывался онъ о намѣреніяхъ рабочихъ.

Враждебное отношеніе къ рабочему движенію выражается здѣсь между прочимъ уличными насмѣшками и издѣвательствами во время майскихъ процессій, довольно усердно расточаемыми по адресу участниковъ таковыхъ.

Но самый яркій примѣръ нетерпимаго отношенія къ развивающемуся рабочему движенію имѣлъ мѣсто во время недавней большой стачки женевскихъ рабочихъ, начатой трамвайными служащими. Женева, самый свободный городъ Швейцаріи, родина Руссо, этого пламеннаго апостола свободы, „городъ духа, постро-

енный изъ стоицизма, на скалѣ предопредѣленія“, какъ нѣсколько вычурно выразился о немъ Мишле,—„эта республика, въ десять разъ меньшая Аѳинъ, въ теченіе полутора ста лѣтъ привлекавшая взоры Европы и поставившая свое имя на ряду съ именемъ Рима тѣхъ временъ, когда Римъ властвовалъ надъ царями“ (Вольтеръ)—едва не сдѣлалась ареной массоваго избіенія безоружныхъ студенчиковъ, а граждане этой „республики“ готовы были образовать отрядъ добровольцевъ въ подкрѣпленіе кантональнымъ войскамъ!.. Этотъ фактъ открылъ рабочимъ глаза на многое и вызвалъ стремленіе къ большому объединенію, расширенію программы и внесенію въ нее болѣе радикальнаго духа.

Едва ли не въ связи съ усиленіемъ рабочаго движенія находится оживленіе милитаристскихъ тенденцій, что вообще было чуждо Швейцаріи до сихъ поръ.

Такимъ образомъ на примѣрѣ Швейцаріи мы видимъ, что сколь-угодно „свободныя“ демократическія учрежденія не означаютъ еще всеобщаго благоденствія и высокаго уровня жизни,—а представляютъ лишь *форму*, способную вмѣстить въ себѣ самое разнообразное *содержаніе*,—выводъ, особенно полезный практически для странъ, переживающихъ болѣе раннія стадіи.

Побывать въ Швейцаріи вообще чрезвычайно интересно и поучительно. Не говоря уже о природѣ, ежегодно привлекающей сюда массы иностранцевъ всевозможныхъ національностей, есть что понаблюдать и чему поучиться въ самой жизни. Съѣздить въ Швейцарію и пожить тамъ—не такъ дорого, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда,—пожалуй даже дешевле, чѣмъ въ Крыму или на Кавказѣ; жизнь въ Швейцаріи относительно очень дешева—дешевле, напримѣръ, петербургской; сравнительно очень дешевы комнаты: за 6—7 рублей человѣку съ нетребовательнымъ вкусомъ можно имѣть вполне порядочную комнату (не въ пансіонѣ). Ъхать лучше всего черезъ Австрію: во-первыхъ, потому, что австрійскій тарифъ наиболѣе дешевый, много дешевле германскаго. Чтобы избѣжать проволочки въ Вѣнѣ съ визированіемъ паспорта можно визировать его въ Варшавѣ, въ австрійскомъ консульствѣ; во-вторыхъ,—избравъ дорогу черезъ Тироль, вы получите ни съ чѣмъ несравнимое удовольствіе: тирольская природа и виды восхитительны, и мѣстами вы буквально не въ состояніи будете оторваться отъ окна вагона. Что касается языка, то самого небольшого знакомства съ нѣмецкимъ языкомъ вполне достаточно, чтобы добраться до цѣли путешествія. Недаромъ рассказываютъ, что нѣкій русскій студентъ, рѣшившійся промѣнять отечественные храмы науки на швейцарскіе, проѣхалъ всю Германію и добрался до Швейцаріи, зная только два слова по-нѣмецки: „Nach Zürich!“ (Въ Цюрихъ!)—и уже на мѣстѣ только сталъ

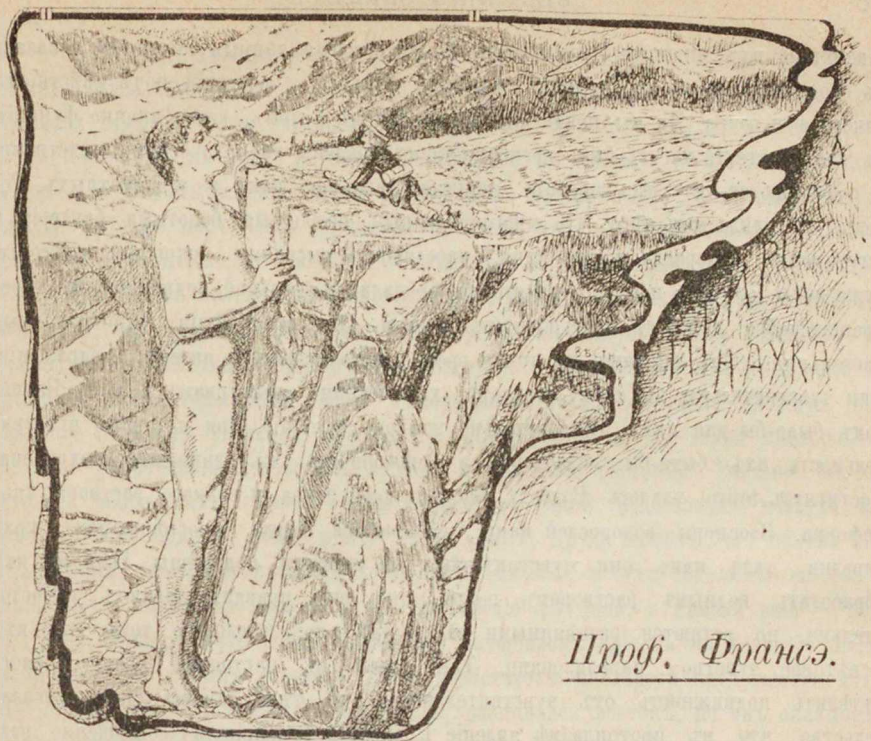

изучать нѣмецкую рѣчь. Оріентироваться въ Швейцаріи очень легко, такъ какъ всюду—въ Цюрихѣ, Бернѣ, Лозаннѣ, Женевѣ—масса русскихъ. Въ Цюрихѣ, на Oberstrasse—„русская читальня“ и при ней прекрасная бібліотека, въ которой имѣется много рѣдкихъ изданій. Въ читальнѣ можно всегда встрѣтить кого-нибудь изъ русскихъ, кто вамъ не откажетъ дать необходимыя указанія и справки.

Те.

Проф. Франсэ.

БОТАНИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ.

Физиологія, какъ главная отрасль современной ботаники.—Наркозъ бактерий и зооспоръ.—Специфическая чувственная энергія въ прото-плазмѣ.—Интрамоллекулярное дыханіе.—Удивительныя регенеративныя явленія — Антиферменты въ организмѣ растения.—Значеніе регулятивныхъ явленій.

Послѣ продолжительнаго предпочтенія, которое оказывала ботаника изученію формъ и условій развитія растений, изслѣдованія теперь все больше обращаются къ объясненію условій жизни послѣднихъ. Почти всѣ новые успѣхи ботаники касаются физиологіи. Къ счастью, теперь уже, наконецъ, признано, что всю «флористику», подавлявшую когда-то ботанику, нужно разсматривать, лишь какъ вспомогательное средство, а не какъ самую науку.

Физиологическое изслѣдованіе производится въ настоящее время въ двухъ направленіяхъ. Въ связи съ химіей оно разсматриваетъ всѣ измѣненія вещества растенія, поскольку они проявляются въ обмѣнѣ веществъ при питаніи, ростѣ и размноженіи. Въ качествѣ-же «физиологіи чувства», оно стремится къ рациональному анализу явленій жизни, насколько они являются функціями. Оба рода изслѣдованій достигли въ послѣднее время большихъ успѣховъ, и можно смѣло сказать, что въ области физиологіи растений XX вѣкѣ совершилъ великій переворотъ въ понятіи о «жизни».

Изъ многочисленныхъ, опубликованныхъ въ этой области новѣйшихъ работъ, всеобщее значеніе пріобрѣтутъ, по важности своихъ выводовъ, изслѣдованія одесскаго профессора, В. Ротерга, о возможности наркотизированія бактерий и род-

ственныхъ имъ низшихъ организмовъ *). Интересныя данныя Іогансена показали въ свое время лишь возможность задержки функцій у растеній подъ дѣйствіемъ алкоголя и эоира. Но мы почти ничего не знаемъ о томъ, какія именно функціи въ тѣлѣ растенія могутъ быть временно пріостановлены наркотическими средствами, и совершаются-ли здѣсь явленія наркоза такъ-же, какъ и у животныхъ. Ротертъ исходилъ изъ того, что многочисленныя свободныя болотныя бактеріи и жгутиковыя водоросли, какъ, напр., населяющія тысячами покрытыя плѣсенью лужи виды *Euglena* и *Chlamydomona*—обладаютъ сильной подвижностью, прекращающейся лишь съ наступленіемъ смерти. Эти простѣйшія, одноклѣточные растеніица обнаруживаютъ въ то-же время многочисленныя явленія раздраженія. Они чувствительны къ свѣту, теплотѣ, химическимъ реактивамъ и т. д. Наркозомъ было-бы для нихъ, слѣдовательно, такое состояніе, при которомъ чувствительность ихъ была-бы ослаблена, а способность къ движенію сохранена. Достигнуть этого удалось Ротерту посредствомъ эоира и воднаго раствора хлороформа. Зооспоры водорослей напр., собираются всегда на освѣщенномъ краѣ тарелки, такъ какъ они чувствительны къ свѣту и подвижны. Если же ихъ обработать воднымъ растворомъ эоира, они еще, правда, плаваютъ самостоятельно, но остаются разбѣянными въ сосудѣ—доказательство того, что ихъ «свѣтовое чувство» парализовано. Такъ какъ въ настоящее время удалось отдѣлить подвижность отъ чувствительности, то тѣмъ самымъ дано доказательство, что въ протоплазмѣ явленіе іерцепціи (воспріятія) совершенно различно отъ явленія реакціи. Уже раньше было замѣчено, особенно Корренсомъ, что соотвѣственнымъ уменьшеніемъ плотности кислорода можно уничтожить, у нѣкоторыхъ видовъ крестоцвѣтныхъ, чувствительность къ свѣту, между тѣмъ какъ чувствительность къ раздраженіямъ силы тяжести сохраняется. Ротертъ самъ уже при прежнихъ своихъ изслѣдованіяхъ надъ бактеріями, убѣдился, что къ различнымъ химическимъ веществамъ бактеріи проявляютъ различнаго рода чувствительность. И это точно также удалось доказать посредствомъ наркоза. Бактеріи относились совершенно различно къ различнымъ раздражителямъ и даже къ одному и тому-же раздражителю различной интенсивности. Этотъ фактъ имѣетъ фундаментальное значеніе. Онъ свидѣтельствуетъ, ни болѣе, ни менѣе, въ пользу того, что уже *клетка, протоплазма можетъ развивать специфическую чувственную энергію*, и что ея реакція на внѣшнія вліянія заключаетъ въ себѣ элементъ, который до сихъ поръ приписывали лишь болѣе сложной структурѣ высшихъ организацій. Не меньшее значеніе для общихъ понятій имѣетъ, однако, и самый фактъ возможности наркотизаціи бактерій, такъ какъ онъ доказываетъ, что *раздражимость во всей живой природѣ по существу одна и та же*. Ротертъ говоритъ: нельзя—слѣдовательно, какъ это неоднократно пытались въ послѣднее время, объяснять у низшихъ организмовъ явленія жизни, въ частности движенія отъ раздраженія, грубо-механически, *только* дѣйствіемъ притяженія, напряженія и т. п.

*) W. Rothert. Ueber die Wirkung des Aethers und Chloroforms auf die reizbewegungen der Mikroorganismen. Jahrb. j. wiss. Bot. Bd. XXXIX, 1893 г., стр. 1—70.

Этотъ взглядъ, впрочемъ, проходитъ чрезъ всю современную біологію. Простое механическое объясненіе жизненныхъ явленій, казавшееся столь близкимъ, становится замѣтно болѣе труднымъ. Особенно изъ фізіологическихъ работъ не появляется почти ни одна, которая не привела бы новыхъ доказательствъ такой сложности явленій жизни, какой раньше и не подозрѣвали. Такъ, напр., казавшаяся до сихъ поръ легко понятой проблема *интрамолекулярнаго дыханія* растений превратилась, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, во все болѣе и болѣе загадочное явленіе. Интрамолекулярное дыханіе заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что при недостаткѣ кислорода, растительный организмъ разлагаетъ находящіяся въ клѣткахъ органическія вещества и потребляетъ ихъ кислородъ для дыханія. Доказательствомъ такого саморазложенія живого тѣла служитъ нормальное отдѣленіе угольной кислоты. М. Друде нашелъ, что такой кислородный голодъ удивительнымъ образомъ вліяетъ на развитіе растений. Растеніе въ состояніи покоя, слѣд. сѣмя и споры переносятъ такой недостатокъ воздуха, или кислорода, не умирая, очень долгое время. Такъ, Друде нашелъ, что сѣмена подсолнечника, благодаря интрамолекулярному дыханію, могутъ сохранить жизнь, въ лишенномъ кислорода пространствѣ, въ теченіе 40 дней, а сѣмена ржи — даже 50 дней, однако, потребление запасныхъ матеріаловъ вліяетъ на развитіе происходящихъ изъ сѣмянъ растений. Если недостатокъ кислорода продолжался долѣе 4—5 дней, то изъ сѣмени еще, правда, развивался ростокъ, но онъ оказывался непригоднымъ болѣе для развитія въ полное растеніе. Изъ споръ плѣсневыхъ грибовъ еще развивался, въ такомъ случаѣ, полный индивидуумъ грибка, но способность его къ размноженію страдала настолько, насколько—въ зависимости отъ времени лишенія кислорода—отсрачивалось развитіе слѣдующаго поколѣнія. Эта своеобразная связь между причиной и специфическимъ дѣйствіемъ—прічемъ ихъ отдѣляютъ другъ отъ друга многія, независящія отъ названной причины промежуточныя явленія—создала новую трудную проблему, также представляющую случай причинной связи между тремя состояніями, такъ остроумно разбираемую Коессманномъ *).

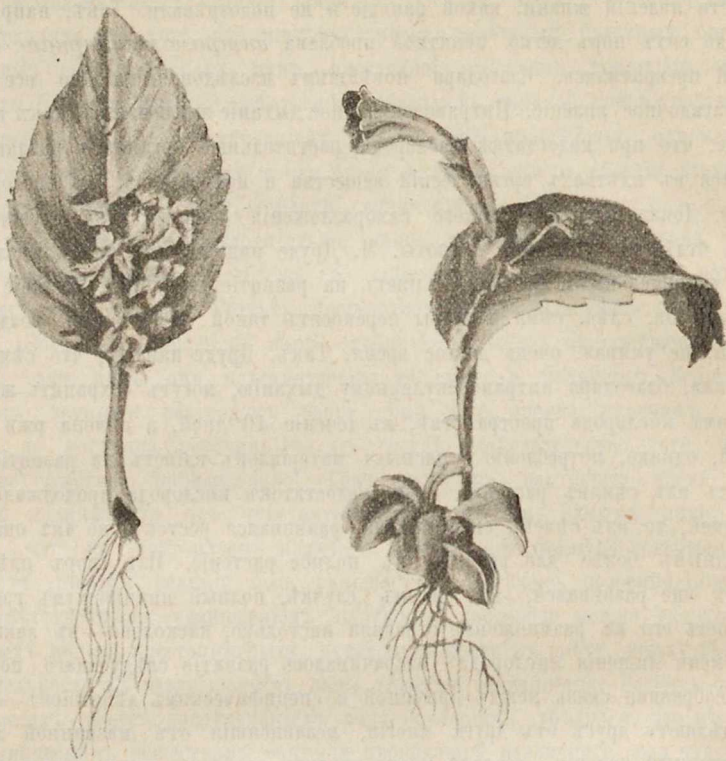
Въ цѣломъ, все это явленіе нужно разсматривать, какъ регулятивный процессъ, такъ какъ въ растеніи происходятъ при этомъ процессы, ведущіе къ приблизительному восстановленію нормальнаго состоянія силъ. Изученіе подобныхъ регулятивныхъ процессовъ, характерное въ извѣстной степени для новѣйшей зоологіи, привлекаетъ въ настоящее время все болѣе вниманія и со стороны ботаниковъ. Такъ, недавно вышли двѣ работы, разсматривающія восстановленіе, путемъ регенераціи, растительной особи, послѣ предшествовавшихъ тяжелыхъ оперативныхъ поврежденій.

Высшіе грибы представляли до сихъ поръ странное исключеніе среди всѣхъ организмовъ въ томъ отношеніи, что они, по единодушнымъ показаніямъ фонъ-Брефельдъ, Ванъ-Тичема, Гебеля и др., будто не способны регенерировать даже и при самыхъ ничтожныхъ поврежденіяхъ. За то они обладаютъ въ исключительной степени способностью къ размноженію и сейчасъ же, послѣ разрушенія

*) P. N. Cossmann. Element der empirischen Teleologie. Stuttgart. 1899 г.

ихъ плода, образуютъ массу новыхъ шляпокъ. Производя опыты надъ шампиньонами (*agaricus*), В. Магнусъ *) попутно открылъ, что грибы обладаютъ такой же способностью регенераціи, какъ и всѣ другія растенія, но, при баснословной ихъ производительности, этой способности почти не приходится проявлять себя. Если

Отрѣзанный листъ *Torenia*, на черешкѣ котораго образовались корни.
Фиг. 1 представляетъ образовавшіеся на главномъ нервѣ листа, фиг. 2 кромѣ того и цвѣтокъ.

же грибъ лишень возможности размноженія, всѣ поврежденія плода въ значительной степени покрываются.

Не менѣе интересны выводы Винклера **) относительно регенеративнаго развитія ростка у цвѣтковыхъ растеній. Родственное наперстянкѣ тепличное растеніе, *Torenia asiatica* L, какъ и всѣмъ извѣстное комнатное растеніе *Begonia Rex*, обладаютъ способностью возрожденія цѣлаго растенія даже изъ отрѣзанныхъ листьевъ, чѣмъ и пользуются садовники относительно бегоніи. Винклеръ изучалъ этотъ процессъ обстоятельно и нашелъ, что отрѣзанные и отдѣльно по-

*) Werner Magnus, Experimentell-morphologische Untersuchungen. Berichte der deutschen botan. Gesellschaft. Bd. XXI, № 2, 1902 г., стр. 129 и д. I. Reorganisationsversuche in Hutzpilzen.

**) Hans Winkler, Über regenerative Sprossbildung auf den Blättern von *Torenia asiatica* L. (Ber. d. deut-bot. Gesellsch. 1903 г., стр. 96 и д.).

саженные листья *Toreniae* пускают корни из листового черенка уже через несколько дней. Через несколько недѣль начинается на различных мѣстах листа, но всегда над одним из главных нервовъ, нарастаніе клѣтокъ. Эпидермальныя клѣтки дѣлятся отъ 10—15 разъ, не увеличиваясь въ объемѣ, такъ что онѣ представляютъ нѣкоторымъ образомъ *новую эмбриональную ткань*, изъ которой затѣмъ быстрымъ темпомъ развиваются зачатки листьевъ (см. рис. 1). Большая часть послѣднихъ очень быстро переходитъ къ образованію цвѣтковь. Въ случаѣ изображенномъ на рис. 2, дѣло дошло, вообще, до развитія одного единственнаго листа, на которомъ сейчасъ же выросъ цвѣтокъ, такъ что растеніе, такимъ образомъ, перескочило черезъ долгую стадію развитія. Такъ какъ листья, служившіе для опытовъ, происходили отъ цвѣтущихъ растеній, то здѣсь повторилось явленіе, уже давно открытое для ботаники Заксомъ *), и съ тѣхъ поръ много разъ подтвержденное. Заксъ думалъ тогда, что поразительно быстрое цвѣтеніе указываетъ на существованіе во всемъ растеніи, въ періодъ цвѣтнія, «цвѣткообразовательнаго вещества». Въ послѣднее время Гебель далъ, быть можетъ, болѣе допустимое объясненіе, по которому быстрое образованіе цвѣтковь находится въ связи съ ослабленіемъ листьевъ въ періодъ цвѣтенія, такъ какъ опытъ показалъ, что ослабленіе растеній благоприятствуетъ развитію цвѣтковь, что опять-таки представляетъ въ высшей степени замѣчательный регулятивный процессъ.

Вообще, Winkler открылъ различные интересные факты. Почкі листьевъ *Torenia*, напр., не могутъ сами образовать корней, они умираютъ вмѣстѣ съ материнскимъ листомъ, правильно развивая, однако, прежде чѣмъ умереть, способныя къ проростанію сѣмена. Нѣтъ, слѣдовательно, ничего невозможнаго въ томъ, что между раннимъ цвѣтеніемъ и неспособностью къ дальнѣйшему сохраненію растенія, существуетъ соотношеніе, хотя—какъ говорить и самъ авторъ—это было бы явленіе, понятное только (?) съ телеологической точки зрѣнія и притомъ опять таки—регулятивное явленіе.

Это понятіе о регуляціи, подъ которой нужно разумѣть способность организма парализовать, посредствомъ соответственныхъ процессовъ, дѣйствительныя, или даже только возможныя поврежденія, вообще, сдѣлалось основнымъ понятіемъ современной физиологіи.

И второе главное направленіе изслѣдованія жизни, физиологія обмѣна веществъ, также начинаетъ все чаще признавать регулятивные процессы въ химическихъ явленіяхъ жизни. Въ высокой степени достойны вниманія, въ этомъ отношеніи, изслѣдованія Чапека объ антиферментахъ въ растительномъ организмѣ **). Онъ открылъ тотъ фактъ, что растенія содержатъ вещества, задерживающія вредныя для обмѣна веществъ окисленія и потому названныя имъ *антиоксидазами*. Дѣйствіе ихъ настолько специфическое, что, вызванное экспериментально, оно становится неяснымъ уже у близкихъ по системѣ

*) I. Sachs, Physiologische Notizen I (Flora, 75 Bd. 1892, стр. I и д.).

**) J. Czapek. Antifermente im Pflanzenorganismus. Berichte der deutsch. botan. Gesellsch. Bd. 21. 1903, стр. 229 и д.

растеній, такъ что отсюда можно было бы развить экстериментальное обоснованіе системы растеній. Названный фактъ указываетъ на типичные регулятивные процессы.

Изъ тысячи отдѣльных фактовъ современной физиологіи растеній все яснѣе и опредѣленнѣе вытекаетъ сознаніе, что наше пониманіе сущности организма должно быть дополнено: мы должны признать его также *саморегулирующимся механизмомъ*—сознаніе, имѣющее фундаментальное значеніе для пониманія «жизни» вообще *).

*) Изъ этого, конечно, далеко не слѣдуетъ, чтобы телеологическая точка зрѣнія, къ которой, повидимому, не прочь примкнуть авторъ, имѣла бы какія-нибудь права на наше сочувствіе; только строго механической принципъ, послѣдовательно проводимый черезъ всѣ біологическія явленія, можетъ считаться истинно научнымъ, такъ какъ введеніе какихъ бы то ни было «постороннихъ», чисто мистическихъ элементовъ, ничего не помогаетъ въ смыслѣ объясненія и пониманія сущности жизненныхъ явленій, а только «успокаиваетъ», ставить предѣлы пытливости нашего ума.

Редакція.

О. Гофманъ.

ИЗМѢНЕНІЯ НА ПОВЕРХНОСТИ ЛУНЫ.

Вѣднѣй спутникъ, ежемѣсячно появляющійся во всемъ блескѣ своей красоты на восточной половинѣ неба, былъ съ давнихъ поръ желаннымъ и вѣрнымъ ночнымъ другомъ человѣка. При свѣтѣ луны все кажется окутаннымъ своеобразнымъ романтически-волшебнымъ свѣтомъ. Рѣки и лѣса, развалины и дворцы погружены въ этотъ чарующій, почти сказочный свѣтъ. Рѣзкія тѣни и контрасты солнечнаго свѣта замѣняются здѣсь болѣе мягкими, болѣе неопредѣленными контурами. Тихая поэзія природы какъ бы воплощена въ этомъ лунномъ свѣтѣ; и строгій ученый, посреди своей научной прогулки обращающій свой взоръ къ лунѣ, также плѣненъ ея красотой.

Да, луна прекрасна... вотъ вѣчно повторяемый возгласъ смертныхъ, которые когда-либо гуляли при лунномъ свѣтѣ. Всѣ они, любящіе, страдающіе, поэты и ученые съ одинаковымъ восхищеніемъ взираютъ на нее. И только болѣе продолжительное и внимательное наблюденіе позволяетъ намъ различать на блѣдомъ дискѣ луны неровности, пятна, а по зрѣломъ размысленіи въ насъ мало-по-малу пробуждается сознаніе, что передъ нами въ сущности цѣлый отдѣльный міръ съ горами и долинами, плоскогоріями и низменностями, далекая невѣдомая страна, на которую еще не ступила ничья нога. Постепенно мы приходимъ къ убѣжденію, что луна нѣчто большее, чѣмъ свѣтящій символъ, чѣмъ кроткое небесное свѣтило. Уже древніе знали это, и поэтому луна во всѣ времена была излюбленной темой для фантастическихъ романовъ, начиная съ романовъ Люціана, Сирано де-Вержерака и кончая Уэльсомъ, современные герои котораго побѣдоносно проникаютъ въ замкнутый лунный міръ и раскрываютъ его тайны.

Наше дѣйствительное, цѣнное знаніе о лунѣ началось только съ изобрѣтеніемъ телескопа; лишь послѣ того, какъ удалось съ помощью комбинаціи линзъ или зеркалъ приблизить къ намъ небесныя тѣла, можно было начать думать о томъ, чтобы подвергнуть поверхность луны систематическому изслѣдованію. Галилей былъ первымъ, который указалъ на преимущественно гористый характеръ луны и открылъ на ней удивительные кратеры и кольцеобразные валы.

Первая сносная географическая карта луны была составлена знаменитымъ даццигскимъ астрономомъ Гевеліемъ. Въ то время почти всѣ считали темныя части луны за водную поверхность, а свѣтлыя за сушу. Кто бросить взглядъ на карту Гевелія, тотъ можетъ подумать, что передъ нимъ старинное изображеніе земной поверхности. И несмотря на то, что второй картографъ луны, ученый іезуитъ Риччіоли, современникъ Гевелія, правильнѣе толковалъ странную конфигурацію лунной поверхности, все же взгляды Гевелія удержались и еще долгое время находили повсемѣстное признаніе. Считали луну, какъ нѣсколько столѣтій спустя планету Марсъ, за копію земли, только меньшихъ размѣровъ, и, ознакомившись съ морями и землями луны, старались открыть также ея города и обитателей. Не дальше, какъ сто лѣтъ тому назадъ, такой взглядъ нашелъ свое выраженіе въ Британской энциклопедіи, которая является вѣрнымъ отраженіемъ тогдашняго знанія и тогдашнихъ воззрѣній.

«Луна, читаемъ мы тамъ, во всякомъ случаѣ представляетъ собою похожее на нашу землю тѣло, созданное, кажется, для той же конечной цѣли. Дѣйствительно, луна есть плотное, непрозрачное тѣло съ горами и долинами. По взглядамъ нѣкоторыхъ, она имѣетъ также моря съ островами, полуостровами, скалами и мысами, затѣмъ переменчивую атмосферу, изъ которой поднимаются и снова осѣдаютъ водяные пары; наконецъ, для луны есть день и ночь, солнце и луна (земля), лѣто и зима и т. д. Разъ мы знаемъ, что природа ничего не создаетъ безъ какой-нибудь цѣли, что дождь и роса падаютъ на землю съ тѣмъ, чтобы дать жизнь растеніямъ, а растенія пускаютъ корни, растутъ и производятъ сѣмена, чтобы прокормить животныхъ, то почему отсюда мы не можемъ заключить, что и на лунѣ имѣются растенія и животныя?»

Этотъ взглядъ былъ окончательно опровергнутъ лишь много лѣтъ спустя послѣ Гевелія; при этомъ изъ одной крайности попали въ другую и стали утверждать, что луна представляетъ совершенно мертвое, окаменѣлое небесное тѣло. Послѣ того, какъ отдѣльные изслѣдователи, въ особенности же Беръ и Медлеръ въ своемъ сочиненіи: «Луна или общая сравнительная селенографія», установили, что конфигурація луны въ цѣломъ не измѣняется, изъ этого заключили, что луна—вымершая планета. Разные признанные и непризнанные астрономы сантиментально изображали печальныя условія, царящія, по ихъ мнѣнію, на нашемъ спутникѣ. На голыхъ скалахъ плоскогорій не замѣтно дуновенія вѣтерка, ни одна птица не оглашаетъ воздухъ своимъ веселящимъ сердцемъ пѣніемъ. Ни деревца, ни кустика... темное-темное небо свисаетъ съ горныхъ цѣпей, вершины которыхъ ярко освѣщены солнцемъ; мѣстами лишь попадаются высохшія русла рѣкъ, потоки охлажденной лавы, а вездѣ вокругъ лишь голыя мрачныя скалы, высокіе скалистые склоны кратеровъ—безотрадная картина смерти и разрушенія... И въ то время, какъ одни еще утверждали, что когда нибудь и земля будетъ представлять подобную же картину разрушенія, фантазія другихъ рисовала внутренность луны въ формѣ пещеръ съ воздухомъ и водой, въ которой могутъ благополучно существовать слѣзныя рыбы, амфибіи и т. д.

Такое воззрѣніе пользовалось почти всеобщимъ признаніемъ въ теченіе

всего 19-го вѣка: оно господствовало во всѣхъ популярно-астрономическихъ сочиненіяхъ, откуда оно и перешло въ школьные учебники. Въ результатъ каждый школьникъ могъ бы намъ разказать о томъ, что творится на лунѣ... Это было уже нѣчто гораздо большее, чѣмъ первоначально могли предполагать Беръ и Медлеръ. Достоинство вниманія, что какъ разъ тѣ ученые, которые занимались изслѣдованіемъ луны не такъ себѣ, между прочимъ, а всю свою жизнь или, по крайней мѣрѣ, много лѣтъ съ терпѣніемъ и почти фанатическимъ воодушевленіемъ каждую ночь слѣдили за луной и удивительными измѣненіями на ея поверхности, что именно такіе ученые никогда не приходили къ столь крайнимъ выводамъ, какъ только что приведенные.

Три проблемы главнымъ образомъ ждутъ еще окончательнаго разрѣшенія, а именно: 1) окружена ли луна атмосферой? 2) происходятъ ли и въ настоящее время измѣненія на поверхности луны и 3) каковы свойства почвы и горныхъ породъ на лунѣ? Безъ сомнѣнія, мы стоимъ здѣсь передъ самыми интересными и въ то же время самыми трудными задачами астрофизики. Кто могъ бы дать на предложенные вопросы точный и неоспоримый отвѣтъ? Выходить почти такъ, какъ будто Провидѣніе или случай захотѣли помѣстить ближе къ землѣ именно тѣ планеты, изученіе которыхъ представляетъ для насъ наибольшія трудности. Какъ извѣстно, и движеніе нашего спутника принадлежитъ къ самымъ сложнымъ проблемамъ небесной механики. И все же мы не можемъ раздѣлять сожалѣніе тѣхъ, которые хотѣли бы, чтобы вмѣсто луны было какое-нибудь другое, болѣе похожее на землю свѣтило, напр., Венера или Марсъ. Изъ множества вопросовъ, относящихся къ физической природѣ луны, ни одинъ не вызывалъ столь многоразличныхъ толкованій, какъ вопросъ о лунной атмосферѣ. Когда спрашиваютъ совершенно просто: «Имѣется ли воздухъ на лунѣ?» то нельзя отвѣтить ни да, ни нѣтъ. Если же вопросъ формулировать такъ: «окружена ли луна атмосферой?» то приходится отвѣтить: «Да, луна окружена атмосферой, плотность которой соответствуетъ плотности сильно разрѣженного воздуха подъ колоколомъ воздушнаго насоса».

Какую роль играетъ эта атмосфера, и способна ли она поддерживать животную и растительную жизнь или оказывать геологическое дѣйствіе, этотъ вопросъ остается еще нерѣшеннымъ. Если-бы луна имѣла атмосферу одинаковой плотности съ нашей, то спектроскопъ уже давно открылъ бы намъ ея свойство, но это ни разу не удалось. Основаніе научному изученію луннаго спектра положилъ Д-ръ Шейнеръ въ Потсдамѣ. Онъ фотографировалъ спектръ и открылъ почти 300 темныхъ линий, но нигдѣ не удалось ему найти ни малѣйшаго слѣда атмосферной абсорбціи. Кромѣ того, при наличности воздушной оболочки, вполне освѣщенный дискъ луны былъ бы у краевъ темнѣе, чѣмъ въ центрѣ; затѣмъ лунная атмосфера при такъ называемомъ покрытіи звѣзды вызывала бы преломленіе и ослабленіе свѣтовыхъ лучей, исходящихъ отъ звѣзды. Можно ли вообще предполагать на лунѣ атмосферу одинаковой плотности съ нашей атмосферой? Какъ весьма вѣрно замѣчаетъ англійскій изслѣдователь луны Нейсонъ, условія на поверхности луны таковы, что тамъ совершенно немыслимой является атмосфера съ плотностью, большей $1/300$ части плотности земной атмосферы.

Дѣйствительно, не только отношеніе поверхности луны къ ея массѣ по величинѣ гораздо больше, но и всякая тяжесть тамъ во много разъ легче, чѣмъ на землѣ. Въ виду этого атмосфера такого же характера, какъ и земная, должна была бы занимать гораздо большее пространство и, слѣдовательно, быть также значительно рѣже земной атмосферы. Проф. Робертъ Балль нѣсколько лѣтъ тому назадъ пытался на основаніи кинетической теоріи газовъ доказать, что луна, въ виду своей меньшей силы притяженія, не въ состояніи удержать при себѣ обыкновенную воздушную оболочку. Какъ извѣстно, эта теорія приписываетъ молекуламъ газа извѣстную скорость движенія, каковая скорость достигаетъ наибольшей своей величины у молекулъ пара—1800 м. въ секунду. Такъ какъ тѣло, брошенное съ луны со скоростью почти англійской мили (1600 м.), не падаетъ снова на луну, то очевидно, что лунная атмосфера, если бы таковая была, уже давно улетучилась бы въ пространство. Мы не намѣрены подробно обсуждать многія слабыя стороны этой гипотезы, которой нельзя отказать въ остроуміи. Несомнѣнная увѣренность въ абсолютномъ отсутствіи лунной атмосферы могла бы найти себѣ подтвержденіе лишь въ отсутствіи рефракціи при покрытіи звѣзды. Къ сожалѣнію, этотъ методъ требуетъ точнаго знанія величины луннаго радіуса—и вотъ въ этомъ именно пунктѣ и заключается большая трудность, которую не удалось до сихъ поръ преодолѣть, несмотря на улучшенные методы и усовершенствованные инструменты. Величина истиннаго радіуса луны претерпѣваетъ, благодаря такъ называемой иррадіаціи, измѣненіе, степень котораго мы точно опредѣлить не можемъ. Если бы мы знали это, то уже легко было бы точнѣйшимъ образомъ установить время покрытія звѣзды луною. Если на лунѣ имѣется хоть сколько-нибудь значительная атмосфера, то время исчезанія звѣзды за луннымъ дискомъ должно запаздывать, и такое запаздываніе должно быть приписано преломленію свѣтовыхъ лучей въ атмосферѣ, окружающей луну. И, дѣйствительно, такое запаздываніе уже многократно наблюдалось. Найдено, что между моментомъ наблюденія и вычисленнымъ временемъ имѣется разниа, достигающая въ отдѣльныхъ случаяхъ 10 сек. Слѣдуетъ ли это обстоятельство относить всецѣло насчетъ иррадіаціи?

Дальнѣйшее доказательство существованія на лунѣ хотя бы и чрезвычайно разрѣженной атмосферы представилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ американскій проф. Пиккерингъ. Этотъ астрономъ наблюдалъ 12 августа 1892 года покрытіе луною Юпитера, причемъ край планеты казался ему обрѣзаннымъ почти на одну дуговую секунду, и изъ этого онъ вывелъ заключеніе о существованіи лунной атмосферы, плотность которой равна $\frac{1}{4000}$ или даже $\frac{1}{8000}$ плотности нашей атмосферы. Существуетъ еще много прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ существованія атмосферы на лунѣ, но они въ общемъ не выдерживаютъ строгой критики. Такъ, Шретеръ считалъ возможнымъ признать на рогахъ луннаго серпа явленія сумеречнаго свѣта. Во время солнечнаго затменія 3 мая 1715 года Лувилль наблюдалъ въ темныхъ частяхъ луны молніеподобный свѣтъ, какъ будто на лунѣ кто-то зажегъ разсыпанный порохъ, чтобы взорвать мину. Это явленіе тогда же наблюдалъ и великій астрономъ Галлей, который объяснялъ его лунной грозой...

Даже строгій Медлеръ упоминаетъ о какомъ-то голубоватомъ свѣтѣ суме-

рокъ, который при восходѣ солнца проходилъ по отдѣльнымъ склонамъ кратеровъ. Но этотъ свѣтъ онъ постоянно наблюдалъ на одномъ или двухъ объектахъ. Также и въ области Гигинуса уже давно замѣтили дымъ, какъ будто въ этомъ интересномъ лунномъ ландшафтѣ помѣщалось промышленное заведеніе сателлитовъ.

Не будемъ дальше перечислять эти странныя наблюденія. Явленія въ нашей собственной атмосферѣ, телескопическіе метеоры или несовершенныя стекла объективовъ въ большинствѣ случаевъ въ достаточной степени объясняютъ перечисленные сейчасъ явленія. Во всякомъ случаѣ, фактъ тотъ, что мѣстами наблюдали нѣчто вродѣ паровъ или облаковъ тумана, которыя, дѣйствительно, принадлежать лунѣ. Въ такомъ случаѣ, на лунѣ все же должно быть большее или меньшее количество влаги, которая въ опредѣленное время подъ влияніемъ солнечныхъ лучей обращается въ пары. Хотя, какъ сказано, такого рода наблюденія сами по себѣ не невозможны, все же къ нимъ слѣдуетъ относиться съ величайшей осторожностью. Слишкомъ усердствующій любитель или новичекъ въ дѣлѣ наблюденія надъ луной можетъ легко принять за настоящія измѣненія такіа явленія, которыя зависятъ отъ различнаго угла освѣщенія, и констатировать такого рода измѣненія съ положительной достовѣрностью. Вѣдь еще недавно нѣкій Шарбонно изъ Медонской обсерваторіи писалъ, что онъ видѣлъ на Тектетусѣ маленькій кратеръ, изъ котораго время отъ времени поднимались облака дыма.

Конечно, этотъ дымъ находился въ нашей атмосферѣ, такъ какъ такой опытный и добросовѣстный селенографъ, какъ пасторъ Годиберъ въ Весонѣ, никакъ не могъ его найти, несмотря на долгіе поиски.

Что на лунѣ находятся еще огнедышашія горы, заявлялось уже много разъ и разными лицами, но еще ни разу не было доказано ни одно вулканическое изверженіе. Старый Гершель, одинъ изъ величайшихъ изслѣдователей всѣхъ временъ, былъ, какъ рассказываетъ Араго въ своей замѣчательной популярной астрономіи, глубоко убѣжденъ въ томъ, что на лунѣ еще и теперь имѣются дѣйствующіе вулканы. Въ одномъ докладѣ, озаглавленномъ «О трехъ вулканахъ на лунѣ» и представленномъ имъ Royal Society въ Лондонѣ въ концѣ апрѣля 1787 г., Гершель утверждаетъ, что онъ видѣлъ 19 апрѣля этого года въ неосвѣщенной части луннаго диска три горящихъ вулкана. Два изъ нихъ казались уже близкими къ потуханію, тогда какъ третій проявлялъ еще полную дѣятельность. Черезъ день Гершель занесъ въ свой дневникъ: «вулканъ горитъ еще съ большей силой, чѣмъ вчера». Въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію, что великій изслѣдователь сталъ жертвой ошибки, подобно тому какъ прежде считали кратеръ «Аристархъ» изъ-за его яркаго блеска дѣйствующимъ огнедышащимъ вулканомъ. Въ толстыхъ руководствахъ по астрономіи въ качествѣ типическихъ примѣровъ подобнаго рода измѣненій указывается на Линней, Мессіе, Гигинусъ, Посидоній и т. д.

Изъ множества этихъ измѣненій остановимся на изслѣдованныхъ измѣненіяхъ кратера Линнея. Это единственный случай, уже давно изучаемый и заключающій въ себѣ большую дозу вѣроятія.

Впервые этотъ незначительный нынѣ кратеръ встрѣчается на картѣ Гри-

мальди 1651 года. Судя по даннымъ этой карты, Linné представлялъ въ срединѣ 17-го столѣтія маленькій, но все же довольно глубокій кратеръ. Шретеръ наблюдалъ его въ 1788 году. Онъ изображаетъ Linné въ видѣ «бѣлаго кругловатаго пятна». Въ 19-мъ столѣтіи, наконецъ, этотъ кратеръ снова наблюдали и отмѣтили преимущественно нѣмецкіе селенографы. Лорманъ описываетъ его, какъ глубокій кратеръ съ діаметромъ почти въ $6\frac{1}{2}$ км. Медлеръ видѣлъ его семь разъ и опредѣлилъ его діаметръ въ $9\frac{1}{2}$ слишкомъ километровъ. Шмидтъ въ Аинахъ, весьма добросовѣстный и положительный изслѣдователь луны, нашелъ въ 1843 году, что діаметръ Linné достигаетъ почти 11 км. Съ этого времени Linné пересталъ быть бросающимся въ глаза объектомъ на поверхности луны. Самъ Шмидтъ въ 1866 году сдѣлалъ замѣчательное предположеніе, что Linné совершенно исчезъ. На его мѣстѣ осталось только плоское вдавленіе: отъ кратера не осталось и слѣда. Въ слѣдующемъ году на мѣстѣ Linné находилось ничтожное жерло кратера, діаметръ котораго едва достигалъ $\frac{1}{2}$ километра. Шмидтъ въ виду этого былъ глубоко увѣренъ въ томъ, что здѣсь имѣло мѣсто вулканическое изверженіе, наполнившее кратеръ свѣтлой массой лавы. Позднѣе Букингамъ и одновременно съ нимъ другіе астрономы находили жерло кратера съ діаметромъ едва въ 1 километръ, при чемъ, какъ увѣряютъ Геггинсъ, Букингамъ и Кнотъ въ короткое время замѣтно было увеличеніе вдвое. Тогда діаметръ кратера Linné достигалъ 2—3 км., снова уменьшившись съ того времени. Въ настоящее время діаметръ жерла равенъ почти 1,200 м., а при высокомъ солнцестояніи на мѣстѣ кратера наблюдается бѣловатое пятно длиною въ 8—10 км., каковое пятно и видѣлъ въ 1788 году Шретеръ. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, не ошибались ли многіе астрономы, считавшіе возможнымъ констатировать измѣненія на кратерѣ Linné. Точно такъ же, какъ съ кратеромъ Linné, обстоитъ дѣло и съ другими будто бы твердо установленными измѣненіями на нѣкоторыхъ кратерахъ и горахъ. Всѣ сдѣланныя наблюденія допускаютъ сомнѣніе въ ихъ правильности, и поэтому вопросъ, происходятъ ли и теперь вулканическія измѣненія на лунѣ, до тѣхъ поръ не можетъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, пока не будетъ собранъ въ достаточномъ количествѣ фотографическій матеріалъ, который дастъ возможность съ полной точностью судить о могущихъ встрѣтиться измѣненіяхъ. Большія фотографическія карты луны, изданныя парижской и лисской обсерваторіями, весьма цѣнны и въ будущемъ окажутъ большія услуги селенографіи. Если не рѣшенъ вопросъ о томъ, замѣчается ли на лунѣ и въ настоящее время вулканическая дѣятельность, то съ большимъ вѣроятіемъ можно признать, что эта планета въ прошломъ являлась ареной сильныхъ вулканическихъ явленій. Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе различныхъ взглядовъ на происхожденіе луны и отдѣльныхъ ея образований. Мы хотѣли бы только указать на то, что поверхность луны носить на себѣ слѣды геологическихъ измѣненій, которыя своимъ происхожденіемъ обязаны невулканическимъ явленіямъ. Несмотря на то, что падающія метеорныя глыбы, болиды и падающія звѣзды прежде, какъ и теперь, вызывали измѣненія въ формѣ поверхности луны, въ лунной равнинѣ, обозначаемой именемъ «моря» наблюдаются несомнѣнные слѣды, ясно указывающіе на то, что прежде тамъ была вода.

Иногда даже кажется, что мы имѣемъ дѣло съ ділювіальными отложениями. По словамъ Нейсона, нѣкоторые астрономы призывали также «вліяніе разрушительнаго дѣйствія атмосферы»...

Правда, и на землѣ есть много такихъ мѣстъ, на которыхъ имѣются слѣды бывшихъ здѣсь прежде океановъ и атмосферныхъ вліяній, но составить себѣ ясное представленіе о свойствахъ почвы и геологическомъ строеніи такой планеты, которая совершаетъ свой путь на разстояніи столькихъ тысячъ километровъ отъ насъ,—очень трудная, почти неразрѣшимая задача. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи настолько анализировать отраженный лучъ, чтобы опредѣлять химическія свойства отражающаго тѣла. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что различныя тѣла различно отражаютъ свѣтъ. Но въ этомъ отношеніи мы знаемъ еще очень мало. Мы знаемъ, что металлы и полированные поверхности сильнѣе отражаютъ свѣтъ, чѣмъ грязный песокъ или глина. Почему же мы не сможемъ когда-нибудь узнать, является ли лунный, т. е. отраженный солнечный свѣтъ, рефлексированнымъ отъ глинистой или известковой почвы? Отчего бы свѣтовому лучу не рассказать намъ, отраженъ ли онъ отъ мѣловыхъ скалъ или снѣжныхъ вершинъ лунныхъ горъ? Отчего бы намъ не узнать, есть ли, дѣйствительно, на лунѣ большія покрытыя растеніями мѣста или снѣжные поля, какъ утверждали нѣкоторые астрономы?

Настанетъ время, когда природа тѣхъ планетъ, которые свѣтятъ не собственнымъ, а отраженнымъ свѣтомъ, будетъ представлять для насъ столь же мало таинственнаго, какъ и природа какой-нибудь неподвижной звѣзды, которая блещитъ собственнымъ сверкающимъ свѣтомъ. Кто могъ бы предполагать въ доспектроскопическое время, что разложеніемъ свѣтового луча въ призмѣ мы сможемъ узнать химическія составныя части неподвижныхъ звѣздъ, равно температуру и условія ихъ движенія! Что же касается природы планетъ и луны, то мы далеко еще не достигли такого знанія *). Уже давно установлено, что свѣтъ, исходящій отъ отдѣльныхъ горныхъ ландшафтовъ и равнинъ—(Mare), является отраженнымъ отъ горныхъ массъ различной природы.

Многіе изслѣдователи высказали даже ту мысль, что извѣстная часть поверхности луннаго диска, судя по поглощенію свѣта, вообще не должна считаться каменистой. Кромѣ того, какъ свѣтлыя, такъ и темныя части луны часто бываютъ различно окрашены, и это не всегда можетъ быть объяснено вліяніемъ контрастовъ, какъ предполагалъ Араго, такъ какъ отдѣльные нюансы были бы въ такомъ случаѣ болѣе равномерными. Какъ мы увидимъ, этого-то и не бываетъ. Вэръ и Медлеръ въ своемъ большомъ трудѣ «Der Mond» устанавливаютъ слѣдующіе цвѣта для отдѣльныхъ лунныхъ ландшафтовъ: Mare Crisium, Mare Serenitatis и Mare Humorum имѣютъ зеленый цвѣтъ, при чемъ зеленый цвѣтъ въ Mare Humorum гораздо темнѣе свѣтлозеленой окраски Mare Serenitatis. Lichtenberg красного цвѣта, а Vitruvius окруженъ голубоватою каймой. Palus Somnii, по даннымъ нѣкоторыхъ селенографовъ, бросается въ глаза своимъ

*) По изслѣдованіямъ Ландерера горныя породы на лунѣ похожи на нѣкоторыя изъ нашихъ вулканическихъ породъ, какъ обсидіанъ или витрофиръ.

золотисто-бурымъ цвѣтомъ. Я съ своей стороны ни разу не наблюдалъ такой окраски, мнѣ Palus Somnii всегда казался грязно-сѣровато-бурымъ. Въ общемъ, цвѣтъ почвы на лунѣ желтый, а въ болѣе темныхъ частяхъ сѣрый. Оба эти тона даютъ массу оттѣнковъ отъ очень темнаго сѣраго или бураго до яркаго желтовато-бѣлаго или бѣловато-сѣраго цвѣта. Наконецъ, небольшіе участки поверхности луны представляются блестящими, интенсивно-бѣлаго цвѣта. Всякій, занимающійся изученіемъ этихъ своеобразныхъ цвѣтовъ, приходитъ къ выводу, что неумѣстно сводить все это разнообразіе богатыхъ оттѣнковъ къ дѣйствию контраста. Напротивъ, нужно признать ихъ за истинный цвѣтъ лунной почвы, минералогическія свойства которой намъ совершенно неизвѣстны. Во всякомъ случаѣ, на основаніи лапласовской теоріи мірообразованія, можно думать, что луна образовалась изъ остывшихъ экваторіальныхъ массъ земли. Въ такомъ случаѣ на лунѣ имѣются тѣ же горныя породы, какія встрѣчаются и на землѣ; удѣльный вѣсъ луны (3,5), который, хотя и меньше удѣльнаго вѣса земли (5,5), почти совпадаетъ съ удѣльнымъ вѣсомъ извѣстныхъ намъ пластовъ земной коры, является дальнѣйшимъ доказательствомъ вѣрности такого допущенія.

Наконецъ, мы не могли бы открыть на лунѣ такого элемента, который бы не встрѣчался на землѣ, еще и потому, что, какъ учить насъ спектральный анализъ, солнца и міры всей видимой вселенной, составлены изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ.

Такимъ образомъ, въ общемъ, вполне подтверждается то мнѣніе, что на нашемъ спутникѣ мы встрѣтимъ уже имѣющіяся на землѣ породы, хотя бы онѣ тамъ находились въ существенно иныхъ условіяхъ и принимали другія, порой странныя формы.

Конечно, нѣкоторые астрономы хватаютъ черезъ край, дѣлая изъ только-что упомянутаго предположенія выводъ, будто луна въ прошедшія геологическія эпохи своего существованія больше, чѣмъ теперь, приближалась къ условіямъ жизни земли и что тогда луна была «населена соответственными, животными формами». Столь же фантастичнымъ является и дальнѣйшее утвержденіе, будто каменные пласты луны заключаютъ въ себѣ такой же богатый окаменѣвшій міръ организмовъ, какъ и содержащіе окаменѣлости пласты земной коры.

Во всякомъ случаѣ, было бы небезынтересно путемъ раскопокъ ознакомиться съ ископаемыми луннаго міра; лишь такимъ путемъ мы узнали бы, были ли когда-нибудь на лунѣ земноводныя, раки, рыбы и т. д. Но сдѣлать это мы не въ состояніи, и поэтому обо всемъ этомъ мы ровно ничего не знаемъ. Серьезная и трезвая наука не можетъ даже заниматься такого рода вопросами. Вѣдь мы не можемъ точно измѣрять и сравнивать силу свѣта, отраженнаго отъ отдѣльныхъ участковъ луны, или найти причину различной окраски лунной почвы.

Лишь одинъ изъ этихъ многообразныхъ цвѣтовъ имѣетъ довольно близкое къ истинѣ и, пожалуй, вѣрное объясненіе, а именно бѣлый, часто даже ослѣпительно-бѣлый цвѣтъ нѣкоторыхъ плоскогорій, долинъ и горныхъ цѣпей на лунѣ. Самое вѣрное и естественное вмѣстѣ съ тѣмъ объясненіе это то, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ покрытыми снѣгомъ и льдомъ областями. Даже профаны,

впервые увидѣвши въ телескопѣ эти удивительныя образованія луны, въ большинствѣ случаевъ не могутъ отдѣлаться отъ такого впечатлѣнія.

Новѣйшія изслѣдованія, произведенныя профессоромъ Пиккерингомъ при самыхъ благопріятныхъ атмосферныхъ условіяхъ, сначала въ Ареквинѣ (Перу) и затѣмъ въ Мандевиллѣ (Ямайка), даютъ основаніе думать, что на нашемъ спутникѣ, дѣйствительно, имѣется вода, хотя, быть можетъ, и въ видѣ плотныхъ агрегатовъ. Какъ доказательство справедливости такой гипотезы, кромѣ наблюденій этого ученаго, можно привести и другія данныя. Вообразимъ себя перенесенными на луну и оттуда посмотримъ на нашу землю, этотъ красивый мерцающій голубоватымъ свѣтомъ дискъ. Развѣ при такихъ условіяхъ полярныя страны и цѣпи высокихъ горъ не представляются намъ также ослабительно большими въ тотъ моментъ, когда онѣ отражаютъ солнечныя лучи? И, наконецъ, развѣ не разсматриваютъ полярныя области Марса, какъ снѣжныя или ледяныя площади? Почему же такое толкованіе оказывается неумѣстнымъ по отношенію къ большимъ участкамъ поверхности луны?

Луна есть бѣдное воздухомъ небесное тѣло. Отсюда вытекаетъ, что на лунѣ не можетъ быть такихъ большихъ скопленій воды, какъ наши океаны и озера. Но изъ этого никоимъ образомъ нельзя сдѣлать того вывода, что вода не можетъ встрѣчаться тамъ въ формѣ инея, снѣга или льда. Съ этимъ вполне согласуются и климатическія условія, царящія на поверхности луны. Такъ какъ количество теплоты, посылаемой къ намъ луной, чрезвычайно мало, то и температура самой луны не можетъ быть столь велика, какъ предполагали прежніе астрономы, даже когда луна непосредственно нагревается солнечными лучами. Данныя всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій согласны въ томъ, что температура на лунѣ, какъ въ области полюсовъ, такъ и въ экваторіальныхъ странахъ, должна быть очень незначительной. При физическихъ опредѣленіяхъ столь малыхъ величинъ нельзя, конечно, ожидать точныхъ данныхъ.

По Ланглею, работы котораго съ его барометромъ заслуживаютъ величайшаго довѣрія, температура участковъ лунной поверхности, вполне освѣщаемыхъ солнечными лучами, едва достигаетъ $+45^{\circ}$ Ц., тогда какъ средняя температура не превышаетъ нуля. Къ такимъ же выводамъ пришли Юнгъ, Робертъ Балль и другіе.

Въ теченіе долгой лунной ночи, которая, какъ извѣстно, продолжается почти 14 земныхъ дней, температура падаетъ настолько низко, какъ это никогда не наблюдается на землѣ, даже въ самыхъ холодныхъ полярныхъ странахъ. Слѣдовательно, если еще есть вода на лунѣ, то она можетъ быть во всякомъ другомъ, но только не въ жидкомъ состояніи. Изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, что по нѣкоторымъ новымъ наблюденіямъ существованіе глетчеровъ и снѣжныхъ полей на лунѣ въ высшей степени вѣроятно. Когда эти снѣжныя или ледяныя массы подвергаются дѣйствію полуденныхъ лучей солнца, то часть ихъ, въ виду крайне ничтожнаго воздушнаго давленія, тотчасъ же обращается въ пары. Это-то и могло быть причиной тѣхъ паровъ и тумановъ, которые въ извѣстные моменты наблюдали на лунѣ. Отъ этого испаренія, быть можетъ, зависитъ, и замѣченное Пиккерингомъ при его наблюденіяхъ на Ямайкѣ измѣненіе бѣлыхъ пятенъ. Очень большое число малыхъ кратеровъ, пишетъ этотъ астрономъ, окружено какой-то бѣлой оболочкой,

которая, будучи освѣщена солнцемъ, становится блестящей. Эту же бѣлую оболочку можно видѣть также на краяхъ большихъ кратеровъ и иногда на нѣкоторыхъ высокихъ вершинахъ лунныхъ горъ. Контрастъ между этими ослѣпительно-бѣлыми и мерцающими желтоватымъ свѣтомъ частями лунной поверхности выступаетъ на фотографическихъ снимкахъ луны еще рѣзче и яснѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда ихъ просто разсматриваютъ въ телескопъ. Кромѣ этихъ чрезвычайно блестящихъ участковъ, попадаются и менѣе яркіе, имѣющіе своеобразный характеръ. Во время первыхъ 24 часовъ непосредственно за восходомъ солнца эти мѣста совершенно незамѣтны; затѣмъ они постепенно дѣлаются замѣтными по мѣрѣ того, какъ поднимается солнце, и черезъ 48 часовъ ихъ можно различить совершенно явственно. Въ дальнѣйшемъ теченіи луннаго дня они снова дѣлаются малозамѣтными, чтобы окончательно исчезнуть незадолго передъ закатомъ. Эти «только частью свѣтлая» мѣста, какъ выражается Пиккерингъ, встрѣчаются на плоскогоріяхъ внутри большинства огромныхъ кратеровъ и на склонахъ горъ. Это въ высшей степени странное явленіе объясняется во всякомъ случаѣ длинными блестящими полосами, направляющимися отъ одного какого-нибудь болѣе значительнаго кратера во всѣ стороны, часто на сотни миль. Всѣ эти частью свѣтлые участки на поверхности луны представляютъ по Пиккерингу, такія мѣста, которыя лишь отчасти, и то въ болѣе глубокихъ своихъ частяхъ покрыты этой проблематической бѣлой оболочкой, покрывающей главнымъ образомъ рвы и разщлины, такъ что она дѣлается замѣтной только при болѣе высокомъ солнцестояніи. Но и очень ярко освѣщенные, блестящіе вершины горъ замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ вершинъ еще и тогда сіяютъ бѣлымъ свѣтомъ, когда солнце уже нѣсколько часовъ закатилось. Многія альпійскія вершины и еще больше Аппенинскія часто имѣютъ такой видъ, какъ будто свѣтляки освѣщаютъ глубокій мракъ лунной ночи.

Изъ чего состоитъ эта блестящая бѣлая матерія? не есть ли особаго вида горная порода? Но въ такомъ случаѣ одна и та же гора въ болѣе высокихъ и болѣе низкихъ своихъ отдѣлахъ должна была состоять изъ различныхъ породъ!

Одинъ англійскій ученый, кажется, Рангардъ, уже много лѣтъ тому назадъ указалъ на безмысленность предположенія, будто вершины лунныхъ горъ состоятъ изъ другого матеріала, чѣмъ склоны и подошва тѣхъ же горъ. Уже то обстоятельство, что бѣлая субстанція большею частью встрѣчается въ полярныхъ областяхъ луны, на высокихъ горныхъ вершинахъ или на краяхъ кратеровъ, позволяетъ думать, какъ удачно замѣчаетъ проф. Пиккерингъ, что здѣсь идетъ рѣчь о покрытыхъ снѣгомъ или инеемъ мѣстахъ. Наиболѣе вѣскимъ доказательствомъ вѣрности этого мнѣнія является много разъ отмѣченный Пиккерингомъ фактъ, что отдѣльныя бѣлая плоскости мѣняютъ свой видъ, смотря по высотѣ стоянія солнца. И уже упомянутое бѣлое пятно, отмѣченное Шпретеромъ, измѣняется, какъ въ интенсивности, такъ и въ своей величинѣ. Это пятно, сообразно степени освѣщенія его солнцемъ, то увеличивается, то уменьшается, какъ это было замѣчено и на полюсахъ Марса въ теченіе четырехъ временъ года этой планеты. Пиккерингъ указываетъ далѣе подобныя же явленія на *Albufed'v*, гдѣ покрытая

бѣлой субстанціей площадь совершенно исчезаетъ къ ближайшему новолунію, или на *Censorium*'ѣ, гдѣ бѣлое пятно остается видимымъ до заката солнца.

Возможно, что въ прошедшія эпохи всѣ углубленія и ущелья были наполнены этой неизвѣстной субстанціей и только позже высохли. Благодаря большимъ колебаніямъ температуры, эти ущелья еще болѣе расширились; этимъ объясняется какъ бы изрытый видъ поверхности луны, эти рвы и ущелья, сплошь покрывающіе ее. Поэтому можно допустить, что находящаяся еще теперь въ видѣ плотныхъ агрегатовъ вода со временемъ совершенно испарится.

Итакъ, современнымъ покрытыя бѣлой субстанціей площади станутъ все меньше и меньше. Такія измѣненія происходили указаннымъ способомъ и въ историческое время. Внутри кратера *Werner*, въ сѣверной его части, находится площадь почти въ 5 англ. квадратныхъ миль, какъ самый блестящій пунктъ на лунѣ. Дѣйствительно, во времена Медлера эта площадь была самымъ яркимъ мѣстомъ на поверхности луны. Не то теперь: на лунѣ имѣется масса свѣтлыхъ пунктовъ, которые значительно ярче указанного мѣста на *Werner*'ѣ.

На основаніи работъ Пиккеринга, мы можемъ пока согласиться съ тѣмъ взглядомъ, что, хотя круговоротъ воды на лунѣ существенно отличается отъ нашего, отдѣльные участки луны можно сравнить съ нашими покрытыми снѣгомъ и глетчерами областями. Спрашивается теперь, въ состояніи ли незначительная влажность и теплота въ связи съ разрѣженной атмосферой поддерживать органическую жизнь, какъ это утверждали многіе изслѣдователи, и въ числѣ ихъ Нейсонъ и Пиккерингъ. По этому вопросу ведется споръ, въ сущности, съ того времени, какъ человекъ вообще сталъ задумываться надъ явленіями природы. Конечно, различіе между луной и землею столь велико, что о сходствѣ земныхъ организмовъ съ таковыми же на лунѣ не можетъ быть и рѣчи. Но разъ въ лунной атмосферѣ, какъ говоритъ Пиккерингъ, содержатся водяные пары то нельзя считать абсолютно невозможнымъ присутствіе тамъ организмовъ.

Нѣкоторыя плоскости внутри кратеровъ даютъ измѣненія въ свѣтѣ, которыя можно понять только при условіи наличности свѣтопоглощающей поверхности. Здѣсь идетъ рѣчь о покрытыхъ либо водой, либо растеніями участкахъ. Но, какъ мы уже видѣли, вода на лунѣ не находится въ жидкомъ состояніи, остается, слѣдовательно, второе предположеніе, а именно, что это покрытыя растеніями площади.—Однимъ изъ замѣчательныхъ примѣровъ такого рода колебаній въ силѣ свѣта можетъ служить легко видимый и въ обыкновенномъ телескопѣ циркъ Платонъ, который даже наводитъ на мысль о какихъ-то вулканическаго характера измѣненіяхъ. При восходѣ солнца Платонъ ничѣмъ не отличается отъ подобныхъ ему образованій на лунѣ. Онъ представляетъ овальное темное пятно, вначалѣ равномерно проясняющееся при болѣе высокомъ стояніи солнца. Можно было бы думать, что, когда солнце достигнетъ самаго высокаго пункта на небѣ, т. е. въ полнолуніе, циркъ Платона будетъ самымъ яркимъ, но этого какъ разъ мы и не наблюдаемъ. Подъ растущимъ вліяніемъ солнечныхъ лучей Платонъ постепенно затемняется, и во время полнолунія онъ представляется самымъ темнымъ пятномъ на всей поверхности луны.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такое своеобразное измѣненіе кратера зависитъ не отъ свѣтовыхъ лучей, а отъ тепловыхъ. Дѣйствительно, могутъ ли на лунѣ быть растенія, которыя въ теченіе луннаго дня, болѣе продолжительнаго, конечно, чѣмъ нашъ день, внезапно, появлялись бы, а во время лунной ночи такъ же внезапно исчезали? Разборъ такой гипотезы завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Одно лишь можно считать твердо установленнымъ: такое измѣненіе свѣта на кратерѣ Plato, когда при закатѣ солнца свѣтовые колебанія на немъ прямо противоположны тому, что можно было ожидать, не можетъ быть всецѣло объяснено свѣтовыми или тѣневыми эффектами.

Такого же характера наблюденіемъ мы обязаны въ новѣйшее время талантливымъ авторамъ Парижскаго луннаго атласа, Леви и Пуиза. Недалеко отъ Mare Crisium находится участокъ, называемый «Струве», который при приближеніи новолунія является самымъ яркимъ мѣстомъ во всемъ окружающемъ его районѣ. Въ это время онъ имѣетъ форму ящерицы и почти совсѣмъ не похожъ на рисунокъ, который можно найти въ знаменитой «Картѣ лунныхъ горъ» Шмидта или на XXVIII табл. Парижскаго луннаго атласа. Это заставило обоихъ вышеназванныхъ ученыхъ снять цѣлый рядъ фотографій (10) «Струве», полученныхъ при самыхъ различныхъ фазахъ луны. Эти изслѣдованія привели обоихъ астрономовъ къ заключенію, что площадь «Струве» подвергается замѣчательнымъ измѣненіямъ. Когда солнце восходитъ надъ горизонтомъ, это пятно на поверхности луны начинаетъ увеличиваться въ сторону, обращенную къ солнцу; самая темная часть пятна передвигается по тому же направленію.

Если бы сила свѣта измѣнялась пропорціонально падающимъ лучамъ, то имѣло бы мѣсто какъ разъ обратное явленіе. Оба французскихъ изслѣдователя не даютъ никакого объясненія этому явленію; они лишь указываютъ, что нужно лучше изучать такого рода явленія, такъ какъ они указываютъ на дѣйствительныя измѣненія лунной поверхности, видъ которой измѣняется подъ вліяніемъ продолжительнаго дѣйствія лучей.

Пиккерингъ еще съ 1893 года, когда онъ производилъ наблюденія въ Arequipa, усердно занимался разрѣшеніемъ этого противорѣчія, которое онъ еще усерднѣе изучалъ на островѣ Ямаикѣ. И на многихъ другихъ объектахъ онъ наблюдалъ свѣтовые измѣненія, на Franklin'ѣ, затѣмъ на Atlas'ѣ, Alphons'ѣ и Riccioli. Общей отличительной чертой такого рода измѣняющихся пятенъ является, по Пиккерингу, быстрое потемнѣніе тотчасъ послѣ солнечнаго восхода, затѣмъ столь же быстрое проясненіе при приближеніи заката. При максимумѣ потемнѣнія отдѣльныя пятна бываютъ то интенсивно чернаго цвѣта, то темно-сѣраго, а иныя свѣтло-сѣраго цвѣта. Вблизи экватора такіа измѣненія длятся нѣсколько часовъ, а въ высшихъ селенографическихъ широтахъ нѣсколько дней. Такого характера пятна еще ни разу не наблюдались выше 55° сѣв. и южнѣе 60° южной широты.

Уже тотъ фактъ, что на фотографическихъ снимкахъ луны различіе между свѣтовыми и темными участками выступаетъ такъ рѣзко, заставляетъ думать, что нѣкоторые темныя мѣста на лунной поверхности сильно поглощаютъ свѣтовые лучи. Уже старые изслѣдователи, какъ, напр., пользующійся заслуженной

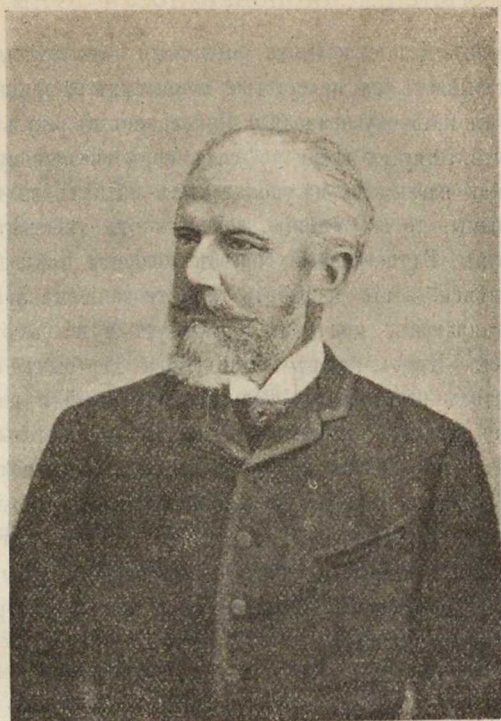

извѣстностью Уорренъ Деларю и Секки, высказали тотъ взглядъ, что это своеобразное явленіе указываетъ на присутствіе покрытыхъ растеніями площадей.

Заключеніе, къ которому приходитъ Пиккерингъ въ результатѣ своихъ наблюденій, вполне соответствуетъ всему до сихъ поръ сказанному нами. Измѣненія, которыя Пиккерингъ наблюдалъ на упомянутыхъ пятнахъ въ теченіе одного луннаго оборота, должны, по его мнѣнію, зависѣть отъ дѣйствительныхъ измѣненій на поверхности луны. Единственный способъ, говоритъ Пиккерингъ, вѣрно истолковать данное измѣненіе—это допустить существованіе на лунѣ живыхъ растеніеподобныхъ организмовъ, при чемъ они могутъ и не быть тождественны съ нашими растеніями.—Итакъ, нашъ считавшійся мертвымъ спутникъ является при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій полнымъ измѣненіемъ и интереснымъ міромъ. Луна представляетъ нѣчто большее, чѣмъ нагроможденіе голыхъ скалъ, безжизненныхъ кратеровъ, высохшихъ морей, напротивъ, она полна жизни. Когда изслѣдователи перестанутъ собирать безъ всякаго смысла только топографическій матеріалъ, а научатся регистрировать и слѣдить даже за малѣйшими и малозамѣтными измѣненіями, совершающимися на поверхности луны, лишь тогда мы будемъ имѣть вѣрное объясненіе явленій лунной жизни, которая недвусмысленно проявляется во многихъ мѣстахъ.

Петръ Ильичъ Чайковскій.

Доцентъ Н. Д. Бернштейнъ *).

М. И. Чайковскій.

(По поводу десятилѣтія со дня его смерти).

«Память дорогого свята, но
истина выше всего намъ».

Н. Д. Б.

Въ исторіи русской музыки только съ первой половины девятнадцатаго столѣтія начинается освобожденіе отъ иностраннаго ига, то стремленіе къ самобытности, которое, приблизительно, въ это же время одушевляетъ и русскую литературу и русскую живопись: только теперь русская публика можетъ противопоставить западнымъ гениямъ своихъ національныхъ, русскихъ поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ. Къ блестящимъ именамъ Пушкина, Иванова присоединяется не менѣ замѣчательное—Михаила Ива-

*) Авторъ, бывшій доцентъ берлинской консерваторіи, въ настоящее время читаетъ лекціи эстетики и исторіи музыки въ Петербургѣ.

Высказываемые г. Бернштейномъ взгляды на М. И. Чайковскаго не согласуются съ нашимъ мнѣніемъ, но такъ какъ свои отличныя отъ общепринятыхъ воззрѣнія на значеніе покойнаго композитора авторъ старается мотивировать, и возможно, что кое-кто изъ читателей найдетъ мнѣнія г. Бернштейна не безосновательными, то мы не нашли возможнымъ отказаться отъ помѣщенія настоящей статьи.

Редакція.

новича Глинки — создателя нашей русской оперы, открывшаго намъ всю тайную прелесть нашихъ родныхъ мелодій. Каждая муза теперь и у насъ можетъ гордо выставить своего избранника, представляющаго столько же божественнымъ дарованіемъ, сколько гениальнымъ чутьемъ свое родное искусство, такъ долго бывшее въ загонѣ. Мы не хотимъ, однако, сказать этимъ, что наши предки питали чисто татаро-монгольское презрѣніе къ искусству, что подъ вліяніемъ домостроевскихъ воззрѣній, унаслѣдованныхъ еще со временъ «Стоглава», они признавали невинную пѣсенку свѣтскаго характера «бѣсовской забавой»; нѣтъ, напротивъ, Русь восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій очень хорошо помнила завѣты своего великаго реформатора Петра; можетъ быть, даже она чрезчуръ хорошо удержала въ памяти нѣкоторые изъ нихъ, если принимать въ расчетъ ея увлеченіе иностранщиной, ея прямо-таки культъ Запада. Періодъ, о которомъ мы говоримъ, это эпоха до Глинки и время, ближайшее за нимъ, время, которое не только не сумѣло по достоинству оцѣнить «Руслана», понять значеніе «Русалки», «Каменнаго гостя» Даргомыжскаго, но и предало эти жемчужины русскаго искусства полному забвенію. Выгнала Глинку изъ Россіи, къ негодованію всѣхъ истинныхъ знатоковъ музыки, ненавидѣнная итальянщина, она виновата въ его постыдномъ для нашего отечества упрекѣ: «отъ русской музыки, какъ отъ русской зимы, отказываюсь — драмы русской не желаю — довольно повозился съ нею». Ея деспотизмъ продиктовалъ и другому великому представителю русскаго опернаго жанра, его желчныя слова: «Я не заблуждаюсь, — пишетъ А. С. Даргомыжскій госпожѣ Кармалиной, — артистическое положеніе мое въ Петербургѣ незавидно. Большинство нашихъ любителей музыки и газетныхъ писакъ не признаетъ во мнѣ вдохновенія. Рутинный взглядъ ихъ ищетъ льстивыхъ для слуха мелодій, за которыми я не гонюсь. Я не намѣренъ снизводить для нихъ музыку для забавы. Хочу, чтобы звукъ прямо выражалъ слово. Хочу правды. Они этого понять не могутъ».

Но не вѣкъ отдѣляетъ насъ отъ знаменательнѣйшаго періода «бури и натиска» въ Россіи, отъ той замѣчательной эпохи умственнаго броженія, когда стремленіе къ національной самобытности наряду съ новыми идеями создало новые идеалы. Критическій масштабъ, приложенный къ обыденнымъ формамъ, нашелъ ихъ тривиальными, и сознавшій себя окончательно народный духъ требовалъ другого выраженія для мыслей, которыя не могли быть переданы господствующимъ, нынѣ устарѣвшимъ языкомъ.

«Могучая кучка» паритъ въ музыкѣ, «передвижники» в ластвуютъ въ нашей живописи.

Обѣ эти «четы» ярыхъ протестантовъ во имя чистой идеи невольно приводятъ намъ на память извѣстный «Davidsbund» въ Германіи.

Музыкальное искусство въ соеѣдномъ намъ западномъ государствѣ въ тридцатыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія страдало тою же болѣзнію, что и у насъ въ Россіи: Россіи былъ владыкой сцены, Герцъ, Гинтенъ, или, называя предметы ихъ именами, пошлая банальность, царилъ въ салонахъ А между тѣмъ, Германія, дѣйствительно, имѣла свое прошлое, ей принадлежали гениальные корифеи музыки, и на страницахъ ея исторіи красовались имена, которыми могъ гордиться весь міръ. Назовемъ только Бетховена, Шуберта, Вебера, чтобъ дать хоть приблизительное понятіе о томъ заблужденіи, въ которомъ находилась Германія, служа идоламъ вмѣсто боговъ. Въ 1833 году въ Лейпцигѣ по вечерамъ, какъ-то случайно, встрѣчаются нѣсколько молодыхъ людей — музыканты, не ослѣпленные всеобщей страстью, съ искренной любовью къ дорогому для нихъ искус-

ству. Они-то и взяли на себя задачу открыть своимъ соотечественникамъ глаза, показать имъ въ истинномъ свѣтѣ ихъ родныхъ художниковъ мелодіи. Незабвенное имя Р. Шумана неразрывно связано съ этой эпохой въ Германіи, имѣющей буквальное повтореніе у насъ въ Россіи въ «могучей кучкѣ» съ М. А. Балакиревымъ во главѣ. Национальный девизъ Глинки, стремленіе къ правдѣ Даргомыжскаго, эти два стимула, усложненные романтизмомъ западно-европейскихъ композиторовъ — Берліоза, Шумана, Листа, Вагнера — были взяты въ основу нашими пионерами, къ которымъ принадлежали Кюи, Мусоргскій, Бородинъ, Римскій-Корсаковъ и отчасти — Чайковскій. Однако, это-то «отчасти» и выдѣляетъ Петра Ильича изъ среды тѣхъ «кучкистовъ», которые именуютъ себя «новой русской музыкальной школой».

Не мало интереса представляетъ прежде всего теорія Чайковского, для тѣхъ, чьи уши не въ состояніи постигнуть отличія, ставящаго Петра Ильича особнякомъ отъ другихъ современныхъ ему композиторовъ, кто не можетъ замѣтить уклоненія въ его музыкальныхъ приемахъ, а все-таки желаетъ знать тѣ руководящіе принципы, которые одушевляли композитора въ его творествѣ.

«Создаетъ музыку народъ, а мы художники только ее арранжируемъ», пишетъ Глинка. «Хочу, чтобы звукъ прямо выражалъ слово, хочу правды» говоритъ Даргомыжскій.

Теперь посмотримъ, какихъ взглядовъ на свою задачу придерживается Чайковскій. «Вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ писать оперы, я всегда разрѣшаю, разрѣшалъ и буду разрѣшать чрезвычайно просто. Ихъ слѣдуетъ писать (впрочемъ, точно такъ же, какъ и все остальное) такъ, какъ Богъ на душу положитъ. Я всегда стремился, какъ можно правдивѣе, искреннѣе выразить музыкой то, что имѣлось въ текстѣ. Правдивость же и искренность не суть результаты умствованій, а непосредственный продуктъ внутреннего чувства. Дабы это чувство было живое, теплое, я всегда старался выбирать сюжеты, въ коихъ дѣйствуютъ настоящіе живые люди, чувствующие такъ же, какъ и я». Эта исповѣдь, какъ нельзя лучше характеризуетъ достоинства и недостатки музыки Петра Ильича, имѣющей точкой опоры одно многообобщающее «я» композитора, ибо это «я», выдвинутое съ такой самоувѣренностью на первый планъ, оказывается при критическомъ анализѣ тѣмъ же эклектискимъ. Придерживаясь добраго стараго правила — *de mortuis nihil, nisi bene*, — рисуемъ личность композитора его же собственными словами: «Я нисколько не препятствовалъ вѣяніямъ духа времени вліять на меня. Я сознаю, что, не будь Вагнера, я бы писалъ иначе, допускаю, что даже и «кучкизмъ» (кружокъ Даргомыжскаго и Балакирева) сказывается въ моихъ оперныхъ писаніяхъ; вѣроятно, и итальянская музыка, которую я страстно любилъ въ дѣтствѣ, и Глинка, котораго я обожалъ въ юности — сильно дѣйствовали на меня, не говоря уже про Моцарта».

И Моцартъ, и Глинка, и Даргомыжскій, и Балакиревъ, равно какъ и Вагнеръ — представители совершенно новаго духа въ музыкѣ, созданнаго чистымъ вдохновеніемъ, идеальнымъ стремленіемъ къ лучшему, хотя иногда и ложному, (таковы, по нашему мнѣнію, напр., произведенія байрейтскаго маэстро). Они создали свою школу, тогда какъ школы Чайковского исторія музыки не знаетъ, несмотря на всю изысканность обожаемаго публикой композитора.

Существуетъ пословица, что исторія критики — исторія заблужденій *par excellence*, и проф. Саккетти въ своей интересной статьѣ: «Основы

музыкальной критики», черная доводы изъ всѣхъ временъ и эпохъ, стараются доказать неосновательность и шаткость критическихъ упражненій гг. рецензентовъ. Первоначальное отношеніе публики и прессы къ обожаемому теперь П. И., еще разъ подтверждаетъ только что приведенные взгляды, но эта апелляціонная жалоба поданная на судъ потомства доказываетъ прямо противоположное. Соглашаясь съ мнѣніемъ Тэна, высказаннымъ имъ въ «*L'ideal dans l'art*», что «забвеніе есть приговоръ бездарности, вѣчная память и благоговѣніе есть та дань, которую человѣчество испускаетъ свое сначала столь несправедливое, обыкновенно, отношеніе къ гениальному новатору», мы приходимъ къ заключенію, что Чайковскаго ждѣтъ безсмертіе *à la* Верстовскій и К°. «Я» Чайковскаго, сколь интереснѣе онъ самъ бы ни былъ, какъ личность, въ области звуковъ не представляетъ собою особаго мірка, гдѣ царить гений вдохновеннаго поэта. Во вдохновеніи, этой необходимой спутницѣ всякаго истиннаго художника, онъ не нуждается,—оно, по мѣрѣ надобности является къ нему по первому требованію, ибо, по его мнѣнію, «вдохновеніе такая гостья, которая не любитъ посѣщать лѣнливыхъ. Она является къ тѣмъ, кто призываетъ ее?» Такой взглядъ на святую задачу, безъ церемоній обратившей творческій процессъ въ машинную автоматическую фабрикацію, и сдѣлала изъ Чайковскаго то, чѣмъ онъ въ сущности и былъ: талантливаго, рутиннаго ремесленника. Онъ имѣетъ свой стиль, свою особенную форму, въ которыхъ и проявляетъ свое «я», болѣе чѣмъ кто-либо другой радуясь имъ,—и онъ оправдываетъ изреченіе Бюффона: *le style c'est l'homme*, переведенное Гайдномъ на музыкальный жаргонъ словами: «стиль музыканта есть онъ самъ». Да, Чайковскій, какъ никто изъ современныхъ ему соотечественныхъ композиторовъ, умѣлъ льстить слуху массы; исключая его, никто не любезничалъ такъ своими сладкозвучными мотивами на итальяно-французно-нѣмецкій ладъ, какъ онъ—этотъ герой нашего времени, расцвѣтающій романтически-меланхолическія мелодіи прошлыхъ, но все еще не изжитыхъ вѣковъ.

На Западѣ Петра Ильича величаютъ «русскимъ Бетховеномъ», не вдумываясь въ то умаленіе, которому этимъ сравненіемъ подвергаютъ Чайковскаго. Далеко нашему граціозному композитору до могучаго нѣмецкаго титана, до этого музыканта-философа, характеристика котораго прекрасно укладывается въ глубокомысленно остроумномъ каламбурѣ Рихарда Вагнера: «*Wie ein zweiter Prometheus, der aus Thon Menschen bildete, hatte Beethoven sie aus Ton zu bilden gesucht*».

Ко всѣмъ произведеніямъ Чайковскаго, какъ нельзя лучше, подойдетъ эпиграфъ—«отъ сердца къ сердцу»; но этотъ эпиграфъ ни въ коемъ случаѣ не характеренъ для Бетховена, безподобнаго музыканта-психолога, съ его величавымъ нравственнымъ обликомъ, требующимъ каждой своей нотой свободы, свободы не только мысли, но и каждому біенію пульса. Прокрусть долженъ былъ бы изувѣчить Чайковскаго до неузнаваемости, если бы ему пришлось уложить нашего композитора на ложе Бетховена. Несомнѣримая бездна, лежащая между этими двумя композиторами, насколько не уменьшается при сравненіи ихъ личностей и міровоззрѣній. Умственный кругозоръ нашего лирика-физиолога одинъ изъ его близкихъ друзей, проф. Ларошъ, обрисовываетъ въ такихъ выраженіяхъ: «Собственно къ философскому мышленію я долго не замѣчалъ у него (у Чайковскаго) охоты. Можетъ быть, ему просто не доставало досуга или, вѣрнѣе, свободы отъ поглощавшихъ его композиторскихъ работъ. Только въ послѣдніе годы,—какъ мнѣ кажется, подъ вліяніемъ Льва Толстого,

котораго онъ чрезвычайно любилъ,—онъ почувствовалъ влеченіе къ философіи и, между прочимъ, читалъ «Этику» Спинозы. Читать кое-какъ со-всѣмъ на него не походило: нѣтъ сомнѣнія, что и къ Спинозѣ онъ относился съ полнымъ вниманіемъ, и, слѣдовательно, и сознаниемъ. Сравнительно съ русскимъ человѣкомъ средней руки, человѣкомъ такъ называемаго «университетскаго образованія», П. И. былъ настоящій профессоръ философіи, хотя я вовсе не желаю сказать, чтобъ онъ, въ этого сравненія, безусловно заслуживалъ такой титулъ». Но что этотъ профессоръ философіи на ряду съ тѣми грандіозными мыслями и идеями, которыя насть на каждомъ шагѣ поражаютъ у Бетховена?! Послѣдній вполне постигъ теоріи Канта и Шопенгауэра, охотно занимался философіей и на письменномъ его столѣ стояла символомъ его религіознаго міровоззрѣнія такая надпись: «Я емь всё, что было и что будетъ; ни одинъ смертный не приподнялъ моей завѣсы». «Онъ единственный въ самомъ себѣ, и въ этомъ единственномъ существующъ всѣ вещи». «Я» Бетховена, дѣйствительно, создало искусство, неразрывно связанное съ его личностью, основанное на его высокой нравственности. Его музыка—мелодія, для которой вселенная служить текстомъ. Что современники Бетховена не поняли его, это легко объясняется той недосыгаемостью гениевъ для массы; если говорить словами Шопенгауэра—свѣтозарное сіяніе ихъ (гениевъ) требуетъ подчасъ цѣлаго ряда лѣтъ для того, чтобы оно доходило до обитателей земли. У Чайковского, однако, первоначальный неуспѣхъ зависѣлъ просто отъ слабости его произведеній, не обнаруживающихъ ничего, кромѣ чрезмѣрной любви къ музыкѣ и печальной скромности дарованій, или, какъ говорятъ нѣмцы, здѣсь было налицо „ein grosses Wollen, jedoch impotentes Können“ *).

П. И. родился 25 апрѣля 1840 г., на Воткинскомъ заводѣ, въ Вятской губерніи и уже мальчикомъ проявилъ большія музыкальныя способности и наклонности. Фанни Дурбахъ, его воспитательница, которая прибыла къ Чайковскимъ, когда Петру Ильичу было 4 1/2 года, даетъ о немъ лучшій отзывъ и въ письмѣ къ нѣмецкому біографу П. И.—проф. Ивану Кнорру—трогательными штрихами обрисовываетъ образъ своего бывшаго ученика. «Pendant ma longue carrière d'institutrice je n'ai pas rencontré un plus noble enfant et cependant ce n'est que pendant quatre ans que j'ai eu le bonheur de l'avoir pour élève!»

На шестомъ году его стали обучать фортепیانной игрѣ, но его преподавательница, какая то Марія Марковна Лонгинова, врядъ ли могла очень вліять на музыкальное развитіе многообщающаго талантливаго мальчика. Карьера музыканта въ тѣ времена, когда у насъ даже не было консерваторіи, не заключала въ себѣ ничего соблазнительнаго, а поэтому и нѣтъ ничего страннаго, что, несмотря на способности маленькаго Петра, его на десятомъ году опредѣлили въ Училище Правовѣднія, гдѣ учились многіе изъ нашихъ выдающихся музыкальных дѣятелей, какъ Глинка, Стровъ, Стасовъ и многіе другіе. Заведеніе это состояло подъ покровительствомъ принца Ольденбургскаго, большаго поклонника музыки, и музыкальная атмосфера, хотя и итальянская, господствовавшая въ Петербургѣ, доставила будущему композитору довольно наслажденій. Титуляр-

*)

«Ты помнишь, какъ забывшись въ «музыкальной»,
Забывъ училища и міръ,
Мечтали мы о славѣ идеальной.
Искусство было нашъ кумиръ,
И жизнь для насъ была обвѣяна мечтами».

нимъ совѣтникомъ онъ въ 1859 г. окончилъ училище и поступилъ на службу; но обстоятельства или судьба сдѣлали свое, и Петръ Ильичъ, бравшій еще во время учебныхъ занятій уроки на рояли у выдающагося тогда педагога Рудольфа Киндингера, промѣнялъ теперь опредѣленное на неизвѣстное и поступилъ въ только что открытые музыкальные классы, состоявшіе въ вѣдѣніи Русскаго Музыкальнаго Общества. Потомъ въ 1862 г. онъ записался ученикомъ консерваторіи (классъ Зарембы по контрапункту), а чрезъ три года, въ 1865 году получилъ дипломъ свободнаго художника и серебряную медаль за сочиненную имъ кантату на шиллеровскій текстъ «Къ радости». Это произведеніе не возбудило особыхъ симпатій къ автору, напротивъ того, даже Антонъ Рубинштейнъ, директоръ консерваторіи и учитель его съ 1863 г. по инструментовкѣ считалъ его столь же слабымъ, какъ и тогдашній критикъ «С.-Петерб. Вѣдомостей», Ц. А. Кюи. Отношеніе послѣдняго къ Чайковскому «антикучкисты» желаютъ, однако, объяснить стремленіемъ критика умалить значеніе только что народившейся у насъ консерваторіи. По мнѣнію ихъ, Кюи хотѣлось выместить свою «безсильную злобу», а потому только досталось-де и молодому композитору. Объ этой кантатѣ г. Кюи далъ слѣдующій отзывъ: «Консерваторскій композиторъ, г. Чайковскій, совсѣмъ плохъ. Правда, что его сочиненіе (кантата) написано въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: по заказу, къ данному сроку, на данную тему и при соблюденіи извѣстныхъ формъ. Но все-таки, если бы у него было дарованіе, то оно хоть гдѣ-нибудь прорвало бы консерваторскія оковы. Чтобы не говорить много о г. Чайковскомъ, скажу только, что гг. Рейнтагеры и Фолькманы несказанно бы образовались его кантатѣ и воскликнули бы съ восторгомъ—нашего полку прибыло».—Мало, очень мало ободряющаго въ этой рецензіи для начинающаго композитора, но не лучшая доля выпала Чайковскому со стороны Рубинштейна при первомъ его симфоническомъ опытѣ, въ 1874 г. по поводу второго струннаго квартета, не говоря уже о той невѣроятной рецензіи, который удостоился скрипичный D-дурный концертъ отъ вѣнскаго критика Ганслика.

«Знатокъ въ изящномъ простомъ цѣнить,—что вычурно—по сердцу лишь толпѣ»; этими словами Гете мы можемъ вывести читателя съ тернистаго пути на дорогу, осыпанную для Чайковскаго розами и лаврами. Петръ Ильичъ, которому мы дали эпитетъ лирика-физиолога, поживавшій наибольшую популярность своими операми, а дѣйствительную славу своими инструментальными произведеніями—начиная съ тріо и кончая симфоніями, въ его самыхъ извѣстныхъ сочиненіяхъ болѣе всего заигрываетъ съ той толпой, которой, что «вычурно—по сердцу». Не будучи въ состояніи съ самаго начала найти путеводную нить, впоследствии сразу проведенную его чрезъ лабиринтъ смущающихъ его вліяній къ своему собственному «я», онъ кокетничаетъ съ публикой своими задухевными мелодіями, и толпа, не понимающая, что все это фальшь, обманъ, ухаживаетъ за нимъ, очарованная до безумія. Манерность минорныхъ настроеній Петра Ильича, при

Такъ воссѣваетъ Апухтинъ въ одномъ стихотвореніи, посвященномъ Чайковскому, грезы, которыя еще на школьной скамьѣ волновали ихъ души, и предсказываетъ (правда, заднимъ числомъ) этой въ то время маленькой знаменитости, кумиру училищнаго музыкальнаго кружка, ту свѣтлую будущность, которая впоследствии выпала на долю композитора. Нужно, однако, прибавить что хотя П. И. еще съ ранняго дѣтства обладалъ безспорнымъ музыкальнымъ талантомъ, тѣмъ не менѣе, дарованія его не были столь блестящи, чтобы соответствовать тѣмъ громаднымъ художественнымъ задачамъ, которыя, какъ мы увидимъ далѣе, онъ задавалъ себѣ для разрѣшенія.

изображеніи которыхъ онъ умѣлъ быть увлекательнымъ, интереснымъ, стилъ его, плѣняющій, обезоруживающій массу, его сердечная искренность въ лирическихъ моментахъ, всѣ эти элементы притягивающіе большинство меломановъ, это-то и вызвало оппозицію и порицаніе со стороны тѣхъ, кто, дѣйствительно, «въ изящномъ простое цѣнить». Всѣ оттѣнки лирическихъ моментовъ отъ тихаго мечтанія до бурнаго желанія, вся богатая гамма настроенія человѣческой личности перѣдается имъ удивительно, такими мѣткими штрихами, которые въ концѣ концовъ и порождаютъ манерность. «Это щемящее и горькое чувство, безъ всякаго сомнѣнія, повредитъ операмъ Чайковскаго въ будущемъ, наложить на нихъ печать устарѣлости и скуки; въ настоящемъ же произошло дѣйствіе обратное. Минорность настроенія пришла, какъ нельзя болѣе, по вкусу публикѣ». (Г. Ларошъ). И на долю поэтическаго меланхолика съ его нѣжными вздохами, тоскующими грезами, который насъ на крыльяхъ упоенія уноситъ далеко, далеко въ страну мечтаній, выпала дань, должная ему, какъ пѣвцу модной міровой скорби, какъ представителю мелодистовъ господствующаго байронизма сороковыхъ годовъ.

«И горько плачу я,—и диссонансъ мученья
Врывается въ гармонию мою».

Мелодіи Петра Ильича, дивныя своею нѣгой, чудныя своимъ обаяніемъ, ловятъ слушателя, какъ на удочку. Ему эти мотивы кажутся слѣтѣвшими изъ другого міра. Но погоня нашего композитора за дешевыми эффектами давно заклеимена безпристрастной, художественной критикой, его желаніе угодить грубому, невзыскательному вкусу массы отмѣчено впервые не у насъ, и на характеръ вульгарности его мелодіи, вызываемый стремленіемъ набить себѣ цѣну на музыкальномъ рынкѣ впервые указывается не нами.

Нѣкій панегиристъ Чайковскаго слагаетъ ему такого рода славословіе: «Носъ космополитическій, если такъ можно выразиться, характеръ, его инструментальная музыка въ то же время обличаетъ въ авторѣ русскаго человѣка; перенесенная въ какую угодно страну, его музыка вездѣ и всегда понравится; но чуткое ухо всегда сумѣетъ отличить въ ней нѣчто оригинальное, что составляетъ особенность почти всякаго русскаго композитора».

Однако, этотъ гимнъ, гимнъ страннаго рода! Русская пѣсня— русская мелодія не знаетъ себѣ подобной въ мірѣ. Она наша, коренится въ насъ и вся чувствуется только нами, хотя она своею типичной прелестью очаровываетъ и иностранцевъ. Русскій композиторъ, чтобы быть признаннымъ и великимъ, не обязанъ исключительно разрабатывать національные сюжеты. Кюи принадлежитъ намъ не менѣе, чѣмъ Римскій-Корсаковъ, Бородинъ или Мусоргскій, мы любимъ его и цѣнимъ не менѣе, чѣмъ ихъ. Мы далеки отъ мысли ставить Чайковскому въ укоръ, его космополитизмъ, мы не хотимъ упрекать его за отсутствіе національной исключительности, но мы не можемъ обойти молчаніемъ ту незаслуженную репутацію, которой онъ пользуется, какъ глубоко русскій композиторъ. «Однако, онъ любилъ боярскіе кафтаны, сарафаны, кокошники, даже пляски въ присядку. Въ восьмидесятыхъ годахъ онъ однажды сказалъ мнѣ (Ларошу), что ему просто смѣшной кажется опера, распѣваемая русскими артистами въ Россіи при русской публикѣ, когда дѣйствующія лица именуютъ себя Джанбаттиста, Меркуціо или Брабанціо». Но, разсматривая съ этой стороны оперы П. И., мы должны заявить, что, несмотря на все желаніе Чайковскаго быть національнымъ, онъ только до нѣкоторой степени и только въ рѣдкихъ случаяхъ осуществляетъ

свое стремленіе къ правдѣ въ звукахъ. Сила драматизма, яркость народнаго колорита, оригинальность декламации (качества, поражающія и вмѣстѣ съ тѣмъ плѣняющія насъ въ «Псковитянкѣ» Римскаго-Корсакова (1873) или въ «Борисѣ Годуновѣ» Мусоргскаго (1874), не говоря уже о Глинкѣ, только случайныя свѣтлыя минуты у Чайковскаго, которыя онъ въ большинствѣ случаевъ приносить въ жертву Молоху сентиментальничанія или кислосладкаго пошлосту. Для опернаго композитора недостаточно одного таланта, ему нуженъ двойной—онъ долженъ быть не только музыкантомъ, но и драматургомъ, а такихъ исторія нашего искусства знаетъ очень немногихъ. Моцартъ, Глюкъ, Мейерберъ и, несмотря на все мое непониманіе вагнеровскаго „прогресса“, и этотъ „байретецъ“, еще могутъ считаться представителями того жанра, на которомъ Чайковскій истощилъ свои силы, и гдѣ онъ, однако, приобрѣлъ свою манерность, перенесенную имъ и въ другія сферы его творчества.

Брамсъ, дѣйствительно, является олицетвореніемъ нѣмецкаго духа въ звукахъ, Сенсъ-Сансъ представитель французской музыки, но Чайковскій далеко не то воплощеніе нашей дѣйствительной народности, за что принимаютъ его за границу. Правда, что несравненно чаще другихъ русскихъ композиторовъ, Петръ Ильичъ пользуется русскими народными мотивами, что онъ болѣе другихъ желаетъ быть тѣмъ, что онъ *не есть*. Однако, его музыка не звуковой рефлекторъ нашего времени, онъ не то, что Толстой или Горькій въ литературѣ, не то, что Антокольскій въ скульптурѣ, но Петръ Ильичъ правдивое отраженіе нашего живаго общественнаго строя, содѣйствующаго его пониманію и успѣху. Тамъ, гдѣ сентиментальничаютъ по-итальянски, кокетничаютъ по-французски, философствуютъ по-нѣмецки, словомъ, гдѣ шеголяютъ въ чужомъ костюмѣ, тамъ Чайковскій на своемъ мѣстѣ, тамъ и понятно его обожаніе. Но тотъ, кто любитъ Глинку, кто проникнуть насквозь твореніями Пушкина, кто истинно русскій, тотъ при всемъ своемъ преклоненіи, при всемъ уваженіи передъ крупнымъ талантомъ Петра Ильича, не можетъ поставить его наряду съ названными кумирами. Тогда предпочитаютъ „musique pour les cochers“ Глинки и горюють о теперешнемъ владычествѣ соблазняющей толпу лжи, искони вѣковъ бросающей масъ пылъ въ глаза. Ни съ какими другими оперными произведеніями русскихъ композиторовъ не сдѣлали столько опытовъ добиться успѣха за границею, какъ съ оперными твореніями Петра Ильича, и не по газетнымъ свѣдѣніямъ, а лично мнѣ неоднократно приходилось убѣждаться, какъ напрасны эти старанія, дискредитирующія только нашу русскую музыку вообще.

Характерныя черты русской національности издавна во всемъ поражаютъ иностранцевъ, и наши мелодіи плѣняютъ ихъ той оригинальностью, которая свойственна всему неиспорченному мутнымъ потокомъ времени. Но эта своеобразность лишь поражаетъ, удивляетъ чужестранца, тогда какъ вся прелесть, скрытая въ нашихъ пѣсняхъ не можетъ быть доступна ему. Поэтому Мериме, расхваливая въ „Revue de Paris“, (une année en Russie, lettres écrites de Mouscou en 1840) «Жизнь за царя», лучшую дань отдалъ нашей первой національной оперѣ. „Несмотря на то, что я иностранецъ—пишетъ Мериме—я никогда не могъ присутствовать при представленіи этой оперы безъ самаго живого чувства волненія“. Онъ чувствуетъ божественную геніальность нашего отечественнаго пѣвца, инстинктъ диктуетъ, ему что «еслибы послѣдній русскій крестьянинъ могъ перенестись изъ своей избы въ театръ, онъ былъ бы взволнованъ до самой глубины сердца», или, говоря словами Глинки, этотъ мужикъ, дѣйствительно, былъ бы у

себя дома. Но то, что очаровываетъ насъ, чѣмъ мы дорожимъ въ произведеніяхъ Глинки и его послѣдователей, что, однако, никогда по заслугамъ не можетъ быть оценено чужими, лишаетъ наши національныя оперы возможности полнаго успѣха за границею. Съ другой стороны, псевдоклоритъ обуславливаетъ съ художественной точкой зрѣнія фіаско у насъ, тогда какъ, несмотря на фальшивую даже окраску, онъ производитъ на иностранца впечатлѣніе дѣйствительно правдиваго изображенія русской жизни.

Мы видѣли, что Чайковскій, подобно большинству нашихъ композиторовъ, только поздно всецѣло посвятилъ себя искусству, но съ первыхъ же шаговъ онъ намѣтилъ себѣ тотъ путь, по которому шелъ течение всей своей творческой дѣятельности, прерванной его неожиданной смертью отъ холеры въ ночь 25—26 октября 1893 г. У него очень рано началась борьба между стремленіемъ къ національному творчеству и его бесспорнымъ лирическимъ дарованіемъ. Очень скоро, еще въ 1867 г. Петръ Ильичъ въ маленькой фортепіанной вещицѣ „Scherzo à la russe“ успѣлъ обнаружить ту черту псевдонародности, которой онъ въ операхъ измѣнялъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, гораздо рѣже, чѣмъ въ произведеніяхъ инструментальныхъ.

По Всев. Чехихину, общій послѣдовательный ходъ развитія опернаго стиля Чайковскаго слѣдующій: П. И. начинаетъ съ широкихъ формъ «Опричника» въ «Черевичкахъ» дѣлаетъ попытку перейти къ болѣе мелкимъ формамъ мелодическаго речитатива и небольшого аріозо; законченное твореніе, въ формахъ, такъ сказать, среднихъ между «Опричникомъ» и «Черевичками» Чайковскій создаетъ въ видѣ «Евгенія Онѣгина». Это первый періодъ его опернаго творчества—чисто-лирическій. Затѣмъ Чайковскій работаетъ преимущественно надъ драматическою стороною своего опернаго дарованія. Послѣ холодноватой «Орлеанской дѣвы», ему удаются сильно драматическіе отдѣльные моменты въ «Мазепѣ», и онъ создаетъ самую законченную изъ своихъ драматическихъ оперъ—«Чародѣйку». Это второй періодъ драматическій. Третій періодъ, апогей полнаго развитія опернаго дарованія Чайковскаго и полнаго совершенства его опернаго стиля, періодъ, который можетъ быть названъ лирическо-драматическимъ, обнимаетъ эпоху созданія всего одной оперы Чайковскаго, но зато лучшей изъ всѣхъ, принадлежащихъ его перу,—«Пиковой дамы». Въ «Юлантѣ» Чайковскій возвращается къ стилю перваго, лирическаго періода своей оперной дѣятельности, періода «Евгенія Онѣгина».

По нашему мнѣнію, раздѣленіе композиторской дѣятельности Петра Ильича на «періоды» очень неудачно,—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, оно невыгодно для самихъ панегиристовъ Чайковскаго, ибо для творческаго дарованія Петра Ильича существуетъ только одна рубрика, а именно *лирическая*. Нельзя сказать, чтобы сюжеты, выбранные Чайковскимъ для музыкальной иллюстраціи не представляли бы композитору возможности блеснуть своимъ талантомъ при использованіи всѣхъ тѣхъ сценическихъ ситуаций, обильно разсыпанныхъ во всѣхъ его оперныхъ либретто. Драма Лажечникова «Опричникъ», глубоко-трогательная жизнь Жанны-д'Аркъ въ Шиллеровской «Орлеанской дѣвѣ», Пушкинская поэма «Полтава», преобразованная въ трехъактную оперу «Мазепа», трагическія коллизіи въ «Чародѣйкѣ» Шпагинскаго изобилуютъ моментами, рассчитанными на могучія средства выраженія, на такую силу экспрессіи, гдѣ каждая нотка въ музыкальной передачѣ должна звучать истиннымъ трагическимъ пафосомъ.

Что же, однако, мы видимъ у Чайковского?!

Чуть ли не на каждомъ шагѣ мы наталкиваемся на пеструю смѣсь вліяній, смѣсь, порождающую безстыльность, встрѣчаемъ погрѣшности противъ музыкальной правды, хаосъ самыхъ грубыхъ противорѣчій, амальгамированныхъ только манерностью, утрировкой. Правда, что онъ почти, въ каждой оперѣ является въ новомъ фазисѣ своего развитія, каждый разъ онъ—адептъ новой теоріи, но, къ сожалѣнію, это развитіе—не эволюція его индивидуально-самостоятельного, многообъщающаго „я“. Это просто-напросто шатаніе изъ стороны въ сторону въ поискахъ за новыми кумирами; поклоненіе сегодня тѣмъ богамъ, которые сжигаются завтра; это просто неустойчивость, слабость сердца талантливаго композитора-эклектика.

Въ самомъ дѣлѣ, то вдругъ добрый молодецъ шестнадцатаго столѣтія распѣваетъ передъ нами итальянскую кантилену, а менестрели забавляютъ насъ малороссійской пѣсней, то Моцартъ, Мейерберъ, Глинка, да даже Лахнеръ и проч. кумиры Петра Ильича восхищаютъ насъ своими чудными мелодіями. Смѣло можно сказать, что нѣтъ ни одной оперы, принадлежащей перу Чайковского, которая поражала бы насъ новизною музыкальных формъ, гдѣ бы творческое вдохновеніе Петра Ильича проявляло исключительно одно свое «я».

«Мы принуждены сознаться,—пишетъ г. Ларошъ,—что оперы Чайковского, дѣйствительно, бываютъ лишены истинно-драматическаго нерва, что они становятся краше, правдивѣе и сильнѣе, пропорціонально тому, какъ отодвигается назадъ драматическая задача или какъ слабѣетъ нить, связывающая дѣйствія, картины и явленія въ цѣльное драматическое произведеніе». Подъ этимъ безпристрастнымъ приговоромъ мы подписываемся обѣими руками, и, если даже признавать исключенія и нарочно указывать на тѣ удачныя страницы въ партитурахъ Петра Ильича, гдѣ, подъ вліяніемъ счастливаго настроенія, иногда прозвучитъ истинно-драматическая нотка, гдѣ наше ухо ловитъ неподдѣльныя бурныя изліянія страсти, все же, велушиваясь въ мелодіи Чайковского внимательнѣе, примѣчая то здѣсь, то тамъ музыкальныя фразы, навѣяныя авторами, несомнѣнно родственными нашему кумиру по духу, мы вдругъ поражаемся, когда ухо ловитъ звуки, совсѣмъ чуждаго Чайковскому характера, точно родившіяся въ мозгу Вагнера или Россини.

Талантливый эклектикъ, быть можетъ, самъ того не желая, подпалъ подъ вліяніе этихъ композиторовъ, съ которыми у него не было очень мало точекъ соприкосновенія, и гений которыхъ такъ властно подчинялъ его мягкое дарованіе, въ то же время совершенно его обезличивая.

Обращаясь къ образамъ, вдохновлявшимъ нашего композитора, мы должны прежде всего остановиться на чудныхъ музыкальных характеристикахъ женскихъ типовъ, пользовавшихся особенной любовью во всѣхъ созданіяхъ Чайковского.

Какія все это поэтическія, свѣтлыя, живыя фигуры, дышашія непосредственностью, искренностью!

Наталья изъ «Опричника», Оксана въ «Черевичкахъ», Татьяна «Онѣгина», Марія «Мазепы», Лиза «Пиковой дамы»... какъ идеальны, нѣжны, хрупки, какъ прелестны всѣ эти образы!

Въ этомъ отношеніи Чайковскій напоминаетъ намъ другого гениальнаго художника—Тургенева, который наиболѣе нѣжными наиболѣе плѣнительными красками рисуетъ исключительно портреты женщинъ.

Оба художника одинаково идеализируютъ слабый полъ, и, если Тур-

геневъ облагораживаетъ въ нашихъ глазахъ грубочувственную Марью Павловну («Вешнія воды»), то Чайковскій удивительно подкупающе сумѣлъ нарисовать образъ распутной бабенки кумы Настасьи («Чародѣйка»).

Пусть читатель просмотритъ хотя бѣгло біографіи этихъ двухъ художниковъ слова и звука. Ему бросятся въ глаза сердечныя неудачи и того, и другого, неудачи, которыя глубоко терзаютъ ихъ хрупкія души, до самой смерти волнуютъ ихъ чувства. Это сходство ихъ судьбы, думается мнѣ, не могло не сказаться и на ихъ произведеніяхъ. Тотъ идеаль, который грезился ихъ любящему сердцу, котораго имъ не удалось встрѣтить въ жизни, этотъ идеаль они оба старались воплотить въ своихъ созданіяхъ. Отсюда, и только отсюда, та поэтическая прелесть, та чистота дѣвичьихъ образовъ, которыми чаруютъ насъ Тургеневъ и Чайковскій.

Совсѣмъ другое приходится сказать о мужскихъ образахъ Чайковского. Въ своихъ герояхъ, вѣроятно, композиторъ не питалъ особенно нѣжныхъ чувствъ: всѣ они, кромѣ Ленскаго,—либо двигающіеся тѣни, либо и вовсе автоматы, лишены какого бы то ни было признака жизни.

Резюмируя вышеизложенное, мы приходимъ къ заключенію, что изъ десяти оперъ, написанныхъ Чайковскимъ, трудно рѣшить, какую ставить въ драматическомъ отношеніи ниже, какую выше, имѣя въ виду его замѣчательное лирическое дарованіе. Мы привыкли вѣнцомъ послѣдней категоріи признавать—«Евгенія Онѣгина», оперу, которую самъ же композиторъ недаромъ окрестилъ «лирическими сценами». Сколько излишествъ чувства, сколько волнующей грусти, сколько нервныхъ трепетаній передаетъ музыка этой худшей драмы, но лучшей музыкальной иллюстраціи Чайковского! И Верди, и Шуманъ, и Гуно и Даргомыжскій, всѣ эти мелодисты сразу чаруютъ насъ въ тѣхъ могучихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкихъ мелодіяхъ, которыя мы, однако, безропотно приписываемъ фирмѣ Петра Ильича Чайковского.

Говорить ли еще о «драматической» правдѣ его оперъ? Перечислять ли всѣ тѣ ложныя общія мѣста, оскорбляющія насъ всюду, начиная съ первой оперы и кончая послѣдней. Указывать ли на все безвкусіе, всю тривіальность, прямо поражающія насъ въ «Орлеанскій дѣвъ», «Пиковой дамѣ», «Чародѣйкѣ»?—Ограничимся только однимъ примѣромъ изъ «Мазепы».

Меня болѣе всего возмущаетъ сцена въ тюрьмѣ, по идеѣ напоминающая бетховенскаго „Фиделіо“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ неизмѣримо далеко отстающая отъ произведенія фантазіи этого гения музыки. Чайковскій пользуется одинаковыми приемами, а, между тѣмъ, не даетъ намъ даже тѣни подобнаго. Но за то, вмѣсто требуемаго малороссійскаго колорита, «великій гений» ввелъ вагнеровскіе лейтмотивы. То-то и дѣло, что лейтмотивы. Борьба русскихъ элементовъ съ нѣмецко-французско-итальянскими, красной нитью проходитъ черезъ эти оперы; безпрестанно то та, то другая партія высовываетъ свой носъ, а среди этого хаоса расхаживаетъ довольная собою, а болѣе—еще *своей* публикой симпатичная личность Петра Ильича Чайковского. Но любезная суетливость, съ которой этотъ прелестникъ, вмѣсто чистаго золота, предлагаетъ своимъ поклонникамъ блестящую митуру, заставляетъ послѣднихъ часто забыть дѣйствительную цѣну перваго и радоваться блеску послѣдней. Трудно меломану противостоять граціозной любезности Петра Ильича, когда тотъ съ такой элегантной ловкостью разыгрываетъ роль хозяина, нельзя не пожать ему крѣпко руку и не поблагодарить его за то, что онъ не считалъ насъ палеями,

съ еще болѣе испорченными вкусами. Музыкальная гастрономія Чайковскаго удовлетворяетъ всякаго гурмана, любителя легкой пищи, и поэтому успѣхъ и популярность такой кухмистерской пока—не подлежитъ никакому сомнѣнiю.

Что пѣсня для міра?—красивые звуки,
Мелодія стройныхъ рѣчей,
Поддѣльные язвы, крикливыя муки,
Торгъ сердцемъ, торгъ мыслью своей.

Но Петръ Ильичъ писалъ еще тріо, квартеты, оркестровыя сочиненія и last not least романсы. *Comparaison n'est pas raison*—не станемъ сравнивать, а скажемъ просто тремя, словами—здѣсь Чайковскій великъ. Только разъ еще сдѣлаемъ маленькое сопоставленіе залачъ, имѣющихъ однородные сюжеты, а авторами, съ одной стороны нашего композитора, а съ другой Бетховена. По пріѣздѣ Петра Ильича въ Москву, (1866 г.) когда онъ сдѣлался профессоромъ основанной тамъ консерваторіи, онъ началъ свою первую симфонію, которыхъ имъ всего написано шесть.

Увертюра «1812-й годъ» разрабатывается по той же программѣ, какъ и «Побѣда Веллингтона» Бетховена, но между тѣмъ, какъ послѣдній строго придерживается историческаго соотвѣтствія, и ради этой правды не употребляетъ запрещенной тогда марсельезы, а пѣсню «*Malborough s'en va-t-en guerre*», нашъ философъ пользуется не только марсельезой, а даже русскимъ гимномъ: «Боже царя храни», сочиненнымъ Львовымъ въ 1833 г.! Какъ не радоваться тутъ русской *simplicitati*!

Разносторонность и плодovitость, присущія почти всеѣмъ русскимъ композиторамъ, свойственны и Чайковскому.

Что касается его романсовой дѣятельности, то мы вполне подписываемся подъ приговоромъ извѣстнаго критика Ц. А. Кюи, выраженномъ въ слѣдующихъ словахъ: «Онъ (Чайковскій) не внесъ въ романсное дѣло ничего новаго, ничего своего, кромѣ своей музыки; онъ поле романсовъ не расширилъ, хорошихъ романсовъ у него мало; романсовъ съ хорошей музыкой у него очень достаточно. Послѣдніе могутъ давать истинное удовольствіе; только для этого необходимо стараться не слушать текстъ, а гг. исполнителямъ нарочно неотчетливо его произносить. Чайковскій добровольно отказался въ романахъ отъ могучаго значенія и содѣйствія слова, и потому, несмотря на весь его громадный талантъ, его лучшіе романсы слабѣе лучшихъ романсовъ Глинки, Даргомыжскаго, Балакирева, Бородина, Мусоргскаго и производятъ менѣе сильное впечатлѣніе на тѣхъ, кто слушаетъ вокальную музыку вмѣстѣ съ текстомъ. А талантливость и симпатичность музыки многихъ его романсовъ, разумѣется, несомнѣнна». Чайковскій написалъ 107 романсовъ, подавляющее большинство которыхъ отличаются свойственнымъ нашему композитору меланхолическимъ лиризмомъ.

Не безынтересно то обстоятельство, что изъ всеѣхъ нашихъ «свѣтскихъ» композиторовъ только двое (и то тѣ, у которыхъ текла въ жилахъ кровь не чисто православная: и Глинка, и Чайковскій оба происходятъ отъ польскаго корня), занимались духовной музыкой, тѣмъ не менѣе, это не помѣшало имъ создать произведенія, исполненные вдохновенной глубины и могучей силы. Несомнѣнно, Глинка выше Петра Ильича и на этомъ поприщѣ, но послѣдній остается еще и до сихъ поръ первымъ и единственнымъ продолжателемъ начинаній создателя нашей музыки, и на это нельзя не обратить вниманія.

Петръ Ильичъ заявилъ себя еще критикомъ и дирижеромъ, съ 1871 г. первымъ, а въ 1887 г. вторымъ. Нужно, однако, сказать, что перомъ

онъ владѣлъ лучше, чѣмъ дирижерской палочкой, несмотря на то, что онъ писалъ: «русскій музыкантъ съ честью поддерживалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ во всѣхъ музыкальных центрахъ знамя родного искусства», несмотря на то, что Кюи называлъ его «превосходнымъ» дирижеромъ. Онъ и самъ хорошо понималъ, что онъ можетъ дать, и объ этомъ свидѣлствуетъ краткое замѣчаніе, сдѣланное имъ въ одной изъ своихъ статей по поводу опѣнки Кюи его достоинствъ капельмейстера: «И на этотъ разъ я ему не повѣрилъ, точно такъ же, какъ не вѣрилъ когда-то въ приговоръ моей абсолютной бездарности. Сорокасемилѣтнему человѣку, впервые выступающему съ дирижерской палочкой, нельзя быть «превосходнымъ» капельмейстеромъ, нельзя тоже и надѣяться сдѣлаться таковымъ, хотя бы для того имѣлись необходимыя природныя данныя, и я прекрасно понимаю, что прирожденная робость, слабохарактерность и недовѣрчивость къ себѣ препятствуютъ и всегда будутъ препятствовать мнѣ соперничать въ дѣлѣ дирижированія съ извѣстными капельмейстерами».

Въ субботу 16-го октября 1893 г. Чайковскій продирижировалъ въ Дворянскомъ Собраніи своей шестой симфонію—его лебединой пѣсней; автору-капельмейстеру устроили шумныя оваціи, никто не думалъ, что они будутъ послѣдними. Въ четвергъ 21-го онъ заболѣлъ свирѣпствовавшей въ это время холерой, и въ ночь съ 25 на 26 октября композиторъ, которому несомнѣнно принадлежали симпатіи всѣхъ, котораго обоготворяло большинство музыкальнаго міра, скончался. 28-го его хоронили, подъ звуки музыки, и эта многотысячная толпа, провожавшая гробъ безвозвратно потеряннаго кумира, показала какимъ уваженіемъ, какой популярностью пользовался Петръ Ильичъ.

Онъ умеръ, едва достигши 53 лѣтъ, его нѣтъ, но память его жива.

Съ возникновенія русской музыкальной школы—считая, понятно, отъ «Жизни за царя»—скоро исполнится семьдесятъ лѣтъ. Не скажемъ, что русское искусство достигло своего апогея, что оно на Гималаяхъ своего блеска, нѣтъ, достаточно осталось еще дѣла, довольно труда. *Ars longa, vita brevis est*, а нашимъ талантамъ, какъ разъ, и выпала на долю недолгая жизнь, нашимъ же гениямъ пришлось еще меньше времени поработать на пользу дорогаго для нихъ дѣла—еще они умерли слишкомъ рано для насъ, для нашего искусства. Но во всемірной исторіи музыки и теперешнія заслуги Россіи нельзя обойти молчаніемъ, наша страна уже сказала свое вѣское слово въ европейской музыкѣ; и здѣсь среди выдающихся именъ, среди замѣчательныхъ мелодистовъ, одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ принадлежитъ П. И. Чайковскому. Чѣмъ менѣе онъ сдѣлалъ для *русскаго* искусства въ частности, тѣмъ болѣе его заслуги для музыкальнаго міра вообще. Онъ скорѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ русскихъ композиторовъ, приобрѣлъ интернаціональную извѣстность, и, какъ въ свое время Сарти, Арайя, Мадзнисъ, Кавосъ и многіе другіе у насъ, такъ Чайковскій современными средствами за границую пропагандировалъ «русскую» музыку. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, приходится важнѣйшей заслугой выставять, не исполненіе, а цѣль, ибо не наше было то, чѣмъ мы восхищались во времена Сарти и К°, и не чисто русское распространялъ внѣ своего отечества Чайковскій, якобы «національное».

„Вездѣ вы слышите народный мотивъ, но вы его слышите культивированнымъ, на канвѣ народной мелодіи композиторъ сумѣлъ дать образчикъ музыки народнаго характера, опоэтизированный и вылившійся въ художественную форму; тутъ народный мотивъ не является въ томъ

первобытномъ состояніи, въ какомъ онъ созданъ народной фантазіей. Композиторъ, идя по стопамъ Глинки, пользуется лишь духомъ вещи, особенностями ея характеръ и придаетъ мотиву изящество и прелесть, добытыя искусствомъ, не оставляя его въ неотдѣланномъ состояніи. Словомъ, у него народные мотивы не являются фотографическимъ снимкомъ, а плодомъ творчества“. Такъ говоритъ одинъ изъ поклонниковъ Чайковскаго. Не распространяясь о томъ противорѣчіи, которое возникаетъ при сопоставленіи пѣсни, арранжированной Глинкой и такой же Чайковскимъ, скажемъ только, что эти то восхваляемые свойства Петра Ильича ставятъ его особнякомъ въ русской музыкѣ, и отличаютъ его отъ великаго гениальнаго творца нашей національной школы.

Чайковскій не русскій композиторъ, и, если понадобится опредѣлить его мѣсто на страницахъ русской музыкальной исторіи, то, на нашъ взглядъ, онъ представитель псевдонаціональности въ музыкѣ или апостолъ русской музыки въ европейскомъ костюмѣ, а не въ типичномъ русскомъ, какъ это, напримѣръ, у Глинки. Съ другой стороны—какъ европейскій композиторъ—Петръ Ильичъ воплощеніе переслащенной традиціи и горькой дѣйствительности.

Петръ Ильичъ Чайковскій своей пѣсней благостной надежды и любви не шелъ, правда, впереди толпы, но она, эта его чарующая пѣснь, пронеслась мощными звуками и часто, очень часто дышала чудной прелестью, нѣжной тайной, встрѣчая полное сочувствіе въ сердцахъ людей. А пѣвецъ этотъ, отражая своими звуками нашу внутреннюю жизнь, рассказывая о вѣчной скорби человѣчества съ вдохновенной тоской, всегда найдетъ откликъ въ душахъ другихъ людей съ ихъ вѣчными грезами и мечтами о счастья и потому:

«Не говорите мнѣ: онъ умеръ—онъ живетъ:
Пусть жертвенникъ разбитъ—огонь еще пылаетъ.
Пусть роза сорвана—она еще цвѣтетъ,
Пусть арфа сломана, аккорды еще рыдаютъ».

Н. Бернштейнъ.

Анри Купэнг.

Своеобразные похоронные обряды.

Похоронные обряды всѣхъ цивилизованныхъ народовъ являютъ между собой сравнительно большое сходство, какъ въ отношеніи совершенія самаго погребенія, такъ и въ отношеніи, сопровождающихъ его, обрядностей. Не то у дикихъ или полудивицизованныхъ расъ: ихъ погребальные обряды часто столь фантастичны и оригинальны, что самое пылкое воображеніе не въ состояніи представить себѣ ничего подобнаго. Каждая дикая народность имѣетъ своеобразные погребальные обычаи, рѣзко отличающіеся даже отъ обычаевъ ближайшихъ сосѣдей; нижеприведенные примѣры послужатъ прекрасной иллюстраціей вышесказаннаго. Большинство изъ нихъ показываетъ, что вѣра въ безсмертіе души является, если и не общей, то во всякомъ случаѣ крайне распространенной. О формѣ и проявленіяхъ этой жизни дикари имѣютъ совсѣмъ особенное представленіе; такъ, бываетъ, что годами они приносятъ на могилы ѣду, питье, стрѣлы, чтобы усопшій могъ защищаться и... трубки, разумѣется, набитыя табакомъ, чтобы доставить ему нѣкоторое развлеченіе среди однообразія иного міра.

* * *

Погребальные обряды багасъ-форетовъ, населяющихъ французскую Гвинею, по словамъ Лепренса, отличаются странностью; въ нихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, ничего такого, къ чему мы бы успѣли привыкнуть..

Если умираетъ глава семьи, то ни жена ни дѣти, умершаго не оплакиваютъ его; преобладающимъ чувствомъ у нихъ въ этотъ моментъ является гнѣвъ на усопшаго за то, что онъ ихъ покинулъ. Тѣло прислоняютъ къ стѣнѣ хижины, усаживаютъ на обрубокъ дерева и хорошенько подпираютъ съ боковъ срубленными сучьями.

Послѣ этого даютъ знать всѣмъ роднымъ и друзьямъ, которые прибѣгаютъ, негодуя на то, что одинъ изъ ихъ братьевъ ихъ покинулъ. Когда всѣ въ сборѣ,

жена покойного выступает вперед и, обращаясь къ своему мертвому мужу, говорить:

«Значить, ты меня все-таки покидаешь, ты не хочешь больше жить со мной; откуда такое рѣшеніе? Развѣ я не была тебѣ хорошей женой? Развѣ я не дала тебѣ столько дѣтей, сколько ты хотѣлъ? Развѣ твой рисъ и рыба не были всегда отлично сварены? Или ты можешь въ чемъ-нибудь упрекнуть меня? Нѣтъ?—тогда зачѣмъ же ты уходишь? Подлый измѣнникъ! Но ты не уйдешь, не получивъ наказанія, соотвѣтствующаго твоему поведенію».

Послѣ этого она начинаетъ осыпать его ударами, пока, наконецъ, въ изнеможеніи не уступаетъ мѣста дѣтямъ, которыя, какъ и мать, допрашиваютъ отца, почему онъ уходитъ, выхваляютъ свои сыновнія достоинства, покорность, которую они всегда выказывали въ отношеніи его, и, наконецъ, начинаютъ его бить и ругать.

За дѣтьми слѣдуютъ родные и друзья; они также осыпаютъ несчастнаго упреками, пощечинами и кулачными ударами.

По окончаніи этой церемоніи тѣло кладутъ на землю, моютъ и закапываютъ въ погребѣ на глубинѣ одного метра. Ежедневно, въ часъ обѣда, семья приноситъ на могилу нѣсколько зеренъ риса и немного пальмоваго вина, на случай, еслибы умершему вздумалось вернуться.

Погребеніе совершается всегда одинаково. Умираетъ ли мать, умираетъ ли ребенокъ,—при этомъ мѣняются только роли.

Обычай погребать въ хижинахъ приводитъ къ тому, что мѣста, наконецъ, не хватаетъ. А такъ какъ багасъ-фореты не рѣшаются покинуть своихъ мертвецовъ и выстроить себѣ новую хижину, то имъ приходится разрушать свои жилища, опрокидывая стѣны внутрь; на этомъ фундаментѣ воздвигается новая хижина.

Подъ этимъ новымъ жилищемъ продолжаютъ хоронить до тѣхъ поръ, пока недостатокъ мѣста не заставитъ прибѣгнуть къ подобному же способу перестройки. Такимъ образомъ, встрѣчаются хижины, поднятыя надъ землею на 4—5 метровъ; чтобы попасть въ нихъ, приходится пользоваться лѣстницами. Это служитъ доказательствомъ того, что здѣсь схоронено уже 5 или 6 поколѣній.

*
* *

Погребальные обычаи Австраліи крайне разнообразны и почти всѣ чрезвычайно интересны.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мертвецовъ погребаютъ въ стоячемъ, сидячемъ или лежащемъ положеніи, при чемъ старательно окружаютъ пробкой или чѣмъ-нибудь другимъ во избѣжаніе соприкосновенія съ землею. Иногда надъ могилой насыпаютъ холмъ; иногда же довольствуются тонкимъ слоемъ земли, но въ такомъ случаѣ плотно закладываютъ палками, чтобы мертвецъ не могъ выйти изъ могилы. Страхъ передъ явленіями умершихъ такъ великъ, что есть мѣстности, гдѣ ноги усопшаго сгибаютъ и крѣпко привязываютъ къ туловищу, чтобы его духъ не пришелъ беспокоить живыхъ. Часто бываетъ, что мертвыхъ хоронятъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они родились и нерѣдко случалось, что туземцы явля-

лись подѣ окна бѣлолицыхъ, желая именно здѣсь вырыть могилу, чтобы схоронить какого-нибудь старика, родившагося на этомъ мѣстѣ. На югѣ, раньше, чѣмъ опустить трупъ въ могилу, ему отрѣзаютъ голову; изъ черепа готовится чаша для вина или ваза для воды; швы затыкаются раковинами и замазываются смолой. Во многихъ мѣстахъ трупъ оставляютъ разлагаться на возвышеніи и только послѣ того, какъ кости отдѣлятся отъ тѣла, ихъ собираютъ и предають погребенію.

Случалось, что въ Австраліи находили муміи, высушенные на огнѣ и дымѣ. Однимъ изъ самыхъ странныхъ является обычай перенесенія смертныхъ останковъ вслѣдъ за странствующимъ племенемъ. Завернувъ тѣло ребенка, мать въ теченіе шести мѣсяцевъ укладываетъ его спать около себя; хоронятъ тѣло только тогда, когда оно обратится въ скелетъ. По словамъ Фингъ-Гаштона, у нѣкоторыхъ племенъ существуетъ такой обычай: когда умираетъ старый воинъ, кости его старательно очищаютъ отъ мяса, угостившись которымъ, ихъ заворачиваютъ въ кожу, чтобы годами носить за собой. Иногда практикуется и сожиганіе. Сжигаютъ мертвецовъ самымъ примитивнымъ способомъ. Тѣло укладываютъ на пень, который поджигаютъ. Въ Квинслэндѣ принято носить нѣкоторое время трауръ. Родственники умершаго надѣваютъ на себя желтое ожерелье, сдѣланное изъ маленькихъ кусочковъ особаго дерева, навязанныхъ на нитку такой длины, что ее можно обмотать вокругъ шеи 8—10 разъ. Нѣкоторыя женщины по смерти родственника натираютъ себѣ шею мѣломъ. Аборигены пятой части свѣта, какъ и многіе другіе дикари, избѣгаютъ называть умершаго по имени изъ страха, чтобы его духъ, привлеченный звуками голосовъ, не пошелъ за ними (Верно). Негритосы-папуасы по смерти вождя поступаютъ слѣдующимъ образомъ: его укладываютъ на эстраду, подѣ которой зажигаютъ хворостъ; огонь поддерживаютъ до тѣхъ поръ, пока трупъ не прокоптитсѣ, какъ селетка.

Канаки также просушиваютъ трупъ вождя на огнѣ. Затѣмъ они окрашиваютъ его въ красный и черныя цвѣта и, просверливъ въ крышѣ хижины отверстіе, просовываютъ въ него усопшаго вождя. Нѣкоторое время его всѣ видятъ, затѣмъ его опускаютъ въ хижину, двери которой заперты, и которая отнынѣ становится священной. Обыкновенныхъ смертныхъ оборачиваютъ изукрашенной жемчугомъ пеленой и въ руки имъ даютъ столько цѣнностей, сколько нужно, чтобы заплатить за пропускъ при переходѣ въ лучшій міръ. Затѣмъ хижину со всѣмъ, что въ ней находится, сжигаютъ при громкихъ вопляхъ близкихъ, которые жгутъ себѣ руки и рвутъ уши. Послѣ смерти родственника волосъ не обстригаютъ три года. Хоронятъ въ гротахъ или въ дуплахъ деревьевъ. Иногда трупъ на платформѣ прикрѣпляютъ къ верхушкѣ дерева или закапываютъ въ землю, но такъ, чтобы голова была на поверхности: по прошествіи года, эту голову переносятъ въ древнія хранилища костей: голова, по ихъ, соответствующему нашему, представленію, самая благородная часть человѣческаго тѣла.

*
*
*

Нео-гебриды заворачиваютъ своихъ мертвецовъ въ пелены и погребаютъ въ хижинахъ, гротахъ или прямо на открытомъ мѣстѣ въ пирогахъ

Въ Пентекотѣ трупъ оставляется въ домѣ на попеченіи женщинъ, которыя должны отгонять мухъ отъ скелета. Въ Маликоло, если умираетъ мужчина, вдова должна спать на его могилѣ, пока снова не выйдетъ замужъ. Въ Санто вдовъ совѣмъ не существуетъ: жену убиваютъ послѣ смерти мужа. На побережьи принято, чтобы послѣ похоронъ присутствовавшіе отпирывались мыть руки въ морѣ, а затѣмъ сѣдали въ честь покойнаго особое растение. Въ Маликоло скелеты усопшихъ вождей, по прошествіи извѣстнаго времени, вырываютъ изъ земли. Черепъ приставляютъ къ манекену, сдѣланному изъ соломы и лѣанъ, обмазанному глиной и окрашенному черной, красной и голубой краской. На манекенъ бываетъ одна, двѣ или три головы, судя по тому, умирали ли сыновья вождя, головы которыхъ также приставляются къ манекену. Эти манекены хранятся въ особой хижинѣ, именуемой хижина вождей (Верно).

*
*
*

Когда умираетъ кто-нибудь у малакскихъ негритосовъ, то на его могилѣ нѣсколько ночей подрядъ горитъ костеръ, чтобы помѣшать его духу кричать. Кладбища устраниваютъ подальше отъ жилищъ, чтобы усопшій не слышалъ пѣнія и вѣтху; самыя мочилы, по возможности, скрываютъ, чтобы никто ихъ не потревожилъ: съ этой цѣлью землю утаптываютъ, набрасываютъ хворостъ и даже сажаютъ молодые деревца.

Казалось бы, что изготовленіе изъ костей предметовъ роскоши доказываетъ недостатокъ уваженія къ усопшимъ. На дѣлѣ это оказывается иначе, такъ какъ мы видимъ, что минкопи, у которыхъ культъ умершихъ очень развитъ, почитаютъ именно такимъ образомъ.

У этихъ племенъ, населяющихъ берега Бенгальскаго залива, обрядности, соблюдаемая при погребеніи дѣтей и взрослыхъ, почти одинаковы. Первыхъ, однако, хоронятъ среди лагеря; вторыхъ же уносятъ въ чащу лѣса, гдѣ или закапываютъ, или подвѣшиваютъ на платформѣ на вѣтвяхъ. Если умираетъ ребенокъ, то родственники и друзья проводятъ нѣсколько часовъ около его тѣла въ слезахъ. Затѣмъ въ знакъ траура они обмазываютъ себя съ головы до ногъ оливковой глиной. Кромѣ того, они выбриваютъ голову и накладываютъ кусокъ этой же глины: мужчины на лобъ, женщины на макушку головы. Мать, выбривъ себѣ голову, окрашиваетъ ее, а равно и шею, кисти рукъ и колѣни охрой и бѣлой глиной. Затѣмъ тѣло сгибаютъ въ суставахъ, оборачиваютъ широкими листьями и связываютъ бичевками. Отецъ вырываетъ могилу подъ очагомъ хижины. Когда она готова, родные говорятъ послѣднее прощаніе усопшему, при чемъ осторожно дуютъ ему въ лицо. Затѣмъ его снова оборачиваютъ листьями и опускаютъ въ свѣжую могилу. Послѣ этого зажигаютъ костеръ, и мать кладетъ на могилу раковину съ нѣсколькими каплями собственнаго молока, чтобы ребенокъ могъ утолять свою жажду. Минкопи вѣрятъ, что одно изъ двухъ началъ жизни продолжаетъ нѣкоторое время обитать въ трупѣ. Чтобы не спугнуть этого духа, вся община покидаетъ свой лагерь, окруживъ хижину или даже всю деревню гирляндой розъ (ара); эта гирлянда даетъ знать каждому прохожему, что смерть унесла одного изъ жителей деревни, и что онъ долженъ удалиться. Во все время

траура деревня остается необитаемой. По прошествіи, приблизительно, трехъ мѣсяцевъ населеніе возвращается, гирианду убираютъ, а тѣло выкапываютъ. Отецъ собираетъ кости, старательно очищаетъ ихъ и разбиваетъ на кусочки, изъ которыхъ дѣлаются ожерелья.

Черепъ тщательно окрашивается въ желтый цвѣтъ и покрывается сѣткой изъ маленькихъ раковинокъ; это украшеніе мать надѣваетъ на шею, повѣсивъ на веревочку. Черезъ нѣсколько дней реликвія эта переходитъ къ отцу. Изъ остальныхъ костей изготовляются ожерелья, которые родители раздаютъ друзьямъ на память. Въ то же время всѣ сбрасываютъ глиняную оболочку, которую до этого времени носятъ въ знакъ траура, и начинаютъ носить обыкновенныя украшения и окрашивать свое тѣло въ обычный цвѣтъ. Но на этомъ еще не кончаются всѣ церемоніи. Въ извѣстный день друзья семьи собираются вскругъ хижины. Отецъ, обнявъ своихъ остальныхъ дѣтей, поетъ нѣсколько старыхъ пѣсенъ, припѣвъ которыхъ подхватывается женщинами, между тѣмъ, какъ всѣ присутствующіе громкимъ плачемъ изъясляютъ ему свое сочувствіе. Затѣмъ, исполнивъ пляску слезъ, родители удаляются въ хижину, а танцы продолжаются еще нѣсколько часовъ. Смерть взрослого сопровождается почти такими же церемоніями. На могилѣ или подъ платформой раскладываютъ огонь; наполненную водой раковину кораблика и другіе предметы кладутъ тутъ же на могилу. Деревню также покидаютъ и окружаютъ ее ага. Въ извѣстное время кости очищаютъ и распределяютъ на колья. Черепа, сохраняемые въ селеніяхъ, поочередно носятъ всѣ члены общины (Катрфажъ).

* * *

У негровъ португальскаго Конго похороны сопровождаются весельемъ. Какъ только кто-нибудь умираетъ, родныя, друзья и знакомые покойнаго собираются, играютъ на барабанахъ, танцуютъ, поютъ; соответственно имущественному положенію семьи умершаго, оргіи продолжаются болѣе или менѣе долго. Величайшей гордостью большинства негровъ Анголы являются пышныя похороны. Если ихъ просить продать какое-нибудь домашнее животное, то они, обыкновенно, отвѣчаютъ: «Это невозможно, мы его сохраняемъ на случай, если умретъ кто-нибудь изъ нашихъ друзей». Въ день похоронъ закалываютъ свинью, голову которой бросаютъ въ ближнюю рѣку. Если при этомъ вы встрѣтите пьянаго человѣка, что случается нерѣдко, и упрекнете его при этомъ, то онъ вамъ отвѣтитъ: «Но вѣдь моя мать умерла», съ такимъ видомъ, который показываетъ, что это извиненіе кажется ему достаточнымъ. Расходы на похороны столь велики, что часто проходятъ нѣсколько лѣтъ, пока семья соберется съ силами покрыть ихъ. (Ливингстонъ).

Внутри страны погребальныя обычаи нѣсколько иные: громкими, душераздирающими криками дикари стараются изгнать злыхъ духовъ, которые причинили смерть. Мѣсто погребенія, обыкновенно, избираемое на перекресткѣ двухъ дорогъ, окружаютъ молочайникомъ и набрасываютъ сосуды, разбитыя трубки, луки, стрѣлы и пр., вѣроятно, на тотъ случай, если бы мертвецу все это понадобилось.

* * *

Когда умираетъ дикарь въ южной части Замбези, всю ночь бьютъ въ барабанъ; вѣроятно, съ цѣлью изгнать злыхъ духовъ, витающихъ вокругъ покойника.

Если умерший был вождемъ, то судъ и расправа прекращаются, пока не изберутъ новаго. Поэтому въ теченіе этого срока случаи воровства возрастаютъ: воры убѣждены въ своей безнаказанности.

* * *

Макуа въ знакъ траура носятъ на лбу и рукахъ бѣлые полотняные браслеты изъ пальмовыхъ листьевъ.

Они не считаютъ, что смерть—естественный феноменъ; по ихъ мнѣнію, въ смерти виновенъ злой волшебникъ; родные обращаются къ прорицателю съ просьбой указать его. Прорицатель выполняетъ свою роль очень оригинальнымъ образомъ: онъ идетъ за первой собакой или курицей, которую встрѣчаетъ; тотъ домъ, гдѣ эти животныя останавливаются, считается жилищемъ колдуна. Тогда несчастнаго хозяина этой хижины подвергаютъ испытанію ядомъ, котораго онъ, разумѣется, не переживаетъ. Родные чувствуютъ себя удовлетворенными, тѣмъ болѣе, что среди мукъ колдунъ, обыкновенно, сознается въ своей винѣ.

* * *

Кафры не чтятъ умершихъ и не вѣрятъ въ безмертіе душъ. Если кто-нибудь изъ нихъ умираетъ, они привязываютъ его веревками и вытаскиваютъ далеко за лагерь; трупъ, обыкновенно, пожираютъ гіены.

* * *

Хевсуры, которые населяютъ нѣкоторыя мѣстности Кавказа, не ждутъ, чтобы умирающій скончался и выбрасываютъ его изъ жилища, которое бы онъ въ противномъ случаѣ осквернилъ. Трупъ опускаютъ на голую землю у дверей, одѣваютъ въ лучшія одежды и кладутъ рядомъ съ нимъ его оружіе. Въ теченіе трехъ дней друзья плачутъ подъ предводительствомъ женщинъ, которыя за это получаютъ по плоскому хлѣбу, по два фунта масла или сыру и по два фунта соли. На кладбище мертвеца уносятъ только на четвертый день: всѣ богатая украшенія снимаютъ и замѣняютъ ихъ кускомъ хлѣба съ масломъ, дикими яблоками, орѣхами, гребнемъ и зеркаломъ. Во время самой церемоніи есть обычай обращаться съ глубоко прочувствованной рѣчью къ лошади покойнаго, которую считаютъ лучшимъ его другомъ. Въ заключеніе происходитъ поминальное пиршество, во время котораго каждый получаетъ по маленькому кусочку телячьей печени.

* * *

Остатки чтутъ умершихъ... подъ видомъ куколъ.

Трупъ укладываютъ въ маленькомъ деревянномъ строеніи, имѣющемъ видъ юрты. Подъ крышей находится сшитая изъ березовой коры полоса, подобная той, которую можно встрѣтить въ чумахъ, а на полу раскладываютъ дерево въ видѣ распиленной пополамъ лодки. Завернутый въ полотно трупъ прикрытъ кожаными одеждами; рядомъ съ покойникомъ раскладываютъ разные предметы: поясъ и ножикъ, трубку, кисеть, коньки и металлическія пуговицы. Сомѣ видѣлъ могилу одной женщины; тамъ была найдена деревянная статуэтка, вѣроятно, шанго, т. е. изображеніе ея покойнаго мужа и боченокъ, содержащій самыя цѣнныя вещи покойной: стеклянныя издѣлія. Въ другой могилѣ нашли палку, которая, по словамъ туземцевъ, была знакомъ достоинства шамана (священника).

Тамъ же найдены лукъ, сѣти, трубка. Почти во всякой могилѣ есть весло. Последнія имѣютъ разнообразныя формы, судя по тому, кто похороненъ: мужчина или женщина; такимъ образомъ, можно сразу опредѣлить полъ усопшаго. Среди наивныхъ вѣрованій остиаковъ культъ мертвыхъ занимаетъ видное мѣсто. Ежегодно въ день смерти на могилѣ совершается поминальная трапеза, а послѣ смерти каждаго члена семьи изъ дерева вырѣзаютъ статуэтку, которая пользуется такимъ, же уходомъ, какъ и живой человѣкъ. Это изображеніе—грубая кукла вышиною отъ 20 до 30 сантиметровъ, одѣтая въ платіе. Шанго ставится въ жилищѣ на кусокъ мѣха, близъ огня. Когда семья обѣдаетъ, женщина ставитъ передъ нимъ пищу; по утрамъ его одѣваютъ; вечеромъ заботливо укутываютъ шкурами.

* *

Индусы, которые считают смерть простымъ измѣненіемъ формы жизни, отправляются на похороны, какъ на прогулку, не выказывая ни малѣйшаго огорченія.

Прибывъ къ мѣсту погребенія, одни начинаютъ рубить лѣсъ, другіе раскладываютъ костеръ; третьи играютъ на своихъ инструментахъ или, смѣясь, поютъ погребальныя пѣснь. Среди этого шума и отвратительнаго дыма дѣти спокойно играютъ, закидывая въ море кости и черепа, оставшіеся отъ прошлыхъ погребеній. Когда костеръ сложенъ, родные укладываютъ на него тѣло, которое цѣликомъ покрываютъ дровами. Затѣмъ старшій сынъ или ближайшій родственникъ покойнаго приближается къ костру, ударяя себя въ грудь и испуская жалобный крикъ; онъ беретъ факелъ и поджигаетъ костеръ съ четырехъ концовъ; пламя разростается очень быстро, между тѣмъ, какъ всѣ присутствующіе подливаютъ въ него масла. Скоро тѣло представляется какой-то горячей массой; при этомъ, если умершій былъ браминъ, то сынъ его разбиваетъ ему черепъ однимъ ударомъ желѣзной палицы, чтобы душа могла выйти изъ тѣла. Исполнивъ этотъ послѣдній долгъ, онъ возвращается къ друзьямъ, сидящимъ на краю окружающей кладбище стѣны; здѣсь идетъ спокойный разговоръ о текущихъ дѣлахъ. Когда отъ костра остается одинъ пепелъ, это мѣсто поливаютъ водой, а обугленные останки бросаютъ въ какой-нибудь уголъ или даже прямо въ море.

* *

Погребеніе у тодосовъ сопровождается странными обрядами.

На другой день послѣ смерти трупъ переносятъ на кладбище въ сопровожденіи небольшого стада буйволовъ, принадлежавшихъ покойнику. Тамъ уже вырыта могила; по прибытіи къ мѣсту, присутствующіе берутъ немного земли и трижды бросаютъ ея въ буйволовъ. Затѣмъ кладутъ тѣло, лицомъ внизъ, на костеръ, сложенный изъ дерева семи опредѣленныхъ породъ.

Послѣ того его зажигаютъ священнымъ огнемъ, добытымъ посредствомъ тренія. Прежде чѣмъ огонь успѣетъ охватить тѣло, съ головы срѣзаютъ прядь волосъ. Присутствующіе кричатъ мертвецу: «Мы убьемъ для тебя буйволовъ; пусть тамъ, куда ты идешь, у тебя будетъ молоко для питья и чтобы загладить всѣ твои грѣхи!» Въ ту же минуту убиваютъ одного или двухъ буйволовъ; въ то время, какъ животное падаетъ, его окружаютъ женщины и дѣти, осыпая поцѣлуями и ласками; затѣмъ всѣ присутствующіе садятся на корточки по двое другъ про-

тивъ друга и громко плачутъ, пока тѣло не предано окончательно погребенію. Остатки черепа выстѣ съ обрѣзанной прядью волосъ заворачиваются въ особое полотнище, гдѣ все это хранится до такъ называемаго bara keda. Золото, серебро и драгоценности покойнаго выгребаютъ изъ пепла.

Кости туловища и все цѣнное опускаютъ въ могилу, которую затѣмъ зарываютъ и, поливъ водой, прикрываютъ камнемъ. Глиняный кувшинъ, которымъ пользовались для поливки, разбиваютъ. Имя покойнаго никогда больше не произносится съ момента погребенія, даже если говорить о немъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ похоронъ наступаетъ bara keda, которая длится нѣсколько дней. Иногда двѣ или даже больше семей собираются, чтобы отпраздновать эту церемонію болѣе блестяще.

Всѣ сосѣднія общины приглашаются присутствовать. На утро перваго дня, до прибытія гостей каждая семья сжигаетъ въ домашнемъ кругу всѣ вещи, принадлежавшія покойному: платье, лодку, ведро изъ-подъ молока и т. д. Затѣмъ до вечера происходятъ медленные и спокойные танцы, сопровождаемые больше крикомъ, чѣмъ пѣньемъ. Второй день представляетъ взорамъ наблюдателя еще болѣе странныя картины.

Въ огороженное мѣсто загоняютъ стадо буйволовъ, рога и шерсть которыхъ предварительно старательно вычищены. На ограду вышиной въ 2 метра устремляется шумная толпа въ праздничныхъ одеждахъ. Раздраженные этимъ неприличнымъ зрѣлищемъ, буйволы кидаются на стѣну; ихъ отгоняютъ ударами палокъ. Когда ихъ раздраженіе доходитъ до бѣшенства, шестеро молодыхъ людей прыгиваютъ со стѣны, вооружившись палицами изъ священнаго дерева; они осыпаютъ ударами тѣхъ самыхъ животныхъ, за которыми, обыкновенно, такъ заботливо ухаживаютъ. Затѣмъ они разомъ схватываютъ намѣченное животное за рога, морду и хвостъ, валятъ на землю и навязываютъ ему на шею маленький колокольчикъ. То же самое продѣлываютъ со всѣми буйволами. Въ продолженіе этой опасной и нерѣдко кровавой борьбы верховный жрецъ раскладываетъ при входѣ на арену черепъ и прядь волосъ, оставшіеся послѣ первыхъ похоронъ. Затѣмъ онъ бросаетъ въ буйволовъ двѣ-три горсти земли; и животныхъ по очереди тащутъ къ смертнымъ останкамъ, гдѣ ихъ поражаетъ топоръ жреца. Но, разумеется, убитое животное снова служитъ предметомъ общаго вниманія.

Въ концѣ концовъ, смертныя останки покойнаго сжигаются въ особо огороженномъ мѣстѣ, а пепель закапываютъ и прикрываютъ широкимъ камнемъ.

* * *

У Айно погребеніе вождя совершается только черезъ годъ послѣ смерти. За это же время изъ него вынимаютъ всѣ внутренности, а дочь или вдова ежедневно омываютъ тѣло консервирующими жидкостями. Если послѣднее ко времени погребенія сохранится хорошо, то ихъ всѣ поздравляютъ; если же нѣтъ, ихъ предають смерти.

* * *

Въ Камбоджѣ мертвыхъ нѣкоторое время оставляютъ лежать, примѣняя различныя соли, задерживающія разложеніе; затѣмъ ихъ сжигаютъ съ большой торжественностью. Предварительно въ ротъ покойника кладутъ трехфранковую

монету, предназначенную для служителя молельни, при которой совершается сожжение. Пепель собираютъ и отвозятъ на кладбище; проходя мимо молельнъ провозжающіе бросаютъ лимоны, начиненные мелкой монетой.

* *

Въ Камчаткѣ мертвыхъ такъ боятся, что никто не рѣшается пользоваться вещами покойнаго или жить въ домѣ, гдѣ жилъ онъ. Тѣло прямо бросаютъ на порогъ дома, чтобы злые духи могли выйти и не беспокоили живыхъ. Кромѣ того, какъ это и бываетъ въ дѣйствительности, родные надѣются, что трупъ будетъ съѣденъ собаками, а, по ихъ вѣрованіямъ, у того, кто съѣденъ этими животными, на томъ свѣтѣ будутъ чудесныя собаки.

Аналогичный обычай царить на Тибетѣ. Самое пышное погребеніе состоитъ въ томъ, что трупъ рѣжутъ на куски и отдаютъ собакамъ. Вѣдниковъ съѣдаютъ собаки предмѣстій; богатые же имѣютъ честь быть съѣденными священными собаками, которыхъ для этой цѣли выращиваютъ въ особыхъ монастыряхъ.

* *

У самоѣдовъ похороны также не отличаются весельемъ.

Когда умираетъ самоѣдъ, на него одѣваютъ множество одеждъ, а на голову котель, въ которомъ послѣ разложенія тѣла, должна жить душа. Затѣмъ трупъ старательно заворачиваютъ и зашиваютъ въ оленью шкуру. Послѣ этого мертвеца вытаскиваютъ за голову изъ чума черезъ особое отверстіе. Самоѣды твердо вѣрятъ, что если трупъ вынести въ дверь, то за нимъ послѣдуетъ скоро и другой. Мертвеца переносятъ на холмъ, гдѣ выкапываютъ неглубокую могилу. Опустивъ въ нее тѣло, его забрасываютъ: зимой — снѣгомъ, лѣтомъ — вѣтвями, мхомъ и землей. Иногда, вмѣсто могилы, строятъ легкій шалашъ изъ хвороста и вѣтвей. Но, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, рядомъ съ мертвецомъ кладутъ топоръ, ножъ, ложку и чашку. Затѣмъ прорицатель обращается къ покойному, убѣждая его не беспокоить тѣхъ, кого онъ оставляетъ на землѣ и предоставить своимъ роднымъ тѣ мѣстности, гдѣ онъ такъ удачно охотился. Церемонія кончается принесеніемъ въ жертву оленей, которые везли тѣло къ мѣсту погребенія; ихъ оставляютъ на могилѣ вмѣстѣ со сброей. Еще одного оленя убиваютъ для поминальнаго обѣда, въ которомъ мужъ или жена покойника не имѣютъ права принимать участія, не омывшись и не надушившись мускусомъ. Когда самоѣдъ проходитъ мимо могилы своего родственника, онъ долженъ принести въ жертву оленя и съѣсть его вмѣстѣ со своими спутниками въ память покойнаго; голову животного насаживаютъ на коль, воткнутый въ землю рядомъ съ могилой. Въ знакъ траура мужчины не подвязываютъ своихъ мѣховыхъ сапогъ и не надѣваютъ пояса, а женщины распускаютъ косы. (Вернѣ).

* *

Обычай сожиганія мертвыхъ развитъ и у калмыковъ.

Но къ нему прибѣгаютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда покойникъ лицо высокопоставленное, напримѣръ, лама. Для этой цѣли устраиваютъ особую палатку, посреди которой ставятъ печь. Тѣло ламы переносится сюда съ большой торжественностью; въ палатку собираются всѣ жрецы. Лама, преемникъ покойнаго,

сжигаетъ масляныя статуэтки и бросаетъ масло въ печь, тогда какъ жрецы все время подбрасываютъ въ огонь дрова. Когда обрядъ сожженія конченъ, пепелъ собираютъ и смѣшиваютъ съ известью, изъ которой воздвигается памятникъ— что-то вроде капеллы—по калмыцки—тца-тца. Капелла эта имѣетъ, обыкновенно, четырехугольную форму и ставится на земляной цоколь. Съ одной стороны памятника есть входъ, черезъ который приносятся дары буркь-ханамъ, изображенія которыхъ помѣщены внутри; передъ нимъ возможно дольше стараются поддерживать огонь въ фонарѣ. Памятникъ окружаютъ длинные шесты, украшенные бумажками и ленточками; по стѣнамъ также развѣшены бумажки и ленты, на которыхъ начертаны тибетскія молитвы. При малѣйшемъ вѣтрѣ всѣ эти ленты и бумажки просятъ буркь-хановъ, чтобы душа покойнаго была счастлива при своихъ переселеніяхъ. Даже, если калмыкъ умираетъ въ пустынь, то около тѣла его воздвигаютъ хотя бы одинъ шестъ съ священными лентами. Иногда надъ прахомъ князей и благородныхъ ставятъ войлочные шатры или шалаши изъ вѣтокъ.

Если у мертвеца ротъ открытъ, его не закрываютъ, а вкладываютъ въ него изображеніе отчира (священный предметъ, употребляемый при богослуженіи); если глаза открыты, ихъ прикрываютъ кусочками чернаго шелка; если у покойника руки лежатъ ладонями вверхъ, то это дурной знакъ: онъ какъ бы зоветъ близкихъ последовать за нимъ на тотъ свѣтъ. (Деникеръ).

Когда умираетъ калмыкъ-плебей, то родные обращаются къ жрецу, который справляется, въ какомъ году родился покойный; въ году тигра, лошади или дракона и подъ элементомъ воды, огня, земли, желѣза и т. д. Судя по этому, тѣло оставляютъ на открытомъ воздухѣ, закапываютъ въ землю, бросаютъ въ воду, подъ деревья, подъ камни или сжигаютъ. Случается, что ограничиваются тѣмъ, что на грудь бросаютъ только нѣсколько горстей земли, нѣсколько вѣтокъ, нѣсколько камешковъ, немного воды—это напитокъ рѣдкій въ степяхъ—или нѣсколько горстей горящихъ листьевъ.

* * *

Обычай сожженія мертвыхъ мы встрѣчаемъ и у гилаковъ, въ долину Нижняго Амура; у нихъ онъ сопровождается любопытными обрядностями.

Когда заболѣваетъ гилакъ, то въ серьезныхъ случаяхъ призываютъ шамана. Послѣдній начинаетъ вертѣться на мѣстѣ, играя на барабанѣ; при этомъ онъ дѣлаетъ заклинанія, заставляетъ больного прыгать черезъ огонь, что ничуть не мѣшаетъ ему умереть. Трупъ сжигаютъ въ присутствіи родныхъ и друзей безъ особыхъ церемоній. Платье его, трубку и оружіе хоронятъ въ маленькой хижинѣ, куда относятъ и пепелъ. На мѣстѣ похоронъ убиваютъ и сѣдятъ любимую собаку покойнаго. Въ знакъ траура женщины распускаютъ волосы, а мужчины ихъ коротко обрѣзаютъ. Но о покойникѣ не забываютъ послѣ похоронъ: отъ времени до времени его семья собирается около погребальной хижины, чтобы предаться пиршеству и пѣнію гимновъ въ честь покойнаго. Послѣдній также получаетъ свою долю: черезъ маленькое, имѣющееся въ стѣнѣ хижины, отверстіе ему передаютъ горсти проса и набитыя трубки (Вериз).

И если бы это не было немного комично, то было бы почти трогательно.

* * *

Погребальные обычаи сакалавовъ очень оригинальны или, по крайней мѣрѣ, были оригинальны, такъ какъ теперь они измѣнились. Если умираетъ знатный вельможа, то тѣло его зашиваютъ въ бычачью кожу и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ держать въ палаткѣ, гдѣ день и ночь курятъ ладономъ и только по прошествіи этого срока его уносятъ на кладбище.

Если усопшій былъ вождемъ племени, то ранѣе погребенія изъ него вынимаютъ реликвию или джини, т. е. одинъ изъ шейныхъ позвонковъ, прядь волосъ или ноготь; эта реликвия, положенная въ углубленіе зуба крокодила, хранится преемникомъ вождя вмѣстѣ со всѣми остальными реликвіями въ особомъ домѣ, который считается священнымъ. Зубъ крокодила, предназначенный для джини, долженъ быть вытасченъ у живого животного; крокодилъ долженъ быть крупный; его хорошо перевязываютъ толстыми веревками; затѣмъ въ ротъ всовываютъ горящую палку и черезъ четверть часа зубъ можно удалить съ легкостью. Послѣ этого животное отпускаютъ на волю (Грандидье). Если дѣло идетъ о простомъ смертномъ, то трупъ кладутъ на эстраду высотой въ два метра; голова его при этомъ должна быть обращена на востокъ, а подъ ногами поддерживаютъ огонь. Затѣмъ его зарываютъ въ дуплѣ дерева. Домъ покойнаго покидаютъ, и никто не имѣетъ права въ него входить.

* * *

Гавасы, обитающіе также на Мадагаскарѣ, совсѣмъ особенная раса. Ихъ погребальные обряды, какъ мы увидимъ ниже, также представляютъ много оригинальнаго.

Вотъ какъ происходить у нихъ похороны:

У нихъ есть огромныя подземныя комнаты, расположенныя отъ востока къ западу; полъ ихъ вымощенъ, стѣны обложены каменными плитами; сверху они прикрываются огромными камнями; входъ въ нихъ продѣланъ въ западной стѣнѣ. Трупы, завернутые въ пелены, располагаются вокругъ всей комнаты, одни на полу, другіе на камняхъ; трупъ главы семьи и его жены располагается около восточной стѣны, противъ входа; трупы потомства около сѣверной и южной стѣны. Надъ этимъ погребомъ, всегда нѣсколько выдающимся надъ поверхностью земли, устраивается четырехъугольный памятникъ изъ камня, внутри наполненный землей, а сверху прикрытый кускомъ кварца, который часто доставляется издалека. Постройка могилы для гаваса очень важный актъ. Всѣ родственники, друзья и рабы помогаютъ ему въ ней, оставляя всѣ прочія занятія. Да это и не легкое занятіе притащить издалека пять громадныхъ каменныхъ плитъ, составляющихъ стѣны могилы; эти работы служатъ поводомъ къ празднествамъ и веселію; они обходятся крайне дорого: въ теченіе ихъ убиваютъ нѣсколькихъ быковъ. Могилы гавасовъ привлекаютъ, обыкновенно, общее вниманіе; иногда ихъ даже располагаютъ передъ домомъ главы семьи.

Гавасы не оставляютъ мертвецовъ въ домѣ такъ долго, какъ прочіе малайцы; въ гробы они ихъ, обыкновенно, не укладываютъ, но заворачиваютъ въ коричнево-красныя пелены и на носилкахъ уносятъ къ могилѣ. Прежде вокругъ могилы разбрасывали еще черепа быковъ, убитыхъ по случаю похоронъ; въ настоящее время этотъ обычай уже оставленъ. По возвращеніи съ похоронъ, родные

совершают омовеніе и очищают свои одежды, опуская полы платья въ воду, на которую призвано благословеніе. Въ концѣ пиршества, которымъ заканчивается погребальная церемонія, присутствующихъ окропляютъ той же священной водой. Трауръ носятъ довольно строгій. Ближайшіе родные оставляютъ свои волосы развѣваться въ безпорядкѣ; женщины не носятъ ни кофты, ни юбокъ, а заворачиваются въ пелены; мужчины ходятъ безъ шляпъ и отпускаютъ бороду; мыться можно только кончиками пальцевъ, а одежды должны быть грязныя; танцы и пѣніе воспрещаются. По окончаніи траура, родные устраиваютъ пиршество, во время котораго происходитъ очистительное окропленіе священной водой. Отъ времени до времени семьи гавасовъ отправляются въ фамилныя усыпальницы, чтобы перевернуть своихъ мертвецовъ на другой бокъ, такъ какъ однообразное положеніе должно ихъ утомлять. Это происходитъ, обыкновенно, черезъ годъ послѣ смерти одного изъ членовъ семьи, и даетъ поводъ къ веселому празднеству, на которое собираются всѣ родственники; одѣтые въ лучшія одежды, съ музыкой впереди, они отправляются на могилу навѣстить своихъ усопшихъ, которыхъ переворачиваютъ и одѣваютъ въ новыя пелены.

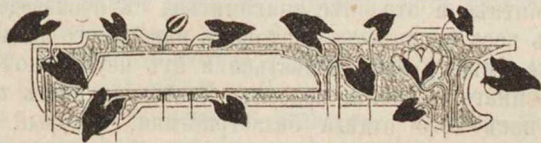
У южныхъ гавасовъ обычаи нѣсколько иные.

* * *

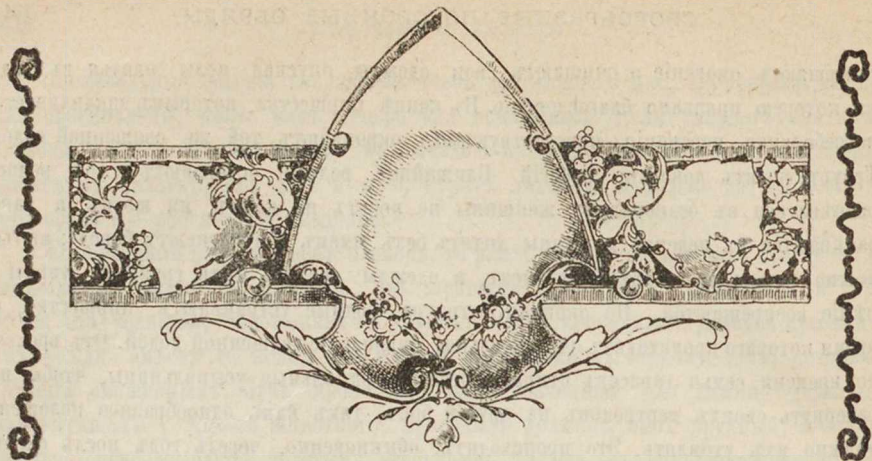
Во многихъ странахъ смерть мужа влечетъ за собой для вдовы или вдовца печальныя послѣдствія. Многія племена, фигійцы, напримѣръ, имѣютъ обычай убивать ихъ. Другія смотрятъ на нихъ, какъ на отверженныхъ.

Такъ, у индусовъ женщина, потерявшая супруга, возвращается къ своимъ роднымъ, гдѣ съ нея совлекаютъ одежды и, подвѣсивъ за ноги, бьютъ голову; затѣмъ ей даютъ самое грубое платье и принуждаютъ къ тяжелой работѣ; съ этого времени она не имѣетъ больше права носить шелка, золота и серебра; она не смѣетъ больше ѣсть съ друзьями; она дѣлается общей рабой, служанкой; выходитъ вторично замужъ воспрещается, и тотъ, кто вздумалъ бы выразить желаніе вступить въ бракъ со вдовой, исключается изъ касты, что равносильно гражданской смерти. Въ прежнее время вдова могла избѣжать этого мучительнаго существованія, согласившись быть заживо сожженной вмѣстѣ съ трупомъ своего мужа, но англичане запретили подобный обычай (Руссела).

У нѣкоторыхъ народовъ женщину не убиваютъ, но отдаютъ брату покойнаго, который отнынѣ можетъ считать ее своей рабыней.

Ю. А. Веселовскій.

Литературные отголоски.

VI.

Драма изъ народной жизни: С. Т. Семеновъ, «Надежда Чигалдаева» (Преступники), драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, изданіе «Посредника». — Нищенство и мелодрама (А. Будишевъ, «Солнечные дни», романъ). — Новый изобрѣтатель духовнаго быта: С. Елеонскій, «Разказы». — Проблески симпатичнаго дарованія: О. Ольнемъ, «Очерки и разказы».

Народную жизнь, крестьянскій бытъ у насъ изображали и изображаютъ очень часто въ повѣстяхъ, разказахъ и пьесахъ, но нельзя сказать, чтобы всегда это выходило вполне удачно и произвело сильное впечатлѣніе... Въ иныхъ случаяхъ мы невольно чувствуемъ какую-то искусственность, дѣланность; мы не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что передъ нами не совсемъ точная, реальная картина народнаго быта, что авторъ повѣсти или драмы только старается поддѣлаться подъ народную рѣчь и деревенскіе нравы, — быть можетъ, никогда не живаль даже подолгу въ деревнѣ и не входилъ въ болѣе тѣсное общеніе съ ея обитателями. Въ другихъ произведеніяхъ насъ непріятно поразитъ, съ другой стороны, явная склонность къ идеализаціи и подрисовкѣ, которая всегда вредитъ дѣлу и, естественно, внушаетъ намъ извѣстное недовѣріе, такъ какъ мы ищемъ чего-нибудь простаго, правдиваго, списаннаго съ натуры, хотимъ видѣть живыхъ людей съ извѣстными достоинствами и недостатками, не изверговъ или какихъ-то дикарей, — но и не ангеловъ или подвижниковъ добродѣтели, и вдругъ получаемъ нѣчто весьма приторное, отзываютсяеся патокой и явно тенденціознымъ освѣщеніемъ лицъ и фактовъ!

Тѣмъ пріятнѣе и отраднѣе знакомиться съ произведеніями, вышедшими изъ подъ пера истинныхъ знатоковъ народа, его психологіи и склада жизни, которые умѣютъ воздерживаться и отъ неумѣстной идеализаціи, и отъ преднамѣреннаго сгущенія красокъ. Извѣстная часть публики вообще не любитъ у насъ того отдѣла беллетристики, который всецѣло посвященъ изображенію деревни и ея нравовъ; но, быть можетъ, это предубѣжденіе нѣсколько ослабло бы, если бы чаще появлялись выдержанныя въ строгаго-реальномъ духѣ, написанныя съ видимымъ знаніемъ дѣла произве-

денія! Къ числу подобныхъ вещей принадлежать, несомнѣнно, рассказы, повѣсти и пьесы С. Т. Семенова, въ разное время изданныя фирмою «Посредвикъ». Наша читающая публика уже обратила вниманіе на такія произведенія С. Семенова, какъ «Дѣвичья погибель», «Дѣдушка Илья», «У пропасти» и т. д. Изъ-подъ его пера вышло также нѣсколько пьесъ изъ народной жизни, напр., «Деревенскіе герои» — или четыре драматическихкихъ произведенія, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ, «Для народнаго театра» («Женихъ-москвичъ», «Порченый», «Чужой каравай», «Раздоръ»). Если считать, въ принципѣ, особенно желательнымъ для народнаго театра репертуаръ, возсоздающій опять ту же самую жизнь, которую народъ и такъ видитъ ежедневно вокругъ себя, пьесы г-на Семенова могутъ занять въ этомъ репертуарѣ довольно замѣтное мѣсто.

О новѣйшей пьесѣ того же автора, «Надежда Чигалдаева» («Преступники») мнѣ хотѣлось бы сказать здѣсь нѣсколько словъ. Она заключаетъ въ себѣ, какъ и прежнія вещи С. Семенова, правдивую картину сельскаго быта, темныя явленія котораго авторъ изображаетъ такъ же ярко и реально, какъ и проблески чего-то лучшаго, болѣе чистаго, идеальнаго. Прекрасно переданы особенности народной рѣчи, свободной здѣсь отъ всякой примѣси дѣланыхъ, псевдо-народныхъ словъ. Можно только поставить въ вину автору, что онъ злоупотребляетъ, мѣстами, пословицами и поговорками; въ иныхъ случаяхъ рѣчь его героевъ, положительно испещрена ими, и это уже начинаетъ утомлять насъ. Въ пьесѣ есть нѣсколько очень эффектныхъ сценъ, особенно — во второмъ и третьемъ актѣ; послѣднее дѣйствіе интересно въ чисто идейномъ отношеніи и заключаетъ въ себѣ благодарный матеріалъ для исполнительницы главной роли, но съ точки зрѣнія сценичности уступаетъ другимъ. Нѣкоторыя сцены производятъ томительное удручающее впечатлѣніе, такъ какъ въ нихъ изображается пьянство, доводящее человѣка до утраты человѣческаго облика, поощряющее и вызывающее наружу жизненные, отталкивающіе инстинкты. По всей пьесѣ разбѣяно множество искусно подмѣченныхъ бытовыхъ чертъ; кое-гдѣ есть довольно благодарныя массовыя сцены, которыя должны усилить впечатлѣніе, производимое драмою, если она будетъ поставлена въ какомъ-нибудь театрѣ.

Личность самой Надежды, дочери стараго, вѣчно пьянаго, безпутнаго мужика Федосея, отличается нѣкоторыми весьма оригинальными чертами. Мы видимъ, что, не получивъ никакого особеннаго образованія, она, все же, по самому складу своей натуры, вкусовъ и міросозерцанія, — цѣлою головою выше окружающей среды! Она томится, видя постоянное пьянство, грубые нравы, эксплуатацію, отсутствіе человѣчныхъ отношеній между мужемъ и женою, заботу о наживѣ. Она задумывается надъ такими вопросами, которые мало кого интересуютъ вокругъ нея. Въ ея рѣчахъ отражается грустная, меланхолическая, склонная къ задумчивости и глубоко порядочная натура. Приведу, для примѣра, ея бесѣду съ одной со-сѣдкой, которая старается ее утѣшить послѣ смерти матери:

Сосѣдка. И со всѣми нами это будетъ. Вотъ живешь, двигаешься, а какъ помрешь, словно насъ и не было...

Надежда. Затѣмъ это только такъ устроено?

Сосѣдка. Какъ затѣмъ?

Надежда. Лучше бы ужъ не родиться... Я вотъ такъ задумаюсь, задумаюсь иной разъ: вотъ, живешь тутъ, мучаешься, терзаешься и вдругъ помрешь... Совсѣмъ помрешь, никогда не встанешь, ничего не увидишь, ниче-го не услышишь, будешь лежать въ сырой землѣ, черви тебя станутъ

ѣсть, а кругомъ будетъ все то же: народъ будетъ работать, вино пить, пѣсни, вотъ какъ теперь, играть... Зачѣмъ же, думаешь, тогда родится человѣкъ?

Сосѣдка (неувѣренно). Родится, чтобы жить...

Надежда. Зачѣмъ жить-то?

Сосѣдка (затрудняясь). Чтобы душу свою спасти.

Надежда. А мы спасаемъ?

Сосѣдка. Вотъ за то то намъ и говорить, что будемъ мы на томъ свѣтѣ горячія сковороды лизать.

Надежда. Кому же отъ этого какая радость?

Сосѣдка. Бѣсы возрадуются.

Надежда. Такъ что-жъ, мы на потѣху бѣсамъ зародились?

Сосѣдка (вздыхаетъ). Темные мы люди, не намъ объ этомъ разсуждать...

Надежда. Какъ же не разсуждать?

«Я не понимаю, какъ люди веселятся, — говоритъ Надежда въ другомъ случаѣ. — Со мной еще въ дѣвкахъ часто бывало. Нанадетъ такой стихъ, выйдешь съ подругами на улицу, онѣ сейчасъ въ кругъ, пѣсни поютъ во всю глотку, ото всей души, видно, сладко имъ отъ этого и весело; а я стою около ихъ, слушаю, и мнѣ плакать хочется. Не пойму я никакъ, какъ это онѣ могутъ пѣсни пѣть? Откуда это у нихъ берется это веселье, когда подъ бокомъ есть люди, которымъ бѣлый свѣтъ не милъ? Индо тошно тебѣ сдѣлается отъ этого и уйдешь отъ нихъ».

Въ личной жизни Надежда глубоко несчастна. Ея мужъ, Василій Чеголдаевъ, сынъ мѣстнаго старосты, не только не подходитъ къ ней по своему характеру и взглядамъ, но является для нея совершенно чуждымъ, какъ бы постороннимъ лицомъ, такъ какъ за десять лѣтъ совместной жизни онъ ни разу не заглянулъ въ ея душу, не принявъ въ ней участія, не поинтересовался узнать ея мысли и стремленія... Надежда въ одной сценѣ ставитъ ему это на видъ. Онъ старается отдѣлаться грубою фразой, заявляя, что, «если я съ тобою цѣловался мало, такъ эта музыка не про насъ. Мы — народъ простой, намъ не до того, чтобы каждый день по-собачьи лизаться».

«*Надежда*. Нешто я отъ тебя этого когда желала? Побойся Бога, не взводи напраслины. Мнѣ другого хотѣлось! Я желала, чтобы ты не чуждался меня, не сторонился. А ты какъ на меня глядѣлъ? Спросилъ ли ты меня когда, какъ, молъ, у тебя на сердцѣ? или сказалъ ли ты: а я вотъ думаю то-то и то-то?... Для тебя жена-то была вотъ какъ лошадь: куда нужно, запрягъ да потѣхаль, а какъ съѣздили — уздечку долой и изъ сердца вонъ... А мы вѣдь не во всемъ скотинѣ подобны. Мы, если разобратъ, больше вашего душой-то мучаемся. Вы, какъ-никакъ, вольная птица, а мы отъ младости до старости спутаны по рукамъ и по ногамъ, а что-то, какое ни на есть, а оно ноги третъ».

Героинѣ драмы приходится видѣть, какъ ея мужъ постепенно становится все болѣе алчнымъ къ деньгамъ, охлаждаетъ къ родному пепелищу и деревенской жизни, хочетъ непременно уйти въ Москву и основаться тамъ. На глазахъ у Надежды онъ спаиваетъ ея отца, Федосея, чтобы выманить у него постепенно накопленные имъ деньги и присвоить ихъ себѣ. Онъ пытается даже — конечно, безуспѣшно, — сдѣлать Надежду своею помощницею и союзницею, убѣдить ее — дѣйствовать съ нимъ за одно, вліяя на отца, искусственно пріучать его къ водкѣ!.. Въ изображеніи браматурга, Василія является вообще типомъ глубоко деморализованнаго оторвавагося отъ родной почвы мужика, у котораго нѣтъ никакихъ вѣ-

рований, убъждений, привязанностей, такъ какъ онъ заботится только о себѣ, и для достиженія своего благополучія считаетъ всѣ средства дозволенными... Мы чувствуемъ, что авторъ, видимо, хотѣлъ въ иныхъ сценахъ провести извѣстную тенденцію, протестовать противъ разрыва съ деревней и землей, торжества безпринципности и легкаго отношенія ко всѣмъ вопросамъ. Недаромъ онъ заставилъ столь несимпатичнаго для насъ Василя восклицать въ одномъ случаѣ: «На кой она намъ, шутъ, земля-то? Какая радость, подумаешь!—Мало она намъ всѣмъ шею-то терла!»

Въ третьемъ актѣ Василій, выведенный изъ терпѣнія безуспѣшностью своей ловкой, повидому, дипломатіи по отношенію къ старику Федосею, котораго ему все не удастся обобрать, въ пылу раздраженія убиваетъ его... Его приговариваютъ къ каторжнымъ работамъ, и въ послѣднемъ актѣ мы узнаемъ, что онъ уже отправился въ Сибирь и отъ него получено письмо. Надежда, не видѣвши никогда ничего хорошаго отъ этого человѣка, вначалѣ предается-было мечтамъ о личномъ счастьѣ, соглашается выслушивать убъжденія и ласковыя, полныя участія рѣчи того, кого она давно любила, — арендаторъ сосѣдняго имѣнія, Выкатцева, молодого человѣка, получившаго извѣстное образованіе и культурный лоскъ, но искренно увлеченнаго Надеждою. Она думаетъ даже выйти за него замужъ. Но письмо, полученное отъ Василя изъ Сибири и обрисовывающее его печальное безпомощное положеніе, мрачныя думы, угрызенія совѣсти, заставляютъ ее какъ бы переродиться; забывая все прошлое, она отказывается отъ надежды на личное счастье и отправляется въ Сибирь, чтобы облегчить Василю его страданія...

* * *

Въ деревенскую обстановку переноситъ насъ и новѣйшій романъ А. Будищева, „Солнечные дни“, напечатанный въ трехъ книгахъ „Вѣстника Европы“. Здѣсь, впрочемъ, передъ нами уже не крестьянская изба, не нравы сельскаго схода, не борьба различныхъ теченій и оттѣнковъ въ народной средѣ. Авторъ обращаетъ вниманіе не на деревню, а на усадьбу, изображаетъ помѣщичій бытъ, дѣлаетъ своимъ главнымъ героемъ крупнаго землевладѣльца, выводя наряду съ этимъ, и другихъ представителей провинціальнаго общества, какихъ можно найти въ захолустномъ уголкѣ, гдѣ, повидому, царить, въ общемъ, сонъ и отсутствіе умственныхъ интересовъ... Тѣмъ не менѣе, въ этомъ романѣ естественно обрисованы нѣкоторыя подробности деревенскаго пейзажа, упоминается о сельскихъ работахъ, спорахъ насчетъ земли и правъ на нее, столкновеніяхъ между помѣщиками и кулаками новѣйшей формаціи. Только центръ тяжести лежитъ не въ этомъ! На первомъ планѣ, съ одной стороны,—извѣстныя идейныя проблемы, съ другой—явно мелодраматическія детали, ближе къ концу приобретающія громадное значеніе и отодвигающія на задній планъ все остальное!

Романъ г-на Будищева, по своему построенію и общему характеру, является совершенно неоднороднымъ, въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, произведеніемъ. Послѣдняя его часть вполне подходитъ къ типу уголовно-сенсационнаго романа, въ духѣ произведеній французскихъ беллетристовъ извѣстнаго оттѣнка, которые иногда не лишены дарованія, но любятъ нагромождать всякаго рода ужасы, трагическія осложненія, раздирательныя детали, словно добываясь того, чтобы волосы у читателя стали дыбомъ... Всѣ заключительныя главы «Солнечныхъ дней», производятъ тоже впечатлѣніе тяжелаго кошмара и на слишкомъ впечатлительныхъ, нервныхъ лицъ могутъ подѣйствовать самымъ удручающимъ образомъ. Тутъ и мер-

твое тѣло, и угрызенія совѣсти, и адскія козни, и сумасшествіе и проклятія... Самый языкъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ эту пору явно отдаетъ мелодрамой добраго стараго времени!

Но, пока „Солнечные дни“ еще не смѣнились мрачными, тоскливыми и трагическими, романъ г-на Будищева представляетъ извѣстный интересъ, и о немъ можно сказать здѣсь нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что въ нашей журнальной беллетристикѣ за послѣдніе мѣсяцы вообще нѣтъ истинно крупныхъ, произведеній, на которыхъ стоило бы останавливаться особенно долго. Судя по первымъ главамъ „Солнечныхъ дней“, можно было думать, что основою романа будетъ противопоставленіе дѣловыхъ сильныхъ, рѣшительныхъ и неуклонно ведущихъ свою линію людей—слабымъ, изнемогающимъ въ борьбѣ за существованіе, лишеннымъ энергіи и настойчивости. За послѣднее время въ нашей беллетристикѣ неоднократно разрабатывалась подобная тема. Я напому вамъ хотя бы пьесу г-на Тимковского „Сильные и слабые“, гдѣ, быть можетъ, краски были уже слишкомъ сгущены, потому что, вмѣсто сильныхъ и слабыхъ людей, мы видѣли передъ собою скорѣе, здоровыхъ, упитанныхъ и, въ достаточной мѣрѣ эгоистичныхъ субъектовъ—съ одной стороны, и больныхъ, издерганныхъ и нѣсколько истрепанныхъ—съ другой. Фигуры русскихъ „нищешанцевъ“, искреннихъ, убѣжденныхъ или, наоборотъ, склонныхъ къ рисовкѣ и маскирующихъ громкими фразами свою некрасивую нравственную фizioномію, мелькали за послѣдніе годы въ произведеніяхъ разныхъ беллетристовъ, стремившихся уловить новыя теченія и вѣянія въ современной русской жизни,—съ П. Д. Бобрыкинымъ во главѣ. Мнѣ сейчасъ вспомнился романъ В. Свѣтлова „Семья Варавиныхъ“, напечатанный года два тому назадъ въ „Вѣстникѣ Европы“.

Тамъ тоже выведенъ былъ провинціальный администраторъ, энергичный, крутой и холодный въ обращеніи человѣкъ, который, принимая рѣшительныя мѣры, наводя на всѣхъ страхъ въ губерніи, оправдываетъ свои поступки ссылками на философію Ницше, мораль господъ, и въ одномъ случаѣ читаетъ своему брату слѣдующее наставленіе: «Сбрось съ себя эту ветхую кожу, стань выше всѣхъ этихъ мелочей жизни. Люди пошлы и тупы,—такъ пошлы, что имъ нельзя даже кинуть новой истины: они тотчасъ подхватятъ ее, какъ голодные псы—кусочъ мяса, истреплютъ его, обваляютъ въ грязи и опошлятъ... Брось всѣ эти красивыя фразы,—право, брось! Разорви цѣпи, которыя тебя опутываютъ! Смѣло стремись впередъ, какъ ураганъ, и, если нужно, если они мѣшаютъ тебѣ,—вали на своемъ пути старыя, подгнившія деревья и вырывай съ корнемъ слабые, нестойкіе побѣги. Въ концѣ-концовъ все, не имѣющее достаточныхъ данныхъ для жизни, погибнетъ, путь очистится, и на немъ останется нѣсколько сильныхъ людей, имѣющихъ право жить. И жизнь для нихъ сдѣлается счастьемъ“.

Любопытно, что сильные, полные энергіи и жизнеспособности герои иныхъ романовъ и пьесъ очень часто производятъ на насъ впечатлѣніе только очень сухихъ, черствыхъ и безсердечныхъ людей... Бываютъ случаи, когда тотъ или другой беллетристъ выбивается изъ силъ, чтобы его герой сталъ симпатичнымъ и близкимъ для насъ, хочетъ выставить его въ наилучшемъ свѣтѣ, сдѣлать изъ его разсужденій и поступковъ чуть-ли не примѣръ, достойный подражанія,—но что-то мѣшаетъ намъ признать подобное освѣщеніе справедливымъ и повѣрить автору на слово! Сила, стойкость, отсутствіе сентиментальности, желѣзная воля, готовность къ борьбѣ,—все это получаетъ характеръ грубости, самодовольства, эгоизма, черствости.

Въ иныхъ случаяхъ мы едва ли не склонны даже отдать предпочтеніе „слабымъ“, передъ „сильными“, потому что у первыхъ все же больше человѣчныхъ, мягкихъ, идеальныхъ влеченій, хотя бы и соединяющихся съ извѣстною дряблостью, издерганностью, даже истеріей! Или, можетъ быть, мы, простые смертные, еще не доросли до этой могучей силы и энергіи, которая все сокрушаетъ на своемъ пути и „вырываетъ съ корнемъ слабые, нестойкіе побѣги“?..

Главный герой „Солнечныхъ дней“, Загорѣловъ, принадлежитъ къ числу сильныхъ, закаленныхъ, ничего не боящихся людей, которые считаютъ, что эгоизмъ есть нѣчто вполне законное, естественное, неизбежное, что нужно только умѣть желать и требовать, что все способы борьбы допустимы и законны, разъ человѣкъ настойчиво идетъ къ намѣченной цѣли. Землевладѣлецъ, богатый и уважаемый помѣщикъ, онъ очень искусно обдѣлываетъ свои дѣла, придумываетъ всевозможныя махинаціи, увеличиваетъ постепенно свои владѣнія, ведетъ очень ловкую политику со своими сосѣдями, не прочь ихъ поприжать, разъ ему кажется, что и они склонны его обманывать или эксплуатировать. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего особенно новаго, интереснаго, потому что дѣланы и люди себѣ на умѣ существовали и раньше, проявляя во всей красѣ свои „приобрѣтательскіе“ инстинкты. Но дѣло въ томъ, что Загорѣловъ и подобныя ему лица стараются придумать для своего образа дѣйствія философское, идейное обоснованіе, силятся изобразить изъ себя носителей новаго, бодрого, жизнерадостнаго міровоззрѣнія. Посмотрите, какъ онъ разсуждаетъ, обращаясь къ своему конторщику и помощнику Жмуркину:

— «Да, Лазарь, не удивляйся, что у меня такой безумно счастливый видъ! Я, дѣйствительно, счастливъ! безъ мѣры счастливъ! пьянъ отъ счастья! И развѣ же это не счастье—принять вызовъ отъ судьбы, обречьшей тебя на самое жалкое прозябаніе, и крикнуть ей: посмотримъ? И схватиться съ ней, грудь съ грудью, и одолѣть ее! И одолѣть ее такъ, что у нея хрустнутъ все ребра. О, это—очень большое счастье! это все! вся суть и все цѣли бытія».

Немного ниже Загорѣловъ еще разъ формулируетъ свой взглядъ на законность отчаянной борьбы за существованіе, не особенно разборчивой по части средствъ, имѣющей цѣлью, прежде всего, побѣдить и унижить противника, воспользовавшись его слабостью или ошибками.

— «Весело на мельницѣ, весело и здѣсь, Лазарь! Слышишь, и здѣсь жизнь говорить намъ: «Живите, трудитесь, завоевывайте ваше счастье! А если оно не дается вамъ, ловите его, какъ умѣете, арканомъ, канканомъ, западнею. Я все разрѣшаю сильнымъ и умнымъ, и все запрещаю хилымъ, глупцамъ и разинямъ! Будьте же смѣлы! Съ зайцами, пожалуй, обращайтесь по-заячьи, но съ волками—по-волчьи!»

Подобныя восхваленія силы, настойчивости, мощнаго «хотѣнія». Загорѣловъ постоянно вставляетъ въ свои бесѣды съ Жмуркинымъ, который съ виду кажется намъ только очень почтительнымъ, безвольнымъ, не имѣющимъ своего собственнаго мнѣнія, субъектомъ. Между тѣмъ, въ умѣ этого скромнаго незамѣтнаго человѣка бродятъ иногда самыя неожиданныя, отнюдь не подобострастныя мысли. Принужденный молчать и выслушивать съ почитіемъ рѣчи того, отъ кого онъ зависитъ, онъ иногда предается честолюбивымъ и властолюбивымъ мечтамъ; взгляды Загорѣлова наводятъ его на много думъ; «я перерасту тебя головою, если захочу»,— вотъ, что иногда приходитъ ему въ голову. Онъ только откладываетъ до поры, до времени, осуществленіе своихъ замысловъ, точно собираясь съ

силами, но твердо увѣренъ, что, рано или поздно, на его улицѣ будетъ праздникъ, и тотъ, кто теперь его поучаетъ, самъ долженъ будетъ дрожать передъ нимъ. Если откинуть разницу лѣтъ, образованія, темперамента, все это нѣсколько напомнить намъ ситуацію, изображенную въ „Ворцахъ“ г. М. Чайковского, гдѣ также ничтожный, забытый и подобострастный съ виду человѣкъ, привыкшій „ниже тоненькой былиночки голову клонить“, мечтаетъ, подъ шумокъ, о той порѣ, когда ему придется стать свидѣтелемъ униженія и уладка его „благодѣтеля“.

Особенность романа г-на Будищева состоитъ въ томъ, что авторъ не хочетъ идеализировать Загорѣлова или выставять его разсужденія и теоріи какою-то незыблемою истиною, откровеніемъ, новымъ словомъ... Скорѣе можно предположить, что романъ написанъ съ цѣлью провести извѣстную тенденцію, показать, къ чему приводятъ на практикѣ теоріи доморощенныхъ нищешанцевъ и сторонниковъ морали господъ. Въ самомъ дѣлѣ, наслушавшись разсужденій своего хозяина, Жмуркинъ постепенно усваиваетъ ихъ, рѣшаетъ вступитъ съ нимъ въ борьбу, отбить у него любимую женщину и посмѣяться надъ нимъ. Заглушая въ себѣ голосъ жалости и привыкая смотрѣть на долгъ, нравственность, совѣтъ, какъ на что-то совершенно ничтожное, фиктивное, онъ доходитъ до преступленія, до убійства,—и получаютъ тѣ мелодраматическія, бьющія по нервамъ сцены, которыя заканчиваютъ собою этотъ roman à thèse, оставляя читателя подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ...

Прежде чѣмъ разстаться съ этимъ романомъ, мнѣ хотѣлось бы сказать еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицахъ, которыя въ своемъ родѣ не менѣе утомляютъ и удручаютъ читателя, чѣмъ всѣ эти ужасы послѣдней части. На меня, по крайней мѣрѣ, произвели самое удручающее впечатлѣніе мнимыя остроги и шуточные словечки такихъ субъектовъ, какъ поваръ Флегонтъ, тоже являющийся своего рода нищешанцемъ и сторонникомъ теоріи „Солнечныхъ дней“, или безшабашный неудачникъ и пьяница Спиридонъ Безутѣшный, который рекомендуется слѣдующимъ образомъ: „Свободный наблюдатель жизни... чиновникъ особыхъ приключеній при министерствѣ утаптыванія дорогъ... хладнокровный созерцатель человѣческихъ пакостей“: Онъ же является авторомъ невозможной остроты: „фестиваль—водку попиваль“... Что касается Флегонта, то о немъ мы узнаемъ вдругъ, что «все люди всегда казались ему похожими на кушанья; Загорѣловъ напоминалъ ему бифштексъ съ кровью, Анна Павловна—желе изъ красной смородины, Быстряковъ—бараній бокъ съ кашей, а Лазарь Жмуркинъ—макароны!» Это прямо ужасно! Между тѣмъ, въ романѣ г-на Будищева есть отдѣльныя мѣста и детали, которыя заслуживаютъ вниманія, могутъ дать поводъ для разговоровъ, толковъ, сравненій съ другими романами. Но подобное острословіе и, еще болѣе,—вкусъ къ уголовно-сенсационнымъ эффектамъ портятъ все дѣло!..

* *

Еще такъ недавно мнѣ пришлось бесѣдовать съ читателями относительно разсказовъ г-на Гусева-Оренбургскаго, лучшія вещи котораго посвящены характеристикѣ духовнаго быта, видимо, прекрасно ему знакомаго. Въ настоящее время вышелъ въ свѣтъ новый сборникъ разсказовъ, возсоздавшихъ опять тогъ же бытъ, ту же своеобразную, замкнутую среду. Авторомъ ихъ является г. С. Елеонскій, избранныя вещи котораго недавно изданы фирмою „Знаніе“, подъ стереотипнымъ, для всѣхъ одинаковымъ заглавіемъ „Разсказы“. Когда я прочитывалъ эту объемистую книжку, мнѣ

невольно пришло въ голову, что въ иныхъ случаяхъ отъ частаго повторенія извѣстныя картины, образы, ситуаціи не только утрачиваютъ интересъ новизны, но даже начинаютъ нѣсколько утомлять читателя. У г-на Гусева-Оренбургскаго мы видимъ такую яркую и разнообразную портретную галерею священниковъ, диаконовъ, благочинныхъ, дьячковъ, „духовныхъ дамъ“, семинаристовъ, что, когда другой беллетристъ снова посвящаетъ сотни страницъ характеристикъ той же самой среды,—посвящаетъ вполне самостоятельно, никому не подражая,—мы все никакъ не можемъ отдѣлаться отъ мысли, что передъ нами—повтореніе чего-то уже знакомаго, новая вариация на старую тему! И будетъ очень жаль, если инымъ это обстоятельство помѣшаетъ вполне объективно отнестись къ сборнику г-на Елеонскаго... Въ художественномъ отношеніи почти всё его вещи стоятъ, правда, не особенно высоко. Но вѣдь и у г-на Гусева-Оренбургскаго было, въ сущности, больше знанія извѣстной обстановки, душевной теплоты и честныхъ взглядовъ, чѣмъ непосредственнаго, сильнаго, захватывающаго таланта! Да и вообще,—развѣ намъ не приходится очень часто оцѣнивать беллетристическія произведенія только съ точки зрѣнія того, что хотѣлъ сказать авторъ, на какія житейскія явленія онъ стремится обратить наше вниманіе?..

Общій тонъ разсказовъ г. Елеонскаго—строго реалистическій, бытовой, свободный отъ подрисовки и сентиментальности. Скорѣе автора можно, при желаніи, упрекнуть въ томъ, что онъ впадаетъ въ противоположную крайность, видѣтъ во всемъ только одну прозаическую, будничную сторону, описывать особенно охотно такія явленія, въ которыхъ нельзя найти и слѣда чего-либо идеальнаго, возвышеннаго, далекаго отъ повседневной пошлости. Вспомните разсказы Гусева-Оренбургскаго: тамъ все же выступали, время отъ времени, наряду съ матеріалистами, людьми рутины, неисправимыми практиками, одинокіе мечтатели, идеалисты, искренно убѣжденные, религіозные, гуманно настроенные люди, которые, не гоняясь за богатыми приходами, соглашаясь выносить лишенія и невзгоды, старались работать на пользу народной массы, помогать ей совѣтами, утѣшеніемъ деньгами, заступничествомъ передъ людьми, властью имѣющими... Если имъ приходится, по большей части, терпѣть неудачи, выносить преслѣдованія, иногда даже лишаться мѣста подъ вліяніемъ интригъ, доносовъ или внушительнаго давленія, то все же ничто не можетъ сломить ихъ энергіи, заставить ихъ прекратить свою филантропическую дѣятельность, отказаться отъ роли борцовъ за правду и защитниковъ тѣхъ, кто страдаетъ и нуждается въ защитѣ.

Подобныхъ героевъ, влагающихъ всю душу въ свое дѣло, состоящихъ „на дѣйствительной службѣ“, одушевленныхъ самыми лучшими настрѣненіями, видящихъ въ христіанствѣ, прежде всего, религію любви, милосердія, братства, мы почти не встрѣчаемъ у г. Елеонскаго, или, по крайней мѣрѣ, они носятъ другой характеръ, не производятъ такого привлекательнаго, чарующаго впечатлѣнія. Любопытно, что на этотъ разъ болѣе симпатичные типы встрѣчаются среди старшаго поколѣнія священниковъ; это, конечно, не какіе-нибудь новаторы, апостолы, безстрашные проповѣдники,—но, по крайней мѣрѣ, это очень добросовѣстные, непритязательные, участливые, или, наоборотъ, весьма остроумные, наблюдательные, умудренные опытомъ люди, которые представляютъ гораздо болѣе интересъ, чѣмъ иныя духовныя лица новѣйшей формации, болѣе молодыя, бодрѣя, можетъ быть, даже образованныя, но за то обнаруживающія иногда утилитарные вкусы и слишкомъ ужъ практическій взглядъ на свое призваніе.

Таковъ, напримѣръ, старый, въ концѣ совѣтъ разслабленный священникъ, о. Тимофей,—въ разсказѣ „Грубіянъ“, — о которомъ надолго остается добрая память въ селѣ, такъ какъ онъ не занимался поборами, былъ добръ и ласковъ съ крестьянами, никому не дѣлалъ зла и велъ примѣрную, нравственную жизнь. Въ разсказѣ „Неизреченный свѣтъ“ (кстати сказать, страшно длинномъ и не имѣющемъ настоящаго плана, хотя и не лишенномъ интереса въ чисто бытовомъ отношеніи) производитъ впечатлѣніе та сцена, когда глубокой старикъ, о. Іоаннъ Амбразуровъ, накануне своего юбилея, медленно бродитъ по лѣсу и затѣмъ приходитъ на кладбище, предаваясь грустнымъ думамъ, вспоминая всю свою жизнь.

„Грустно стало о. Іоанну, и онъ вернулся изъ лѣсу. Направо между городомъ и лѣсомъ расположено было кладбище, обсаженное по оградѣ ветлами. „Милое это дерево—ветла“, думалъ онъ, „чисто русское, неприхотливое, растетъ всюду, и на болотѣ, и на пескѣ, гдѣ ни посади, и дольше всякаго другого носить на себѣ крѣпкую одежду, — съ ранней весны до глубокой осени она зелена“. На могилахъ погнувшіеся памятники, вывѣтрившіеся надписи, подгнившіе кресты говорили о полномъ исчезновеніи когда-то жившихъ людей,—имъ у живыхъ даже въ представленіи не осталось мѣста. Только въ кладбищенской церкви, въ поминаніяхъ, лежавшихъ на заканпанномъ воскомъ низенькомъ столикѣ, рядомъ съ кануницей остались ихъ имена,—пустые звуки. А вѣдь сколько жило, жило людей! Сколько именъ на крестахъ, и сколько имъ пожеланій, отъ которыхъ отрешиваются сами пожелавшіе!

«Покойся, милый прахъ, до будущаго вѣка,
Сія участь всякаго человѣка».

— Какъ бѣдна могильная поэзія! думалъ о. Іоаннъ, пробѣгая глазами знакомыя надписи и спѣша къ высокой березѣ, на краю обрыва, къ могилѣ своей жены, схороненной лѣтъ десять тому назадъ.

— Ну, старуха, скоро, видно, я къ тебѣ приду,—говорилъ вслухъ о. Іоаннъ. Большие ждать, нечего, завтра юбилей, послѣдняя честь,—что-то будетъ тамъ за гробомъ!“

Въ разсказѣ „На поповомъ дворѣ“ болѣе культурному, образованному, всегда тщательно одѣтому, причесанному, надушенному, щеголяющему умѣніемъ себя держать священнику новой формациі, который отличается даже извѣстною начитанностью, противопоставляется грубоватый, мало образованный, не обнаруживающій никакихъ особенныхъ запросовъ или апостольскаго рвенія, но зато близко стоящій къ народу, работающій вмѣстѣ съ нимъ, понимающій его нужды и горести. Авторъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что отъ о. Петра пахнетъ потомъ и дегтемъ, что онъ совершенно опростился, живя всю жизнь въ деревнѣ. Въ одномъ случаѣ онъ такъ передаетъ мысли своего героя, котораго обвиняютъ въ томъ, что онъ слишкомъ ушелъ въ заботы о сельскомъ хозяйствѣ, полевыхъ работахъ и т. п.:

„— Мой дѣдъ, отецъ мой, всѣ жили въ Мигаевѣ и были настоящими хозяевами, какимъ ужъ я не могу и быть. Такъ ужъ не мнѣ разрушить созданное мозолистыми руками вѣковое заведеніе почтенныхъ предковъ, съ которыми мнѣ не сравнять своихъ занятій. Да и что будетъ хорошаго, если отнимутъ у духовенства землю, или оно добровольно побросаетъ ее? Полная гибель, потеря внутренняго смысла цѣлаго сословія: будутъ попы-чиновники, можетъ быть, ученые, умные, образованные, и, вдобавокъ, чистенькіе элегантные форсуны, но совершенные невѣжды въ пониманіи мужика. Да развѣ, напримѣръ, благочинный нашъ можетъ

прочестъ молитву на полѣ о ниспосланіи дождя такъ, какъ я? А почему я въ это время плачу, почему всѣ мужики за мною рыдаютъ, когда я, стоя на колѣняхъ, задыхающимся отъ слезъ и страданія голосомъ взываю: „Даждь дождь земли жаждущей, Спасе!“ Почему? потому что я такъ же, какъ и они, дѣйствительно, всѣмъ существомъ своимъ жажду дождя, потому что и у меня поле сохнетъ отъ зноя. Они это знаютъ, чувствуютъ и видятъ, что слезы мои слезы нелицемѣрныя. Они не удивятся, если я не тороплюсь уйти отъ хлынушаго дождя, а съ истиннымъ наслажденіемъ отдаю свое одѣяніе небеснымъ ручьямъ, не закрываюсь зонтомъ, а съ радостью мокну до костей въ полѣ, и испытываю подъ мокрымъ полукафтаньемъ чувство неудержимаго восторга, вызывающаго новыя, но сладостныя слезы, замѣчая что сердце мое такъ же бьется, какъ въ груди у всякаго пахаря. И, будучи связанъ съ ними во всемъ, я трогаю ихъ молитвою объ избавленіи отъ голода и, молясь за прихожанъ, въ то же время молюсь и за себя, и за свою семью, которой нечего будетъ ѣсть, если мое словесное стадо начнетъ вымирать съ голоду,—мы ими живемъ, движемся и едимъ!“

Если точка зрѣнія о. Петра можетъ все же вызвать нѣкоторыя возраженія, то необыкновенно гнетущее, безотрадное впечатлѣніе производятъ сцены поборовъ или торга изъ-за какихъ-нибудь копеекъ, описанія ябеды, кляузъ, доносовъ, жалобъ въ консисторію—понападающіяся, время отъ времени, въ разсказахъ г. Елеонскаго, подобно тому, какъ онъ игралъ довольно большую роль и въ книгѣ г. Гусева-Оренбургскаго. Вся эта будничная, прозаическая, чисто матеріальная сторона дѣла весьма ярко отражается въ иныхъ разсказахъ, гдѣ не только скупые, жадные къ деньгамъ или придирчивые люди, но просто—трезвые практики, желающіе оставаться на чисто дѣловой почвѣ, настаиваютъ на строгомъ соблюденіи или же установленной таксы, не допуская никакихъ поблажекъ или исключеній. Любопытно, что у г. Елеонскаго къ числу формалистовъ, скопидомовъ и безучастныхъ эгоистовъ относятся, между прочимъ, нѣкоторые священники новаго поколѣнія, изъ молодыхъ, да ранніе,—вродѣ о. Григорія, выступающаго въ разсказѣ „Грубяня“, одномъ изъ лучшихъ, наиболѣе трогательныхъ, тепло написанныхъ, во всей книгѣ. Этотъ молодой пастырь, несомнѣнно, уступаетъ своему тѣстю и предшественнику, который умеръ дряхлымъ старикомъ, и выказываетъ себя съ очень непривлекательной стороны, когда ему приходится бесѣдовать и спорить со старухою-тещею, уца ее бережливости и умѣнію обирать крестьянъ.

„О. Григорій воспрянулъ духомъ и съ большею энергіей нажималъ мужиковъ. Доходъ у него стоялъ на первомъ планѣ, и онъ старался отыскать все новыя и новыя „источники“. На всякаго человѣка онъ смотрѣлъ, какъ по доходную статью, а важность своихъ шаговъ оцѣнивалъ по стоимости вознагражденія. Онъ и въ своемъ домѣ требовалъ работы, пользы, денегъ. Когда у тещи стали постепенно ушлывать ея собственныя сбереженія на затѣянную зятемъ починку сараевъ, о. Григорій сказалъ ей:

— Мамаша, вы еще въ силахъ...

— Ну, какія мои силы? пятьдесятъ пять лѣтъ...

— Однако, могли бы вы, напримѣръ... походить по огородамъ и попросить у бабъ по вилку капусты, ну, тамъ рѣдечки, морковки, и прочее въ этомъ родѣ... Въ другихъ мѣстахъ это дѣлается, и вдовицамъ это не постыдно.

— Куда ужъ мнѣ нагибаться надъ грядками, — спину ломить и безъ того...

— Ну, когда не это, такъ другое дѣло...

— Шерстью, что ли, собирать? Нѣтъ, этого порядка при покойникѣ не было, и я ни за что не пойду...

— Кромѣ шерсти, другое дѣло можно найти“.

Изъ дальнѣйшаго обнаруживается, что этотъ ловкій и алчный человекъ задумалъ сдѣлать свою тещу, вдову уважаемаго священника, просвирнею, лишивъ послѣдняго заработка тихую, скромную, болѣзненную, по-своему—мечтательную женщину, которую всѣ зовутъ Любашей, и которая долгіе годы занималась печеніемъ просфоръ. Когда теща отказывается исполнить это требованіе и вообще противится корыстолюбивымъ планамъ о. Григорія, послѣдній безъ церемоній удаляетъ ее изъ выстроеннаго на ея же средства дома и на прощаніе говоритъ съ ней грубо, дерзко, возвышаетъ голосъ, кричитъ на мужиковъ, пожелавшихъ проводить старую женщину.

Въ книгѣ г. Елеонскаго,—которая, какъ видите, представляетъ все же интересъ въ чисто бытовомъ отношеніи, какъ всѣ попытки обрисовать жизнь того или другого общественнаго класса, попадаются, наконецъ, мѣстами, и юмористическія страницы, такъ какъ въ каждомъ быту, наряду съ отрадными, свѣтлыми или, наоборотъ, мрачными, отталкивающими явленіями, можно найти и смѣшныя, каррикатурныя, гротескныя! Весьма забавенъ въ этомъ случаѣ разсказъ „Юбилей“, гдѣ описывается чествованіе діакона, прослужившаго сорокъ лѣтъ, но ничего особеннаго не сдѣлавшаго, ничѣмъ не замѣчательнаго, а только умѣвшаго ладить со всѣми. Чтобы покончить съ книгою г. Елеонскаго, я не могу не привести той „рѣчи“, которую церковный староста, изъ мѣстныхъ купцовъ, произноситъ во время обѣда, устроеннаго въ честь юбиляра:

„— Таперича и я скажу. Ну, діаконъ, мы тебя почитаемъ всѣмъ приходомъ. За что? я спрошу. А за то, что у тебя голосъ, такой голосъ, что лучше не надо. Этта, когда моя супружница Марья Тимоѣевна выходила за меня замужъ, а ты апостолъ ей равкнулъ „да боится своего мужа“, такъ она, бѣдная, тогда со страху на плечо ко мнѣ повалилась, а кабы не я, такъ бы и грохнулась безъ памяти на полъ. Про это я часто вспоминаю. Вовче у тебя голосъ такой... ну, одно слово, іерихонистый... А еще что скажемъ? Любимъ мы тебя. А за что?—опять спрошу. За твой характеръ. У тебя не характеръ, а золото, вотъ какой твой характеръ! Ни супротивства въ тебѣ, ни обидчивости, не то, что другіе, прочіе, которые... Чего тебѣ ни скажи, ты все стерпишь и виду не подашь. Какъ же тебя не любить? По нашимъ чувствамъ, это первая статья. Ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ,—а ты и духовенство облизалъ, и прихожанъ. Хе-хе! Желая тебѣ пятидесятилѣтній юбилей справить. Эфту самую рясу ты носи и непремѣнно износи до тѣхъ поръ,—а пока, братцы, дьякону... ура!!!“

* * *

Отъ этой пошлой, нескладной, но вполнѣ возможной въ подобной обстановкѣ рѣчи особенно отраднo перейти къ такому изящному, оригинальному разсказу, какъ „Warum“ г-жи Ольнемъ. Не подумайте только, что я хочу излагать здѣсь его содержаніе, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ! Эту вещь очень многіе читали съ истиннымъ удовольствіемъ, когда она появилась въ журналѣ,—а, кто не читалъ ея, тѣмъ простой пересказъ весьма несложнаго сюжета не можетъ дать полнаго понятія о разсказѣ, гдѣ все дѣло—въ тонкихъ нюансахъ, мелкихъ черточкахъ, удачныхъ, картинныхъ выраженіяхъ, наконецъ, прежде всего въ томъ настроеніи, которымъ проникнутъ „Warum“, точно въ немъ слы-

шатся все время отголоски шумановской мелодіи!.. Я перечитывалъ эту прелестную вещьцу, смутно боясь, что она уже не произведетъ такого впечатлѣнія, какъ въ первый разъ, не вызоветъ такой грусти, такой задумчивости, не поразитъ яркою и правдивою характеристикою героини,—этой своеобразной, талантливой, неуравновѣшенной и, въ сущности, глубоко несчастной Лизы. Но нѣтъ! и на этотъ разъ дарованіе автора, его психологическое чутье, умѣніе передавать едва уловимые оттѣнки, — все это взяло свое. Двѣ—три детали можно было бы, пожалуй, нѣсколько измѣнить или выпустить; я бы подарилъ, напримѣръ, беллетристкѣ этого „Петю Штукаренко“, съ его звѣринцемъ, органомъ и дворней,—довольно оригинальную фигуру, которая, однако, играетъ здѣсь чисто эпизодическую, второстепенную роль; можно было бы нѣсколько уменьшить и число цитатъ, которыя постоянно приводятъ въ разговорѣ Лиза, и которыя, въ концѣ концовъ, придаютъ ей рѣчи нѣсколько искусственный характеръ,—послѣ того, какъ вначалѣ онѣ помогли намъ въяснить ея нравственный обликъ. Но обо всемъ этомъ какъ-то не хочется говорить, когда передъ нами—произведеніе, написанное съ безусловнымъ талантомъ,—именно: талантомъ, а не только — знаніемъ среды наблюдательностью умомъ. Обозрѣвателю литературныхъ новинокъ, обреченному, въ силу своей профессіи, читать множество неудачныхъ и блѣдныхъ вещей, вещей, всегда особенно отраднo бываетъ остановиться на такомъ произведеніи, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что его авторъ не лишень искры Божьей! Ужъ одно описаніе картинъ Лизы—въ „Warum“—чего стоитъ!

Лучшая вещь г-жи Ольнемъ открываетъ собою ея сборникъ. Съ одной стороны это очень выгодно для автора, потому что читатели, мало знакомые съ его творчествомъ, сразу располагаются въ его пользу. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это можетъ отчасти повредить общему впечатлѣнію, произведенному книгою. Конечно, это будетъ очень странно и несправедливо, но, навѣрное, многіе читатели будутъ сравнивать другія вещи г-жи Ольнемъ съ „Warum“, при чемъ окажется, что всѣ онѣ все же стоятъ ниже перваго разсказа, хотя инныя изъ нихъ, безспорно, имѣютъ свои достоинства! Нѣчто подобное происходитъ теперь съ пьесами г-на Найденова: всѣ его новыя произведенія непремѣнно сравниваются въ газетныхъ рецензіяхъ, да и въ отзывахъ самой публикѣ съ „Дѣтьми Ванюшина“, и оказываются слабѣе и блѣднѣе этой пьесы и оцѣниваются гораздо строже, чѣмъ если бы ихъ ни съ чѣмъ не сравнивали...

Среди остальныхъ разсказовъ г-жи Ольнемъ есть нѣсколько безусловно интересныхъ вещей. Мнѣ лично, сравнительно, меньше нравятся „Въ тѣни сосенъ“, „Тихій уголь“, „На порогѣ жизни“, „Первый шагъ“. Но весьма недурны тѣ вещи, въ которыхъ изображается литературный и редакціонный міръ, прекрасно изученный авторомъ. Конечно, нельзя сказать, чтобы беллетристикѣ удалось обрисовать всѣ стороны этого міра; все болѣе идейное, отъ повседневной рутины осталось, сравнительно, въ сторонѣ, но вся техника газетнаго дѣла, редакціонные нравы, взаимныя отношенія редактора, сотрудниковъ, секретаря и т. д.,—все это списано съ натуры и обрисовано мастерски! Такъ, въ разсказѣ „Муравейникъ“ передъ нами—редакція провинціальной газеты „Z—ская Рѣчь“, съ различными сотрудниками котораго насъ знакомитъ авторъ. Всякій, кто имѣетъ понятіе о средней рукѣ провинціальныхъ органахъ (болѣе крупные идейные издающіеся въ университетскихъ или вообще—болѣе интеллигентныхъ и оживленныхъ городахъ, конечно, въ счетъ не идутъ), не разъ можетъ

подумать, читая „Муравейникъ“, что дѣло идетъ о той или другой определенной газетѣ, которая вотъ совершенно такъ же конкурировала съ другимъ мѣстнымъ органомъ, имѣя такихъ-же „злободневныхъ“ фельетоновъ, съ громкими псевдонимами, вроде „принца Гамлета“ „Номо“ и т. д., такъ же помѣщала перепечатки изъ „Nene Freie Presse“ или „Journal des Débats“, чуть ли даже не полемизировала съ ними!..

Въ разсказѣ „Юбилей редактора“, наряду съ обстановкою всей бытовой стороны, въ значительной степениносящей сатирическую окраску, есть и весьма печальный, наводящій на много думъ элементъ, который, въ особенности, могутъ одѣнить сами труженики пера, если онѣ обратятъ вниманіе на эту вещичку. Вѣдь несомнѣнно, что всѣ произведенія, возсоздающія литературный міръ, всего интереснѣе всетаки для насъ, скромныхъ тружениковъ печати, многое испытавшихъ на себѣ, тогда какъ для публики все это никогда не будетъ такъ близко и понятно, потому что она этого не продѣлала.—Однако, довольно объ этомъ! обратимся опять къ разсказу г-жи Ольнемъ, которая заставляетъ редактора большой газеты, ставшаго послѣ долгихъ лѣтъ неустанной работы предметомъ чествованія и овацій, задуматься, вспомнить всю свою жизнь и дѣятельность и, подъ звуки привѣтственныхъ рѣчей, притти къ сознанию, что онъ, въ сущности всегда дѣлалъ не то, что хотѣлъ, писалъ вещи, которыя его не интересовали и не увлекали, и, до извѣстной степени, растратилъ свои природныя способности по мелочамъ. На мгновеніе у него мелькаетъ даже въ головѣ планъ, — бросить все это, начать жизнь сызнова, писать отнынѣ по другому, порвать съ лямкою и рутиною газетнаго дѣла, вспомнить о томъ, что у него находили когда-то беллетристическое дарованіе... напрасная чисто платоническая мечта, увлекавшая въ извѣстный моментъ жизни столь многихъ тружениковъ пера, поломанныхъ жизнью!..

Герой разсказа говоритъ самому себѣ:

„— Безплодно, безплодно! Подогрѣтое чествованіе устроено не по заслугамъ. Талантливый труженикъ... общественный дѣятель... борецъ за истину... Красивыя слова!.. Десять лѣтъ ты писалъ, не разгибаясь, но писалъ не о томъ, о чемъ хотѣлось говорить, не то, что рвалось изъ души... Ты считался лишь со злобами дня, съ требованіями извѣстнаго момента.. Ты даже думалъ не о томъ, что, дѣйствительно, интересовало тебя, а думалъ по обязанности на заданныя темы. Ты специализировался, отсталъ отъ жизни, отъ литературы, пересталъ чтить вещи, имѣющія общечеловѣческое значеніе. Есть столько животрепещущихъ, неразрѣшенныхъ вопросовъ; печать должна служить дѣлу истины и справедливости, — а для тебя важнѣе всего не пропустить послѣдняго сообщенія „Nene Freie Presse“ о результатѣ какой-нибудь дипломатической миссіи... Нѣтъ, ты не творецъ въ области слова, хотя ты и давалъ газетѣ извѣстную окраску, соотвѣтственно твоимъ личнымъ вкусамъ и взглядамъ. У фотографа тоже есть свое усмотрѣніе. Но фотографія — не художество, не искусство, а лишь ремесло“.

Самый большой разсказъ, — точнѣе, повѣсть, — г-жи Ольнемъ, „Иванъ Федоровичъ“, много теряетъ именно оттого, что авторъ придалъ ему такіе большіе размѣры и ввелъ въ него длинный рядъ, болѣе или менѣе, эпизодическихъ деталей, чѣмъ нѣсколько ослабляется впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе, психологія главнаго героя представляетъ интересъ, хотя и не отличается новизною и оригинальностью. Это опять одинъ изъ тѣхъ усталыхъ, безвольныхъ, не умѣющихъ сильно желать, не плохихъ и не хорошихъ, медленно погрязающихъ въ житейской пошлости людей, кото-

рыхъ выводить иногда Чеховъ, а въ новѣйшее время — подражающіе ему беллетристы. Точно такъ же въ разсказѣ „На закатѣ“ производитъ грустное и томительное впечатлѣніе правдивый обликъ художника Пасхалова, когда-то къ чему-то стремившагося, мечтавшаго, строившаго воздушные замки, а затѣмъ быстро утратившаго молодые порывы и энергію, привыкшаго читать въ искусствѣ только технику, которая ему замѣчательно дается, преждевременно одряхлѣвшаго душою. Мы не удивимся тому, что молодая дѣвушка, которую ему прочли въ жены, отказываетъ ему, когда онъ дѣлаетъ ей предложеніе, — хотя и продолжаетъ высоко ставить его, какъ живописца, — отказываетъ потому, что ее возмущаетъ и приводитъ въ ужасъ это моральное банкротство, полный упадокъ и ущербъ „вывѣтрившагося человѣка“.

Я могъ бы остановиться нѣсколько подробнѣе на очеркѣ „Адресъ“, написанномъ въ совершенно другомъ, легкомъ, даже веселомъ жанрѣ; здѣсь г-жа Ольнемъ весьма живо и остроумно описываетъ наивные восторги и литературныя увлеченія ученицъ старшаго класса провинціальной гимназіи, которыя, узнавъ, что въ ихъ городѣ пріѣхалъ извѣстный на всю Россію, даровитый писатель, рѣшаютъ составить привѣтственный адресъ и возложить на нѣсколькихъ гимназистокъ обязанность отправиться „къ нему“ на домъ, поднести составленный въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ адресъ и передать этому литератору чувства уваженія и поклоненія, одушевляющія ихъ подругъ... Сборы и приготовленія къ подачѣ этого наивнаго, но искренняго и правдиваго адреса, затѣмъ разсказы возвратившихся членовъ „депутации“ о томъ, что имъ отвѣтили ихъ общій кумирь, — все это передано очень живо, остроумно и безъ всякой подрисовки!

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ отмѣтить и на этотъ разъ, — какъ это было мною сдѣлано въ ту пору, когда онъ еще былъ напечатанъ только на страницахъ журнала, — разсказъ „Безъ правъ на жительство“. Это — одно изъ тѣхъ произведеній, въ которыхъ, время отъ времени, затрагивается все же въ наши дни злополучный еврейскій вопросъ, затрагивается въ гуманномъ, культурномъ духѣ. Подобныя вещи, въ особенности — написанныя не-евреями, могутъ принести значительную долю пользы, будя добрыя чувства, состраданіе, потребность въ справедливости. Г-жа Ольнемъ выводитъ еврея-комиссіонера Янкеля Канторовича, который пріѣзжаетъ по дѣламъ въ Петербургъ, чтобы здѣсь очутиться сразу на положеніи бездомнаго, какъ человѣкъ, лишенный правъ на жительство въ столицѣ... Всѣ эти злословія заставляютъ его призадуматься надъ своею участью, впервые вполнѣ ясно сознать ненормальность своего положенія.

„Дѣйствительно, было обидно: ничего онъ не укралъ, никого не обманулъ, не ограбилъ; пріѣхалъ издалека по дѣлу, и вдругъ за свои трудовыя деньги не можетъ найти угла, гдѣ бы преклонить голову. Долженъ слоняться по городу въ темную ночь, прятаться отъ городскихъ, какъ воръ или убійца. И чего ради? Говорятъ: не имѣешь права! Да зачѣмъ оно придумано, такое право? За что, примѣрно, хотя бы его, Канторовича, лишать ночлега? Въ чемъ онъ провинился? Надо же и ему дать заработать; у него семья, дѣти... Всѣмъ нужно жить, и каждый обязанъ работать, какъ умѣетъ, лишь бы честно!“...

Прекрасно описаны скитанія Канторовича въ холодную, суровую ночь по петербургскимъ улицамъ, его тщетныя попытки найти мѣсто, гдѣ бы онъ могъ согрѣться, передохнуть хоть нѣсколько минутъ, пока, нако-

нецъ, увидѣвъ открытыя двери Казанскаго собора, гдѣ должна начаться заутреня, онъ, послѣ минутнаго колебанія, входитъ туда, не съ тѣмъ, чтобы молиться, но, прежде всего, — чтобы найти пріютъ, отдыхъ!.. Въ соборѣ мысли его принимаютъ, однако, другое направленіе; онъ невольно задумывается, подѣ влияніемъ непривычной обстановки, полумрака, пѣнія...

„Янкель нѣсколько минутъ смотрѣлъ на изображеніе Распятія, какъ на непонятную для него загадку. Постомя вспомнилъ о своихъ ночныхъ мытарствахъ.

Ощущеніе незаслуженной обиды опять взяло верхъ надъ его размышленіями. И, снова глядя въ сторону креста, Янкель горячо произнесъ:

— Если ты такой добрый, если Ты такой сильный, сдѣлай такъ... сдѣлай такъ, чтобы...

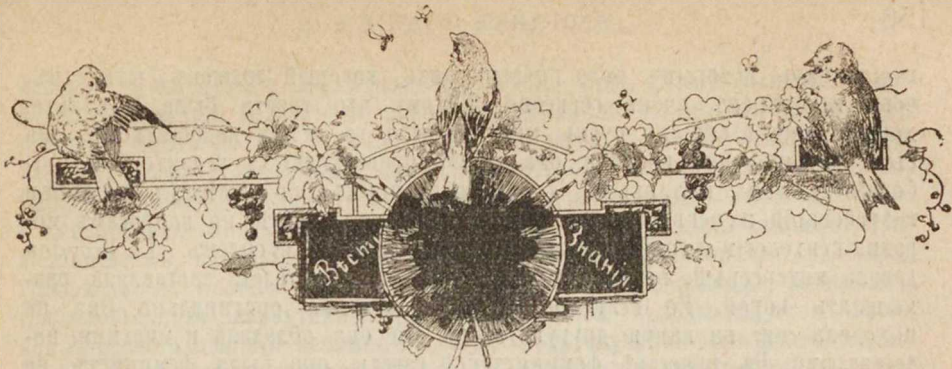
Слезы помѣшали Канторовичу докончить его мольбу. Онъ плакалъ, самъ не замѣчая этого, рыдалъ, выплакивая накопившееся въ душѣ жгучее огорченіе. Въ его слезахъ вылилась горечь обиды, и усталость, и только-что пережитыя тревоженія, и смутныя упованія на что-то лучшее!..

Хотѣлось бы вѣрить, что подобные рассказы не могутъ быть прочитаны сколько-нибудь отзывчивыми и чуткими людьми вполнѣ равнодушно и безучастно!

Юрій Веселовскій.

Изъ литературы и жизни.

Конецъ „Фронды“.

Читатели „Вѣстн. Зн.“, вѣроятно, помнятъ остроумные слова Э. Фагэ (см. „Вѣстн. Зн.“ № 3), посвященные имъ лигѣ женщинъ, „равнодушныхъ къ мужчинамъ“, помнятъ, вѣроятно, характеристику „безмѣрности“ членовъ этого общества.

Эти же ярые феминистки основали свою собственную газету, посвященную исключительно женскому вопросу. Она была окрещена „Фрондой“ и просуществовала около 6 лѣтъ, прекратившись сравнительно не такъ давно.

И вотъ какое слово произнесъ тотъ же Э. Фагэ въ „Revue Bleue“ надъ гробомъ скончавшейся газеты.

Маленькимъ европейскимъ событіемъ является прекращеніе этой газеты, и, быть можетъ, даже впервые исчезновеніе газеты является европейскимъ событіемъ; но дѣло обстоитъ именно такъ. Дѣло въ томъ, что журналъ этотъ не былъ изданіемъ обыкновеннымъ, и созданіе его было новостью. Въ 1897 году въ Парижѣ былъ основанъ журналъ, редактируемый женщиной, издаваемый и печатаемый исключительно женщинами. Журналъ этотъ, разъ существуя, однимъ уже существованіемъ своимъ доказывалъ способность женщинъ къ четыремъ или пяти профессіямъ, очень различнымъ и очень труднымъ; онъ доказывалъ почти способность женщинъ ко всѣмъ профессіямъ мужскимъ. Еще одинъ лишній разъ это было аргументомъ факта: доказательствомъ способности къ дѣйствию въ самомъ дѣйстви. — «La Fronde» закрылась въ 1903 г., послѣ полныхъ 6 лѣтъ существованія. Ея закрытіе встрѣтило легкія насмѣшки — осторожныя и любезныя, но все же насмѣшки со стороны всѣхъ, кто удостоивалъ ее вниманія. Признаніе безсилія на-лицо — въ этомъ послѣднемъ №, уныломъ и безпомощномъ... Что поражаетъ меня гораздо больше, — это то, что она просуществовала такъ долго, полныхъ 6 лѣтъ. Привѣтствуя ее на ея зарѣ, я ожидалъ, что она исчезнетъ гораздо раньше. Что газета такого направленія могла просуществовать 6 лѣтъ — это доказываетъ необыкновенную силу, чрезвычайную жизненность и неожиданную настойчивость въ феминизмѣ, феминизмѣ серьезномъ и убѣжденномъ, въ тѣхъ, кто платитъ, въ тѣхъ, кто подписывается, въ тѣхъ, кто поддерживаетъ жизнь журнала, читая его; рекомендуя и распространяя его и особенно покупая его. Шесть лѣтъ существованія «La Fronde» — это прекрасный итогъ.

итогъ надъ которымъ надо поразмыслить, который долженъ быть отмѣченъ историкомъ очень серьезно. Потому что газета была, замѣтите, хорошо поставлена; го очень многое было въ ней и недостаткомъ. Она была хорошо организована; она имѣла превосходныхъ редакторовъ, любознательныхъ, пытливыхъ, очень заботливыхъ, по отдѣламъ политики и преобладающей женскихъ правъ въ собственномъ смыслѣ, по вопросамъ морали, психологіи и социальныхъ и демографическихъ проблемъ. «La Fronde» давала интересный, поучительный матеріалъ. Эта газета заставляла размышлять горой. Во всякомъ случаѣ, она была оригинальна. Она не походила ни на какую другую газету. Но она обладала и многими недостатками. Въ качествѣ феминистской газеты, она была феминистъ, не только непримиримый, но мятежный, страстный и воинственный. Она оправдывала свое заглавіе. Она была отчасти органомъ отвлеченнаго феминизма; но гораздо болѣе — феминизма раздражительнаго, гнѣвнаго и яростнаго. Эта была газета противъ мужчинъ еще болѣе, чѣмъ за женщинъ. Она была немножко газетой старыхъ дѣвъ. Такимъ образомъ, она не нравилась и значительному числу женщинъ, очень сочувствующихъ феминизму, но отнюдь не разсматривающихъ феминизмъ, какъ войну, объявленную мужчинамъ, а только какъ усилие, направленное къ установленію между мужчиной и женщиной равенства въ согласіи и согласія въ равенствѣ. Во-вторыхъ, будучи изданіемъ ежедневнымъ, «La Fronde» была вынуждена сдѣлаться газетой политической и газетой текущей политики. И вслѣдствіе этого, походившая такъ мало на всѣ остальные журналы, она приобрѣла обычные свойства и впала въ общую въсѣмъ изданіямъ банальность — и впечатлѣніе получалось, наконецъ, такое, что не стоило, пожалуй, собираться 30 женщинамъ и совсѣмъ исключать мужчинъ, чтобы создать газету очень похожую на «L'Inaccessible de Haute Savoie» или на «L'Imperméable des Laudes centrales». Прибавьте къ этому, что, будучи газетой политической, нужно предъавлять и политическія убѣжденія и, что тотъ и особенно та, которая ихъ не имѣетъ, тотчасъ внушаетъ неприязнь. «La Fronde» была радикальной, социалистской и антиклерикальной. Это ея право. Но есть же множество женщинъ-феминистокъ, не-радикалокъ, не-социалистокъ и и не-антиклерикалокъ, которые не могли быть, слѣдовательно, послѣдователями, покупателями и распространителями «La Fronde». Будь «La Fronde» консервативнаго христіанскаго направленія, — результатъ былъ бы какъ разъ противоположный. Такимъ образомъ, «La Fronde» встрѣчала много препятствій, изъ которыхъ нѣкоторыя были созданы ею же самой и, слѣдовательно, я повторяю это съ еще большой силой, ничто такъ не доказываетъ жизненность феминизма, силу и глубину феминистскаго движенія во Франціи, какъ тотъ фактъ, что при такихъ условіяхъ «La Fronde» просуществовала 6 лѣтъ. Мой скептическій другъ, который сопутствуетъ мнѣ всюду, рѣши котораго выслушивать я не отказываюсь, подъ условіемъ отнюдь не всегда имѣть слѣдовать, говорить мнѣ, покуривая свою сигару: «Феминистское движеніе? Да, оно сильно, чрезвычайно сильно; но очень кратковременно, какъ всѣ движенія во Франціи и какъ всѣ женскія движенія. Не припомнишь ли, — я припоминаю квигу, но ни заглавіе, ни автора, — не припомнишь ли ты одинъ романъ, написанный вѣксей дамой во славу велосипеда, гдѣ она доказывала, что велосипедъ — самый могущественный и самый вѣрный факторъ эмансипаціи женщины и революціоннаго феминизма? Помнишь? Приблизительно въ 1895 г. Ну, что-же, она была права, la dame à bécape. Велосипедъ и феминизмъ являлись до такой степени одинъ функціей другого, что представляють почти одно и то же. То же назначеніе, та же

исторія, тѣ же пути и кругъ развитія. Мода. — Моду дѣлали женщины изъ феминизма и изъ велосипеда въ продолженіе 10 лѣтъ. Потомъ, вѣтеръ перемѣнился, никто больше этой модой не увлекается. Женщина, которая увлеклась бы теперь велосипедомъ была бы отсталой. То же съ феминизмомъ. Скоро женщина-феминистка станетъ эксцентричностью, рѣдкостью. «Fronde» и женскій велосипедъ исчезнутъ въ одно время. Женщины-санкюлоты и женщины въ панталонахъ — станутъ исчезнувшей разновидностью. Мода, говорю тебѣ, только мода. Черезъ какихъ-нибудь полгода феминизмъ производилъ бы впечатлѣніе кринолина. — Доля правды въ этомъ есть, конечно; но вотъ, что запомните; когда мода случайно примѣшивается къ идеѣ, мода проходитъ, а идея остается. Тѣ, которые привязались къ идеѣ изъ увлеченія модой, отпадутъ и разсѣются, и тѣмъ лучше, о, еще бы не лучше! Но кто предался идеѣ ради нея самой, тѣ окажутся еще болѣе привязанными къ ней, освобожденные отъ неудачныхъ и непріятныхъ элементовъ Феминизмъ обнаруживалъ на пути своемъ много напыщенности, много смѣшныхъ уклоненій, порядочную суетливостъ. Теперь онъ долженъ продолжаться спокойно, твердо, съ тѣмъ болѣею твердостью что онъ освободится отъ безразсуднаго и крикливаго элемента. — Довольно курьезны причины, которыми редакторша «La Fronde» объясняетъ прекращеніе своего изданія. «Феминизмъ пишетъ она въ послѣднемъ номерѣ газеты, — достигъ или близокъ къ достиженію всего того, на что онъ могъ рассчитывать при нынѣшнемъ состояніи нашего общества и, слѣдовательно, нѣтъ необходимости больше работать для него». Основательная причина! Если бы и было вѣрно, что при современномъ состояніи общества нельзя пойти дальше того пункта, къ которому уже пришли — тогда-то и пора работать именно ради того, чтобъ измѣнить это нынѣшнее положеніе общества — и, надо полагать, это-то и есть дѣло, которому служить или хочетъ служить пресса. Женщины не имѣютъ еще свободнаго доступа на службу всякаго рода; женщины не имѣютъ еще полнаго гражданскаго равенства съ мужчинами; женщины совсѣмъ не имѣютъ политическихъ правъ. Мнѣ кажется, порядочное разстояніе отдѣляетъ ихъ еще отъ мужчинъ. Итакъ, будемъ продолжать. — Но состояніе общественности, какимъ оно является теперь, не позволяетъ давать женщинамъ больше того, что она въ данный моментъ имѣетъ. — Будемъ работать, чтобы измѣнить это состояніе, именно для этого-то мы и призваны. И если состояніе нашей общественности таково, что требуетъ перемѣнъ, то именно тѣмъ болѣе велика наша задача, больше чѣмъ мы думаемъ, и мы должны, слѣдовательно, работать. Именно то, что г-жа Дюранъ принимаетъ и представляетъ намъ, какъ причину, яко бы достаточную для того, чтобы воздержаться отъ продолженія дѣла — это и есть какъ разъ причина, заставляющая насъ работать. — Правда, въ томъ, что прежде всего у г-жи Дюранъ оказалось недостаточно подписчиковъ — а это причина уважительная, чтобъ прекратить изданіе, и ей такъ и слѣдовало сказать, совсѣмъ просто и откровенно. Другая правда, затѣмъ, въ томъ — и эта другая причина была, конечно, не послѣднимъ соображеніемъ въ ихъ рѣшимости не затрачивать усилій на новыя попытки; правда въ томъ, что тѣ изъ феминистовъ, которые являются въ тоже время радикалами, социалистами, «передовыми» того или другого оттѣнка, замѣтили, съ изумленіемъ, быть можетъ, нѣсколько наивнымъ, что послѣдствія ихъ доктрины обращались противъ нихъ, если бывали отражены, и что феминизмъ въ самой сущности своей консервативенъ. Равенство между мужчиной и женщиной обуславливаетъ политическое равенство женщины съ мужчиной, и, слѣдовательно, женщина должна имѣть избирательное право.

Пусть завтра женщина сдѣлается избирателемъ—и это окажется движеніемъ консервативнымъ, что уже намѣчается. Сохрани Богъ! Но тогда надо не быть феминистомъ!—Около полувѣка назадъ передовыя партіи дѣлали это простое возраженіе, или вѣрнѣе, это легкое замѣчаніе—и радикалы тоже съ 1848 года никогда не были феминистами. Вспомните Прудона. Подумайте объ Анри Бриссонѣ, который возставалъ противъ закона о разводѣ и въ первый разъ сдѣлалъ его недѣйствительнымъ. Радикализмъ и феминизмъ, быть можетъ, и братья, но сознающіе себя врагами. Отсюда происходитъ то что феминистъ, радикалъ, поразмысливъ, кончаетъ тѣмъ что говорить себѣ—что, въ качествѣ феминиста, онъ дѣлаетъ дѣло, гибельное для него, радикала — прямая противоположность Флоридору и Селестину, которые были оба—одинъ человекъ, и которые говорили, или который говорилъ: *quand on applaudit. Floridor ça fait plaisir à Célestiu sin.*—Флоридоръ феминистъ не доволенъ успѣхомъ Селестина-радикала, и особенно Селестинъ-радикалъ дрожитъ отъ преуспѣяній Флоридора-феминиста—и вотъ: *Quand on applaudit Floridor, ça ne plaît pas à Célestin.* Эта буря подъ однимъ черепомъ разрѣшается трагически, кончаясь тѣмъ, что Флоридоръ покидаетъ Селестина; но чаще тѣмъ, что Селестинъ храбро оппускаетъ Флоридора. Всегда въ такихъ случаяхъ чувствуешь въ себѣ двухъ человекъ, даже будучи женщиной но одинъ изъ нихъ, обыкновенно, кончаетъ тѣмъ, что ожесточается противъ другого, и другой проситъ его, со скорбью въ душѣ, но категорически, убираться. Если все феминистское дѣло должно имѣть конечнымъ послѣдствіемъ консервативный регрессъ,—я феминистъ, я обожаю феминизмъ, я дамъ убить себя за феминизмъ—но къ чорту тогда феминизмъ!—Г-жа Дюранъ сознается, по крайней мѣрѣ, или, вѣрнѣе, заявляетъ съ обычной для нея абсолютной прямоотой, дѣлающей ее такъ симпатичной: По поговоркѣ,—«Если-бы женщина имѣла право голосованія, она привела-бы короля и священника, силой закона, къ республиканскому примиренію». Надо, однако, повременить; надо подождать; не надо требовать допущенія женщинъ къ избирательнымъ политическимъ правамъ. Но, съ одной стороны, если мы не потребуемъ этого допущенія, то что же мы тогда будемъ требовать? Потому что—только этого и остается добиваться. И съ другой стороны, женщина-избиратель—это самое условіе, само ручательство всѣхъ гражданскихъ правъ женщины и, поистинѣ, онѣ будутъ равны мужчинамъ и увѣренно сохранять это равенство только тогда, когда сами будутъ создавать законы. Итакъ, если мы не хотимъ женщины-избирателя—намъ нечего дѣлать съ феминизмомъ и въ феминизмъ. Бросимъ феминизмъ.—И это и дѣлаетъ г-жа Дюранъ... Еще одинъ лишній разъ политика оказалась виновной передъ превосходнымъ дѣломъ, которое было виновато тѣмъ, что допустило ея вмѣшательство.—Будучи феминистомъ, я объяснилъ, на какой ладъ—и очень рѣшительнымъ, разумѣется, вплоть до участія женщинъ въ политическихъ правахъ; феминистомъ, отнюдь не изъ соображеній политическихъ, а моральныхъ—не какъ радикалъ и не какъ консерваторъ, а только какъ феминистъ,—я желаю, чтобы движеніе продолжалось, осторожно, но непоколебимо: я желаю чтобы оно продолжало подвигаться по пути къ полному равенству—семейному, гражданскому и политическому, безразлично мужчины и женщины, къ чему такъ вдохновенно призываетъ г-жа Дюранъ: равенство передъ закономъ всѣхъ французовъ безъ различія пола. Я желаю, чтобы это дѣло защищали ни въ какомъ случаѣ не изъ соображеній политическихъ и путемъ средствъ, обращающихся, какъ мы видѣли, противъ ихъ творцовъ—соображеній и обстоятельствъ, которые приводятъ къ тому, какъ мы видѣли, что отрываютъ доктринеровъ отъ ихъ доктринъ и наиболѣе убѣжденныхъ отъ ихъ убѣжденій

но изъ соображеній и доводовъ философскихъ научныхъ, моральныхъ, гуманитарныхъ и—здраваго смысла—Я желаю, напимѣрь, чтобъ говорили такъ: женщина, конечно, равна мужчине; это вполне доказано. Но если-бы женщины дать право голосованія, Франція перестала-бы быть радикальной; Ну, что же дальше? Если мы действительно убѣждены, что женщина равна мужчине, что Франція не была-бы радикальной, если-бы вотировали женщины—это доказываетъ только что Франція не радикальна и только *кажется* такой. Вотъ реальный аргументъ, доводъ здраваго смысла и убѣжденія.—Я желаю, чтобы феминизмъ сдѣлалъ научнымъ и правовымъ, вооруженнымъ наблюденіемъ, опытомъ, статистикой, діалектической прямотой и интеллектуальной честностью, Я желаю чтобъ основалась газета—лучше недѣльная, чѣмъ ежедневная—ежедневность обяываетъ изданіе къ текущей полниткѣ, къ отдѣлу событій и происшествій дня—хорошо вооруженная фактами, здравомысленная, безъ страстности безъ сектантства, безъ гнѣва и нетерпѣнія, безъ первозности, редактируемая мужчинами и женщинами вмѣстѣ, что будетъ также, безъ сомнѣнія, способомъ утвержденія равенства обонхъ половъ—и которая преслѣдовала-бы долго, помимо всѣхъ колебаній моды, дѣло самое здравое, самое либеральное, самое филантропическое и самое умное, какое я только знаю.—Въ ожиданіи-же этого, я повѣряю, прекрасный успѣхъ и крупное явленіе въ томъ, что „La Fronde“ существовала 6 лѣтъ и добрыя усилія этого симпатичнаго органа заслуживаютъ признательности.

Стачки въ 1902 году.

Во французскомъ научномъ журналѣ „Revue Scientifique“ находимъ любопытную статистику стачекъ французскихъ рабочихъ за 1902 годъ.

Въ 1902 г. было 512 стачекъ, въ которыхъ приняло участіе 212,704 чел. (162,622 муж., 35,326 женщ. и 14,756 подростковъ), работавшихъ въ 1.820 заведеніяхъ. За время этихъ стачекъ насчитывается прогуловъ 4.675,081 рабочихъ дней, изъ которыхъ 202,604 дня бастовали рабочіе *не-стачечники*, а 4.472,477 дн. *стачечники*.

Въ 1901 г. было 523 стачки и 1,862,050 прогульныхъ дней; изъ нихъ 1.687,895 рабочихъ дн. не работали 111,414 собственно *стачечниковъ*, что составляетъ въ среднемъ 15 дн. на человѣка. Въ 1902 г. среднее число дней для каждаго бастовавшаго 21.

Артуръ Фонтэнъ, директоръ департамента работъ, въ своемъ докладѣ министру торговли и промышленности объясняетъ это возрастаніе исключительно общей стачкой 115,240 рудокоповъ, бастовавшихъ 3.210,957 дн. Остальные 511 стачекъ насчитываютъ только 1.261,520 рабочихъ дней и 97,464 бастовавшихъ, что составляетъ 13 дней на каждаго.

Изъ заведеній, въ которыхъ были стачки въ 1902 г., 175 находились въ рукахъ обществъ на паяхъ. Число стачечниковъ въ нихъ простиралось до 134,673 чел., что составляетъ 63 процента всего числа.

Послѣ копей, давшихъ 15 стачекъ и 199,009 чел. участвовавшихъ, идетъ придильное производство, давшее 167 стачекъ и 34,693 участниковъ, затѣмъ химическое производство—2 стачки и 18,252 стачечника, металлч. производство—88 стачекъ и 9,852 стачечника и, наконецъ, строительное производство—71 ст. и 5,339 стачечниковъ. Въ 304 стачкахъ изъ 512 участниковъ были частью или цѣликомъ членами профессиональных союзовъ. Существованіе хозяйскихъ синдикатовъ было обнаружено въ 184 случаяхъ.

9 рабочихъ союзовъ и 1 хозяйскій синдикатъ были основаны или во время стачекъ, или непосредственно послѣ нихъ.

Рабочія ассоціаціи обезпечили ихъ членамъ правильную поддержку въ 31 стачкѣ.

Въ 224 стачкахъ рабочіе работали по часамъ, поденно, понедѣльно или помѣсячно, въ 206 стачкахъ—поштучно, и въ 82 остальныхъ разнѡ.

111 стачекъ, въ которыхъ участвовало 23,533 челов., увѣнчались успѣхомъ; 184 ст. съ 160,820 участвовавшихъ окончились соглашеніемъ и 217 ст. съ 28,381 чел. не удались. Слѣдующая таблица даетъ возможность сравнить результаты стачекъ 1902 г. и среднее предшествовавшихъ 10 лѣтъ

Результаты.	Стачки.		Стачечники.	
	Среднее за 1892—1901 г.	Въ 1902 г.	Среднее за 1892—1902 г.	Въ 1902 г.
	%	%	%	%
Успѣшно	22,92	21,68	15,94	11,06
Соглашеніе	34,39	35,94	48,74	75,61
Неудачно	42,69	42,38	35,42	13,33

Въ 417 стач. участвовали рабочіе 1-го заведенія,

„ 33 „	„	„	отъ 2 до 5 заведеній
„ 23 „	„	„	6 „ 10 „
„ 27 „	„	„	11 „ 25 „
„ 9 „	„	„	26 „ 50 „
„ 1 „	„	„	100 „

Далѣе, двѣ стачки, привлекли болѣе 100 завед. Общая стачка рудокоповъ—133 завед. и 1 ст. моряковъ и истопниковъ Марсея, къ которымъ изъ чувства солидарности примкнули и булочники, и привлекла 115 заведеній.

Изъ 512 стачекъ 313 продолжались недѣлю или менѣе. Изъ нихъ 60 стачекъ продолжались отъ 1 дня до 2-хъ дней.

6 стачекъ продолжались болѣе 100 дней: стачка урскамскихъ (Ourscamp) ткачей и прядильщиковъ—175 дн.; въ Леврези—торговцевъ жестяными издѣліями—168 дн.; въ Галлюинѣ—столяровъ—154 дн.; въ Иври—стекольщиковъ—124 дня; въ Фривиль-Эскарлотинѣ котелгаровъ—119 дн. и, наконецъ, стачка рудокоповъ продолжалась 105 дней.

Требованіе повышенія заработной платы, одно или въ связи съ другими требованіями, служило поводомъ къ 256 стачкамъ (50% всего числа) съ 146,907 участниками (69% всего числа) и отняли 3.695,660 рабочихъ дней, считая и тѣхъ рабочихъ, которые не могли работать изъ за стачки. Изъ этихъ требованій 51 было удовлетворено для 5,793 стачечниковъ; 97 требов. окончилось соглашеніемъ для 131,327 человекъ участниковъ и 108 тр. при 9,787 челов. не привели ни къ чему. 69 изъ этихъ стачекъ произошло въ прядильномъ производствѣ, 58 въ строительномъ, 37 въ металлургическомъ и 21 въ транспортномъ.

Уменьшеніе платы вызвало 83 стачки съ 14,292 участниками; изъ нихъ 24 стачки съ 1,357 стачечн. не удались.

Послѣ вопросовъ о заработной платы, поводомъ къ стачкамъ служили причины, совсѣмъ уже не матеріальнаго характера, какъ, напр., требованія возвращенія уволенныхъ рабочихъ или увольненія рабочихъ и мастеровъ. Ихъ насчитывали 84, что составляло 15,82%.

Требованія сокращенія рабочаго дня вызвали 38 стач., изъ которыхъ—15 стачекъ рабочихъ строительнаго производства и 8 прядильнаго.

Изъ нихъ требованія, въ которыхъ участвовало 1,813 чел. заинтересованныхъ, были удовлетворены, 3 стачки съ 8,040 стачечниковъ окончились соглашеніемъ, а 17 съ 124,163 участвовавшими закончились неудачей.

Въ 17 департаментахъ не было стачекъ въ 1902 г. совершенно. 18 департаментовъ дали менѣе 100 стачечниковъ; 5 дали отъ 100 до 200; 14—отъ 200 до 500, 9 отъ 500—1000 и 27 округовъ дали болѣе 1000 стачечниковъ. Наибольшее число стачечниковъ дали департаменты: Pas-de-Calais 47,161 ч., le Nord—40,654 ч., Loire—24,611 ч. Bouche-du-Rhône—11,480 ч., Seine—10,514, Isère 9,320 ч., Marne, 6,062 ч., Aveyron—5,638 ч. Tarn—5,530 ч. и Haute-Vienne—5,384 ч.

Въ теченіе 16 стачекъ 325 чел. были присуждены къ штрафу или заключенію, 215 изъ этихъ приговоровъ были произнесены во время общей стачки рудокоповъ; 29 по случаю стачки рабочихъ гавани Рош-форъ; 18 во время стачки моряковъ, истопниковъ и булочниковъ Марселя и 17 во время стачки рабоч. прядильнаго производства Vienne.

Примирительныя камеры и третейскій судъ въ 1902 г. Законъ отъ 27 декабря 1892 г. о соглашеніи и третейскомъ судѣ былъ примѣненъ въ 1902 г. въ 107 случаяхъ; въ 1 изъ нихъ еще до прекращенія работъ.

Число стачекъ въ томъ году было, какъ указано выше, 512, число случаевъ примѣненія закона о соглашеніи съ хозяевами и третейскомъ судѣ составляло, такимъ образомъ, 20,89%. Въ 1901 г. это процентное отношеніе составляло 27,15, тогда какъ среднее для девяти предшествовавшихъ 1902 году лѣтъ даетъ 24,06%.

Инициатива примѣненія этого закона принадлежала въ 60 случаяхъ рабочимъ, въ 5 случ. хозяевамъ, въ 2 случаяхъ и тѣмъ и другимъ. Вмѣшательство мирового судьи насчитывалось въ 40 стачкахъ. Попытка придти къ соглашенію была отвергнута 42 раза, при чемъ 35 разъ хозяевами, 2 раза рабочими и 5 разъ обѣими сторонами вмѣстѣ.

Вслѣдствіе отказовъ отъ соглашенія изъ 5 случаевъ, 2 окончились непосредственнымъ перемиріемъ, а 3 отказомъ отъ выставленныхъ требованій, 6 другихъ стачекъ кончились соглашеніемъ тотчасъ же послѣ первыхъ шаговъ, принятыхъ третейскимъ судьей и еще раньше, чѣмъ противная сторона отвѣтила на приглашеніе арбитра. Изъ этихъ 6 стачекъ 3 окончились успѣшно, 1 перемиріемъ и 2 неудачно.

Въ 37 случаяхъ стачка продолжалась или объявлялась послѣ отказа войти въ переговоры въ присутствіи третейскаго судьи.

Остается 59 случаевъ, для разрѣшенія которыхъ были учреждены *комитеты примиренія*. 32 изъ нихъ были прекращены непосредственно этими комитетами; въ 15 случаяхъ было предложено прибѣгнуть къ третейскому суду, послѣ того, какъ соглашеніе было отвергнуто; это предложеніе было принято въ 4 случаяхъ, отвергнуто въ 11 случаяхъ, изъ нихъ 4 раза хозяевами, 3 раза рабочими и 4 раза обѣими сторонами.

Въ двухъ стачкахъ въ Louviers и Cran-Gevrier избранные третейскіе судьи не могли придти къ соглашенію, и конфликтъ продолжался. Во время стачки перчаточниковъ въ Миланѣ, президентъ гражданскаго суда былъ призванъ выбрать третейскаго судью. Въ стачкѣ прядильщиковъ въ Boulieu-les-Annonay за работу взялись тотчасъ же послѣ избранія судей, которые могли высказаться мѣсяцемъ позже.

Къ 34 стачкамъ, прекращеннымъ комитетами примиренія или третейскимъ судомъ, нужно прибавить 2 стачки, которыя, хотя и не окончились формально стараніямъ комитетовъ, но прекратились почти

тотчасъ же послѣ ихъ собранія и подѣ влияніемъ объясненій, которыми тамъ обмѣнялись обѣ заинтересованныя стороны.

Въ общемъ, дѣйствию закона 27 декабря 1897 г. можно приписать прекращеніе слѣдующихъ стачекъ: во-первыхъ, тѣхъ, 6 стачекъ, которыя прекратились съ самаго же начала суда. Во-вторыхъ, 5 стачекъ, окончившихся послѣ отказа хозяевъ придти къ соглашенію; въ третьихъ, 32 стачкахъ прекращенныхъ комитетами; въ-четвертыхъ, 2-хъ прекращенныхъ третейскимъ судомъ; въ-пятыхъ, 2-хъ, прекращенныхъ послѣ собранія комитетовъ. Въ общемъ 47 стачекъ.

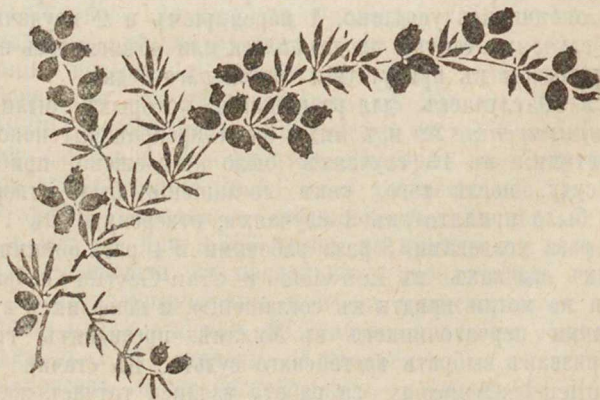
Что касается 4 случаевъ примѣненія этого закона до прекращенія работъ, 2 окончились примиреніемъ, и стачка была избѣгнута.

Въ 2 другихъ случаяхъ хозяева не отвѣтили на приглашеніе къ переговорамъ, стачка была объявлена и окончилась неудачей.

107 случаевъ примѣненія закона о примиреніи и третейскомъ судѣ распредѣлились въ 46 департаментахъ по слѣдующимъ промышленнымъ группамъ: Въ прядильномъ производствѣ, 35 случаевъ, строигельномъ 19; металлическомъ 18; кожевенномъ—9; столярномъ и токарномъ—6; транспортномъ—6; глиняномъ и; стекольномъ—3; копяхъ—4; производствѣ жизненныхъ продуктовъ—2; выдѣлки матерій—2 земледѣльческомъ 1; химическомъ—1, книгопечатномъ 1.

Одна стачка дала поводъ къ примѣненію этого закона въ двухъ сосѣднихъ округахъ.

Кромѣ того, 16 стачекъ кончились, благодаря вмѣшательству префектовъ или субъпрефекта (9) и мэровъ (7); вмѣшательство синдикатовъ и профессиональныхъ союзовъ положило конецъ 16 стачкамъ; вмѣшательство разныхъ лицъ повліяло въ 3 случаяхъ, а въ 1 случаѣ обѣ стороны обратились къ совѣту частныхъ людей, прося ихъ быть примирителями.

Вопросы народнаго образованія и — библіографіи.

А. А. Николаевъ.

Изъ жизни нашихъ общественныхъ библіотекъ.

(Беллетристика: «читатель простецъ» и «другъ-читатель». — «Восходящія и заходящія свѣтила» читательскаго небосклона. — Периодическая пресса и ея читатели. — Нѣсколько словъ о бюджетахъ нашихъ библіотекъ и объ участіи въ нихъ нашихъ городскихъ и земскихъ «самоуправленій». — Заключение).

I.

Мы переходимъ теперь къ беллетристикѣ. Это наиболѣе трудный для изученія отдѣлъ. На немъ сходятся и перепутываются интересы самыхъ разнообразныхъ читательскихъ группъ: беллетристика обслуживаетъ слишкомъ разнообразные запросы. Но кое-что для характеристики читательскихъ типовъ можно замѣтить и здѣсь.

Съ одной стороны, несомнѣнно, именно на беллетристику съ жадностью набрасывается тотъ читатель, на котораго такъ горько сѣтовалъ въ свое время Г. И. Успенскій и котораго такъ зло осмѣивалъ Щедринъ.

«Книга», писалъ первый изъ нихъ («Неплательщики» т. I стр. 516): «— вотъ прибѣжище всего съезжившагося, притаившагося, но вполнѣ живого въ неплательшикъ... Боже милосердный! какъ жадеетъ онъ до книгъ!.. чего-чего не поглотилъ онъ на своемъ вѣку, и, несмотря на бездну проглоченнаго, мозгъ его до сей поры голоденъ, какъ будто ничего и не ѣлъ никогда, и все просить, и все просить еще... Книга, чтеніе—единственное прибѣжище и отрада, но только отрада, и отрада, увы, весьма безплодная!.. чего-чего только не перенесъ, не испыталъ, благодаря непрерывному чтенію, этотъ мозгъ! Но, не имѣя возможности, даже утративъ отчасти самую мысль о возможности куда-нибудь нести то, что перенесъ, въ чемъ убѣдился этотъ мозгъ, онъ привыкъ наслаждаться мыслью самъ для себя, онъ привыкъ и приучилъ себя къ ощущенію чтенія и—что дѣлать—превратился въ какую то бездонную прорву, въ которую можно валить тома, вороха напечатанныхъ мыслей, и которая все-таки будетъ пуста... Пишите, валите туда написанное всеми перьями, существующими на бѣломъ свѣтѣ,—все мало; давай еще новаго, а дѣла онъ все-таки будетъ дѣлать пустая и вѣрить искренно въ одинъ хлѣбъ насущный».

Это—тотъ самый «читатель-простецъ», которому посвятилъ въ своихъ «Мелочахъ жизни» нѣсколько страницъ нашъ знаменитый сатирикъ. «Читатель-простецъ»,

говорить онъ (стр. 201): «составляетъ ядро читательской массы; это—главный ея контингентъ. Онъ въ безчисленномъ количествѣ кипитъ на улицахъ, въ театрахъ, кофейняхъ и прочихъ публичныхъ мѣстахъ, изображая собой ту публику, къ услугамъ которой направлена вся производительность страны, и въ то же время ради которой существуютъ на свѣтѣ городовые и жандармы. Онъ—покупатель и потребитель. Все, что таятъ въ себѣ нѣдра торговыхъ помѣщеній, начиная отъ блестящаго магазина съ зеркальными окнами и кончая вонючей мелочной лавочкой, ютящейся въ подвальномъ этажѣ, все это онъ износить, истребить, выпить и сѣсть». Онъ же, добавимъ мы, извлекаетъ ежегодно изъ нашихъ общественныхъ библіотекъ сотни и тысячи томовъ всякой беллетристической дребедни. Извлекаетъ для того, чтобы хоть сколько нибудь забыться отъ дѣйствительности, уйти отъ суровыхъ задачъ времени. И беллетристика извѣстнаго рода является въ этомъ отношеніи прекраснымъ и испытаннымъ средствомъ. Воспомните, хотя бы у Гарина («Студенты») сценку чтенія студентами—въ общемъ, неглупой и способной молодежью—одного изъ подобныхъ нелѣпыхъ романовъ.

Но это одинъ—полюсъ читателя беллетристики, мы, надо сознаться, смотримъ на него не такъ безнадежно, какъ оба вышеупомянутые корифеи русской литературы. Мы скорѣе склонны итти въ своемъ анализѣ по пути, намѣченному Н. А. Рубакинымъ, и думать, что изъ среды этого «простоца-читателя» выдѣляются тѣ новыя группы читателей, на которыхъ общеніе съ книгой оказываетъ огромное вліяніе и черезъ которыхъ въ самую гущу жизни проникаютъ новыя вѣянія, новыя взгляды, новыя запросы.

Но, повторяемъ, это—одинъ полюсъ читателя беллетристики, на другомъ полюсѣ мы находимъ совсѣмъ иное. Вотъ что говорилъ лѣтъ 8 тому назадъ извѣстный писатель Сѣрошевскій, которому волею рока пришлось провести нѣсколько лѣтъ на далекихъ окраинахъ Сибири: «читалъ я все печатанное, все, что попадалось подъ руки, вплоть до старыхъ газетныхъ обертокъ, до объявленій. Жажда пріобщиться къ жизни была до того сильна, что эти клочья просматривались не разъ съ большимъ интересомъ, чѣмъ очень умныя и очень толстыя книги. Понятно, что послѣдніе газеты и журналы развѣртывались съ глубокимъ волненіемъ. Особенно журналы, гдѣ была беллетристика, отражающая въ картинахъ существующую жизнь—человѣкъ опять входилъ на мновеніе въ родную обстановку, проводилъ время съ родными людьми (курсивъ нашъ). По воспоминаніямъ того времени, даже плохіе романы кажутся мнѣ до сихъ поръ прекрасными. Беллетристика прочитывалась вся, и насколько я замѣтилъ, всѣми (см. газета «Сибирь»; отрывокъ былъ перепечатанъ въ «М. Б.» за 97 г. № 5). Ясное дѣло, что съ этой стороны беллетристика должна имѣть особенно притягательное значеніе для читателя сознательнаго. Мы добавимъ здѣсь, что сознательный читатель будетъ искать въ беллетристикѣ не только возможности окупнуться въ родную ему дѣйствительность, но и ознакомиться съ тѣми формами текущей жизни, которыя остаются недоступными его прямому наблюденію (соотвѣтственныя иллюстраціи см. «Вѣстникъ Знанія» № 10 въ библіограф. замѣткѣ по поводу изданій гг. Раппа и Потапова).

Такъ разнообразны запросы, съ которыми нашъ читатель подходитъ къ беллетристическому отдѣлу. Несомнѣнно, что это разнообразіе сказывается нѣсколько въ сумятицѣ цифръ, характеризующихъ читаемость книгъ изъ этого отдѣла. Тѣмъ въ менѣе, попробуемъ, хотя бы немного разобраться въ этихъ цифрахъ.

Прежде всего, беллетристика распадается на двѣ основныя группы: беллетристика русская и беллетристика переводная. Интересно показать не только, въ какомъ отношеніи находятся двѣ эти группы произведеній «словесности», но и какъ это отношеніе измѣняется по времени. Нѣкоторые отчеты позволяютъ это сдѣлать, другіе совсѣмъ не проводятъ подобной группировки, имѣются, наконецъ, и такіе отчеты, которые, начавъ «за здравіе», сводятъ «за упокой». Такъ, Екате-

ринославская губ. бібліотека, судя по статьѣ Н. А. Рубакина («Книжное оскудѣніе»), раньше проводила это раздѣленіе, въ послѣднемъ же отчетѣ за 1902 г. отъ таковаго подраздѣленія, къ сожалѣнію, отказалась. Мы ограничимся здѣсь сравненіемъ лишь четырехъ крупныхъ бібліотекъ.

	1891—1892 гг.		1901—1902 гг.	
	Ориг. белл.	Перев. белл.	Ориг. белл.	Перев. белл.
Астраханская б.	5.931 удов. тр.	2.450 удов. тр.	8.272 удов. тр.	3.558 удов. тр.
Воронежская »	11.759 » »	4.860 » »	17.994 » »	8.088 » »
Саратовская »	28.295 » »	17.584 » »	30.278 » »	14.986 » »
Херсонская »	10.894 » »	4.612 » »	22.445 » »	7.373 » »

То же въ % къ общему количеству книгъ, взятыхъ по беллетристикѣ.

Астраханская библ. . .	71	29	70	30
Воронежская » . . .	71	29	69	31
Саратовская » . . .	61	39	65	35
Херсонская » . . .	69	31	75	25

Такимъ образомъ, оказывается, что оригинальная беллетристика по прежнему читается почти въ два раза больше, чѣмъ переводная. Интересно замѣтить, что и здѣсь отношеніе между читаемостью отдѣловъ каталога измѣнилось за десять лѣтъ крайне незначительно, и скорѣе все-таки въ пользу оригинальной, чѣмъ переводной беллетристики.

Посмотримъ, какъ дѣло обстоитъ теперь съ наиболѣе читаемыми авторами изъ беллетристовъ. Проведемъ опять-таки сравненіе между 10 авторами, за которыми числится наибольшее количество удовлетворенныхъ требованій, какъ это было 10 лѣтъ тому назадъ и какъ это мы находимъ теперь. Возьмемъ хотя бы Херсонскую бібліотеку. Въ первомъ десяткѣ здѣсь удержалось лишь 4 писателя: Л. Толстой (было 672 удов. треб., теперь 837), Тургеневъ (было 505 — теперь 429), Вс. Соловьевъ (было 317—теперь 349), Немировичъ-Давченко (было 279—теперь 704). Зато Гончаровъ съ перваго мѣста спустился на 14-е, Достоевскій съ 4-го мѣста на 18-е, Григоровичъ съ 5-го мѣста на 20-е, Мордовцевъ съ 8-го на 13-е, Крестовская-псевдонимъ съ 9-го на 52-е. На мѣсто этихъ низвергнутыхъ кумировъ появились, на самой верхушкѣ Чеховъ (937 удов. треб.), Горькій (870), Вербицкая (777), Потапенко (646), Крестовскій, Вс. (477), Станюковичъ (377). Но, конечно, еще число удовлетворенныхъ требованій не является исчерпывающимъ показателемъ популярности писателя: бібліотекѣ иногда приходится, такъ сказать, понижать читаемость автора тѣмъ, что она не успѣваетъ за спросомъ читателя, не имѣя возможности двинуть того или другого писателя въ достаточномъ количествѣ томовъ. Поучительно поэтому прослѣдить число отказовъ, гдѣ это возможно: такимъ путемъ мы можемъ до извѣстной степени открыть «восходящія звѣзды» или еще далеко «не закатившіяся свѣтила». Такъ, мы видѣли, что Шеллеръ ушелъ на третій десятокъ, а между тѣмъ деградация его оказывается въ значительной степени искусственной: въ самомъ дѣлѣ на 267 удовл. треб., онъ даетъ 218 неудовл.; совсѣмъ другое дѣло Крестовская-псевд. на 110 удовл. треб. неудовл. всего 27. Но на другихъ писателяхъ мы ясно видимъ, какъ нарождается извѣстная популярность, когда къ писателю образуется опредѣленная и ясно намѣченная тяга: такъ

Гаринъ	даль на 321 удовл. треб.	181 неудов.
Чириковъ	» » 289 » »	290 »
Вересаевъ	» » 279 » »	259 »
Щепкина-Куперникъ » »	204 » »	143 »
Мельшинъ	» » 194 » »	94 »
Л. Андреевъ	» » 144 » »	299 »
Лухманова	» » 129 » »	331 »
Тимковскій	» » 102 » »	139 »
Рубакинъ	» » 49 » »	64 »

Яблоновскій	»	»	46	»	»	51	»
Скиталець	»	»	29	»	»	70	»

Въ Воронежской библіотекѣ за истекшее десятилѣтіе также замѣтно значительное передвиженіе: такъ, прежде всего бросается въ глаза переходъ во 2-й десятокъ: Достоевскаго, Тургенева, Гончарова, мѣсто которыхъ заняли Потапенко (790 треб.), Чеховъ (785), Салиасъ (776), Горькій (685), Маминъ-Сибирякъ (445), удержались въ первомъ десяткѣ Немировичъ-Данченко (было 397 треб., теперь 957), Л. Толстой (было 688 треб., теперь 650), Писемскій (и тогда, и теперь по 518 треб.), Соловьевъ Вс. (было 337 треб., теперь 496).

Въ Саратовской библ. до извѣстной степени повторяется опять та же картина: изъ перваго десятка отступили Достоевскій (на 18-е м.), Тургеневъ (на 30-е м.), Салтыковъ (на 15-е), Вс. Соловьевъ (на 13-е); мѣсто ихъ заняли Потапенко (836 треб.), Чеховъ (595), Лейкинъ (572), Мещерскій (563), Маминъ-Сибирякъ (525); почти на своихъ мѣстахъ остались Михайловъ (Шеллеръ), Л. Толстой, Писемскій, Салиасъ, Немировичъ-Данченко, и слегка передвинулся во 2-й десятокъ Мордовцевъ. Въ Екатеринославѣ также изъ 7 наиболѣе читаемыхъ русскихъ авторовъ только Л. Толстой и А. Михайловъ не спустились ниже перваго десятка, всѣ остальные: Писемскій, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Данилевскій ушли изъ первой семерки, гдѣ теперь красуются Горькій (338), Чеховъ (291), Потапенко (246), Немировичъ-Данченко (205), Маминъ-Сибирякъ (163).

Такимъ образомъ, за десять лѣтъ картина нѣсколько измѣнилась. Цифры, взятые г. Рубакинымъ изъ 9 отчетовъ (въ число которыхъ входили всѣ вышеупомянутыя нами библіотеки) показывали, что въ 1892 г. всего усиленнѣе читался Левъ Толстой, за нимъ слѣдовалъ Достоевскій, раньше шелъ Тургеневъ. Левъ Толстой сохранилъ и теперь свое мѣсто въ первомъ десяткѣ, но за то Достоевскій и Тургеневъ оттуда совершенно исчезли. Это во всякомъ, случаѣ показатель интересный. Подобно тому, какъ въ началѣ девятинастныхъ годовъ дешевое изданіе Пушкина и Лермонтова, по свидѣтельству Н. А. Рубакина, крайне понизило спросъ на этихъ писателей въ библіотекахъ, такъ и появленіе Тургенева, Достоевскаго, Гончарова въ приложеніяхъ къ „Нивѣ“ ослабило напоръ читателей въ библіотекахъ въ направленіи этихъ авторовъ. Фактъ этотъ можетъ служить до извѣстной степени показателемъ того, что наши частныя книгохранилища развиваются, что они въ дѣлѣ снабженія читателя книгой вступаютъ въ извѣстныя комбинаціи съ библіотечнымъ предложеніемъ, и что они особенно чувствительны по отношенію къ дешевымъ изданіямъ.

Но, во всякомъ случаѣ, перегруппировка читательскихъ симпатій идетъ очень медленно. Такъ, въ „Отчетѣ первой Ростовской-на-Дону бесплатной народной библіотеки-читальни за 1902 г.“ мы находимъ: „семилѣтній опытъ библіотеки-читальни показалъ, что требованія на различныхъ авторовъ, увеличиваясь количественно, не мѣняютъ группировки авторовъ по занимаемымъ имъ мѣстамъ“. Объ этомъ говорить въ значительной степени и результаты вышеприведеннаго сравненія. Правда, на старыхъ мѣстахъ остались немногіе, но за то отступившіе изъ перваго десятка авторы въ громадномъ большинствѣ случаевъ держатся къ нему все-таки очень близко.

Но пойдемъ дальше; для характеристики наиболѣе читаемыхъ беллетристовъ, мы приведемъ здѣсь результаты сравненія десяти наиболѣе читаемыхъ авторовъ въ слѣдующихъ библіотекахъ: Саратовской городской публичной, Екатеринославской городской общественной, Смоленской публичной за Днѣпромъ, Псковской городской общественной, Воронежской публичной, Херсонской общественной, Тульской общественной, Пензенской имени Лермонтова, Общества приказчиковъ-евреевъ г. Одессы, Самарской публичной библіотеки, Екатеринбургской имени Бѣлинскаго, Иваново-Вознесенской общественной, Пермской имени Смышляева, — итогу, слѣдовательно, въ 13 библіотекахъ, разбросанныхъ почти по всему лицу Европейской Россіи.

Если бы симпатіи и вкусы публики достигли, такъ сказать, предѣла своего разнообразія, то мы встрѣтили бы здѣсь 130 именъ. На самомъ же дѣлѣ, въ первомъ десяткѣ указанныхъ 13 библиотекъ мы находимъ 29 именъ, которыя даютъ намъ возможность составить слѣдующую табличку:

АВТОРЪ.	Въ сколькихъ библ. занимаетъ мѣсто въ 1-мъ десяткѣ.	Среднее мѣсто, занимаемое авторомъ.	Между какими предѣлами со- вершаются пе- редвиженія съ мѣста на мѣсто.
Л. Толстой	12	3-е	1— 7
Немировичъ-Данченко	12	3-е	1— 6
Потапенко	11	4-е	2— 8
Чеховъ	10	4-е	1— 7
Михайловъ (Шеллеръ)	8	4-е	2— 7
Горькій	8	4-е	2— 8
Всеv. Соловьевъ . . .	8	6-е	5—10
Маминъ-Сибирякъ . .	7	5-е	1—10
Тургеневъ	7	4-е	3—10

Всѣ остальные имена встрѣчаются въ первомъ десяткѣ меньше, чѣмъ въ половинѣ вышеназванныхъ библиотекъ. А именно—Писемскій и Достоевскій занимаютъ мѣста въ первомъ десяткѣ въ 5 библ., Вс. Крестовскій, Гончаровъ—въ 4 библ. Мордовцевъ, Станюковичъ, Саласъ—въ 3 библ., Вербицкая, Островскій, Крестовскій-псевдонимъ, Данилевскій, Короленко, Лѣсковъ — въ двухъ, Лейкинъ, Мещерскій, Григоровичъ, Терпигоревъ, Печерскій, Лѣтневъ, Соколовъ—каждый въ 1 библ.

Присматриваясь ко всѣмъ этимъ именамъ, мы можемъ сказать, что нашъ массовый потребитель беллетристики не ищетъ „дурного общества“, и если онъ не проявляетъ исключительной тяги къ корифеямъ литературы, то, во всякомъ случаѣ, держится всѣми силами среди хорошихъ и часто идейныхъ именъ. Какой-нибудь Вс. Крестовскій, Мещерскій, Соколовъ (?) все же являются въ первомъ десяткѣ, какъ исключенія.

За недостаткомъ мѣста мы не будемъ останавливаться на читаемости переводной беллетристики; да она и играетъ въ читательской системѣ неизмѣримо меньшую роль, чѣмъ беллетристика оригинальная. Мы переходимъ теперь къ нашей періодической прессѣ.

II.

Тяжелыя, подчасъ безобразныя, условія, въ которыхъ приходится существовать нашей прессѣ, особенно тяжело отражается, конечно, на положеніи нашей періодической печати. Существованіе дешевой и независимой періодической прессы у насъ стало почти совершенно невозможнымъ. Этимъ въ достаточной мѣрѣ объясняется все же крайне слабое распространеніе органовъ періодической печати среди населенія. Для иллюстраціи приведемъ слѣдующія цифры.

Вотъ что, напр., пишутъ („Образованіе“, 1900 г., № 7—8) изъ Иваново-Вознесенска, насчитывающаго 58 тысячъ населенія и быстро развивающагося изъ года въ годъ, о количествѣ выписываемыхъ жителями города журналовъ и газетъ въ 1899 году:

„Научное Обзорѣніе“—1, „Начало“—4, „Вѣстникъ Европы“—9, „Жизнь“—11, „Русская Мысль“—22, „Образованіе“—6, „Новости иностр. литер“—12, „Вѣстн. иностр. литер.“—22, „Журналъ Журналовъ“—2, „Журналъ для Всѣхъ“—2, „Вопросы Философ. и Психол.“—2, „Истор. Вѣстн.“—17, „Русская Стар.“—6, „Прилож. къ Свѣту“—2, „Русск. Богатство“— (сопв. съ перерывомъ изданія).

Газеты: „Свѣтъ“—144, „Бирж. вѣд.“ (2-е изд.)—101, „Русск. Вѣд.“—83, „Моск. лист.“—75, „Русск. лист.“—62, „Новости дня“—36, „Нов. Время“—35, „Курьеръ“—9, „Сынъ отечества“—28, „Моск. вѣд.“—18, „Новости“—5, „Народъ“—3;

еженедѣльные журналы: „Нива“— 321, „Родина“— 172, „Сельскій Вѣстн.“— 17. „Природа и Люди“— 17, „Русскій Трудъ“— 17, „Недѣля“— 7, „Осколки“— 6. „Звѣзда“—3, „Путь“—2.

Итого 1.279 журналовъ и газетъ на 58.000 жителей, т. е. по 2 органа на каждую сотню жителей! Вотъ уже, поистинѣ, скудость невыразимая! А между тѣмъ пожалѣть объ этомъ приходится сильно. Въ читательской системѣ періодическая пресса играетъ выдающуюся роль. По поводу изданной г. Лидерле нѣсколько лѣтъ тому назадъ книжечки, заключающей результаты опроса различныхъ выдающихся дѣятелей нашей родины о тѣхъ книгахъ, которыя оставили на нихъ наиболѣе глубокой слѣдъ, критикъ „М. Б.“ писалъ слѣдующее: „почти всѣ авторы, которые по времени развитія относятся къ шестидесятымъ годамъ, указываютъ на важное значеніе въ ихъ развитіи текущей литературы, именно журналистики. Въ ней, въ сущности, они имѣли руководителя, направлявшаго и задававшаго тонъ чтенію. Почти всѣ отмѣчаютъ огромное вліяніе критики и публицистики того времени, журналовъ „Современникъ“, „Русское Слово“. Извѣстный писатель-беллетристъ А. П. Эртель такъ распредѣляетъ вліяніе чтеній по возрастамъ: „въ равномѣрѣ дѣтствѣ преобладало вліяніе глупой и вредной книги о Наполеонѣ. Въ 9—12 лѣтъ образовывались эстетическіе вкусы на Пушкинѣ, Гоголѣ, Тургеневѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ фантазія была напоена дѣяніемъ героевъ Дюма-отца. Въ 13—16 лѣтъ вліяла церковная литература, умѣряемая сенсационными романами и лирическимъ настроеніемъ отъ статей и стиховъ. Въ 16—19 лѣтъ господствовалъ Дарвинъ съ „естественно-научнымъ“ направленіемъ „Русскаго Слова“. Въ 19—21 года опредѣлилось вліяніе „Отечественныхъ Записокъ“, и міровоззрѣніе начало складываться болѣе или менѣе самостоятельно. „Схема Эртеля, добавляетъ нашъ критикъ, приблизительно обычная для средняго нашего читателя, который начинаетъ чтеніе съ сказочно-героическаго характера, переходитъ фазисъ мистицизма въ юношескіе годы, затѣмъ увлеченія естествознаніемъ и заканчиваетъ общественными вопросами“.

Такимъ образомъ, журналъ и газета завершаютъ развитіе читателя и принимаютъ на себя дальнѣйшее руководство имъ. Посмотримъ же, какое мѣсто отводится этому отдѣлу въ читательской системѣ, насколько это позволяютъ прослѣдить отчеты нашихъ библиотекъ. Къ сожалѣнію, учетъ здѣсь будетъ въ значительной степени неполнымъ, такъ какъ во многихъ библиотекахъ новые журналы выкладываются на нѣсколько недѣль на столы читателей, гдѣ пользованіе ими недоступно никакому учету.

Итакъ, обратимся къ количеству выдачъ газетъ и журналовъ. Въ абсолютныхъ цифрахъ мы имѣемъ:

	Выдано на домъ		
	журналовъ.	Всего.	
Пермская имени Смышляева	7.894 томовъ.	27.643 тома.	290/0.
Псковская городская	7.447 „	38.963 „	190/0.
Воронежская публичная	13.486 „	46.567 „	280/0.
Херсонская общественная	15.563 „	64.211 „	240/0.
Тулская общественная	11.597 „	68.834 „	180/0.
Ярославская Пушкинская	6.491 „	26.642 „	24%.
Иваново-Вознесенская	9.769 „	21.188 „	46%.
Екатеринбургская	13.046 „	63.802 „	21%.

Какъ видимъ въ % колебанія оказываются весьма значительными отъ 18 до 46%. Въ общемъ же, можно считать, что количество журналовъ за старые и новые годы составляетъ отъ 1/5 до 1/4 всѣхъ томовъ, взятыхъ на домъ.

Но у различныхъ группъ читателя періодическая пресса представляетъ различный удѣльный вѣсъ.

Такъ, если мы возьмемъ отчетъ Ярославской Общественной Городской Пуш-

кинской библиотеки за 1901 и 1902 гг. и выберем наиболее крупные группы читателей, то найдемъ, что:

У состоящихъ на службѣ общ. и частной	
журналы составляютъ, ...	28% всѣхъ взят. ими томовъ.
Состоящихъ на госуд. службѣ	28% „ „ „ „
Студентовъ	12% „ „ „ „
Учащихся, кромѣ студентовъ.	6% „ „ „ „
Занимающихся домашн. хозяйствомъ	26% „ „ „ „

Нѣкоторое объясненіе этого, повидимому, прихотливаго распредѣленія процентовъ мы получаемъ изъ самаго отчета, который указываетъ на то, что учащіеся являются подписчиками, по преимуществу, краткосрочными безъ права на новые журналы и книги. Конечно, остается пожалѣть только о такихъ правилахъ, которыми стѣсняютъ у одной изъ самыхъ важныхъ группъ читателей возможность пользоваться такимъ важнымъ отдѣломъ, какъ періодическая пресса.

Прослѣдимъ еще сравнительную читаемость журналовъ по группамъ читателей въ Пермской библиотекѣ имени Смышляева.

У служащихъ въ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, лицъ свободныхъ профессій журналы составляютъ	33% всѣхъ взят. ими томовъ.
Торгующіе	30% „ „ „ „
Приказчики	30% „ „ „ „
Служащіе при фабр. и заводахъ	35% „ „ „ „
Рабочіе зав., фабричн. и желѣзнодорожн.	23% „ „ „ „
Ремесленники	23% „ „ „ „
Учащіеся въ средн. учебн. завед.	21% „ „ „ „
Учащіеся въ низшихъ учебн. завед.	28% „ „ „ „

Здѣсь картина является какъ разъ обратной тому, что мы нашли для данной библиотеки по вопросу о серьезномъ чтеніи: группы, сравнительно слабо читающія серьезные вещи (торгующіе, приказчики), читаютъ сравнительно много журналовъ группы, читающія сравнительно много серьезныхъ книгъ (рабочіе, учащіеся въ средн. учебн. зав.), мало читаютъ журналовъ. Дѣло, на нашъ взглядъ, объясняется просто: первая, весьма вѣроятно, довольно-таки равнодушно пасутся на нивѣ русской журналистики, пощипывая то, что имъ подвернется (къ сожалѣнію, свое предположеніе мы не можемъ подтвердить цифрами, за отсутствіемъ въ отчетѣ соответственной обработки), вторыя же не имѣютъ органовъ, достаточно соответствующихъ ихъ интересамъ и предпочитаютъ уходить въ монографіи и отдѣльные произведенія. (Учащіеся же въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ видно изъ цифръ, являются усердными читателями дѣтскихъ журналовъ).

Насколько разнообразно отношеніе читателя къ журналамъ, мы можемъ видѣть изъ подробной разработки этого вопроса, произведенной въ отчетѣ Псковской Городской Общественной библиотеки за 1900 г. Отчетъ этотъ показываетъ, что есть мечущіеся читатели, которые перехватили кажется всѣ журналы, какіе только когда-либо были въ библиотекѣ. Есть читатели (около 60 человекъ), которые за годъ перебрали отъ 10 до 20 названій журналовъ! При этомъ иногда число взятыхъ журналовъ равнялось или даже превышало число остальныхъ взятыхъ ими книгъ. Послѣ детальнаго разбора своихъ подписчиковъ отчетъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: изъ 813 лицъ, обратившихся въ 1900 г. къ Псковской Общественной библиотекѣ: 1) 347 человекъ не брало вовсе журналовъ; 2) 105 брало только иллюстрированные и дѣтскіе; 3) 122 мало брали общелитературныхъ журналовъ (журналы у нихъ составляютъ меньше 15% всѣхъ взятыхъ томовъ); 4) 225 человекъ брало достаточно (16—45%) и много (46—90%) и 5) 14 брали исключительно только журналы (свыше 90%). Такимъ образомъ, оказывается, что почти $\frac{2}{3}$ лицъ (1—3

группы), обращающихся къ общественной библіотекѣ, общелитературными журналами почти совершенно не интересуются. Картина, надо сказать, печальная. Но объясненія, повидимому, придется приложить тѣ, которыя мы извлекли изъ цифръ Ярославскаго и Пермскаго отчета: отчасти распространенію журналовъ мѣшаетъ недостаточно пѣлесообразная организація самихъ библіотекъ, отчасти недостаточная гибкость самой журналистики, поставленной у насъ, на родинѣ, въ слишкомъ тяжелыя условія.

Мы не имѣемъ времени останавливаться здѣсь на читаемости каждого журнала въ отдѣльности. А. В. Пѣшехоновъ на основаніи данныхъ «Очерка развитія Черниговской библіотеки за 20 лѣтъ ея существованія» пришелъ къ слѣдующему заключенію, «если къ концу 80-хъ годовъ (къ 1890 году) было замѣтно уклоненіе читателя вправо, сравнительно даже съ 1886 г., то несомнѣнно, что въ 90-хъ годахъ онъ рѣзко и рѣшительно подался въ лѣвую сторону». Эти симпатіи нашего читателя «влѣво» продолжаютъ и теперь и достаточно иллюстрируются особеннымъ успѣхомъ только прогрессивныхъ общелитературныхъ органовъ: по количеству требованій почти вездѣ на первыхъ мѣстахъ неизмѣнно мы встрѣчаемъ 4 журнала: «Вѣстникъ Европы», «Русское Богатство», «Русская Мысль», «Міръ Божій».

III.

Кончая нашъ бѣглый обзоръ жизни и дѣятельности нашихъ общественныхъ библіотекъ, мы естественно должны сказать хоть нѣсколько словъ объ ихъ бюджетахъ. Позволимъ себѣ привести здѣсь слѣдующія двѣ таблицы:

П Р И Х О Д Ъ (1900—1902 г.).

Общій приходъ. Въ ‰ онъ распадается.

Названіе библіотекъ.		Отъ подписч. за чтеніе.	Субсидіи.	Отъ предпр. въ пользу библіотекъ.	Прочіе.
Воронежская (1902 г.)	6056 р.	37	43	9	11
Смоленская за Дн. (1900 г.).	2603 »	43	9	36	12
Саратовская город (1902 г.).	8153 »	25	67	—	8
Херсонская общ. (1902 г.)	5611 »	51	18	16	15
Александр. Самарская (1901 г.).	4637 »	55	32	—	13
Одеская библіотека Общества приказчиковъ (1900 г)	4142 »	89	—	—	11
Пермская имени Смышляева	2929 »	12	39	15	34
Тульская общ. (1900 г.)	3744 »	43	25	4	28
Нековская гор. (1901 г.)	2405 »	50	28	15	7

Расходы за тѣ же годы по нѣкоторымъ статьямъ въ ‰ къ общему итогу расходовъ

	Выписка журналовъ.	Покупка книгъ.	Переплетъ.	Жалованье служащимъ.
Воронежская	10	12	5	21
Смоленская	15	22	7	28
Саратовская	9	8	5	32
Пензенская	20	1	8	36
Херсонская	14	14	9	29
Самарская	24	13	8	47
Одесск. прик.-евр.	8	24	13	31

Пермская имени См.	2	32	12	21
Тульская.	11	13	13	23
Псковская	16	13	11	19

Остановимся на таблицѣ доходовъ. Въ ней необходимо отмѣтить ту роль, которую играетъ въ доходахъ библіотеки плата подписчиковъ за чтеніе. Изъ 9 разсмотрѣнныхъ нами библіотекъ, только *одна* (Общества приказчиковъ-евреевъ въ Одессѣ) почти цѣликомъ (89%) существуетъ на абонементную плату; всѣ остальные—половину и больше половины (иной разъ почти $\frac{9}{10}$) необходимыхъ суммъ должны искать изъ особыхъ источниковъ. Нормально ли это? Да, по нашему мнѣнію, такъ и должно быть, если мы хотимъ, чтобы библіотечное наше дѣло достигло достаточнаго развитія. Библіотека ни въ коемъ случаѣ не должна быть коммерческимъ предпріятіемъ. Доказательствомъ этому служить крайне жалкое положеніе нашихъ частныхъ библіотекъ. «Наши частныя библіотеки», пишетъ г. Д. («Образованіе» 1902 г. № 6. «Къ вопросу о нашихъ частныхъ библіотекахъ для чтенія»), повидимому, лицо, хорошо освѣдомленное въ данномъ вопросѣ: «какъ правило, влечать самое жалкое существованіе во всѣхъ отношеніяхъ: одні по «недостатку средствъ», другія по «коммерческимъ» соображеніямъ, а третьи—да, кажется, и всѣ онѣ,—по духовной немощи своей, по неспособности понять роль свою въ дѣлѣ «исторіи образованія»; библіотеки наши падаютъ съ каждымъ годомъ замѣтно и неумолимо, оставляя на произволъ судьбы россійскаго читателя».

Мы не будемъ останавливаться на объясненіи г. Д. причинъ паденія нашихъ *частныхъ* библіотекъ (о чрезвычайномъ ростѣ *общественныхъ* библіотекъ мы все время говорили), хотя мы съ нимъ совершенно не согласны. Мы запомнимъ только свидѣтельство въ данномъ отношеніи лица, весьма компетентнаго, о неуклонномъ паденіи частныхъ библіотекъ.

И это естественно. Вѣдь никого же не удивляетъ то, что народное образованіе не могло остаться въ рукахъ частныхъ лицъ, а стало дѣлать успѣхи лишь съ того момента, когда перешло въ вѣдѣніе общественныхъ организаций—земства и городовъ. Но что же, по существу, представляютъ изъ себя библіотеки? „Господа“, говорилъ извѣстный писатель лордъ Литтонъ при открытіи первой народной публичной библіотеки въ Англіи: „образованіе не прекращается, когда мы оставляемъ школу, правильно понимаемое образованіе—это есть работа всей жизни, и библіотека—это есть школьныя книги для взрослыхъ людей“. Вотъ исключительно правильная точка зрѣнія на библіотечное дѣло. А разъ это такъ, то это дѣло такой огромной важности, что правильнаго разрѣшенія здѣсь можно добиться, если оно будетъ *обязательнымъ* дѣломъ всего общества.

Такъ дѣло обстоитъ въ богатой Англіи. „Библіотека“, читаемъ мы въ статьѣ П. Б.—же („Публичныя библіотеки въ Англіи“ „Русск. Мысль“ 1902 г. № 10): „въ особенности, если онѣ сопровождаются опытными указаніями, какъ ими пользоваться, несомнѣнно представляютъ одно изъ лучшихъ средствъ послѣ школьнаго образованія, но, какъ таковое, оно нигдѣ *не пробовалось и не проводилось съ такой систематичностью и настойчивостью, какъ въ Англіи*“ (курсивъ нашъ). И это понятно почему! Въ Англіи библіотечное дѣло поставлено закономъ въ совершенно особыя условія.

Билль, проведенный въ англійскомъ парламентѣ около 50 лѣтъ тому назадъ и подвергшійся впослѣдствіи нѣкоторымъ существеннымъ измѣненіямъ въ своемъ окончательномъ видѣ, разрѣшаетъ городскимъ совѣтамъ, если они признаютъ это необходимымъ, предложить плательщикамъ установить специальный библіотечный налогъ; рѣшеніе вопроса зависитъ отъ большинства голосовъ самихъ плательщиковъ. Налогъ этотъ не долженъ превышать 1 пенни на 1 фунтъ облагаемаго имущества. Собранныя такимъ путемъ средства могутъ итти на: 1) сооруженіе и содержаніе

библіотечныхъ зданій и покупку для нихъ мѣста; 2) на текушіе расходы по содержанию администраціи и поддержаніе зданій; 3) на покупку книгъ.

Такимъ образомъ, къ библіотечному дѣлу здѣсь привлекается, дѣйствительно, *все общество*, и библіотека является общественномъ дѣломъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Результаты такой постановки не заставили себя ждать. Въ настоящее время такихъ библіотекъ въ Англіи насчитывается до 300 (надо замѣтить, что указанный билль можетъ примѣняться только въ тѣхъ городахъ, населеніе которыхъ составляетъ не меньше 10,000 жителей). Но что это за библіотеки!

„Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ“ говоритъ г. П. Б.—же: „зданія библіотеки представляютъ образчики произведеній архитектуры, которыми по справедливости гордится городъ, какъ, напр., Бутль, Лидсъ и пр. Въ послѣднемъ городѣ это грандіозное четырехъэтажное зданіе съ прекраснымъ подвальнымъ этажемъ, красивымъ фронтономъ, башней и пр. Въ Престонѣ (107.000 ж.) публичная библіотека стоитъ на большой площади и по архитектурѣ и грандіозности напоминаетъ афинскій пареонъ. Зданіе поддерживается со всѣхъ сторонъ величественной колоннадой, ко входу ведетъ чудесная широкая лѣстница. Прекрасно зданіе библіотеки въ Бирмингемѣ (429.000 жит.). Не говоря уже о грандіозности его, оно въ высшей степени отличается удобствами. Справочный отдѣлъ, который очень напоминаетъ читальную комнату въ британскомъ музеѣ, въ нѣсколько этажей; воздуху и свѣта масса. Столы идутъ въ 3 ряда, передъ каждымъ поставлено 4 удобныхъ кресла. По стѣнамъ расположены десятки тысячъ книгъ, которыми всякій можетъ пользоваться, непосредственно беря съ полки, безъ всякихъ формальностей“.

Какъ же у насъ, на Руси, обстоитъ дѣло съ законодательными нормами по данному вопросу. Несомнѣнно, что законамъ наши городскія самоуправленія въ данномъ отношеніи поставлены въ очень благоприятное положеніе. Такъ (см., напр., «отчетъ Ярославской Общественной Городской Пушкинской Библіотеки за 1901 и 1902 гг.» стр. 4.) «по ст. 2 Городоваго Положенія 1892 г. къ предметамъ городского обществ. управленія отнесены, между прочимъ, по § IX попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія, а по § X попеченіе объ устройствѣ *библіотекъ*, музеевъ, театровъ и другихъ подобнаго рода общественныхъ учрежденій». Несомнѣнно, что это же право содѣйствовать развитію общественныхъ библіотекъ признано закономъ и за земствами, въ частности губернскими земствами. По крайней мѣрѣ, мы имѣемъ, во-1-хъ, весьма знаменательный прецедентъ. А именно, въ «отчетѣ о дѣятельности Пермскаго библіотечнаго общества имени Д. Д. Смышляева за 1899—1900 гг.» на стр. 8 мы читаемъ: „необходимо отмѣнить, что ассигнованія иногороднихъ уѣздныхъ земствъ на содержаніе Смышляевской библіотеки были опротестованы въ 1899 г. мѣстной администраціей, на основаніи 87 ст. полож. о зем. учрежд., по губернское присутствіе по земскимъ и городск. мѣ дѣламъ, признавая за библіотек. общегубернское значеніе, не согласилось съ этимъ протестомъ; вопросъ былъ перенесенъ на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, которое отмѣнило протестъ администраціи“. Слѣдовательно, субсидировать библіотеку могутъ даже земства и тѣхъ уѣздовъ, которые не имѣютъ на своей территоріи учрежденій данной организаціи, лишь бы за нею было признано общегубернское значеніе.

Во-2-хъ, это право подтверждается большимъ количествомъ данныхъ, когда уѣздныя земства оказываютъ подѣ тѣмъ или другимъ условіемъ пособіе общественнымъ библіотекамъ. Но, какъ видно изъ „Доклада Ревизіонной комиссіи Псковской городской общественной библіотеки за 1900 г.“ (стр. 12), и губернскія земства иногда выдаютъ пособія общественнымъ библіотекамъ. А именно, такихъ губ. земствъ только что упомянутый докладъ насчитываетъ семь: Владимірское, Воровежское, Вятское, Нижегородское, Новгородское, Олонецкое, Пензенское, Полтавское и Черниговское; изъ нихъ Воровежское, Нижегородское, Олонецкое и Пензенское ока-

зываютъ ежегодныя пособія (около 200 р.), а остальные ограничивались лишь единовременными пособиями отъ 200 до 400 руб.

Какъ видимъ, не густо (важно установить, однако, самое право). Да этого и должно было ожидать (обычный нашъ приѣвъ), потому что у кормила правленія нашихъ общественныхъ дѣлъ, при данной системѣ выборовъ, стоять далеко не лучшіе люди общества, а люди, которые, говоря словами Рескина, не рискуютъ „пожертвовать за хорошую книгу порціей жирной рыбы“.

Для иллюстраціи, какъ относятся обыкновенно къ интересамъ бібліотеки наши пресловутые „отцы города“, быть можетъ, не лишнимъ будетъ привести пару фактовъ. Вотъ для примѣра возьмемъ Ярославль, одинъ изъ крупнѣйшихъ центровъ поволжья. Корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ нарисовалъ намъ недавно слѣдующую безотрадную картину.

„Здѣшнее городское управленіе, можно сказать, ничего не дѣлало и не дѣлаетъ въ области вѣтшкольнаго образованія народа. До конца 1899 г. въ городѣ съ 70-ти тысячнымъ населеніемъ не было ни одной бібліотеки, даже частной. Въ концѣ 1899 г. была открыта Некрасовская народная бесплатная бібліотека Обществомъ содѣйствія народному образованію. Но дума не оказала помощи новому просвѣтительному учрежденію. Не имѣя своего помѣщенія, бібліотека сначала находилась временно въ городской читальнѣ, а потомъ ей далъ временно помѣщеніе изъ одной комнаты мѣстный миллионеръ Н. П. Пастуховъ. Въ началѣ нынѣшняго года г. Пастуховъ „потребовалъ“, чтобы помѣщеніе освободили. Библіотечная коммисія приступила къ поискамъ кзартыры и въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ не могла найти подходящей. Въ виду этого Некрасовскую бібліотеку, вѣроятно, придется временно, а, и можетъ-быть, надолго закрыть. Между тѣмъ, она заслужила вниманіе и симпатіи рабочаго населенія города. За прошлый годъ въ бібліотекѣ насчитывалось около 4,000 подписчиковъ, которые посѣтали бібліотеку для обмѣна книгъ болѣе 60,000 разъ. Публичной бібліотеки въ Ярославлѣ тоже не было; городское управленіе совѣмъ не заботилось объ открытіи ея. Наконецъ, небольшой кружокъ интеллигенціи взялся за это дѣло. Былъ выработанъ уставъ бібліотеки (по образцу устава харьковской общественной бібліотеки) и посланъ на утвержденіе въ министерство, которое съ большими измѣненіями утвердило этотъ уставъ въ 1901 г. Въ срединѣ лѣта того же года было первое учредительное собраніе членовъ Общества, выбрано было правленіе, которое и приступило къ организаціи бібліотеки. На устройство бібліотеки дума ассигновала только 1,000 рублей, предоставивъ для бібліотеки три небольшія комнаты въ зданіи театра. Но помѣщеніе это оказалось совершенно непригоднымъ. Воздухъ въ немъ настолько плохъ, что иногда совершенно нельзя читать въ читальной залѣ“.

Или вотъ еще скорбная страничка изъ исторіи Екатеринославской городской общественной бібліотеки (см. отч. за 1902 г.). Надо замѣтить, это здѣсь бібліотека пѣликомъ находится на попеченіи городского „самоуправленія“: „на основаніи правилъ утвержденныхъ думою, высшій надзоръ за бібліотекою принадлежитъ думѣ. Завѣдываніе бібліотекою поручено особому совѣту, избираемому думою изъ лицъ, пользующихся избирательнымъ правомъ на городскихъ выборахъ“. И что же?

„Екатеринославская Городская Общественная бібліотека“, читаемъ мы въ указанномъ отчетѣ (стр. 68): „съ момента своего открытія до настоящаго времени, за немногими исключеніями помѣщалась въ городскомъ зданіи, расположенномъ въ городскомъ дворѣ по смежности Полицейскаго Управленія, а затѣмъ 3-й Полицейской Части, полицейской кордегардіи и пожарной части (Милое сосѣдство!). Кромѣ этихъ вѣтшнихъ неудобствъ, зданіе было крайне тѣсно, многія книги были сложены на полу... Съ каждымъ годомъ помѣщеніе бібліотеки становилось все неудобнѣе и неудобнѣе. Нужно замѣтить, что постройки городского двора, принадлежавшія прежде пѣлкому Кранцфельду, были одни изъ первыхъ каменныхъ построекъ въ городѣ Екатеринославѣ и потому, несмотря на реонтъ дома, при открытіи

библіотеки въ 1889 г., зданіе это пришло въ такую ветхость, что въ началѣ 1896 г. городской архитекторъ далъ заключеніе, что помѣщеніе библіотеки отъ ветхости, пришло въ такое состояніе, что грозитъ разрушеніемъ, и полы отъ тяжести книгъ могутъ провалиться. При такихъ обстоятельствахъ часть кнѣ пришлось сложить въ ящики, а часть перенести въ зимнее помѣщеніе Общественнаго Собранія, гдѣ книги находились до сентября 1896 г.“ и т. д... Грустно, читатель! Особенно, когда поставить родныя картины рядомъ съ тѣмъ, что рисуютъ намъ болѣе культурныя страны.

При такихъ условіяхъ, естественно, живутъ и развиваются только тѣ общественныя библіотеки, къ которымъ уставы привлекаютъ широкіе общественные слои, не находящіе себѣ мѣста въ нашемъ городскомъ „самоуправленіи“.

На этомъ мы и покончимъ свою бесѣду о нашихъ общественныхъ библіотекахъ.

Но, откладывая перо въ сторону, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ спеціально по адресу тѣхъ, кто затрачиваетъ и время, и трудъ на составленіе отчетовъ и всякаго рода статистическихъ таблицъ. Много у насъ „общественныхъ дѣятелей“, которые не доросли до широкаго взгляда на общественное дѣло, которые выглядятъ орлами, а въ дѣйствительности, какъ совы днемъ, дальше носа ничего не видятъ. Благодаря такимъ „практикамъ“ и „теоретикамъ“, нерѣдко приходится переживать непріятныя минуты, когда поднимается вой о непродуктивности всѣхъ затратъ на „всѣ эти статистики и литературу“. И, быть можетъ, не мало найдется такихъ, у которыхъ подъ этимъ напоромъ закрадется сомнѣніе: „а и въ самомъ дѣлѣ, стоящее ли дѣло я дѣлаю?“ Да не смущается сердце ваше! Вы вашими скучными колоннами цифръ, утомительными списками и сухими отчетами дѣлаете нужное дѣло, — дѣло, которое только вы, стоящіе на данной наблюдательной станціи, и можете сдѣлать. Каждый фактъ, который вы подыщите, зарегистрируете, поможетъ разобраться въ читательской средѣ. А помните, что говорилъ старикъ-Щедринъ („Мелочи жизни“ 183): „Я не претендую здѣсь подробно и вполне опредѣлительно разобраться въ читательской средѣ, но постараюсь характеризовать хоть нѣкоторыя ея категоріи. Мнѣ кажется, что это будетъ не бесполезно для самого читающаго люда. До тѣхъ поръ, пока читатель не выяснится, литература не приобрететъ рѣшающаго вліянія на жизнь“. А послѣднее условіе именно и составляетъ главную задачу ея существованія“.

Служите же дѣлу выясненія нашего читателя и боритесь съ узкимъ практицизмомъ, который такъ усердно стараются сѣять на нивѣ русской жизни всякія темныя силы.

А. Николаевъ.

Библіографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія.

Изданія М. Д. Орѣхова. «Новая Библіотека». Герштейкеръ. Освобожденіе негровъ въ Америкѣ, 2-е изд. съ 7 рис. ц. 10 к. П. Кобринская. Якимъ Мачукъ. Изъ жизни галиційскихъ крестьянъ съ 7 рис. ц. 8 к. В. Короленко. Сонъ Макара съ 6 рис. ц. 8 к. В. Короленко. Лѣсъ шумитъ 2-е изд. съ 2 рис. ц. 7 к. Маминъ-Сибирякъ. Озорникъ съ 3 рис. ц. 8 к. (распрод.). Маминъ-Сибирякъ. Страшные дни. Последнее искушеніе съ 4 рис. ц. 5 к. П. Мериме. Маттео Фальконе 2-е изд. съ 5 рис. ц. 6 к. И. Потапенко. Рѣдкій праздникъ съ 7 рис. ц. 10 к. (распр.). Н. Рубакинъ. Митрошкино жертвоприношеніе ц. 12 к. съ 6 рис. А. Яблоновскій. Удружили. Старый панъ. Осѣдность съ 5 рис. ц. 8 к. Последнее слово. Разсказъ. Передѣлка съ фр. съ рис. ц. 6 к.

«Народныя» изданія М. Д. Орѣхова на выставкѣ по народному образованію курскаго губернскаго земства были удостоены почетнаго отзыва. Съ другой стороны,

умѣнье издателя остановиться на книгахъ дѣйствительно цѣнныхъ и нужныхъ доказывается тѣмъ, что въ сравнительно очень короткій срокъ многія изъ брошюръ вышли уже 2-мъ изданіемъ или совершенно распроданы. Мы остановимся здѣсь только на тѣхъ его брошюрахъ, которыя имѣются въ продажѣ.

Отличительной (по сравненію, напр., съ изданіями гг. Раппа и Потапова или «Донской Рѣчи») чертой этихъ брошюръ является то, что они выдвигаютъ или людей сильной воли, которые не колеблются вступать въ борьбу и съ обществомъ («Великій грѣшникъ»), и съ своими личными привязанностями (Маттео Фальконе), разъ на карту ставятъ ихъ вѣра, ихъ честь, или событія, которыя ведутъ ихъ къ лучшему будущему, показываютъ, какъ надо бороться за свое право и свободу. («Освобожденіе негровъ», «Якимъ Мачукъ»).

На обоихъ поэтическихъ разсказахъ В. Г. Короленко мы останавливаться долго не будемъ: они пользуются достаточной извѣстностью. Скажемъ только, что эта исторія мести крѣпостного человѣка за поруганную развратнымъ паномъ честь своей жены—мести, совершенной въ ужасной обстановкѣ глубокаго холуйства съ одной стороны и дикой распущенности съ другой—должна облагораживающимъ образомъ дѣйствовать на душу читателя. Напомнимъ также одинъ изъ заключительныхъ аккордовъ, которымъ заканчивается оправдательная рѣчь, произнесенная Макаромъ передъ Великимъ Тойономъ: «А между тѣмъ, развѣ онъ не видитъ, что и онъ родился, какъ другіе, съ ясными, открытыми очами, въ которыхъ отражались земля и небо, и съ чистымъ сердцемъ, готовымъ раскрыться на все прекрасное въ мірѣ? И если теперь онъ желаетъ скрыть подъ землею свою мрачную и позорную фигуру, то въ этомъ вина не его... А чья же? Этого онъ не знаетъ... Но онъ знаетъ одно, что въ сердцѣ его истощилось терпѣнье». Такія вещи помогаютъ сознанию народа выбирать на чистый путь.

Мы не будемъ также останавливаться на прекрасной вещицѣ Н. А. Рубакина «Митрошкино жертвоприношеніе»: г-ну Рубакину, какъ выдающемуся популяризатору и интересному публицисту, мы предполагаемъ посвятить отдѣльный очеркъ, гдѣ подробнѣе побесѣдуемъ и о названномъ произведеніи. Здѣсь же скажемъ только, что оно заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны всѣхъ тѣхъ, кто работаетъ въ дѣлѣ распространенія хорошей книжки среди народа.

«Освобожденіе негровъ въ Америкѣ» представляетъ одинъ изъ эпизодовъ великой освободительной борьбы сѣвера Америки съ ея югомъ. Брошюрка явилась результатомъ сокращенія извѣстнаго романа Герштейкера: «Заря новой жизни».

Разсказъ ведется очень живо, но авторъ проявляетъ слишкомъ замѣтную слабость къ чрезвычайнымъ эффектамъ и потому,—не то что правда,—а скорѣе перспектива жизни замѣтно страдаетъ.

Все событіе вложено въ рамки одного дня. Разсказъ открывается описаніемъ охоты рабовладѣльцевъ за негромъ, принесшимъ наканунѣ своимъ сотоварищамъ вѣсть о побѣдахъ сѣверянъ и близкомъ освобожденіи. «Погоня за человѣкомъ»—такъ названа глава, описывающая эту отратительную охоту. Негра, конечно, поймали и съ торжествомъ ведутъ въ городъ, чтобы расправиться съ нимъ, какъ слѣдуетъ на глазахъ у всего чернаго населенія и этимъ навсегда отбить у рабовъ всякую мысль о близости свободы. Но времена нѣсколько уже измѣнились, и даже для того, чтобы повѣсить чернаго, приходится соблюсти нѣкоторыя формальности. Однако, судьба сулила иное. Пока бѣлые рабовладѣльцы разыгрывали въ залахъ ресторана какую-то пародію суда, явился одинъ изъ надсмотрщиковъ и сообщилъ о неожиданномъ вступленіи въ городъ отряда сѣверянъ. Это обстоятельство, конечно, совершенно измѣняетъ положеніе дѣла. Негровъ объявляютъ свободнымъ. Черные разбиваютъ тюрьму, освобождаютъ своего товарища, заключеннаго туда за свою недавнюю проповѣдь объ освобожденіи отъ рабства, и во главѣ съ нимъ идутъ огромной толпой сводить свои счеты съ наиболѣе жестокими рабовладѣльцами.

Типы очерчены очень правдиво: и эта забитость негровъ, особенно ихъ женъ,

которыя не вѣрятъ въ возможность свободы даже тогда, когда она стала несомнѣннымъ фактомъ, и эта холодная жестокость и увѣренность въ своемъ правѣ полного владѣнія другимъ человекомъ у рабовладѣльцевъ переданы широкими и яркими картинами.

Переходимъ теперь къ разсказу Корбинской—изъ жизни галиційскихъ крестьянъ.

Якимъ Мачукъ—самый заурядный крестьянинъ-руссинъ. Случай поставилъ его въ число избирателей, посылающихъ депутата въ австрійскій парламентъ (въ Австріи двойные выборы, какъ у насъ, напр., выборы въ уѣздные гласные отъ крестьянства). Якимъ былъ недурной человекъ, но, какъ темный крестьянинъ, онъ не умѣлъ ничѣмъ интересоваться, кромѣ вопросовъ, непосредственно связанныхъ съ добываніемъ копѣйки; умственный кругозоръ его замыкался тотчасъ же за предѣлами его пашни и немудреннаго хозяйственныхъ оборотовъ. Выборная агитація впервые ставитъ его лицомъ къ лицу съ болѣе широкой жизнью, заставляетъ его хотя бы почувствовать связь своего маленькаго личнаго существованія съ жизнью страны, связь своихъ эгоистическихъ интересовъ съ интересами болѣе широкихъ общественныхъ группъ. Духовная работа, вызванная этой новой точкой зрѣнія воспроизведена авторомъ прекрасно, эпизоды выбраны удачно, книжечка сначала до конца читается съ неослабываемымъ интересомъ.

Но пойдемъ дальше. Возьмемъ брошюрку съ разсказами Яблоновскаго.

Изъ трехъ разсказовъ талантливаго писателя особеннаго вниманія заслуживаетъ первый и послѣдній.

Первый написанъ съ такимъ неподдѣльнымъ и сильнымъ юморомъ, что невольно подъ конецъ разсмѣешься, а улыбку не стонишь съ лица въ теченіе всего разсказа. Это—нехитрая повесть объ одной побѣдѣ важнаго и раздраженнаго барина по лѣсной дорогѣ темной ночью. Добродушный полѣщукъ-проводникъ и сердитый баринъ—вотъ два контраста, на которыхъ вертится разсказъ. Думаемъ, что съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтитъ этотъ разсказъ народная аудиторія.

Второй изъ разсказовъ: «Старый панъ» о скужащемъ, больномъ помѣщикѣ ничего особеннаго собой не представляетъ, хотя прочтется не безъ удовольствія.

Но за то третій разсказъ является въ дешевой литературѣ очень цѣннымъ. Здѣсь сильными и вѣрными штрихами обрисована симпатичная фигура еврея, задыхающагося въ чертѣ «осѣдлости». Для того, чтобы понять весь ужасъ этой осѣдлости и вообще еврейскаго положенія, необходимо, говоря словами героя разсказа, «залѣзть въ еврейскую шкуру, но такъ, чтобы выолнѣть, какъ еврей, чтобы, наприкладъ, если ты захочешь жить здѣсь, такъ тебѣ говорили: извините, нельзя! Если захочешь жить тамъ—тоже: извините, нельзя; если захочешь заниматься своимъ дѣломъ, опять: извините, нельзя; если желаешь поступить на службу—еще разъ извините; если желаешь учить своихъ дѣтей—опять извините, и такъ, чтобы всегда, чтобы вся твоя жизнь была больше ничего, какъ одно громадное «извините», и чтобы первое слово, которое ты услышишь, когда родился, было—«извините», и послѣднее, когда будешь умирать,—тоже „извините“.

Далѣе, одна изъ нераспроданныхъ еще брошюркъ содержитъ два разсказа Мамина-Сибиряка: «Страшные дни» и «Послѣднее искушеніе».

Въ первомъ передается исторія излѣченія стараго слѣпотаго раскольникяго начетчика. Ему сдѣлана операція, и онъ послѣ десяти лѣтъ слѣпоты сталъ зрячимъ. Автору прекрасно удалось передать борьбу двухъ теченій, протекающихъ въ душѣ старика: съ одной стороны чисто фізіологическая жажда снова увидѣть міръ Божій, съ другой раскольничьи предрасудки, заставляющіе съ предубѣжденіемъ относиться къ докторамъ, искушающимъ волю Божию. Прекрасно переданы также первые моменты, когда старикъ созналъ себя снова зрячимъ.

Второй разсказъ написанъ особенно поэтично и читается прямо-таки съ захватывающимъ интересомъ. Въ глухомъ лѣсу въ своей тѣсной кельѣ молится схим-

никъ. Нечистая сила бешуетъ вокругъ и пытается ввести святого отца въ искушеніе. Но онъ строго стоитъ на стражѣ интересовъ своей души. Вдругъ въ келью появляется его родной братъ Акимъ, ставшій извѣстнымъ разбойникомъ. За нимъ погоня, ему грозитъ страшная казнь того времени (событіе взято изъ временъ татарщины). Убѣдилъ, улестьилъ разбойникъ святого отца принять на себя грѣхъ, обмануть стражу и воеводу, спрятать родного брата въ своей кельѣ. Разбойникъ спасся, и рассказъ оканчивается слѣдующимъ обращеніемъ старца къ воеводѣ:

„Прости меня недостойнаго, Иванъ Лукьянычъ... Солгалъ я тебѣ, а брата спасъ. Вѣдь родной братъ мнѣ Акимъ-то... Последнее это было искушеніе, Иванъ Лукьянычъ. Всѣ искушенія претерпѣлъ и превозмогъ, а тутъ ослабъ. И не я тебѣ лгалъ, а любовь“.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о двухъ брошюрахъ: „Маттео Фальконе“ и „Последнее слово“. Обѣ онѣ съ точки зрѣнія художественной должны быть отнесены къ числу датеко не лучшихъ: ужъ очень грубо и рѣзко накладываются тѣни, внезапно и безъ достаточныхъ основаній развертываются наиболѣе эффектные событія. Первая заимствована изъ жизни полуидикихъ горцевъ Италіи, вторая изъ тюремной жизни французскихъ уголовныхъ преступниковъ. Но художественные недостатки выкупаются смѣлыми и сильными характерами главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, эти брошюры слѣдуетъ отнести къ числу хорошихъ книгъ на нашемъ книжномъ рынкѣ.

Всѣ перечисленныя брошюры смѣло можно рекомендовать для всѣхъ читателей, начиная съ средняго отдѣленія народной школы. Къ сожалѣнію, изданія М. Д. Орѣхова не пользуются повидимому симпатіями Ученаго Комитета, и, кажется, ни одна изъ названныхъ брошюръ не попала въ число допущенныхъ въ ученическія бібліотеки.

А. А. Н.

В. Н. Ладыженскій. Что такое земство. Чтеніе для школъ и народа. Съ портретомъ императора Александра II. Издано въ пользу просвѣтительныхъ учреждений Пензенской губ. М. 1902 г. ц. 5 к. 15 стр.

Читая рассказъ о Якимѣ Мачукѣ, не знавшимъ элементарныхъ своихъ правъ, я невольно вспоминалъ одинъ изъ фактовъ, на который мнѣ пришлось наткнуться во время статистическаго изслѣдованія одного изъ бойкихъ уѣздовъ подстоличной губерніи два-три года тому назадъ.

Мы только что закончили описаніе большого угла одной изъ волостей и собирались назавтра переключать какъ разъ въ противоположную сторону изслѣдуемаго участка.

— Вотъ и отлично,—говорилъ нашъ хозяинъ, пожилой и зажиточный мужикъ: завтра я васъ предоставляю въ волость, какъ разъ требуютъ на сходъ.

— А что у васъ тамъ на сходѣ будетъ? спросилъ кто-то изъ насъ такъ себѣ, отъ нечего дѣлать.

— Да быдто выбирать кого-то надо,—отвѣчалъ хозяинъ.

Куда выбирать?

— Да въ городъ ходить,—и, подумавъ, прибавилъ: «въ судъ ходить».

Утромъ на другой день мы были въ волости, гдѣ и узнали, что избирается отъ волости земскій гласный. Мы уѣхали дальше, когда сходъ еще не собрался, и, отѣхавъ отъ волости верстъ за 5—6, осѣли и работали среди кучки мужиковъ, когда выборщики одинъ за другимъ, возвращаясь изъ волости, подходили послушать, какъ старики торговались изъ-за каждой высѣянной мѣрки, изъ-за cadaго собраннаго снопа.

Каждому изъ подходившихъ выборщиковъ, только-что закончившему столь важный государственнй актъ, какъ избраніе земскаго гласнаго, я неизмѣнно предлагалъ одинъ и тотъ же вопросъ: „кого выбрали?“. И получалъ стереотипный

отвѣтъ: „да въ городъ, въ судъ ходить“. И такъ второй, третій, четвертый. Наконецъ, нашелся одинъ, который сообщилъ: „выбирали въ городъ ходить, начальству жалованье класть“.

Вотъ вамъ и все представленіе о земствѣ средняго крестьянина! Думаю, что при настоящемъ положеніи выборовъ, такое отношеніе является не исключительнымъ, а скорѣе типичнымъ. Вотъ почему популяризація земскихъ учреждений дѣло неотложной важности. Посмотримъ, какъ справился съ нею нашъ авторъ.

Прежде всего онъ упростилъ и обезцвѣтилъ матерьялъ до той степени, при которой для брошюрки на общественную тему долженъ быть обезпеченъ доступъ къ „чтеніямъ для школъ и народа“.

Ну, въ самомъ дѣлѣ, какъ, говоря о выборахъ въ земскіе гласные, ни слова не сказать о той системѣ, которой подчиненъ выборъ гласныхъ изъ крестьянъ, какъ ни словомъ не обмолвиться о той вопіющей неравномѣрности, съ которой представлены въ земскихъ собраніяхъ интересы различныхъ группъ землевладѣнія, какъ умолчать о томъ отступленіи отъ нормъ прежняго земства, которое разрѣшаетъ каждому сословію представлять свои интересы только путемъ избранія членовъ своего же сословія. И какое же нравственное право послѣ этого имѣлъ авторъ утверждать, что такое земство устроено для того, „чтобы само общество (курс. нашъ) могло вѣдать мѣстныя пользы и нужды *черезъ своихъ выборныхъ людей*“? (курс. нашъ).

Или, какъ, говоря о земскомъ обложеніи, не указать на предѣльность его, на суженіе его права въ вопросахъ оцѣнки фабрикъ и заводовъ?

Затѣмъ одно перечисленіе правъ земства безъ ясныхъ указаній тѣхъ предѣловъ, которые установлены позднѣйшими новеллами (напр., продовольственное дѣло) можетъ ввести читателя только въ заблужденіе.

Въ общемъ книженка пустая. Но „на безрыбь и ракъ—рыба“. За неимѣніемъ ничего лучшаго приходится и ее имѣть въ виду.

А. А. Н.

А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Каталогъ книгъ для народныхъ чтеній. Ц. 50 к. Нижній-Новгородъ 107 стр. 1903 г.

Весьма полезная попытка помочь устроителямъ чтеній съ туманными картинками разобраться во всемъ запасѣ книгъ и брошюръ, которые могли-бы служить для указанной цѣли.

Въ каталогѣ г. Лебедева всего приведено 1597 книгъ и брошюръ. Это собственно только рекомендательный каталогъ, т. е. изъ всей массы болѣе или менѣе подходящихъ для этой цѣли изданій выбрано, «что получше». Классификація, собственно, самая примитивная (см. ниже). Приведены не только тѣ книги, которыя разрѣшены для народныхъ чтеній, но и тѣ, на которыхъ таковое разрѣшеніе не распространяется, но которыя, тѣмъ не менѣе, для данныхъ цѣлей годятся *in extenso* или въ отрывкахъ.

Такимъ образомъ, на каталогъ г. Лебедева слѣдуетъ смотрѣть, какъ на первый шагъ въ дѣлѣ помощи нашимъ чтеніямъ съ туманными картинками. Это единственно разумное удовольствіе, которое въ довольно широкихъ размѣрахъ доступно теперь народнымъ массамъ. А между тѣмъ, посмотрите только, въ какомъ запущенномъ состояніи находится у насъ эта область. Вѣдь специальная литература по этому вопросу почти совершенно отсутствуетъ. Само собою понятно, что книжка предназначенная для самостоятельнаго чтенія малоподготовленнаго читателя—одно дѣло, а книжка, приспособленная для чтеній съ туманными картинками,—другое. А между тѣмъ этихъ-то послѣднихъ и нѣтъ.

Кромѣ списка книгъ, въ работѣ г. Лебедева мы имѣемъ: «Краткія указанія, какъ организовать и вести чтенія съ волшебнымъ фонаремъ (Новыя правила о народныхъ чтеніяхъ 28 января 1901 г.—Правила о чтеніяхъ, устраиваемыхъ попечительствами о народной трезвости, духовнымъ вѣдомствомъ,—по ме-

дицинѣ, гигиенѣ, ветеринаріи и животноводству). Ходатайства объ открытіи. Помѣщенія для народныхъ чтеній. Волшебный фонарь. Свѣтоты картины. Выборъ матеріала для чтеній.

Самый списокъ разбитъ на семь отдѣловъ: I отд. Духовно-нравственный (изъ библейской исторіи, жизнеописанія святыхъ, путешествія по святымъ мѣстамъ, назидательное чтеніе). II отд. Исторія (Русская исторія, историческіе рассказы и біографіи, всеобщая исторія, историческіе рассказы и біографіи). III отд. Географія (Географія Россіи. Географическіе рассказы и путешествія. Всеобщая географія. Географическіе рассказы и путешествія. Географія математическая и физическая. IV отд. Естественно-научный. V отд. Сельское хозяйство, технологія и законы. VI отд. Медицина и гигиена. VII отд. Словесность (Сказки и рассказы для дѣтей. Былины, басни и стихотворенія. Повѣсти, рассказы и другія произведенія).

Въ заключеніе приведены двѣ программы систематическихъ чтеній по русской исторіи и географіи Россіи.

Книжечка г. Лебедева появляется на рынкѣ, какъ нельзя кстати.

А. А. Н.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Освальд Кюльпе. Современная философія въ Германіи. Переводъ съ нѣмецкаго М. Лемберка, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге.

Книга Кюльпе изображаетъ и критикуетъ четыре основныхъ направленія въ современной философіи, а именно: позитивизмъ (Махъ, Дюрингъ; ученіе Авенариуса въ книгѣ не разсматривается), матеріализмъ (Геккель), «натурализмъ» (Ницше) и «идеализмъ» (идеализмъ Кюльпе называетъ спиритуалистическую и эмпирическую метафизику Фехнера, Лотце, Гартмана и Вундта). Взгляды автора нѣсколько не выяснены. Съ одной стороны, онъ увлекается «идеализмомъ»; въ немъ—какъ и въ позитивизмѣ—видитъ онъ *научную* и *жизненную* философію, «которая относится отрицательно къ произвольной спекуляціи, покоящейся исклю-чительно на свободномъ и чистомъ мышленіи». Своего учителя, Вундта, Кюльпе сравниваетъ, по всеобъемлющей глубинѣ творчества, съ Аристотелемъ и Лейбницемъ. И, однако, наиболѣе тонкія и внушительныя критическія замѣчанія находимъ мы у Кюльпе въ его разсмотрѣніи «идеализма». Мы находимъ у него твердое опроверженіе вундтовскаго ученія о самоочевидности и достовѣрности внутренняго опыта, «непосредственнаго» опыта; Кюльпе противопоставляетъ ему взглядъ Ницше: «Я непоколебимо убѣжденъ,—(говоритъ Ницше), что внутренній міръ также лишь феноменаленъ; все, что сознается нами, затѣмъ вдоль и поперекъ исправляется, упрощается, схематизируется и истолковывается»; взглядъ, впервые высказанный Кантомъ въ ученіи о «внутреннемъ чувствѣ», открывающемъ намъ наше «я», какъ явленіе, но не какъ вещь въ себѣ. Кюльпе опровергаетъ также вундтовскую метафизику воли. Двойственность Кюльпе, ясно отмѣченная профессоромъ Ланге въ предисловіи къ книгѣ, проявляется и въ его отношеніи къ эмпирической метафизикѣ Фехнера, Лотце, Гартмана и Вундта. Я попытаюсь кратко изобразить ея сущность.—На всѣхъ разрозненныхъ точныхъ наукахъ, какъ на фундаментѣ, новые идеалисты созидаютъ воздушное метафизическое построеніе, объединяющее отдѣльныя науки, одухотворяющее ихъ. Вершины построенія уносятся въ безконечность, къ абсолютному, къ вещамъ въ себѣ. Орудіе земной критики не можетъ разрушить его, въ его воздушности; однако, вмѣстѣ съ прелестью и неприкосновенностью неземною, оно совмѣщаетъ эфемерность, хотя и не виситъ на воздухѣ, но опирается на видимое основаніе. Метафизическія построенія новыхъ идеалистовъ принципиально недостовѣрны; они гипотетичны, при чемъ никогда эти гипотезы не могутъ преобразоваться въ точныя научныя теоріи. Вотъ это-то ученіе Кюльпе всячески пытается оправдать, то необходимою потребностью разума человѣческаго, то нравственными соображеніями, безусловно не убѣдительными, такъ какъ нравственность можетъ найти защиту не у однихъ

только новых идеалистовъ. И въ то-же время Кюльпе ясно видитъ воздушность эмпирической метафизики.—Вполнѣ справедливо отмѣчаетъ профессоръ Ланге въ предисловіи къ книгѣ необоснованность утвержденія Кюльпе, что старая философія покоилась на произвольной спекуляціи, пренебрегая результатами опытныхъ наукъ (тогда какъ эмпирическая метафизика основывается на нихъ—и въ этомъ, по Кюльпе, ея превосходство).

Идеализмъ, ищущій «идеальнаго толкованія всякаго познанія», Кюльпе противопоставляетъ позитивизму, матеріализму и натурализму, отрицающимъ возможность и необходимость подобнаго толкованія, основывающимъ практическія задачи и цѣли на добытыхъ положеніяхъ опытныхъ наукъ. Послѣднія три ученія являются «философіей дѣйствительности». Изложенію cadaго Кюльпе предпосылаетъ краткій историческій очеркъ его развитія.

Всѣ основанія положенія маховскаго и дюринговскаго позитивизма кажутся Кюльпе ложными. По Маху, всякая наука—не болѣе, какъ мысленное воспроизведеніе фактовъ, то-есть даннаго содержанія въ сознаніи или въ ощущеніи. Кюльпе опровергаетъ Маха, указывая на «самостоятельное значеніе», «самостоятельную законность» мыслей, на недостоверность ощущеній; «изъ нихъ можетъ произойти все или ничего; но сами по себѣ они не являются ни опорой и фундаментомъ, ни ложью и обманомъ»; они требуютъ, прежде всего, истолкованія.

Позитивизмъ, подчиняющій мышленіе опыту, является, по Кюльпе, необходимою реакціею противъ абсолютной философіи, «безгранично довѣрившей способностямъ разума», противъ Гербарта, Шопенгауэра и др.; но въ своемъ отрицаніи не только существующихъ метафизическихъ системъ, но и метафизической потребности, позитивизмъ догматиченъ. Противъ матеріализма, въ частности противъ матеріализма Геккеля, Кюльпе направляетъ три возраженія. Во-первыхъ, основанное на естествознаніи, на законѣ о сохраненіи энергіи: «порожденіе какихъ-либо явленій сознанія путемъ матеріальныхъ процессовъ, говоритъ Кюльпе, означало бы потерю, скажемъ, химической формы энергіи безъ замѣщенія ея эквивалентнымъ количествомъ какой-либо другой изъ извѣстныхъ намъ формъ энергіи». Второе изъ психологій: «Даже самъ Бюхнеръ долженъ признать, что мы не знаемъ, какимъ образомъ какой-нибудь нервный процессъ вызываетъ явленія сознанія». Психологія не нуждается въ матеріализмѣ, не способна доставить ей объясненіе ея фактовъ. Третье изъ теорій познанія. Матеріализмъ вѣритъ, что посредствомъ понятій матеріи и энергіи можно вывести душевную жизнь; но установленіе этихъ понятій основывается не на ощущеніяхъ, не на психическихъ явленіяхъ, а на наблюденіи смѣны, возникновенія и исчезновенія этихъ явленій; объяснить психическую жизнь они не въ состояніи.—Сочиненіе Геккеля «Міровыя задачи» кажется Кюльпе ненаучнымъ и вульгарнымъ. Въ отбѣнкѣ Ницше мы находимъ у Кюльпе обычное для современныхъ нѣмецкихъ профессоровъ философіи признаніе его своеобразной и замѣчательной даровитости рядомъ съ неизбѣжнымъ указаніемъ на непримиримыя противорѣчія въ его мысляхъ. Кюльпе, впрочемъ, пробуетъ систематизировать взгляды Ницше, исходя изъ ницшевскаго—«утвержденія жизни», подчиняющаго себѣ познаніе, какъ средство, изъ «натурализма» Ницше. И несмотря на признаніе благородныхъ стремленій у Ницше, «натурализмъ» его представляется Кюльпе «регрессивнымъ».—Слѣдуетъ изложеніе и критика, причудливыхъ по сочетанію трезости съ мечтательностью, построеній Фехнера, затѣмъ Лотце, Гартмана и Вундта, идеалистовъ, о которыхъ я уже говорилъ выше, и заключеніе, краткій очеркъ основныхъ мыслей нѣмецкой философіи, оканчивающійся утвержденіемъ необходимости метафизическаго возрожденія. «Мы должны,—пишетъ Кюльпе,—снова пуститься въ тотъ океанъ, отъ котораго настоятельно предостерегалъ Кантъ, указавшій, что на немъ туманы и ледяныя горы кажутся новыми странами; но мы должны предпринять это плава-

ніе, обдуманно направляя наше мышленіе на достижимыя цѣли, при полномъ сознаніи безконечности цѣлей науки и ограниченности во времени нашего бытія». Задача, поставленная философін настоящимъ для разрѣшенія въ ближайшемъ будущемъ—«проблема реальности».

Книга Кюльпе—очень дѣльное и полезное введеніе въ современную нѣмецкую философію. Авторъ, серьезно разсмотрѣвшій ея построенія, изображаетъ ихъ въ ясной и сжатой формѣ. Искренняя любовь и живая заинтересованность предметомъ—вотъ главное достоинство книги, очень многимъ доступной. Въ виду разгорающагося интереса къ философін въ русскомъ обществѣ, появленіе ея перевода крайне своевременно, и желательно наиболѣе широкое его распространеніе.

В. В.—нѣ.

Völkerkunde, von Dr. Heinrich Schurz. Leipzig und Wien, 1903. *).

Кто не помнитъ со своей школьной скамьи «скучнаго урока» географіи. Сухость преподаванія этого предмета въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не только у насъ, но и за границей, вошла даже въ поговорку. А между тѣмъ наука географія далеко не сухой «предметъ». Имѣя своимъ предметомъ описаніе разнообразныхъ частей нашей планеты въ связи съ разнообразными культурными вкладами, обитающаго на ней человѣческаго рода, эта наука никогда не находилась въ застоѣ, а въ наше время она быстро развивается, обогащается все новыми и новыми приемами изслѣдованія, расширяетъ свои связи съ другими науками о природѣ и человѣкѣ и каждымъ своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ способна внушить глубокий интересъ не только среди специалистовъ, но и въ образованномъ обществѣ вообще. Естественно, что вина за отсутствіе живого интереса къ географіи среди учащихся падаетъ, главнымъ образомъ, на постановку ея преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. На конгрессахъ географовъ не разъ поднимался вопросъ о нецѣлесообразной постановкѣ школьнаго преподаванія географіи, равно какъ о недостаточныхъ познаніяхъ учителей по этому предмету. Предпринятая профессоромъ Максимилианомъ Кляромъ серія изданій по «землѣвѣднію» (Erdkunde) имѣетъ цѣлью доставить учителямъ среднихъ школъ подходящую энциклопедію по географіи и связаннымъ съ ней наукамъ и облегчить имъ необходимую ориентировку въ областяхъ изслѣдованія, непосредственно примыкающихъ къ ихъ предмету. Предназначенная, такимъ образомъ, для руководства преподавателямъ, названная серія, состоящая изъ 30 томовъ, представляетъ также интересъ для широкой читающей публики.

Лежащая передъ нами книга извѣстнаго недавно умершаго историка культуры Шурца составляетъ пятнадцатый томъ серіи Erdkunde и носитъ названіе Völkerkunde—народовѣдніе. По Шурцу, народовѣдніе болѣе широкое понятіе, чѣмъ этнологія. Подъ послѣдней онъ понимаетъ лишь сравнительное народовѣдніе—науку, занимающуюся изслѣдованіемъ развитія человѣчества и его состояній. Народовѣдніе въ широкомъ смыслѣ обнимаетъ также и статическую часть этой науки—этнографію, которая, какъ дисциплина чисто описательная, вѣрно изображаетъ особенности разныхъ народовъ, отмѣчаетъ ихъ различія и стремится дать вѣрную картину всего человѣчества. Какъ во всѣхъ естественныхъ наукахъ, и въ народовѣдніи статика должна методологически предшествовать динамикѣ. Этнографія, т. е. подходящая классификація человѣчества на расы, типы, народности и т. д., должна составлять такимъ образомъ основу народовѣднія. Но такая классификація не можетъ быть произвольной. Она должна

*) «Народовѣдніе» Г. Шурца, равно, какъ и рецензируемую выше книгу Кюльпе, редакция «Вѣстника Знанія» даетъ своимъ подписчикамъ безплатными приложеніями въ 1904 г., поэтому краткій отчетъ объ этихъ сочиненіяхъ будетъ, вѣроятно, не безынтересенъ для нашихъ читателей.

быть приноровлена къ общимъ задачамъ науки, имѣющей историческій характеръ. Подраздѣлять человѣчество на группы можно по различнымъ признакамъ: можно въ основу подраздѣленія положить строеніе тѣла отдѣльнаго человѣка, какъ это и дѣлаетъ антропологія; можно установить чисто географическое подраздѣленіе человѣчества по свойствамъ обитаемыхъ земель; можно раздѣлять людей по языкамъ или по группамъ языковъ, по политическимъ признакамъ и т. д. Этнографія поэтому должна принимать во вниманіе вліяніе всѣхъ этихъ факторовъ (географическія условія, языкъ, историческія судьбы и т. д.) на образованіе различныхъ народовъ и расъ и должна пользоваться антропологіей, антропо-географіей, лингвистикой и др., какъ вспомогательными науками. Этнологія же по Шурцу распадается на отдѣльныя частичныя науки. Такъ какъ народы и другіе общественные агрегаты не представляютъ собою чего-то вѣчнаго, а образовались путемъ постепенныхъ измѣненій изъ низшихъ общественныхъ формъ, то эти измѣненія и превращенія общественныхъ формъ подлежатъ вѣдѣнію особой отрасли народовѣднія, *соціологіи*, въ которую Шурцъ включаетъ также сравнительное правовѣдніе. Затѣмъ въ народовѣдніе должна входить, по мнѣнію Шурца, также политическая экономія для выясненія вліянія хозяйства на фізіономію народовъ, равно какъ и исторія культуры.

При такомъ широкомъ толкованіи задачи народовѣднія Шурцу пришлось прибѣгнуть къ чрезвычайно сжатому изложенію, чтобы хоть въ общихъ чертахъ обрисовать состояніе этой науки. Согласно своей схемѣ, онъ раздѣляетъ свое изложеніе на три части: первая часть, трактующая объ «основахъ народовѣднія» можетъ быть названа, по терминологіи автора, *этнографіей*; вторая часть носитъ названіе «сравнительное народовѣдніе» и обнимаетъ соціологію, политическую экономію и ученіе о культурѣ; третья часть, наконецъ, представляетъ перечень главнѣйшихъ народовъ міра по классификаціи, изложенной въ первой части, съ краткимъ описаніемъ географической среды, быта и историческаго значенія cadaго.

Для читающей публики самой интересной является вторая часть книги. Стоя на высотѣ современной соціологической и историко-культурной мысли, авторъ въ этой части своей книги знакомитъ читателя съ новѣйшими теоріями въ этой области, указываетъ на ихъ происхожденіе и исправляетъ нѣкоторыя неточности. При возрастающемъ въ наше время интересѣ общества къ соціологическимъ теоріямъ это сжатое изложеніе окажетъ безъ сомнѣнія большую услугу читателю не-специалисту и поможетъ ему разобраться въ пестрой смѣси различныхъ системъ и теорій. Мы думаемъ, поэтому, въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашей «Энциклопедической Библіотеки» помѣститъ переводъ этой части книги Шурца.

Собственно говоря, народовѣдніе должно было бы заниматься описаніемъ быта и историческаго развитія всѣхъ народовъ, какъ стоящихъ на высшихъ ступеняхъ современной цивилизаціи, такъ и находящихся еще въ самомъ дикомъ состояніи. Но историческое изслѣдованіе жизни культурныхъ народовъ такъ далеко ушло впередъ, что народовѣдніе можетъ, по отношенію къ нимъ лишь вносить нѣкоторыя поправки и дополненія. Зато жизнь первобытныхъ народовъ оставалась безъ всякаго вниманія историческими науками. А между тѣмъ, для народовѣднія, имѣющаго дѣло съ типичными особенностями различныхъ общественныхъ формъ, жизнь первобытныхъ народовъ представляетъ весьма цѣнный матеріалъ для изслѣдованія исторической нити, проходящей отъ примитивной группировки человѣчества до сложной его современной группировки. Но и на самыхъ низшихъ ступеняхъ культуры мы уже встрѣчаемъ довольно пестрое распредѣленіе народовъ. Поэтому классификація человѣчества является необходимой для этнолога при самомъ началѣ его изслѣдованій.

Шурцъ излагаетъ въ этнографической части своей книги важнѣйшія клас-

сификаціонныя попытки ученыхъ въ этой области: подраздѣленіе людей по цвѣту кожи, по формѣ черепа, по формѣ волосъ и по другимъ признакамъ. Не отрицая нѣкотораго значенія за этими классификаціонными системами, облегчающими во всякомъ случаѣ общій обзоръ, авторъ разбираемой книги отмѣчаетъ, однако, искусственность и случайность ихъ построеній и противопоставляетъ имъ, какъ болѣе подходящія для народовѣдѣнія, *естественныя классификаціонныя системы*, въ которыхъ принимаются во вниманіе *всѣ* физическіе отличительные признаки и географическія условія. Такова классификація Блюменбаха, установившая пять человѣческихъ расъ: кавказскую, монгольскую, африканскую, американскую и малайскую, — со внесенными въ нее Пешелемъ и Гекелемъ поправками и дополненіями. Но и эта классификація не удовлетворяетъ автора, такъ какъ въ ней не приняты во вниманіе историческія судьбы различныхъ частей человѣчества. Правильная классификація должна быть *естественно-исторической*, попытки къ которой уже сдѣланы нѣкоторыми этнографами, а главнымъ образомъ, Киномъ и Штрадомъ. Основываясь на результатахъ изслѣдованій послѣднихъ, Шурцъ даетъ слѣдующую классификацію человѣчества, которая, по его мнѣнію, должна быть признана наиболѣе удовлетворительной. Прежде всего необходимо отличать древнія, почти уже исчезнувшія человѣческія расы отъ современныхъ болѣе или менѣе чистыхъ и смѣшанныхъ расъ; и поэтому Шурцъ устанавливаетъ три разряда расъ: древнія расы, главныя расы и смѣшанныя расы. Къ первому разряду онъ относитъ древне-азиатскую расу, нѣкогда населявшую сѣверную Европу и сѣверную Азію, и сохранившуюся еще лишь въ видѣ остатковъ въ бородатыхъ айно на Іезо и Сахалинѣ; затѣмъ эоипскую расу, слѣды которой имѣются въ сѣверной Африкѣ, и расу карликовъ, нѣкогда сильно распространенную въ Африкѣ, гдѣ имѣются еще слабыя слѣды ея. Второй разрядъ—главныя расы—распадается на слѣдующія расовыя группы: европейско-западноазиатскую, азиатско-полинезійскую, нигритинскую и американскую. Эти группы (кроме послѣдней) въ свою очередь раздѣляются на отдѣльныя расы, которыхъ 3 (сѣверная, альпійская и средиземная) въ первой группѣ, 2 (монгольская и малайская) во второй, и 4 (негры, темнокожіе индійцы, нигриты индійскихъ острововъ и австралійцы) въ третьей. Третій разрядъ—смѣшанныя расы—состоитъ изъ двухъ расъ: финно-угрійской и берберской. Продолженіе этой классификаціи по народнымъ группамъ и отдѣльнымъ народностямъ составляетъ содержаніе третьей части книги.

Мы не можемъ, конечно, въ журнальной рецензіи подробно разобрать предлагаемую Шурцомъ классификацію, а отмѣтимъ только общее ея достоинство—полноту, которой не было достигнуто ни одной изъ другихъ этнологическихъ классификацій. Заслуживаетъ одобренія также и то, что авторъ принималъ во вниманіе и народные признаки, вытекающіе изъ историческихъ переживаній и старался показать этническое вліяніе одной народности на другую. Рискованнымъ намъ, однако, представляется включеніе авторомъ въ народные или расовые признаки свойствъ психологическаго характера, какъ добродушіе, завистливость, прямота характера, хитрость и т. п. Помимо трудности провѣрки такихъ признаковъ, когда они приписываются цѣлой народности или расѣ, общія психологическія свойства весьма непостоянны, мѣняются отъ поколѣнія до поколѣнія и встрѣчаются въ разныхъ классахъ разныхъ народовъ съ той или другой рельефностью, когда историческія обстоятельства имъ благопріятствуютъ. А для прочной классификаціи такіе общіе, не бросающіеся въ глаза психологическіе признаки мало пригодны и могутъ привести къ весьма нежелательнымъ попыткамъ построенія не выдерживающимъ критики теорій о расовой нравственности или безнравственности, расовыхъ умственныхъ качествахъ и пр.

Заслуживаетъ вниманія читателей также, помѣщенное въ концѣ книги, при-

ложеііе, въ которомъ авторъ даетъ цѣнныя указанія профанамъ, лишеннымъ возможности совершить дорого стоящія путешествія въ страны первобытныхъ народовъ, но имѣющимъ склонность къ занятіямъ и даже самостоятельнымъ изслѣдованіямъ по народовѣднію.

А. Г.

А. И. Яцимирскій. Сборникъ Тверского Общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія. Выпускъ I. Тверь 1903 г.

Первый выпускъ „Сборника“ тверского кружка историковъ и археологовъ показываетъ, что и въ провинціи умѣютъ разрабатывать русскую исторію не сколько не хуже присяжныхъ ученыхъ. „Сборникъ“ является результатомъ занятій членовъ одной только историко-археологической секціи Общества. Выпускъ составленъ очень полно, разносторонне и интересно. Статьи его касаются, главнымъ образомъ, древней географіи и исторіи города Твери и Тверского края. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ статей посвящены характеристикѣ творчества А. С. Пушкина и воспоминаніямъ о его пребываніи въ Твери. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ очерковъ по народнымъ повѣріямъ и обычаямъ, сохранившимся до настоящаго времени среди крестьянскаго населенія Тверской губерніи. Наконецъ, послѣдній отдѣлъ выпуска — библиографическій, посвященный разбору сочиненій, касающихся Тверского края. Остановимся на нѣкоторыхъ статьяхъ болѣе подробно.

Обращаютъ на себя особое вниманіе: „Личныя воспоминанія о Н. В. Гоголѣ“ Е. Н. Бастамовой, родной сестры поэта Алмазова. Она передаетъ интересный рассказъ о знакомствѣ Гоголя съ нѣкоей Шереметьевой. Гоголь познакомился съ ней на одномъ парадномъ обѣдѣ слѣдующимъ образомъ: „Старушка Шереметьева была большая оригиналка,—разсказываетъ г-жа Бастамова.—У ней были стриженные волосы, ходила она въ чепцѣ. Послѣ обѣда она сняла свой чепецъ и повѣсила его передъ собою на палку, бывшую у нее въ рукахъ. Увидѣвъ это, Гоголь разсмѣялся и попросилъ познакомиться съ нею. Гоголя представили ей, онъ развалился, почти разлегся около нея на диванѣ.

— Батюшка, я вижу, что ты большая знаменитость, но можешь вести себя все-таки поприличію,—сказала она Гоголю.

„Это смутило, даже ошеломило Гоголя. Онъ началъ съ ней разговоръ и они послѣ того разговорились и долго мирно бесѣдовали. Съ этихъ поръ Гоголь сталъ бывать у Шереметьевой, и между ними даже завязалась переписка“.

Далѣе г-жа Бастамова разсказываетъ о первой встрѣчѣ Гоголя съ извѣстнымъ ржевскимъ священникомъ о. Матвѣемъ Константиновымъ, происшедшей въ 1851 году, и даетъ характеристику о. Матвѣя. Онъ былъ большимъ постникомъ, замѣчательнымъ проповѣдникомъ, при чемъ въ проповѣдяхъ нерѣдко касался окружающей жизни. Того мистическаго оттѣнка, которымъ отмѣчено его дальнѣйшее вліяніе на нашего писателя, въ то время еще не было замѣтно. Проповѣди о. Матвѣя такъ сильно дѣйствовали на слушателей, въ особенности на раскольниковъ, что послѣдніе считали его „совратителемъ“ и даже подожгли его домъ. Несмотря на распространенную ненависть жителей Ржева къ евреямъ, о. Матвѣй относился къ нимъ замѣчательно просто и искренно, часто бесѣдовалъ съ ними, читалъ имъ Евангеліе и т. д. Далѣе г-жа Бастамова сообщаетъ небольшой отзывъ о встрѣчѣ Толстого съ тѣмъ-же о. Матвѣемъ. „Однажды явился въ соборъ Толстой, много наслышанный объ о. Матвѣѣ,—разсказываетъ г-жа Бастамова.—Въ церкви онъ стоялъ впереди всѣхъ. О. Матвѣй по обычаю произносилъ проповѣдь. На этотъ разъ онъ началъ проповѣдь такъ: „Многіе приходятъ въ церковь съ разными намѣреніями; одни приходятъ помолиться, другіе покаяться, а нѣкоторые послушать и посмотретьъ, что скажетъ попъ“. Говорилъ все это онъ, уставившись глазами на Толстого. Толстой очень смутился и тотчасъ послѣ обѣдни сдѣлалъ

ему визитъ. Съ этихъ поръ между ними и завязалось знакомство“. Къ сожалѣнію, на этихъ словахъ и прерываются воспоминанія.

Интересна также довольно курьезная статья Свѣтогоровской „Изъ разсказовъ старушки о Твери“. Здѣсь разсказывается, между прочимъ, объ одномъ проѣздѣ Петра Великаго черезъ Тверь въ Воронежъ. Въ Твери царь остановился у именитаго купца Арѣфьева, угостившаго его жареной уткой съ солеными лимонами и отличнымъ взваромъ, до котораго Петръ былъ большой охотникъ. За это Петръ пожаловалъ ему серебряный ковшъ съ орлами и „благодарный листъ“. Арѣфьевъ былъ необыкновенно богатъ. Во время голода онъ кормилъ на свои средства до 500 человѣкъ ежедневно, кромѣ того, каждому давалъ по пятаку. Народъ не могъ надивиться на богатство купца и рѣшилъ, что деньги носить ему по ночамъ „Змѣй“. Въ разсказахъ Святогоровой находимъ нѣсколько бытовыхъ подробностей о жизни тверскаго высшаго общества начала XIX вѣка.

Заслуживаетъ вниманія статья г. Колосова „1812-й годъ въ городѣ Твери“. Въ то время губернаторомъ Твери былъ принцъ Георгій Ольденбургскій, женатый на сестрѣ Александра I, великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Послѣдняя была горячей патріоткой и первая поняла, что для того, чтобы побѣдить Наполеона, необходимо поднять весь народъ. Она сообщила эту мысль сначала Растопчину, но не встрѣтила съ его стороны сочувствія. Только императоръ вполне оцѣнилъ важность предложенія, слѣдствіемъ чего былъ извѣстный манифестъ отъ 6 іюля, который, какъ извѣстно, повсюду вызвалъ народный энтузіазмъ. Въ Твери образовался „Тверской Комитетъ военныхъ силъ“ и былъ сформированъ батальонъ изъ 1000 человѣкъ, подъ начальствомъ князя Оболенскаго, въ который поступили даже нѣсколько учениковъ духовныхъ училищъ Тверской епархіи. Впослѣдствіи этотъ батальонъ заслужилъ лестную похвалу императора Александра I. Онъ сказалъ его учредителямъ, что доволенъ храбростію, оказанною батальономъ въ битвахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ. Въ самой же Твери въ это время происходили приготовленія къ отправкѣ въ гор. Бѣжецкъ всего церковнаго имущества, драгоценностей, библіотекъ и т. д., увѣжали также и жители.

Статья Виноградова „О самоистребленіи въ русскомъ расколѣ“ посвящена вопросу о причинахъ, вызвавшихъ среди раскольниковъ добровольное самоистребленіе. Авторъ не согласенъ съ установившимся въ наукѣ мнѣніемъ г. Пыпина, будто причины повальнаго самоистребленія коренятся въ притѣсненіяхъ раскольниковъ свѣтской властью. На основаніи изслѣдованія недавно открытаго памятника „Отразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей“, написаннаго какимъ-то Евфросимомъ, авторъ утверждаетъ, что самоистребленіе возникло исключительно изъ началъ религіозныхъ. Кромѣ того, этотъ памятникъ позволяетъ назвать и имена первыхъ проповѣдниковъ страннаго, на первый взглядъ, ученія; это были ученики Капитона, строителя Колясниковской пустыни близъ села Данилова, Ярославской губерніи, пришедшіе къ заключенію, что самоистребленіе представляется единственнымъ средствомъ сохраненія истинной вѣры и старо-русскаго благочестія. Они были увѣрены, что антихристъ уже явился и что царствованіе его началось.

Живо написана статья г. Линдемана „Проѣздъ князя А. Д. Меншикова черезъ Тверь въ 1727 году“. Судьба всесильнаго временщика занимала многихъ нашихъ историковъ. Быстрое возвышеніе „полудержавнаго властелина“ и такое же неожиданное паденіе его представляютъ необыкновенно поучительный примѣръ „тлетворности“ земной славы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, давало поводъ къ необыкновенно фантастическимъ вымысламъ, не оправдывавшимся документами и разсказами современниковъ. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ, что когда опальный князь доѣхалъ до Твери, то его догналъ курьеръ съ приказаніемъ высадить

всю семью Меншикова изъ пышныхъ экипажей и пересадить въ простую телѣгу. Меншиковъ и здѣсь остался философомъ.

— Да здѣсь еще удобнѣе,—сказалъ онъ улыбаясь.

Когда у него отобрали знаки отличій, онъ нисколько не измѣнился въ лицѣ и обратился къ посланному съ извѣстными словами:

— Скажи моимъ врагамъ, чтобы они позаботились о другомъ. Лучше пусть мнѣ будетъ вѣнено въ обязанность носить ихъ, дабы я, глядя на нихъ, чувствовалъ всю цѣну потери своей.

Въ такомъ, по крайней мѣрѣ, видѣ передается рассказъ этотъ у большинства нашихъ историковъ и во всѣхъ учебникахъ. Авторъ статьи опровергаетъ все это на основаніи подлинныхъ дѣлъ канцеляріи Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ которыхъ говорится вполне опредѣленно, что отъ Вышняго-Волочка и до Шошты Меншиковъ ѣхалъ водой, слѣдовательно, не могло быть и рѣчи о какой-то пересадкѣ въ Твери, сопровождавшейся трогательными эпизодами.

Мы не будемъ говорить объ остальныхъ статьяхъ интереснаго „Оборника“, къ которому охотно отсылаемъ нашихъ читателей. Приведемъ названія наиболѣе выдающихся: „Къ исторіи пожара въ Твери 1763 года“ В. Колосова, „Нѣкоторыя данныя по географіи смоленскаго и тверскаго края въ XII в.“ Н. Краснопорова, „Историческій очеркъ дорожнаго дѣла въ Тверской губерніи“ Н. Трубинова, „Прѣбываніе царевича Алексѣя Петровича въ Желтиковѣ монастырѣ“ І. Линдемана, „Открытіе крестьянскаго комитета въ Твери и рѣчь Императора Александра II къ Тверскому дворянству“ В. Колосова, „О фольклорѣ“ И. Опекаловскаго, „Домовые и лѣсовики“ и „Народныя повѣрья“ М. Плетнева, „Оригинальный обычай“ В. Кживоблоцкаго и другія.

И. Александровъ.

Г. Г. Хохловъ. *Путешествіе уральскихъ казаковъ въ „Бѣловодское царство“*. Съ предисловіемъ В. Г. Короленко. С.-Петербургъ 1903 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Содержаніе этой книги, составляющей первый выпускъ XXVIII тома „Записокъ Императорскаго русскаго Географическаго общества по отдѣленію этнографіи“, знакомитъ насъ съ оригинальнымъ путешествіемъ, предпринятымъ въ 1898 году тремя уральскими казаками-старообрядцами для поисковъ мѣстечка „Бѣловодскаго царства“, гдѣ будто бы находится 40 русскихъ церквей, сохранившихъ „правую вѣру“. Въ предисловіи къ этой книгѣ В. Г. Короленко даетъ интересный очеркъ возникновенія бѣлокриницкой раскольниковъ іерархіи въ Австріи, которой подчинилась часть русскихъ старообрядцевъ, тогда какъ другіе, такъ называемые „никудашники“, то-есть не подчиняющіеся ни одной изъ существующихъ іерархій, не признали ее „правильной“. Въ средѣ послѣднихъ по-прежнему ходили легенды о какомъ-то фантастическомъ царствѣ съ „правильной“, сохранившейся въ неприкосновенности со временъ апостоловъ вѣрой, поиски котораго не разъ предпринимались старообрядцами. Такъ, въ своемъ путешествіи Хохловъ рассказываетъ о странствованіи двухъ другихъ казаковъ, снаряженныхъ старообрядцемъ Шапошниковымъ, которые доѣхали до Остѣ-Индіи и оттуда возвратились домой.

Путешествіе Хохлова и его двухъ товарищей было предпринято подъ вліяніемъ легендъ о „маршрутѣ инока Марка“ и рассказовъ о „Бѣловодіи“ (архіепископа Аркадія Бѣловодскаго), который, будто бы, получилъ посвященіе отъ „смирннаго Мелетія, патріарха славяно-бѣловодскаго, камбайскаго, японскаго, индостанскаго, индіанскаго, англо-индейскаго, Остѣ-Индіи, и Юстѣ-Индіи, и Фестѣ-Индіи, и ефрики, и Америки, и земли Хили, и магеланскія земли, и Бразиліи, и Абисиніи“. Въ своихъ поискахъ за „Бѣловодскимъ царствомъ“ казаки посѣтили Константинополь, гдѣ подали патріарху прошеніе о томъ, чтобы онъ велѣлъ

разузнать, былъ-ли Амвросій, первый епископъ бѣлокриницкій, отставленъ отъ управленія Босно-сараевской епархіей съ сохраненіемъ сана, или нѣтъ. Знать это было очень важно для старообрядцевъ, такъ какъ неизвѣстность этого рождала среди нихъ разныя несогласія и недоразумѣнія.

Далѣе, они побывали на нѣкоторыхъ островахъ Архипелага, въ нѣкоторыхъ городахъ Малой Азіи, въ Іерусалимѣ, посѣтили Индостанъ, островъ Суматру, Малакку, были въ Сингапурѣ, въ Гонгъ-Конгѣ, Шанхаѣ, Японіи и, наконецъ, черезъ Владивостокъ вернулись домой на Уралъ.

По выѣздѣ изъ Гонгъ-Конга путешественниковъ озарила надежда на скорое окончаніе ихъ странствованій. Они думали, что выѣзжаютъ уже въ Бѣловодское царство. «3 августа мы выѣхали изъ Іонкона (Гонгъ-Конга), а 4 замѣтили мы, что цвѣтъ морской воды измѣнился,—говоритъ Хохловъ:—во всѣхъ моряхъ вода темнаго цвѣта, но прозрачная, тутъ-же цвѣтъ морской воды бѣлый и непрозрачный. «Не эта-ли самая мѣстность называется Бѣловодіей?»—говорили мы между собой,—«такъ какъ вода совсѣмъ отъ прочихъ водъ отлѣпная,—бѣлая на большое пространство?»—«Почему здѣсь морская вода бѣлая?»—спросили мы.—«Эта вода проникаетъ отъ великой рѣки Кіанга»,—отвѣтили намъ. Мы опять стали спрашивать о русскихъ и прочихъ православныхъ христіанахъ, но получили также въ отвѣтъ: «нѣтъ здѣсь ни православныхъ христіанъ, ни русскихъ людей». (Стр. 86).

Такъ какъ главной цѣлью путешествія были розыски «правильной вѣры», то казаки вездѣ предлагали подобные вопросы, но отвѣтъ на нихъ получался одинъ и тотъ же: никто не зналъ о немъ, и поиски остались безъ результата. Въ описаніи путешествія Хохлова замѣтна тонкая наблюдательность и незаурядный умъ, проявляющійся въ критическомъ отношеніи къ видѣнному имъ во время пути; но на ряду съ этимъ въ авторѣ замѣтно немало и легковѣрія. Такъ, когда они были въ Константинополѣ, то посѣтили источникъ Балыклы, куда, по преданію, «спрыгнули со сковородки» «обжаренныя рыбки» во время завтрака царя Константина въ день гибели Царьграда. «Я наклонился, сталъ смотрѣть пристально въ родникъ—говоритъ Хохловъ,—и увидалъ одну рыбу вершка въ 3—4. Эти ли сохранились рыбки, которыя у Константина со сковородки прыгнули въ родникъ, или уже инныя—сказать не могу. О рыбакахъ же Константиновыхъ передаютъ такъ: одна сторона бѣлая, а другая обжаренная темнокрасная. Этого я не замѣтилъ». Хохловъ, повидимому, вѣритъ въ то, что около гостиницы, въ которой обыкновенно отдыхаютъ палестинскіе паломники и туристы, сохранилась та смоковница, на которой сидѣлъ Закхей, желая увидѣть Христа. По его мнѣнію, у Мертваго моря потому нѣтъ соляного столба, въ который была обращена жена Лота, что его увезли къ себѣ англичане. «Вообще, если отважные путники наши представляли довольно благодарный матеріалъ для эксплуатаціи и обмана, густой сѣтью раскинувшихся надъ современной Палестиной,—говоритъ въ предисловіи В. Г. Короленко,—то все же порой въ нихъ просыпается критика, а иной разъ, какъ, напримѣръ, въ размышленіяхъ о религіозной самонадѣянности—проявляются признаки настоящей разумной терпимости. Какъ ни слабы эти движенія критической мысли,—не надо все-таки упускать изъ виду, что именно сомнѣніе въ подлинности маршрутовъ и сказаній Аркадія вызвало самое путешествіе». Путешествіе это, предпринятое казаками, не обладавшими запасомъ географическихъ свѣдѣній, является, безспорно, цѣлымъ подвигомъ.

Въ заключеніе можемъ сказать, что книга представляетъ большой интересъ для интеллигентнаго читателя, такъ какъ знакомитъ его съ взглядами и идеалами казаковъ-старообрядцевъ, съ ихъ настроеніемъ, которое, безъ сомнѣнія, является общимъ огромной массѣ русскаго народа. Однимъ словомъ, она еще разъ доказываетъ намъ, что старообрядчество до сихъ поръ питается пережит-

ками тѣхъ вѣрованій и нормъ жизни, которыми характеризуется весь нашъ допетровскій строй.

А. Я.

По подваламъ, чердакамъ и угловымъ квартирамъ Петербурга. Женщина-врачъ М. И. Покровская. Цѣна 60 к. *Какъ я была городскимъ врачомъ для бѣдныхъ.* Того же автора. Ц. 40 к.

Червь сомнѣнія, глодавшій доктора Вересаева, когда онъ писалъ свои „Записки врача“, не пощадилъ, какъ видно, и г-жу Покровскую.

О природѣ этого червя мы, къ сожалѣнію, знаемъ очень немного, настолько немного, что даже такой коренной вопросъ, какъ мѣсто его жительства, остается до сихъ поръ открытымъ. Одни говорятъ, что онъ живетъ и работаетъ въ мозгу, другіе открываютъ его въ сердцѣ и, наконецъ, третьи—о ужасъ! утверждаютъ, что онъ живетъ въ желудкѣ.

Такое разнообразіе мнѣній вноситъ въ разъясненіе этого вопроса большую путаницу и этимъ самымъ затрудняетъ его рѣшеніе. Лишь въ одномъ отношеніи ученые всѣхъ фракцій пришли къ соглашенію, а именно, что работа его—разрушительная, вызывающая иногда послѣдствія, совсѣмъ нежелательныя.

Такое мнѣніе блестяще оправдывается на г-жѣ Покровской, въ ея разсказѣ: «Какъ я была городскимъ врачомъ для бѣдныхъ».

Въ этомъ разсказѣ, кстати сказать, въ литературномъ отношеніи, не особенно удачномъ—частыя повторенія и поэтому нѣкоторая расплывчатость—мы можемъ наблюдать всѣ стадіи развитія болѣзни, порождаемой работой этого неспокойнаго червяка.

Такъ, г-жа Покровская говоритъ про себя:

«Я только-что кончила курсъ и не примѣняла еще своихъ знаній самостоятельно на практикѣ. Сознаніе, что я должна буду распознавать болѣзни одна, безъ помощи опытнаго врача, и прописывать лекарства, очень меня смущало. Мнѣ казалось, что я не сумѣю сдѣлать ни того, ни другого».

Въ то время это казалось ей главнымъ условіемъ, чтобы имѣть право считаться порядочнымъ врачомъ:

«А я непременно хотѣла быть таковымъ».

«Я говорила себѣ, что буду относиться къ больнымъ съ возможной добро-совѣстностью и оказывать имъ медицинскую помощь сообразно съ тѣми совѣтами, которые намъ давали профессора и которыми наполнены разныя медицинскія руководства»...

Такой она была, говоритъ г-жа Покровская, до начала практики; такой же бодрой, смѣло глядящей впередъ, она остается и послѣ перваго своего приѣма въ амбулаторіи, когда она говоритъ:

«Теперь дѣло у меня идетъ плохо, потому что знаній мало и опыта нѣтъ. Буду учиться и работать. А когда хорошо овладѣю своей специальностью, буду приносить настоящую пользу. Ошибаться тогда не буду».

Но вотъ жизнь сталкиваетъ ее съ врачомъ Френкелемъ, человѣкомъ мелкимъ, себялюбивымъ, работающимъ не за совѣсть, а за страхъ и оправдывающимъ себя широкой, но для него совсѣмъ неподходящей фразой: «Вы думаете, вашими лѣкарствами вы поможете этой нищетѣ? Вы посмотрите, въ какой обстановкѣ они живутъ. Въ подвалахъ сидятъ и ѣсть имъ нечего. А вы своими микстурами, да порошками думаете ихъ отъ болѣзней излечить. Имъ хлѣбъ нуженъ, да изъ подваловъ ихъ надо выселить, тогда и лѣчить».

И картина мѣняется, червь сомнѣнія заползъ г-жѣ Покровской въ мозгъ и началъ тамъ свою разрушительную работу, облегченію его работы способствовало также, какъ говоритъ г-жа Покровская, и то обстоятельство, что:

«Постоянно мнѣ приходилось видѣть больныхъ, которымъ лѣкарство дан-

ное мною или другимъ врачамъ, не помогало. Тяжело мнѣ было постоянно слышать отъ проходящихъ ко мнѣ въ амбулаторію и посѣщаемыхъ мною на дому:

«Это лѣкарство не поможетъ. Дайте другое.

«Между тѣмъ, я не сомнѣвалась, что діагнозъ вѣренъ и, что лѣкарство, прописанное мною, признавалось дѣйствительнымъ въ данномъ случаѣ.

«Съ другой стороны, мнѣ приходилось нерѣдко наталкиваться на случаи самостоятельнаго излѣченія болѣзни безъ всякихъ лѣкарствъ».

Однимъ словомъ, забравшійся въ г-жу Покровскую, червь повелъ свою работу настолько успѣшно, что въ одинъ прекрасный день, «придя къ заключенію, что главную роль играетъ самоизлѣченіе, я сдѣлала попытку лѣчить больныхъ безъ лѣкарствъ».

Такъ, когда «у одного ремесленника заболѣла двѣнадцатилѣтняя дочь тяжелой формой брюшного тифа», она посоветовала матери «держать больную въ чистотѣ, почаще провѣтривать комнату и ничего ей, кромѣ молока, не давать и никакого лѣкарства не прописывала. Природа сама справилась, и дѣвочка выздоровѣла къ великой радости матери и моей».

Преклоняемся передъ счастьемъ г-жи Покровской и дѣлаемъ весьмаправдоподобное заключеніе, что г-жа Покровская видно «въ сорочкѣ родилась». Но, такъ какъ извѣстно, что рождаются въ сорочкѣ не всѣ люди и даже не всѣ доктора, то понятенъ будетъ и нашъ страхъ передъ возможной перспективой, когда всѣ доктора, соблазнившись легкимъ успѣхомъ г-жи Покровской, начнутъ при лѣченіи употреблять, возведенный ею въ принципъ, методъ «*индифферентнаго наблюденія*» за больными.

Курьезный человѣкъ г-жа Покровская! Въ тощенькой брошюркѣ въ 68 страницъ она ухитрилась помѣстить цѣнный вкладъ въ науку—методъ «самозлѣченія», а во-вторыхъ, проникнувшись уже цитированной фразой врача Френкеля, успѣла доказать съ точностью, какъ дважды два четыре, и объявить во всеуслышаніе, уже старую, какъ свѣтъ, истину, что главное въ медицинѣ, не лѣченіе болѣзней, а предупрежденіе ихъ.

И все это за 40 к. Дешево и сердито.

Значительно большаго вниманія заслуживаетъ ея другая книжка, въ которой г-жа Покровская не сомнѣвается, не является передъ читателемъ пионеркой примѣненія новыхъ методовъ лѣченія, а лишь комментируетъ статистическія данныя о квартирныхъ условіяхъ петербургской бѣдноты.

Если бы не то же повтореніе себя, что я отмѣтилъ и при разборѣ первой книжки, то чтеніе «О жилищахъ петербургскихъ рабочихъ» и «Моя думская практика» было бы для читателей полно интереса.

Тему эту можно было бы разработать болѣе подробно, черезъ это она многимъ бы выиграла.

При настоящей же обработкѣ, когда статистическія данныя разбросаны на 32 стр. и не представлено ни сплошной сводки данныхъ, ни комбинаціонныхъ табличекъ, читатель затрудняется составить себѣ законченное представленіе объ этой жизни по ту сторону удобствъ и необходимыхъ санитарныхъ условій, и этимъ самымъ умаляется значеніе самой книги.

А. М. Аносовъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ рецензіи, очень благопріятно для меня написанной на мою книгу: „Америка идетъ на Европу“ и помѣщенной въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ № 10, между прочимъ говорится, что „книга снабжена богатыми статистическими данными, впрочемъ, мало свѣренными между собой“. Въ доказательство своего утвержденія авторъ рецензіи приводитъ противорѣчія изъ которыхъ оказывается, что я даю три разныя цифры добычи каменнаго угля въ Соединенныхъ Штатахъ за одинъ и тотъ же 1900 г., и именно. 238,877,182 тонны (стр. 12), 249 милл. тон. (стр. 6) и 261,677,961 тон. (стр. 13). Замѣчу на это, что г. рецензентъ здѣсь не вполне правъ. Первая цифра—результатъ *предварительнаго подсчета добычи за 1900 г.*, что мной ясно оговорено въ примѣчаніи на стр. 12, примѣч. 3—*предварительныя данныя*.—Рецензентъ же это мое примѣчаніе упустилъ изъ виду.

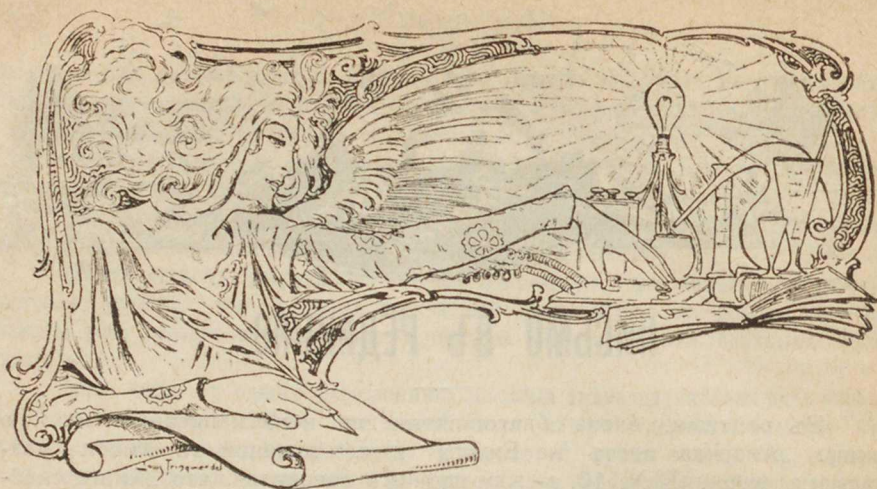
Цифра же въ 261 милл. тоннъ—даетъ добычу за 1901 г., и ен стр. 13 только ошибочно по корректурному недосмотру проставленъ 1900 г., что это корректурный недосмотръ, ясно видно изъ стр. 6, примѣч. 1, гдѣ ясно сказано, что 261 милл. тоннъ каменнаго угля было добыто въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1901 г. со ссылкой на источникъ (цифра 261 милл. тоннъ—опять предварительная цифра). Вообще, всѣмъ имѣющимъ дѣло съ цифрами извѣстно, что окончательная цифра добычи устанавливается спустя нѣкоторое время (если, конечно, дѣло идетъ не о продуктахъ, облагаемыхъ акцизомъ, коимъ ведется точный учетъ), до того же времени даются предварительныя данныя, и иногда не одна, а нѣсколько цифръ.

Въ общемъ, я признателенъ рецензенту за указаніе корректурнаго недосмотра на стр. 13. Цифры же мной брались по возможности изъ официальныхъ изданій и другихъ вполне компетентныхъ источниковъ, и если иногда здѣсь даются разныя цифры, я не могу за это отвѣчать, вотъ почему я почти постоянно тщательно указываю, откуда взята та или другая цифра.

Проф. Ив. Озеровъ.

Научная хроика.

Сравнительная теологія, антропологія.

Обладают ли растенія разумомъ? Если считать положительнымъ фактомъ, что всѣ классы животныхъ, отъ самыхъ высшихъ и до самыхъ низшихъ надѣлены въ большей или меньшей степени разумомъ—а очевидность явно говоритъ за это—то является вопросъ, почему же способность мышленія должна быть исключительной принадлежностью животнаго царства, почему мы не хотимъ удѣлить ей мѣсто въ растительномъ царствѣ. По старой теоріи, царства животное и растительное рѣзко разграничивались; теперь между ними признаютъ лишь извѣстную физиологическую разницу, благодаря которой органическій міръ распадается на двѣ группы. Растенія устроены такъ, что воспринимаютъ пищу непосредственно изъ неорганическихъ веществъ, тогда какъ животныя обладаютъ этой способностью въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Растенія могутъ также поглощать смѣсь углерода и кислорода, именуемую угольной кислотой, чего не могутъ животныя. И, несмотря на эти существенныя различія, эти двѣ группы не являютъ такой рѣзкой разницы, какъ это обыкновенно принято думать. По новѣйшимъ теоріямъ и растенія и животныя происходятъ отъ одного и того же начала, которое нельзя назвать ни растеніемъ, ни животнымъ; отъ этого примитивнаго органическаго начала произошли оба царства: растительное, предназначенное для тѣснаго общенія съ минеральнымъ и состоящее изъ особей, слабо надѣленныхъ разумомъ; и животное, представители котораго должны питаться растеніями и обладаютъ строеніемъ обуславливающимъ развитіе довольно высокаго уровня умственныхъ способностей.

Взглянувъ на "органическій міръ" именно съ этой точки зрѣнія и откинувъ въ сторону предвзятости, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакихъ указаній на существованіе въ природѣ какихъ бы то ни было автоматовъ, мы убѣдимся, что не имѣемъ основаній утверждать, будто разума въ растительномъ царствѣ существовать не можетъ, ибо самыя низшія формы животныхъ дѣйствуютъ все же подъ вліяніемъ разумныхъ побужденій, а растенія, какъ мы уже говорили, общаго происхожденія съ животными.

Настоящая замѣтка, которую мы находимъ въ англійскомъ специальномъ журналѣ (Engl. Mechanic and World of Science), къ сожалѣнію, не идетъ далѣе общихъ соображеній. Между тѣмъ, вопросъ, затронутый ею, не разъ возбуждался учеными, изъ которыхъ нѣкоторые занимались даже детальнымъ разсмотрѣніемъ психофизиологической дѣятельности растений. Въ особенности интересны наблюденія надъ плотоядными растениями. Имѣются также ученые, которые идутъ далѣе и признаютъ даже и въ минеральномъ царствѣ признаки психической жизни. Таковъ, напр., Гемантъ, а изслѣдованія Гюйома, доказавшаго отсутствіе какой бы то ни было непроходимой границы между органическимъ и неорганическимъ веществомъ, ставятъ этотъ вопросъ на почву, могущую служить основой для въ высшей степени плодотворныхъ изслѣдованій.

Считая этотъ вопросъ заслуживающимъ серьезнаго вниманія, мы отведемъ ему мѣсто на страницахъ журнала и приглашаемъ нашихъ ученыхъ, въ особенности молодыхъ, присылать намъ статьи на эту тему. Просимъ, однако, имѣть въ виду, что большихъ изслѣдованій мы не помѣщаемъ: намъ нужны живыя статьи, размѣромъ около 8 страницъ нашего журнала.

Соотношеніе психическихъ и физическихъ свойствъ. Въ Бирмингамѣ состоялась недавно публичная лекція Пирсона на тему о соотношеніи умственныхъ способностей и физическихъ свойствъ человѣка; лекція его является первой попыткой научнаго объясненія характера.

Лекторъ предупредилъ слушателей, что вовсе не хочетъ унижить значеніе воспитанія характера. Но, по его мнѣнію, нашъ умственный и нравственный обликъ мы приобретаемъ тѣмъ же путемъ, какъ и физическій, т. е. путемъ наслѣдственности. Далѣе Пирсонъ указалъ нѣкоторые методы, помощью которыхъ по наружности можно опредѣлить душевныя свойства человѣка.

Вопросъ этотъ съ давнихъ поръ интересовалъ людей, отысканіе соотношеній между физическими и умственными свойствами людей было въ модѣ еще въ древнія времена; нельзя, однако, сказать, чтобы френологія, хиромантія и физиогномика сильно шагнули впередъ за послѣдніе 500 лѣтъ. Методы хиромантіи остались тѣ же, какими они были черезъ двадцать лѣтъ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія; объ этомъ можно судить по одной древней иллюстраціи, на которой изображена рука. Свои же заключенія лекторъ обосновалъ на статистическихъ данныхъ, чего именно и недоставало старымъ методамъ. По его словамъ, нѣкоторые народныя примѣты, особенно касающіеся рыжихъ людей, повидимому, справедливы.

Почти всѣ народы обладаютъ пословицами, въ которыхъ есть что нибудь нелестное по адресу рыжеволосыхъ. Около 1500 года въ Англіи разыгрывалась мистерія Страсти Христовы. Иуда Искаріотскій обязательно изображался рыжимъ. Да и вообще на всѣхъ средневѣковыхъ картинахъ Иуда—рыжий.

Про глаза говорятъ: «Голубые глаза—небо, сѣрые—рай, черные—чистилище, зеленые—адъ». Относительно волосъ у англичанъ также есть поговорка: «Кудрявый человѣкъ никогда не лжетъ». Освѣтивъ эти общія наблюденія свѣтомъ статистическихъ данныхъ, заимствованныхъ изъ наблюденій надъ дѣтьми школьнаго возраста, лекторъ привелъ рядъ интересныхъ таблицъ.

Прежде всего онъ охарактеризовалъ отношеніе добросовѣстности ученика къ цвѣту глазъ: 71% добросовѣстныхъ мальчиковъ имѣли свѣтлые глаза и только 61% темные. Что касается вьющихся волосъ, то тутъ

статистика не даетъ рѣзкихъ указаній—разница всего въ 1%. По мнѣнію лектора, прямые и курчавые волосы не служатъ доказательствомъ чего бы то ни было. Наоборотъ, если говорить о цвѣтѣ волосъ, то тутъ открывается широкое поле для наблюденія: оказывается, что при рыжемъ цвѣтѣ волосъ дѣти, школьнаго возраста гораздо болѣе исполнительны, чѣмъ при темныхъ и черныхъ волосахъ. 71% рыжихъ по статистикѣ обнаруживали большую исполнительность, тогда какъ темноволосыхъ въ этой графѣ оказывалось всего 69%, а черноволосыхъ 55%. Кромѣ того, среди индивидуумовъ, надѣленныхъ черными волосами, обнаружился большой процентъ лицъ угрюмаго характера; процентъ этотъ превышаетъ вдвое процентъ угрюмыхъ изъ среды рыжеволосыхъ; послѣдніе отличаются также несравненно болѣе сильной раздражительностью. Люди съ темными глазами, обыкновенно здоровѣе людей съ свѣтлыми глазами; но по интеллигентности послѣдніе значительно превышаютъ первыхъ въ процентномъ отношеніи.

Затѣмъ лекторъ старался провести параллель между самомнѣніемъ и застѣнчивостью и степенью добросовѣстности. Три четверти лицъ застѣнчивыхъ оказались весьма способными и исполнительными, тогда какъ самоувѣренныя дали только 56%. Изъ числа спокойныхъ дѣтей 75% выказали себя, дѣйствительно, добросовѣстными, а 25% обладающими медлительнымъ и тупымъ умомъ, шумливыя же дали равныя цифры, какъ для той, такъ и для другой графы. Статистическія данныя выказали, кромѣ того, что нравственные пороки всегда сопровождаются дурнымъ почеркомъ. Хорошій почеркъ, съ другой стороны, служить доказательствомъ здоровья, доброты, способностей и ума.

Форма головы имѣетъ гораздо меньшее вліяніе, хотя люди съ продолговатымъ черепомъ какъ будто и имѣютъ нѣкоторыя преимущества передъ круглоголовыми.

Умъ животныхъ «Cogito, ergo sum».—Я думаю, слѣдовательно, я существую,—сказалъ Декартъ, и каждое, самое низшее по классу, животное можетъ сказать то же самое о себѣ, т. е. несомнѣнно, что оно мыслить; но, вѣроятно, не въ состояніи сосредоточить свое мышленіе на вопросахъ бытія.

Въ своей публичной лекціи въ Кембриджскомъ колледжѣ д-ръ Гиль подробно разбиралъ всѣ эти интересные вопросы. Лекторъ привелъ въ примѣръ своего шотландскаго террьера, который былъ приученъ отворять и закрывать на задвижку ящикъ. Но это былъ прямо фокусъ; когда же ящикъ вынесли во дворъ, а въ него положили хорошо обжаренную котлету, то собака, которая была голодна, испробовала всѣ способы, чтобы получить лакомый кусочекъ, но отодвинуть задвижку ей не пришло въ голову. Если бы на липо были люди, то несомнѣнно, что собака продѣлала бы фокусъ, чтобы заслужить ихъ одобреніе; то же самое случилось бы, если бы котлета не отвлекала все ея вниманіе. Кажущаяся разсудительность животныхъ объясняется с орѣ особымъ рисункомъ мозговыхъ извилинъ, чѣмъ ихъ умственными способностями. Такіе удивительно разумные поступки животныхъ, какъ весенній и осенній перелеты птицъ, д-ръ Гиль объясняетъ исключительно инстинктомъ. Они находятъ дорогу, какъ и мы, при помощи зрѣнія; но послѣднее у нихъ несравненно совершеннѣе. Лучшимъ доказательствомъ существованія у животныхъ умственныхъ способностей служить то, что они измѣняютъ своимъ привычкамъ при измѣненіи извѣстныхъ обстоятельствъ. На эту-то сторону умственной жизни животныхъ и должны быть направлены наблюденія.

Люди, наблюдая за животными, обыкновенно, превратно истолковы-

ваютъ ихъ мысли, такъ какъ приписываютъ имъ человѣческія формы мышленія. Вотъ почему многія исторіи о животныхъ, о собакахъ, напримѣръ, носятъ невѣроятный характеръ. Но, чтобы понять, какъ мыслить животное, необходимо изучить его мозгъ, что одно можетъ дать указаніе на то, къ какому роду мышленія оно способно.

У однихъ животныхъ преобладаетъ одно какое-нибудь чувство, у другихъ—нѣсколько. Такъ, напримѣръ, ястребъ кажется совсѣмъ не имѣть обонянія, зато обладаетъ чудеснымъ зрѣніемъ.

Новѣйшія открытія дали фізіологамъ возможность опредѣлить расположеніе участковъ мозга, предназначенныхъ для воспріятія различныхъ ощущеній; такимъ образомъ, возможно прослѣдить за взаимоотношеніемъ мозга и ощущеній. Несомнѣнно, что сѣрое вещество, покрывающее поверхность полушарій мозга, есть органъ мышленія и умственной работы. Мозгъ можетъ работать только соотвѣтственно своему строенію. Сознаніе собаки реагируетъ больше на обонятельныя, чѣмъ на зрительныя ощущенія. Она живетъ не въ мірѣ формъ и красокъ, но среди безчисленныхъ обонятельныхъ ощущеній, въ мірѣ для насъ недоступномъ. Способны ли животныя мыслить? Несомнѣнно; они могутъ воспринимать ощущенія, воспроизводить ихъ въ своей памяти и сравнивать.

А могутъ ли они разсуждать? Способность разсуждать состоитъ въ умѣннѣ выводить заключенія изъ воспринятыхъ сознаніемъ фактовъ, а это, повидимому, остается спеціальной прерогативой человѣка.

Впрочемъ, что касается слона, то это животное настолько стоитъ въ умственномъ отношеніи высоко, разсудительность его настолько велика, что подчасъ граничитъ съ человѣческою; слонъ является едва ли не исключеніемъ изъ всего животнаго міра.

Нельзя не сказать, чтобы всѣ эти выводы почтеннаго лектора отличались большою обоснованностью, хотя изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы вопросъ о соотношеніи психическихъ и физическихъ свойствъ не могъ быть поставленъ на строго научную почву.

Существовали ли люди въ третичномъ періодѣ? — На интернаціональномъ антропологическомъ конгрессѣ въ Нью-Йоркѣ профессоръ Клаачъ высказалъ мнѣніе, что люди существовали уже въ третичномъ періодѣ. Что въ диллювіальный періодъ они заселяли Европу—это вопросъ давно рѣшенный; неизвѣстно только, существовали ли они уже въ третичный періодъ. Клаачъ обосновываетъ свои заключенія на находкахъ кремневой утвари. Первобытный человѣкъ пользовался камнями, какъ имъ въ данное время пользуется обезьяна, для которой камни служатъ оружіемъ. Швейнфуртъ, какъ извѣстно, видѣлъ въ 1891 г. павіановъ, которые камнями разбивали твердые орѣхи. Люди въ самое древнее время уже стали изготовлять изъ камней орудія и оружіе: послѣдніе, хотя и отличаются грубой отдѣлкой, но все же представляютъ значительную разницу съ натуральными камнями. Эти-то кремневые инструменты найдены Клаачемъ и другими учеными въ Пюи-Кюри близъ Орильяка въ пещерѣ, которую геологи неоспоримо относятъ къ третичному періоду.

Царство женщинъ.—Въ Калифорнскомъ заливѣ есть островокъ Тибюранъ, гдѣ живетъ племя, представляющее собой остатки когда-то многочисленнаго племени Селія; племя это вымирающее, хотя и управляется исключительно женщинами. Прежде на островѣ насчитывалось 5.000 жителей; теперь ихъ всего нѣсколько сотъ; они ведутъ жизнь вполне изолированную и отказываются отъ вступленія въ бракъ съ индѣйцами, населяющими материкъ. Несмотря на скудную пищу и недостатокъ воды пред-

ставители племени отличаются здоровьемъ и силой. Женщина здѣсь—глава семьи; а во главѣ общественнаго управленія стоитъ совѣтъ матронъ, въ которомъ мужчины не имѣютъ права голоса. Правда, существуетъ номинальный правитель мужскаго пола, но онъ лишенъ всякаго авторитета и каждое его стремленіе къ проявленію воли энергично подавляется женщинами.

Біологія, зоологія, ботаника.

Происхожденіе роговъ.—Въ обществѣ Линнея демонстрировались недавно лобныя кости лошади, у которой надъ глазными впадинами можно было замѣтить зачатки роговъ. Основанія этихъ отростковъ возвышались вертикально надъ орбитами. Подобные же отростки были неоднократно замѣчены Дарвиномъ; они помѣщаются на выступающей части головы, легко приходящей въ соприкосновеніе съ посторонними тѣлами. Эти-то костяные отростки постепенно увеличивались, подъ вліяніемъ ударовъ, и на нихъ съ теченіемъ времени образовался родъ мозоля. Таково происхожденіе роговъ.

Отъ чего зависитъ разнообразіе окраски осеннихъ листьевъ. Окраска осеннихъ листьевъ зависитъ отъ различныхъ минеральныхъ веществъ, въ особенности же кремнекислыхъ солей и извести, содержащихся въ листьяхъ. Листья, которые осенью краснѣютъ, заключаютъ менѣе 10% кремнекислыхъ солей; тѣ же, которые содержатъ 10% и выше этого количества—пріобрѣтаютъ желтую и коричневую окраску. Норвежскій кленъ, дикая вишня, чернильный дубъ и бузина—краснѣютъ; вязъ же, дикая смородина, дубъ, букъ, лиственница, плакучая ива, тополь и грабъ—пріобрѣтаютъ желтый и коричневый уборъ. Причина измѣненія цвѣта листьевъ зависитъ отъ притока минеральныхъ веществъ, содержащихся въ растеніи, въ количествѣ прямо пропорціональномъ ослабленію ихъ жизненности.

Вліяніе низкихъ температуръ на органическую жизнь. Англійскій химикъ проф. Дьюаръ производитъ въ настоящее время опыты съ цѣлью выясненія вліянія очень низкихъ температуръ на органическую жизнь.

Какъ извѣстно, въ настоящее время примѣняются способы, помощью которыхъ можетъ быть достигнута температура до—260°, т. е. не доходящая до абсолютнаго нуля (—273°) всего на 13°. До Дьюара опыты надъ дѣйствіемъ низкихъ температуръ на живой организмъ производились проф. Макъ-Кендрикомъ; онъ опускалъ мясо и молоко въ запаянныхъ трубкахъ въ температуру—182°, съ цѣлью удостовѣриться, убиваетъ ли такой крайній холодъ гнилостныя бактеріи. Оказалось, что процессъ гніенія въ трубкахъ, вынутыхъ изъ холодной среды и помѣщенныхъ затѣмъ на нѣсколько дней въ теплую температуру, идетъ, какъ и при обыкновенныхъ условіяхъ. Подобные же опыты были произведены надъ другими бактеріями и все съ тѣмъ же результатомъ. Нѣкоторые микроорганизмы оставались въ жидкомъ воздухѣ въ теченіе сотенъ часовъ; среда, въ которой они находились, промерзала насквозь, но ихъ жизненная сила отъ этого не утрачивалась и по возвращеніи въ нормальныя условія немедленно возстановлялась. То же самое можно сказать о нѣкоторыхъ сѣменахъ: горохъ, рожь, горчичное сѣмя опускались въ жидкій водородъ (—253°) и оставались тамъ въ теченіе шести часовъ. Посѣянные потомъ, они обнаружили ту же силу произрастанія, какъ и обыкновенныя сѣмена. Проф. Дьюаръ сдѣлалъ любопытныя наблюденія надъ состояніемъ микроорганизмовъ, подвергнутыхъ дѣйствію жидкаго водорода. По его словамъ, они ни живы, ни мертвы, а находятся въ какомъ-то третьемъ состояніи.

котораго мы не знаемъ и которое въ настоящее время тщательно изучается въ Дженнеровскомъ институтѣ. Нѣкоторые факты, взятые изъ наблюдений проф. Дьюара, показываютъ совершенно неожиданныя явленія. Бактеріи представляютъ собою микроскопически малыя растительныя клѣтки и при температурѣ жидкаго воздуха превращаются въ твердыя, хрупкія массы, которыя могутъ быть совершенно истерты. Такимъ образомъ были изслѣдованы тифозныя бациллы для медицинскихъ цѣлей, что удалось очень хорошо. Многіе микроорганизмы, какъ извѣстно, свѣтятся въ обыкновенныхъ условіяхъ. Если ихъ, замороженныхъ въ жидкомъ воздухѣ, истолочь, и истолченную массу вновь вернуть въ условія нормальной температуры, ихъ способность свѣтиться совершенно исчезнетъ. Отсюда слѣдуетъ, что послѣдняя связана съ жизненнымъ процессомъ клѣтокъ. Вообще дальнѣйшіе опыты въ этомъ отношеніи могутъ дать много новыхъ фактовъ. (Р. В.)

Способность насѣкомыхъ различать цвѣта. Извѣстный бельгійскій зоологъ Феликсъ Плато опубликовалъ новыя опыты надъ способностью насѣкомыхъ различать цвѣта.

По мнѣнію Плато, насѣкомыя не обладаютъ вообще способностью различать цвѣта. Многія насѣкомыя, надъ которыми онъ дѣлалъ опыты, настолько мало привлекались яркими красками, что онъ считаетъ недопустимымъ, чтобы окраска цвѣточныхъ вѣнчиковъ могла содѣйствовать привлеченію насѣкомыхъ къ цвѣтамъ. Металлическіе предметы болѣе привлекаютъ насѣкомыхъ, тѣмъ ярко окрашенные, и, можетъ-быть, въ иныхъ случаяхъ блески отраженнаго отъ лепестковъ свѣта, а не ихъ окраска, привлекаютъ насѣкомыхъ. Интересно еще отмѣтить, что нѣкоторыя мухи (*Sylphidae*), которыя имѣютъ привычку рѣять въ воздухѣ надъ цвѣтами, продѣлываютъ такіе же своеобразные полеты и надъ многими иными предметами, ничего общаго съ цвѣтами не имѣющими.

Дерево Конфуція. Недавно британскій уполномоченный въ Вей-ка-Веѣ совершилъ путешествіе внутрь страны, чтобы отдать визитъ китайскому губернатору провинціи Цзи-Намъ. Англичане посѣтили при этомъ наиболѣе интересныя мѣстности Битая; они видѣли могилу и храмъ Конфуція въ Куфуцзинѣ, могилы его сына и внука, колодезь изъ котораго пилъ великій человѣкъ, его статую, помѣщенную среди прекрасныхъ рѣзныхъ стѣнъ и вышитыхъ занавѣсей, то мѣсто, гдѣ онъ обдумывалъ свои законы, наконецъ, дерево, посаженное имъ 500 лѣтъ назадъ. Это дерево замѣчательно тѣмъ, что цвѣтетъ во время правленія хорошаго императора и засыхаетъ, какъ только на тронъ вступаетъ недостойное лицо. Кромѣ того, англичане лично познакомились съ герцогомъ Конфуціемъ. Это шестьдесятъ шестой прямой потомокъ мудреца.

Дерево легче пробки. Въ своемъ послѣднемъ сообщеніи, касающимся окрестностей озера Чадъ, въ Африкѣ, капитанъ Пусоффертъ говоритъ, между прочимъ, объ одномъ небольшомъ деревѣ изъ семейства мимозъ, которому мѣстные жители даютъ названіе марей. Оно появляется въ дождливое время на затопленныхъ берегахъ озера Чадъ и достигаетъ высоты въ 4—5 м.; у основанія ствола его толщиною въ 0,3 м. Дерево это быстро одѣвается шипами и желтыми цвѣтами. Оно легче пробки и притомъ настолько твердо, что годится на подѣлку щитовъ для солдатъ; послѣдніе выдерживаютъ удары пикъ. Легкость дѣлаетъ это дерево очень пригоднымъ и для изготовленія плавательныхъ и спасательныхъ снарядовъ.

Медицина и гигиѣна.

Туберкулезъ въ Египтѣ. — На первомъ египетскомъ медицинскомъ конгрессѣ въ Каирѣ докторъ Ибрагимъ-паша сдѣлалъ интересное сообщеніе о туберкулезѣ въ Египтѣ. Страна Нила, какъ оказывается, вовсе не изъята изъ числа странъ, въ которыхъ распространена эта болѣзнь. Она встрѣчается въ городахъ, гдѣ гигиеническія условія такъ же плохи, какъ гигиеническія условія остальныхъ культурныхъ странъ. Среди мѣстнаго населенія эта болѣзнь рѣдка, такъ какъ оно проводитъ большую часть времени въ полѣ. Чахоточные, присылаемые въ Египетъ изъ болѣе холодныхъ странъ, чувствуютъ себя здѣсь очень хорошо и при долгомъ пребываніи даже поправляются. Негры и жители болѣе теплыхъ странъ заболѣваютъ туберкулезомъ въ ужасающихъ размѣрахъ. 80% смертныхъ случаевъ среди негровъ обуславливаются этой болѣзнью. Вообще замѣчено, что, чѣмъ темнѣе кожа, тѣмъ злокачественнѣе туберкулезъ.

Алкоголизмъ въ Англіи. — По статистическимъ даннымъ за 1902 г. въ Англіи истрчено на пиво и вино и пр. 3.580.000.000 марокъ; въ среднемъ на каждого жителя Соединеннаго Королевства падаетъ расходъ въ 100 марокъ. Такимъ образомъ оказывается, что Англія въ этомъ отношеніи занимаетъ первое мѣсто на земномъ шарѣ.

Новѣйшіе успѣхи свѣтотѣченія. Въ копенгагенской лабораторіи проф. Финзена продолжаютъ производиться опыты со свѣготѣченіемъ. Недавно одинъ изъ учениковъ знаменитаго врача, д-ръ Дрейеръ, сдѣлалъ открытіе, въ будущемъ обобщающее очень много.

Своимъ свойствомъ убивать бактеріи свѣтъ обязанъ главнымъ образомъ фіолетовымъ и синимъ лучамъ. Наоборотъ, желтые и зеленые лучи почти не оказываютъ никакого дѣйствія, ибо не проникаютъ въ глубину пораженныхъ кожныхъ тканей; для того, чтобы они могли оказать дѣйствіе, нужно въ нѣсколько разъ больше времени, чѣмъ при фіолетовыхъ лучахъ. Дрейеръ придумалъ впрыскивать въ кожу небольшое количество красной анилиновой краски, чтобы сдѣлать ее болѣе воспримчивою къ дѣйствію свѣта. Результаты оказались неожиданно блестящими. Въ то время какъ при обыкновенныхъ условіяхъ бѣлый свѣтъ электрической лампы убивалъ обыкновенныя инфузоріи въ 100 сек., тѣ же инфузоріи въ препаратахъ, обработанныхъ красною анилиновою краской, погибли въ 10 сек.; для желтаго свѣта результаты оказались еще болѣе поразительными; тѣ результаты, которые при обычныхъ условіяхъ достигались въ 6.600 сек., при новыхъ достигались въ 10 сек. Бѣлый свѣтъ убивалъ бактеріи въ 80 сек., желтый—въ 540 минутъ; при искусственно подготовленныхъ тканяхъ желтый свѣтъ дѣлалъ свое дѣло въ 25 минутъ; на дѣйствіе бѣлаго свѣта подготовка не оказывала дѣйствія. Впрыскиванія красящей матеріи не оказывали никакого вреднаго вліянія на кожу.

Противотуберкулезная сыворотка д-ра Марморекъ. Число средствъ, рекомендуемыхъ противъ чахотки, увеличилось еще однимъ. Мы говоримъ о противотуберкулезной сывороткѣ члена парижскаго пастеровскаго института д-ра Марморекъ, изъ-за которой въ этомъ учрежденіи произошелъ недавно конфликтъ.

Въ институтѣ нѣкоторое время работалъ въ званіи *chef de laboratoire* извѣстный вѣнскій врачъ и бактериологъ Александръ Марморекъ. Недавно онъ представилъ медицинской академіи небольшую брошюру, въ которой излагаетъ результаты своихъ шестилѣтнихъ работъ надъ добываніемъ противотуберкулезной сыворотки. Марморекъ считаетъ свои ра-

боты, хотя еще и незаконченные, въ принципѣ правильнымъ и вѣрнымъ рѣшеніемъ вопроса объ излѣченіи чахотки. Но съ этимъ несогласенъ руководитель пастеровскаго института д-ръ Ру. При провѣрочныхъ опытахъ, произведенныхъ членами института, сыворотка Марморекъ далеко не дала тѣхъ результатовъ, о которыхъ говоритъ самъ Марморекъ. Поэтому Ру отъ имени института предложилъ ему не ссылаться на свое институтское званіе. Марморекъ, чтобы освободить институтъ отъ ответственности за свои работы и приобрести свободу дѣйствій, вышелъ изъ числа его членовъ.

Въ послѣднемъ засѣданіи парижской медицинской академіи Марморекъ прочиталъ докладъ о своей антитуберкулезной сывороткѣ. Въ виду того, что о докладѣ сообщалось еще въ предшествовавшемъ засѣданіи академіи, и что онъ касается вопроса, близко интересующаго всѣхъ, на засѣданіе академіи явилась масса публики. Французскія газеты сравниваютъ это засѣданіе по количеству слушателей, по характеру публики и по лихорадочности интереса съ наиболѣе захватывающими первыми представленіями театровъ. А между тѣмъ докладъ, если судить о немъ по резюме, которое дано въ послѣднемъ номерѣ «Semaine Médicale», касается очень сухихъ предметовъ: приготовленія сыворотки, ея свойствъ и примѣненія.

Марморекъ прежде всего настаиваетъ на томъ, что туберкулинъ, однимъ изъ свойствъ котораго является способность вызывать реакцію въ зараженномъ чахоткой организмѣ, не представляется дѣйствительнымъ токсиномъ коховской бациллы; онъ служитъ только возбуждательнымъ средствомъ, дѣйствующимъ на бациллъ и вызывающимъ образованіе настоящаго токсина. При помощи особыхъ реакцій, подробное описаніе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста, Мармореку удалось добыть этотъ дѣйствительный токсинъ, убивающій маленькихъ животныхъ и лишенный тѣхъ свойствъ, которыми обладаетъ туберкулинъ. При помощи этого токсина можно иммунизировать кроликовъ и морскихъ свинокъ. Для того же, чтобы получить антитуберкулезную сыворотку, Марморекъ иммунизировалъ лошадей при помощи фильтрованныхъ культуръ, освобожденныхъ отъ бациллъ, но содержащихъ токсинъ. Прошло уже болѣе года, какъ Марморекъ получилъ свою сыворотку и приступилъ къ опытамъ съ ней. Онъ съ самаго начала убѣдился въ ея безвредности и въ отсутствіи какой бы то ни было, общей или мѣстной реакціи. Его опыты надъ людьми касались, какъ больныхъ, весь организмъ которыхъ былъ отравленъ (сюда относятся чахоточные съ обширными легочными поражениями, кавернами и постоянной лихорадкой, сюда же относятся страдающіе туберкулезнымъ воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ), такъ и больныхъ съ мѣстными страданіями. Прежде всего, Марморекъ попробовалъ свою сыворотку надъ больными дѣтьми съ тяжелымъ пораженіемъ мозговыхъ оболочекъ. Онъ доходилъ до 40 кубическихъ сантиметровъ сыворотки, но результатъ былъ отрицательный. Замѣчалось нѣкоторое легкое ослабленіе болѣзненныхъ симптомовъ, но болѣзнь не подчинялась лѣченію, и дѣло кончалось смертью, какъ и въ случаяхъ, оставленныхъ безъ выпрыскиванія. Марморекъ указываетъ на то, что во всѣхъ этихъ случаяхъ выпрыскиваніе примѣнялось на второй недѣлѣ болѣзни и отъ этого поздняго вмѣшательства и зависѣлъ печальный конецъ. Опыты показали ему, что сыворотка тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ раньше она примѣнена, хотя бы въ раннемъ случаѣ дѣло касалось обширныхъ пораженій, а въ позднемъ — болѣе ограниченныхъ. Самые лучшіе результаты дало примѣненіе новаго средства въ тѣхъ случаяхъ бугорчатки, которые подлежатъ вѣдѣнію хирурговъ. Здѣсь сыво-

ротка дѣйствовала съ замѣчательною дѣйствительностью, излѣчивая даже застарѣлые случаи костной, сочленованной, железистой бугорчатки. Въ легочной чахоткѣ замѣчалось ослабленіе болѣзненныхъ симптомовъ, улучшеніе мѣстныхъ явленій и общаго состоянія. Уменьшалось количество мокроты и бациллъ, улучшались симптомы, даваемые выслушиваніемъ. Если не получалось болѣе серьезнаго улучшенія, то лишь потому, — увѣряетъ Марморекъ, — что сыворотка была примѣнена очень поздно. Марморекъ указываетъ, что при помощи сыворотки излѣчено нѣсколько случаевъ Поттовой болѣзни (туберкулеза позвоночника), туберкулезнаго пораженія железъ, туберкулеза кожи. Марморекъ далъ подробныя указанія относительно примѣненія сыворотки, количества ея впрыскиваній и закончилъ заявленіемъ, что сдѣланное имъ — только начало опытовъ, которые должны быть произведены въ болѣе крупномъ масштабѣ. Дѣйствительно, въ виду разногласія, вызваннаго опытами Марморекъ, приходится вооружиться терпѣніемъ.

Еще о борьбѣ съ туберкулезомъ. На итальянскомъ медицинскомъ конгрессѣ въ Падуѣ, закончившемся надняхъ, проф. Маральянъ, давно уже занимающійся вопросомъ о способахъ борьбы съ туберкулезомъ, сдѣлалъ докладъ о своихъ дальнѣйшихъ опытахъ въ этой области.

Опыты его были направлены къ тому, чтобы бороться съ болѣзью помощью прямой и косвенной иммунизации. Послѣ долгихъ работъ надъ морскими свинками Маральянъ рѣшился на слѣдующій опытъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколькимъ дѣтямъ впрыскиваніе сначала сыворотки, взятой отъ иммунизированныхъ животныхъ, а потомъ — стерилизованныхъ туберкулезныхъ бациллъ. Вторая инъекція вызвала небольшие мѣстные абсцессы съ короткими легкими лихорадочными явленіями безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Въ одно время съ дѣтьми первая прививка была сдѣлана морскимъ свинкамъ, но одновременно со второю прививкой имъ были впрыснуты въ большомъ количествѣ не стерилизованныя, а живыя туберкулезныя бактеріи. Животныя остались совершенно здоровы, въ то время, какъ то же количество бактерій, впрыснутое неиммунизированнымъ животнымъ, убивало послѣднихъ. Кровь иммунизированныхъ дѣтей показала характерныя измѣненія, подобныя тѣмъ, которыя наблюдались въ крови иммунизированныхъ свинокъ.

Астрономія, физика, химія и техника.

Радій на солнцѣ. По поводу предположеннаго присутствія на солнцѣ радія (см. «Вѣстн. Зн.» № 11, стр. 210) въ «Nature» приведено сообщеніе одного корреспондента, что ни одна линія въ ультрафіолетовомъ спектрѣ радія, описанномъ Круксомъ, не совпадаетъ въ точности съ какою-либо линіей солнечнаго спектра, хотя нѣкоторыя и очень близки къ нимъ.

Новое примѣненіе алюминія. — Одинъ изъ нѣмецкихъ экспериментаторовъ, Бернгардъ, нашелъ новое примѣненіе для алюминія. Онъ можетъ съ успѣхомъ примѣняться при оттачиваніи хирургическихъ инструментовъ и бритвъ, такъ какъ оказался не менѣе пригоднымъ, чѣмъ лучшій точильный камень. Кромѣ того, онъ обладаетъ еще нѣкоторыми характерными свойствами, которыя дѣлаютъ его исключительно примѣнимымъ для этой цѣли. При треніи стали объ алюминій послѣдній отдѣляетъ отъ себя тонкую пыль, которая осаждается на стальномъ лезвіи и помогаетъ при оттачиваніи поверхности твердаго металла. При этомъ достигается такое оттачиваніе, которое невозможно при другихъ способахъ.

Цветная фотография.—Въ настоящее время найденъ новый способъ цветнаго фотографирования. По словамъ изобрѣтателя, пользуясь этимъ способомъ, можно воспроизвести въ краскахъ любую сцену, помощью каждаго фотографическаго аппарата. Фотографированіе производится обыкновеннымъ путемъ, но черезъ экранъ, разлинованный 300 или 400 полосками, отдѣленными извѣстными промежутками. Затѣмъ готовится пластинка разлинованная основными цвѣтами: краснымъ, зеленымъ и голубымъ. Когда фотографическій негативъ накладывается на цветной экранъ, то цвѣта фотографируемаго объекта оказываются точно воспроизведенными. Этотъ способъ былъ открытъ еще въ 1860 г., но онъ не привелъ къ практическимъ результатамъ, такъ какъ не было найдено дешеваго способа разлиновыванія цветнаго экрана. Теперь изобрѣтенъ фото-химическій процессъ, помощью котораго линіи проводятся на чувствительномъ желатинѣ. Послѣдній покрывается чувствительнымъ растворомъ, послѣ чего пластинка готова къ употребленію.

Новости изъ области телефона. Недавно сдѣлано изобрѣтеніе въ телефонной техникѣ, которое, если оправдаются возлагаемыя на него ожиданія, произведетъ цѣлый переворотъ въ телефоніи. Дѣло идетъ объ автоматическомъ соединеніи аппаратовъ.

Въ настоящее время вызовъ нумера является наиболѣе непріятной частью разговора по телефону. Часто вызываютъ не тотъ номеръ, часто не даютъ договорить и прерываютъ посреди разговора. Все это устранится при новой системѣ. Уже давно пытались устроить автоматическое сообщеніе, но все безуспѣшно, пока за дѣло не взялся американецъ Альмонъ Страуджеръ; его система усовершенствована братьями Эриксономъ и Кейтомъ, такъ что теперь она теоретически должна быть пригодна для телефонной сѣти въ 100,000 абонентовъ. Практически система испытывается въ настоящее время въ Берлинѣ на 400 аппаратахъ. Технически новый способъ соединенія очень простъ. Новые аппараты будутъ снабжены кромѣ обычныхъ составныхъ частей телефона (микрофона, трубки, звонка) еще круглымъ металлическимъ кружкомъ, по краю котораго расположено десять отверстій съ цифрами 1, 2... 9, 0. Если, напримѣръ, нужно вызвать № 4,732, то дѣлаютъ такъ: вкладываютъ палецъ сначала въ отверстіе четыре и поворачиваютъ кружокъ до тѣхъ поръ, пока онъ не остановится. Онъ сейчасъ же возвращается въ первоначальное положеніе; затѣмъ тѣмъ же порядкомъ поступаютъ съ цифрами 7, 3, 2. Послѣ этого стоитъ нажать кнопку, и желаемый номеръ вызванъ. Если номеръ занятъ, то на какой-нибудь цифрѣ кружокъ не повернется. Новый аппаратъ имѣетъ то удобство, что разговоръ не можетъ быть ни прерванъ, ни перехваченъ.

Говорящее пламя.—Нѣсколько времени тому назадъ Симонъ, Дадель и другіе дѣлали опыты съ электрической дугой, которая, будучи соединенной съ микрофономъ, замѣняла пріемникъ телефона. Въ настоящее время два русскихъ ученыхъ, Габричевскій и Бачинскій, хотятъ заставить говорить пламя. Отъ полюсовъ вторичной цѣпи индукціонной катушки проводятъ проводъ къ керосиновой лампѣ или свѣчкѣ. Микрофонъ и батарея располагаются въ шунтѣ первичной цѣпи катушки. Если говорить въ микрофонъ, то пламя повторяетъ звукъ, хотя при опытахъ оно находилось на разстояніи 30 метровъ отъ микрофона. При пользованіи двумя источниками свѣта (два пламени) эффектъ получается еще большій: каждый полюсъ вторичной катушки соединяется съ пламенемъ, а третій проводникъ служитъ для соединенія источниковъ свѣта.

Дѣйствіе электрическаго тока на туманъ и дождь. Въ физическомъ обществѣ въ Бирмингамѣ состоялось сообщеніе сэра Лоджа на тему о «Средствахъ для электризаціи атмосферы въ обширныхъ размѣрахъ». Онъ показалъ на опытахъ, что подъ влияніемъ электричества туманъ и дымъ улотняются и падаютъ на землю. Тиндаль доказалъ, что нагрѣтое тѣло, помѣщенное въ пыльную атмосферу, скорѣе образуетъ вокругъ себя пространство, совершенно свободное отъ пыли. Онъ думалъ, что нагрѣтое тѣло сжигаетъ пыль, которая, при его опытахъ, была органическаго происхожденія. Профессоръ Лоджъ нашелъ теорію Тиндаля ошибочной: по его мнѣнію, нагрѣтое тѣло вырабатываетъ своего рода отталкиваніе, благодаря которому пыль и перемѣщается на дальнія разстоянія; но, кромѣ того, онъ замѣтилъ, что если нагрѣваніе тѣла произведено помощью электричества, то частицы пыли, испытавъ отталкиваніе собираются и осаждаются на стѣнкахъ сосуда. Это навело его на мысль, что при электризаціи туманной атмосферы, туманъ долженъ исчезать. Такого рода опытъ былъ произведенъ въ Ливерпулѣ, гдѣ Лоджъ состоялъ профессоромъ физики. Воздухъ, окружающій зданіе университета, былъ наэлектризованъ помощью дѣйствія электрической машины; провода оканчивались на высокой мачтѣ. Въ результатъ пространство въ 50 или 60 ярдовъ стало среди густаго тумана совершенно прозрачнымъ. Сэръ Лоджъ желалъ поставить извѣстное количество станцій по обѣимъ сторонамъ рѣки Мерсей и попытаться разогнать туманы, вѣчно нависающіе надъ ней и ведущіе къ постояннымъ столкновеніямъ пароходовъ: для этого онъ полагалъ наэлектризовывать воздухъ на одномъ берегу положительнымъ электричествомъ, на другомъ отрицательнымъ. «Но увѣ!—воскликаетъ сэръ Оливеръ Лоджъ—ученые рѣдко бывають капиталистами; если бы у меня были деньги, я употребилъ бы ихъ на эти опыты». Далѣе онъ объяснилъ, что для цѣлей электризаціи атмосферы желательна машина, дающая непрерывный токъ. Онъ наполнилъ большую реторту дымомъ магnezіи, затѣмъ наэлектризовалъ воздухъ внутри реторты: частицы магnezіи сгустились и попадали внизъ въ видѣ снѣга, а воздухъ въ ретортѣ сталъ прозрачнымъ. Если бы удалось наэлектризовать облако, то-есть полное основаніе думать, что водяныя частицы соединились бы въ капли и упали бы на землю въ видѣ дождя; это было бы безцѣннымъ приобритеніемъ для человѣчества, такъ какъ есть страна, какъ Индія, гдѣ темныя облака проходятъ надъ истощенной землей, не освѣжая ее ни единой каплей дождя. Въ Лондонѣ при электризаціи воздуха достигался бы двойной результатъ: во-первыхъ разгонялись бы облака копоти и угля, а во вторыхъ туманъ.

Эта теорія сэра Лоджа вызвала много толковъ въ научномъ мірѣ. На страницахъ одного научнаго англійскаго журнала мы находимъ развитіе его мысли.

Облако является всегда наэлектризованнымъ, другими словами между атомами его существуетъ постоянное электрическое отталкиваніе и, когда эти атомы не приходятъ въ соприкосновеніе, облако представляетъ собою нѣчто цѣльное; но какъ только дѣйствующая электрическая сила нейтрализуется, атомы приходятъ въ соприкосновеніе, законъ тяготѣнія вступаетъ въ силу, на землю падаетъ дождь. Что именно заставляетъ эти атомы держаться въ воздухѣ—неизвѣстно. Воздухъ, въ нихъ заключающійся, сгущеніе окружающей атмосферы, слѣдовательно, плотнѣе того воздуха, который они вытѣсняють; поэтому необъяснимо, почему они не подчиняются всемірному закону тяготѣнія. Это явленіе, которое съ научной точки зрѣнія до сихъ поръ является непонятнымъ. Одно извѣстно, что,

какъ только между атомами являются соприкосновенія, они начинаютъ подчиняться закону тяготѣнія.

Предположимъ теперь, что облако заряжено отрицательнымъ электричествомъ, если же его наэлектризовать положительнымъ токомъ, то отрицательное электричество нейтрализуется, частицы столкнутся, и на землю упадетъ дождь.

Почему теперь, когда намъ открыты чудеса беспроволочнаго телеграфированія, не предположить, что электрическія волны, которыя, по исчисленію одного ученаго, въ секунду обходятъ восемь разъ вокругъ всего земного шара, могутъ дѣйствовать и на облака?

Если эта теорія вѣрна, то наблюденія надъ атмосферными явленіями и управленіе ими въ нашей власти.

Намъ нуженъ дождь; мы видимъ облако. Прежде всего необходимо узнать заряжено ли оно положительнымъ или отрицательнымъ электричествомъ (а для этого есть много способовъ), затѣмъ мы направляемъ противоположный токъ, разряжаемъ облако, атомы сталкиваются,—на землю падаетъ дождь. Если, наоборотъ, мы не хотимъ дождя, мы электризуемъ облако одноименнымъ электричествомъ и отталкиваніе между атомами усиливается. Теорія эта заслуживаетъ полнаго вниманія: она проста, логична и практически примѣнима.

Превращеніе олова въ золото.—Открытія сэра Рамзея, касающіяся происхожденія радія и его странныхъ свойствъ, настолько важны, что трудно представить, къ какимъ результатамъ они приведутъ насъ въ концѣ концовъ. Не такъ давно теорія Дальтона служила основаніемъ всѣхъ химическихъ реакцій; въ настоящее время, относясь къ этой атомистической теоріи съ полнымъ уваженіемъ, нельзя признать ее безусловно вѣрной. Англійскій химикъ Ньюландъ и русскій профессоръ Менделѣевъ развили новую теорію. Если взять кусокъ мѣди и раздѣлить его на части, при чемъ продолжать это дѣленіе до безконечности, то, наконецъ, наступитъ, по мнѣнію Дальтона, моментъ, когда частицы сдѣлаются такъ малы, что дальнѣйшее ихъ уменьшеніе повлечетъ полное измѣненіе ихъ природныхъ свойствъ. Если же продолжать ихъ дѣлить, то они перестанутъ быть мѣдными, самъ Дальтонъ врядъ ли сѣрилъ въ возможность подобнаго дѣленія. Ньюландъ и Менделѣевъ думаютъ иначе и, кажется, возвращаются къ убѣжденіямъ алхимиковъ, которые считали, что низшіе металлы могутъ быть обращены въ золото. Можетъ случиться, что настанетъ время, когда обратитъ кусокъ олова въ золото будетъ такъ же просто, какъ изготовить краску индиго лабораторнымъ путемъ. Открытія профессора Рамзея доказали, что элементы не есть нѣчто постоянное: радій медленно переходитъ въ гелій. Такимъ образомъ атомическая теорія представляетъ широкое поле для изслѣдованій *).

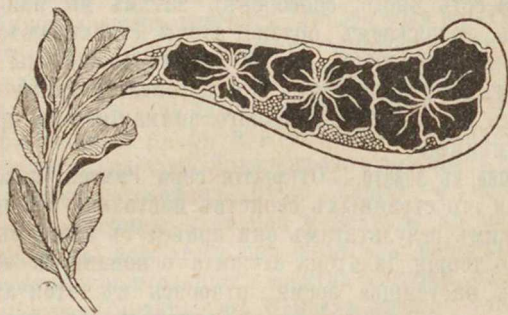
О природѣ новыхъ звѣздъ. Проф. Тернеръ, открывшій недавно новую звѣзду въ созвѣздіи Близнецовъ, высказываетъ при описаніи этой звѣзды вообще свой взглядъ на природу новыхъ звѣздъ.

Онъ полагаетъ, что темныя мѣста небеснаго свода представляютъ не дѣйствительные промежутки въ звѣздной вселенной, а темныя туманности, которыя закрываютъ собою свѣтъ отъ находящихся за ними звѣздъ. Новыя

*) Нельзя не замѣтить, что не такъ давно проф. Менделѣевъ, по поводу сообщеній о приготовленіи золота, говорилъ тоже, на основаніи теоретическихъ соображеній, что превращеніе низшихъ металловъ въ золото невозможно (См. „Журналъ Журналовъ“, перв. годъ изданія, № 1)

звѣзды возникаютъ отъ столкновенія существующихъ звѣздъ съ темными массами невидимой матеріи. Трѣніе отъ столкновенія должно вызывать громадное повышеніе температуры въ теченіе одного-двухъ дней, подобно тому, какъ метеоръ, попадающій въ верхніе разраженные слои нашей атмосферы, вспыхиваетъ въ одну-двѣ секунды. Идея эта воспроизводитъ высказанную уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ гипотезу о метеоритномъ происхожденіи новыхъ звѣздъ,—гипотезу, получившую существенную себѣ поддержку въ явленіяхъ звѣзды Nova Persei, доказавшихъ существованіе въ небесныхъ пространствахъ несвѣтящейся матеріи **).

**) Подробное изложеніе этой блестящей гипотезы, принадлежащей Зелигеру Гальмъ сдѣлалъ къ ней дополненія), читатели могутъ найти въ „С.-Пет. Вѣдомостяхъ“, 1902 г., № 199, въ статьѣ В. Битнера «Небесная загадка». Редакція.

Подписчику А. Б—му, въ Екатеринославі. — Прежде всего спасибо Вамъ за Ваше сердечное письмо. Ваши опасенія, въ связи съ лестнымъ для насъ мнѣніемъ о значеніи «Вѣстника Знанія» для общества, смѣемъ думать не оправдаются. Еслибъ мы избѣгали статей, о которыхъ Вы говорите, журналъ былъ бы очень одностороненъ, а Вы сами говорите, что въ настоящее время онъ, именно, въ отличіе отъ другихъ журналовъ, даетъ всестороннія свѣдѣнія... Нельзя ограничиться отдѣлами, на которые Вы указываете, дѣленіе же на такіе отдѣлы совсѣмъ непрактично съ точки зрѣнія технической: это создало бы непреодолимая трудности. Напротивъ, если Вы обратите вниманіе на порядокъ статей, то увидите, что онъ располагается такимъ образомъ, чтобы за болѣе серьезными слѣдовали относительно легкія и при томъ соблюдается извѣстное чередованіе самихъ предметовъ, т. е. какъ разъ обратное тому, что Вы предлагаете. — Не думайте что мы имѣемъ право писать въ журналъ все, что вздумается, напротивъ, — ничего за предѣлами утвержденной программы: нужны героическія усилія и большое искусство «приспособляемости» къ этой программѣ (при извѣстномъ тактѣ), чтобы подчасъ провести ту или иную вещь. Мы, впрочемъ, надѣемся, что наше безпристрастіе и безпартійность, при стремленіи къ правдѣ и истинѣ, помогутъ намъ, наконецъ, преодолѣть нѣкоторыя формальныя затрудненія... Къ сожалѣнію, въ настоящее время мы не можемъ высказаться яснѣе, такъ какъ не хотѣли бы вводить читателей въ заблужденіе въ виду возможности неудачи нашихъ стараній...

Подписчику К—ву, въ Астрахани. — Проф. А. А. Исаевъ цѣлое лѣто былъ занятъ подготовленіемъ къ печати новаго изданія своего курса политической экономіи; затѣмъ, А. А. уѣхалъ въ Парижъ для чтенія лекцій въ Высшей Русской Школѣ Общ. Наукъ. Въ настоящее время у насъ въ портфель редакціи имѣется статья проф. Исаева, которая будетъ помѣщена въ № 1 за 1904 г., и общаны еще нѣсколько. Намъ уже приходилось упоминать, что А. А. состоитъ нашимъ постояннымъ сотрудникомъ.

Подписчику №2? — Адреса поэта Дрожжина не знаемъ, но совѣтуемъ обратиться за справкою въ Москву, Александровская ул., у вала, фотографія С. Ф. Бобрикова, въ Правленіе Товарищескаго Кружка Писателей изъ народа.

Нѣкоторымъ подписчикамъ. — Статья проф. Гамбарова о политическихъ партіяхъ уже получена и будетъ помѣщена въ № 1 «Вѣстника Знанія». Что касается другихъ профессоровъ Русской Высшей Школы, то нѣкоторые уже доставили статьи, другіе извѣстили о скорой присылкѣ.

Въ наступающемъ году, во всякомъ случаѣ, списокъ сотрудниковъ сильно увеличится. Перечисленіе статей въ газетныхъ объявленіяхъ немислимо, — это

слишкомъ дорого. Вообще, хотя въ нынѣшнемъ году мы и несравненно больше публикуемъ о «Вѣстникѣ Знанія», тѣмъ не менѣе, состязаніе съ другими изданіями для насъ невозможно,—мы больше разсчитываемъ на помощь нашихъ же подписчиковъ, которые по большей части проявляютъ свое сочувствіе не въ однихъ только письмахъ въ редакцію, но и въ распространеніи свѣдѣній о журналѣ.

Прощаясь теперь со старыми подписчиками, которые могли убѣдиться, насколько добросовѣстно выполнены нами обязательства, мы надѣемся, что каждый изъ нашихъ друзей привлечетъ намъ десятки новыхъ подписчиковъ, и тогда молодой журналъ прочно станетъ на ноги.

Списокъ книгъ, присланныхъ для отзыва.

Вселенная и человечество. Вып. 3—5. Изданіе Т-ва «Просвѣщеніе» по 40 к. вып. Ц. 1 р. 20.

Краткій курсъ русскаго торговаго права, съ ученіемъ о векселѣ и конкурсномъ процессѣ. (Въ популярномъ изложеніи). Составилъ М. С. Дурасовъ. Ц. 2 р.

Генрихъ Риккертъ. Граница естественно-научнаго образованія понятій. Логическое введеніе въ историческія науки. Изд. Кусковой. Ц. 3 р.

Къ заветной цѣли. Литературный сборникъ. Изданіе Кружка писателей изъ народа. Ц. 75 к.

С. Тарутинъ. О значеніи и дѣятельности крестьянскихъ сельскохозяйственныхъ обществъ и о томъ, какъ ихъ устроить. Изд. Курганскаго Отд. Имп. Моск. О-ва Сел. Хоз. Ц. 20 к.

Сочиненія и письма Пушкина. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Томъ III.

Сочиненія Потьмина. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе» Томъ II.

В. Тотоміаничъ. Мошь коопераций. Изд. 2-ое Ц. 15 к.

К. Верманъ. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Изд. «Просвѣщенія» Вып. 13—16 по 40 к. Ц. 1 р. 60 к.

Большой Всемирный настольный атласъ Маркса, подъ редакціей проф. Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокольского. Вып. I. Ц. за 12 в.—14 р. съ це

Оглавленія „Вѣстника Знанія“, за 1903 годъ.

Содержаніе № 1:

Отъ Редакціи.	1
А. РАДЦИГЪ. О государственной росписи на 1903 г.	1
Вас. Ив. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО. Встрѣчи мимоходомъ: I. Бичъ лѣсовъ. II. Старательница. III. Вѣчный лѣсовикъ	9
Д. КОРОПЧЕВСКИЙ. Законъ культурнаго развитія	30
Н. КУЗЬМИНЪ. О. М. Достоевскій въ каторгѣ и послѣ ссылки	41
В. ТЮРИНЪ. Вещества, «дѣйствующія однимъ своимъ присутствіемъ»	52
Проф. П. КОВАЛЕВСКИЙ. Отцеубійцы	56
Проф. А. ИСАЕВЪ. Развѣтїе промышленности на Западѣ и въ Россіи	69
Свящ. Г. ЦЕТРОВЪ. Дорожныя думы и впечатлѣнія. (По городамъ Европы).	82
Петръ ГЕ. Новое искусство.	87
А. ТАКЕНЪ. Новая теорія вулкановъ.	104
Левъ ГОРСКИЙ. Современныя общественныя теченія въ польской литературѣ. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ. «На днѣ» Горькаго.—II. Графъ Левъ Толстой по поводу своей книги «Война и Миръ». —III. Голландскіе плантаторы, ихъ милліоны и рѣбы.—IV. Въ странѣ голода	117
ВОПРОСЫ НАГОНАГО ОБРАЗОВАНІЯ И—БИБЛІОГРАФІИ: Л. КЛЕЙБОРТЪ. Къ ха- рактеристикѣ читателя изъ народа. Библиографическія замѣтки о кни- гахъ для народа и самообразованія. А. В. Поповъ. Домашнія библио- теки. Опытъ составленія систематическаго указателя книгъ для само- образованія.—ВЕБЕ, В. П. Дункевичъ. «Научно-популярная бібліотека Л. К.	125
БИБЛІОГРАФІА. 1) «Фаустъ. Трагедія І. В. Гете въ стихотворномъ переводѣ Э. И. Губера» Д. В.—2) <i>Lectures inédites du roi Stanislas à Marie Leszczyńska</i> <i>publiées par Pierre Bouyé,</i> К.—3) Рагозина «Древнѣйшая исторія Во- стока. Исторія Халдеи...» Б.—4) Проф. Гацъ. «Африка». Б.—5) П. Ган- зень. «Опытъ оздоровленія деревни». С. Д. 6) П. Н. Бокниъ. «Подвиж- ныя горы». С. Д.	138
НАУЧНАЯ ХРОНИКА. <i>Астрономія, метеорологія, физика.</i> Вращается ли земля?— Лунные каналы и растительность на нашемъ спутникѣ.—Грозы и фазы лунны.—Странное явленіе.— <i>Антропология, криминологія, физиологія, ме- дицина.</i> Къ вопросу о происхожденіи пола.—Свидѣтельство крови на судебномъ слѣдствіи—Вѣсъ человѣческаго мозга.—Соотношеніе физиче- скихъ и умственныхъ свойствъ.—Интересныя находки: новая раса и трупы безъ костей.—Противококлюшная сыворотка.—Лѣченіе скарла- тины эссенціей терпентина.—Шытка въ XX столѣтіи.— <i>Біологія, зоологія, ботаника, геологія, почвовѣдѣніе.</i> —Новыя наблюденія надъ окраскою животныхъ.—Вліяніе гусеницъ на измѣненіе окраски бабочекъ.—Чув- ствительность муравьевъ къ ультрафіолетовымъ лучамъ.—Температура насекомыхъ.—Высшія чувства у животныхъ.—Дѣйствіе музыки на жи- вотныхъ.—Вліяніе земныхъ червей на химическій составъ почвы.—Сол- „Вѣстникъ Знанія“.	155

нечные лучи и проростаніе сѣмянъ.—Несгораемое дерево.—Происхожденіе нефти.—Обеззараживаніе прудовъ.—Дѣйствіе электролиза на почву и растенія. 166

Отвѣты подписчиковъ.

Списокъ книгъ, присланныхъ для отзыва. 185

Объявленія.

Содержаніе № 2:

Проф. А. А. ИСАЕВЪ. Развѣтїе промышленности въ Россіи	3
А. БЕРАНЖЕ. Геній. Драма въ 3-хъ актахъ	13
М. П. З. Романъ Г. Сенкевича « <i>Quo vadis</i> » въ иллюстраціяхъ	42
А. ФОГАЦЦАРО. Прогрессъ человѣчества.	63
Вас. Ив. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО. Встрѣчи мимоходомъ: IV. Три несчастныхъ завода. V. Жмасьви-золотоискатель.—Заводскіе рабочіе.—Подъ землей. VI. Попъ-охотникъ, попъ-механикъ, попъ-капельмейстеръ	72
А. А. РАДЦИГЪ. Таможенныя недоразумѣнія съ Америкой и Англіей по вопросу о вывозѣ сахара по низкимъ цѣнамъ	99
Свящ. Г. ПЕТРОВЪ. II. Дорожныя думы и впечатлѣнія. (По городамъ Европы)	106
В. БЕЛЬШЕ. Зачатки культуры у животныхъ	113
Н. Н. КУЗЬМИНЪ. О. М. Достоевскій въ каторгѣ и послѣ ссылки	121
Р. Г. ШАВЕЛЬСКИЙ. Французскій студентъ	133
Евгеній АНИЧКО. НОВЫЕ ОБРАЗЫ И СТАРЫЯ МНѢНІЯ: Леонидъ Андреевъ въ обзорѣ литературы за истекшій годъ и «Любовь среди развалинъ».—Изъ исторіи русской журналистики.—Гг. Гриневичъ, Кранихфельдъ и Ашешовъ о Некрасовѣ —«Художественный театръ» въ Москвѣ и эстетическія сомнѣнія гг. Игнатова, Вержицкой и Вересаева.—Возрожденіе идеализма, какъ показатель борьбы автономной личности за свои права.—Еще разъ о Леонидѣ Андреевѣ и о неожиданной дружбѣ графини С. А. Толстой съ гг. Буренинымъ и Розановымъ.—Сила, какъ одинъ изъ принциповъ художественнаго творчества	140
ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ И БИБЛЮГРАФІИ. Л. КЛЕЙНБОРТЪ. Народъ и книга.—Библиографическія замѣтки о книгахъ для народа и самообразованія: 1) А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народн. литература. Опытъ руков. для систематич. чтенія... А. А. Н. 2) «Книжка за книжкой». Изд. Слѣпцовой. А. НИКОЛАЕВЪ	156
БИБЛЮГРАФІЯ. 1) Похвала глупости. Эразма Роттердамскаго въ пер. проф. Ардашева. П. БУКИ. 2) Nitzsche et l'immoralisme, par A. Feuillée. R. S. 3) Гикманъ и Марксъ.—Всеобщій географич. и систематич. карманный атласъ. М. З. 4) Штенгауэръ.—Общій курсъ географіи. С. Д. 5) Первый женскій календарь на 1903 г. П. БУКИ. 6) М. К. Нохитонова. Красота женщины ея совершенствованіе и сохр. путемъ гигіены. М. З. 7) Леонидъ Андреевъ. «Баргамотъ и Тарасъка». П. БУКИ	156
НАУЧНАЯ ХРОНИКА. <i>Антропометрія, психофизиологія, гігіена.</i> Примѣненіе дактилоскопіи.—Иллюзія вѣса у ненормальныхъ.—Къ вопросу о питательности алкоголя.—Своеобразная физиологическая лабораторія.—Кокаинomanія.—Біологія, ботаника, зоологія, геологія.—Подтвержденіе закона наследственности. Фагоцитарная теорія старѣнія.—Солнечные лучи и проростаніе сѣмянъ.—Образованіе земляныхъ пирамидъ.— <i>Астрономія, метеорологія, физика, техника.</i> Новая гипотеза солнечныхъ протуберанцевъ.—Недѣйственные газы атмосферы.—Вліяніе дневного свѣта на распространеніе электромагнитныхъ волнъ.—Скорость распрострашенія. X-лучей.—В. Присъ о безпроводномъ телеграфѣ.—Измѣненіе вѣса радіоактивныхъ тѣлъ.—Приборъ, записывающій грозы.—Искусственное полученіе драгоценныхъ камней. Изъ области «цекотливыхъ» вопросовъ. Водуказательная вилка.—Плавучій университетъ.	179
Отвѣты пописчикамъ.	
Списокъ книгъ, присланныхъ для отзыва.	
Объявленія.	

Содержаніе № 3:

А. РАДЦИГЪ. Новый русскій таможенный тарифъ	3
С. И. ВАСЮКОВЪ. Картинки и впечатлѣнія Сѣвера	10
Проф. М. ЛЕБЪ. Жизненные явленія безъ жизненной силы	22
Проф. В. Н. ИВАНОВСКИЙ. Мотивы поэзіи Некрасова	25
Проф. А. А. ИСАЕВЪ. По вопросу о колоніяхъ	42
Апри БЕРАНЖЕ. «Геній». Драма въ 3 актахъ	57
И. СТАРОДУБЪ. Естественный подборъ въ новомъ трудѣ Вейсмана	81
Куда ведетъ насъ наука и чего намъ ожидать отъ нея	90
В. БЕЛЬШЕ. Сонъ Кеулера	96
Е. АНИЧКОВЪ. НОВЫЕ ОБРАЗЫ и СТАРЫЯ МНѢНІЯ. «На днѣ». Максима Горькаго и современная драма. — I. Возрожденіе трагизма въ современной драмѣ — «Нора» на нѣмецкой сценѣ въ 18-2 г. «Дама съ камеліями» или «Элиза» Гонкура? — II. О скукѣ жизни и о театрѣ Станиславскаго. — Символизмъ и тенденція. — Отъ «Мѣщанинъ» обратно къ «бывшъ людямъ». — III. Развитие дѣйствія въ драмѣ «На днѣ». — Участіе въ немъ «утѣшительной лжи» Луки. — Значеніе въ ней четвертаго акта. — Кто герои пьесы? — Міросозерцаніе «голаго человѣка» и теорія трагизма Шпенгауэра. IV. «Картины», «сцены» или «трагедія»? — Нитцшеанство Сатина и исканіе смысла жизни	113
ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ. I. Густавъ Гейерстамъ — пѣвецъ супружества. — II. Нитцше — новый Ла-Рошфуко. — III. Гете и Нитцше. — IV. Лига женщинъ «равнодушныхъ къ мужчинамъ». — V. Пессимистическое теченіе въ современной японской литературѣ	132
ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ и БИБЛИОГРАФІИ. А. А. НИКОЛАЕВЪ. Близжайшія задачи народно-популярной литературы	145
Л. КЛЕЙНБОРТЪ. Съѣздъ представителей учительскихъ обществъ	164
Библиографическія замѣтки о книгахъ для народа и самообразованія	168
БИБЛИОГРАФІЯ	181
НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Новое изобрѣтеніе въ области телефоніи. — Беспроволочный телефонъ. — Система беспроводнаго телеграфированія Поппъ-Бранли. — Новая рентгеновская трубка. — Дактилофиль. — Желѣзная дорога между Европой и Америкой. — Фосфоръ въ метеоритѣ. — Телеграфія проволоки и предсказаніе погоды. — Периодическія явленія въ неорганизованной матеріи. — Новѣйшія изслѣдованія живучести сердца. — Дѣйствіе вольтовой дуги, какъ средство противъ плѣшивости. — Роль гипнотизма въ медицинѣ	192
Отвѣты подписчикамъ	

Содержаніе № 4:

Профес. А. А. ИСАЕВЪ. Еще о личности и средѣ	3
А. БЕРАНЖЕ. Геній. Драма въ 3-хъ актахъ. Актъ третій, переводъ Н. Мазуренко	8
Проф. А. Л. КОРОЛЬКОВЪ. Радиоактивные явленія	30
Проф. СИДЖВИКЪ-МИНО. Сознаніе съ биологической точки зрѣнія	36
Проф. М. И. ТАМАШЕВЪ. Поэзія французскихъ крестьянъ	46
Проф. К. ФЛАММАРІОНЪ. Вечерняя звѣзда	57
Проф. Н. ДЕЙЧЕРЪ. Кооперативное движеніе въ Бельгіи	60
А. ДЕГРАНЪ. Воспоминанія о Верхней Албаніи. I. Домашняя жизнь албанцевъ. II. Нравы и обычаи въ Скутари. — Крестины. — Албанскіе похороны	72
А. А. НИКОЛАЕВЪ. Работы любителей и изученіе природы	86
А. А. РАДЦИГЪ. Вѣшняя торговля Сѣв.-Америк. Соед. Штатовъ за послѣднія 20 лѣтъ	99
Д-ръ Г. ЛИБИХЪ. Энергетизмъ, динамизмъ и матеріализмъ	108
А. ЛАНЕ-САНЪ. Борьба за существованіе въ человѣческомъ обществѣ	123
ОТЪ РЕДАКЦІИ	129
ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ. «Свадьба» и «Освобожденіе» С. Виспянскаго. Л. ГОРСКИЙ. — II. Какія женщины нравятся мужчинамъ? — III. Эмская депеша	130
ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ. Л. КЛЕЙНБОРТЪ. О книжкахъ земскихъ складахъ. — Библиографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія — 1) Какъ устраивать праздники древонасажденія. — 2) Вѣтринскій. Среди Латышей. 3) Книжка-копѣйка и книжка-алтынъ. А. А. Н.	145

БИБЛИОГРАФІЯ. —Вас. Ив. Немпровичъ-Данченко. Годъ войны. Р.—Бъ.—Второй рядъ историческихъ романовъ—«Спиноза» Б. Ауэрбаха. II БУКИ. Д. Н. Жбанковъ. О врачахъ. Изданіе Дороватовскаго и Чарушникова.—Я. БЕЗСОНОВЪ	155
НАУЧНАЯ ХРОНИКА. —Антропология, біологія, психо-фізіологія. Явленія смерти. — Интеллектъ и тѣлесная организація.—Иллюзія вѣса у низшихъ растъ.— Спиртъ и мышечная сила.—Органы чувствъ рептилій и амфибій.—Болезнетворное дѣйствіе лучей и испареній радія на различныя органическія ткани.—Физика, химія. Радіи, какъ источникъ энергіи.—Новый родъ свѣтовыхъ лучей.—Метеоритъ-гигантъ.—Новыя открытія, хемника. Кататипія. Пресса и беспроволочный телеграфъ.—Стоимость пушечныхъ выстрѣловъ	163
Знаемъ ли мы Пушкина?—Письмо въ редакцію. Н. Кузьмина.	
ОТВѢТЫ ПОДПИСЧИКАМЪ.	
Списокъ книгъ, присланныхъ для отзыва.	

Содержаніе № 5:

Проф. Максимъ Макс. КОВАЛЕВСКІЙ. Происхожденіе всеобщей подачи голоса	3
Р. БРОУНИНГЪ. «Андреа дель-Сарто». Поэма. Перев. Л. РУСКИНА	21
Д-ръ А. ЛЕССАУ. Новые данныя о рентгеновскихъ и беккерелевыхъ лучахъ.	32
А. А. РАДЦИГЪ. Желѣзодѣлательная промышленность Германіи	42
Проф. ЗАБОРОВСКІЙ. Центральная Азія и происхожденіе арийцевъ	50
Г. М. ПИЛИПЕНКО. Въ поискахъ земли. (Дорожныя впечатлѣнія въ Сибири).	65
Ф. Ле-ДАНТЕКЪ. Жизнедѣятельность протоплазмы съ химической точки зрѣнія.	80
Д-ръ Г. ЛИ. ИХЪ. Юстусъ-Либихъ. (По поводу столѣтія со дня рожденія).	85
Н. ОКНЕРУЗАМЪ. Золотой телецъ и культуртрегеры. (Соціально-психологическій этюдъ)	92
А. К. СМОЛИКОВЪ. Собираніе бабочекъ, какъ доходная статья	106
Юрій ВЕСЕЛОВСКІЙ. Литературные отголоски. «На новомъ мѣстѣ» Н. Хотымскаго. — «Бабъ» историческая драма г-жи И. Гриневской. — Памяти Раффи, армянскаго борца за свободу	110
ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ. —I, Сенкевичъ и Золя.—II. Священная пещера.—«Олсай-донъ». —III. У лотосовыхъ озеръ.—IV. Сибирскій «сѣдопыть».	122
ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ. А. А. НИКОЛАЕВЪ. Къ вопросу о народнои газетѣ. <i>Библиографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія.</i> —I. Общее дѣло.—II. А. С. Борецкій. «Милліонъ». —А. А. Н.	131
БИБЛИОГРАФІЯ. 1) Дорошевичъ. «Сахалинъ» (каторга).—Вс АПОКИНА. 2) Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ.—Б. И. 3) Миллеръ. Аквариумъ. Руководство къ уходу за аквариумомъ и его населеніемъ. Описаніе водныхъ растений и животныхъ. Р.	142
РУССКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Третій академическій годъ.—Почетный совѣтъ.—Администрація.—Уставъ.—Программа на 1903/4 учебный годъ.—Статистическій отчетъ.—Распредѣленіе учащихся по образованію.	148
НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Біологія, фізіологія, медицина. Происхожденіе жизни на землѣ.—Что такое жизнь?—Жизнеспособность сперматозондовъ. Приготовленіе противоядной сыворотки отъ укуса змѣй.—Геологія, географія, ботаника. Къ вопросу объ Атлантическомъ материкѣ. Вредное вліяніе дыма на растенія.—Водоросли, бураяція камни.—Физика, техника. Жидкій воздухъ	153
ОТВѢТЫ ПОДПИСЧИКАМЪ.	
Списокъ книгъ, присланныхъ для отзыва.	

Содержаніе № 6:

Проф. Г. СТРУВЕ. Значеніе философіи въ умственной жизни народа	3
Г. М. ПИЛИПЕНКО. Наше горе.—I. По дорогѣ въ Угловую.—II. Деревенскій идолъ.	18
Жен.-вр. М. И. ПОКРОВСКАЯ. Современная цивилизація и вырожденіе	34

ЛЕО БЕЛЬМОНТЪ. Жизнь-кошмаръ. Изъ дневника непризнаннаго философа.	45
В. БЕЛЬШЕ. Почему вымерли первобытныя животныя?	57
А. А. РАДЦИГЪ. Наша официальная статистика.	71
А. И. ЯЦИМИРСКИЙ. Художникъ крайняго Сѣвера.	84
А. Г. ЛЯПГРАДЕЛЪ. Первая практика постоянного третейскаго суда въ Гаагѣ.	101
А. А. ЛЕКАЕТЪ. Радій.	107
С. И. ВАСЮКОВЪ. Очерки Кавказскаго черноморскаго побережья.	116
Д-ръ Л. РЕ. Къ вопросу о родословномъ деревѣ человѣка.	126
Юрій ВЕСЕЛОВСКИЙ. Литературныя отголоски. II. «Поэтъ безмолвія».	133
ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ И — БИБЛИОГРАФІИ. А. А. НИКОЛАЕВЪ. Деревья сама о себѣ. (Что думаетъ и говоритъ деревя о школьномъ и вѣтшкольномъ народномъ образованіи)—Библиографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія. Народныя изданія по медицинѣ ВРАЧА.	145
БИБЛИОГРАФІЯ. 1) «Большая энциклопедія». ОЛЕЕВИЧА.—2) А. М. Никольскій, «Уроки жизни».—3) Егоже. «Наши животныя». 4) Проф. Вагнеръ. «Разсказы о животныхъ».—5) Гуленко. «Среди болотъ и лѣсовъ».—6) И. Поповъ. «Вѣлоруссія и вѣлоруссы».—А. А. Н.—7) Die Darwinische Theorie von D-r A. Fleischmann. Д-ра Р.—8) Діонео. «Очерки современной Англіи». Е. ВОРОНОВА.	161
НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Антропологія и криминальная антропологія. Значеніе индивидуальности.—Жилъ ли человѣкъ въ третичную эпоху?—Вліяніе климата на измѣненіе расовыхъ признаковъ.—Люди жвачные.—Біологія, физика, химія.—Новыя наблюденія надъ сегментацией яйца.—Болезни металловъ.—Жидкій воздухъ и магнетизмъ.	173
Лѣтніе курсы въ Зальцбургѣ. Письмо въ редакцію В. И.	
ОТВѢТЫ ПОДПИСЧИКАМЪ.	

Содержаніе № 7:

А. А. РАДЦИГЪ. Торговля Маньчжурія въ 1902 г.	3
Г. М. ПИЛИПЕНКО. Наше горе. (Изъ поѣздокъ по Уссурийскому краю). III. Ночь въ деревнѣ.—IV. Каторжники.—V. Угольная.	7
Д. ДОЛИНОВЪ. Странныя души современности.	36
І. ПУШЪ. Земледѣліе и бактеріи.	47
Проф. В. И. ИВАНОВСКИЙ. Изъ поѣздокъ по Англіи.	55
Проф. В. ОСТВАЛЬДЪ. Инженерное искусство и химія.	68
Лео БЕЛЬМОНТЪ. Жизнь-кошмаръ. Изъ дневника непризнаннаго философа. (Окончаніе).	72
А. А. РАДЦИГЪ. Наша официальная статистика.	85
Левъ ГОРСКИЙ. Буря вокругъ Сенкевича.	93
Проф. К. ФЛАММАРИОНЪ. Земля и человѣкъ во вселенной. I. Разборъ положеній А. Р. Уоллеса. II. Млечный путь и вселенная.—III. Условія жизни	106
ИЗЪ ЛИТЕР. ТУРЫ И ЖИЗНИ. —I. Босаки о Горькомъ.—II. Популярность Горькаго за границей.—III. Библ. ографія Горькаго въ цифрахъ.—IV. Опасенія сибирскихъ крестьянъ.—V. Казнь [у китайцевъ].—VI. Преподаваніе журналистики въ университетѣ.	129
ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ И — БИБЛИОГРАФІИ. А. А. НИКОЛАЕВЪ. Кооперация и народное образованіе. Біографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія.—«Искорки» Рубакина.—«Княжны-подвижницы». Свѣт. Т. С. Петрова. Гольцевъ. «Что такое казна и казенныя деньги». А. А. Н.	137
БИБЛИОГРАФІЯ. Г. ПЯТИГОРСКИЙ. О книгѣ А. А. Радцига и о причинахъ оскуднѣнія деревни.—1) «Les limites du Connaissable. La vie et les phenomenes naturels». Par Felix Le Dantec. R. S.—«На родной землѣ». Повѣсти и разсказы изъ народнаго быта. З. Б. Осетрова. П. П. Б.—3) «Край гордой красоты». С. Васюкова.—Б. И.—ва. 3) Мытарства. Очерки Московскаго рабочаго дома». С. Подячева.—Д. Д.—4) «На скалѣ». Дмитриевой.—Д. Д.—5) Е. Пѣтуховъ. «Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго».—А. Я.—6) Каманинъ. «Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи».—П. Александрова.	148
НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Антропологія, медицина, зоологія.—Вырождающіеся ли культурные народы. Мечниковъ и Ру о прививкѣ сифилиса обезьянамъ.—Ассоціація идей у попугай.—Величайшее изъ летающихъ существъ.—	

Физика, техника. Еще о радіи. — Поглощаютъ ли радіоактивныя вещества энергію тяжести? — Успѣхъ, достигнутый воздушнымъ кораблемъ Лебеди. . . . .

162

ОТВѢТЫ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Содержаніе № 8:

В. БРАЗОЛЕНКО. Очеркъ развитія бюрократіи въ Россіи.	3
Проф. Оливеръ ЛОДЖЪ. Современные взгляды на матерію	19
Г. М. ПИЛИШЕНКО. Наше горе. (Изъ поѣздокъ по Уссурийскому краю). — VI. «Впередъ». — VII. Пожаръ	34
Лео БЕЛЬМОНТЪ. О Левѣ Толстомъ отрывочныя мысли	50
Э. С. Средства самозащиты организма	58
А. И. ЯЦИМИРСКИЙ. Поэтъ-рабочій П. А. Травинъ	65
Проф. Г. КЛААТШЪ. Доисторическіе художники	72
А. И. ФАРЕСОВЪ. Семидесятипятилѣтіе Л. Н. Толстого	78
А. А. РАДЦИГЪ. Наша офиціальная статистика	88
Д-ръ І. ЛАНЦЪ-ЛИВЕНФЕЛЬСЪ. Къ исторіи первобытной культуры Европы и Азіи. Родина арійской расы	95
Л. М. ДОЛИНОВЪ. Искатель истины	99
Проф. ЛАМІРЕХТЪ. Хозяйственная жизнь въ связи съ общественнымъ развитіемъ.	115
Г. ПЯТИГОРСКИЙ. О рабствѣ прежде и теперь	123
Юрій ВЕСЕЛОВСКИЙ. Литературные отголоски. Къ юбилею В. Г. Короленко. — А. Купринъ, «Разсказы». — А. Серафимовичъ, «Разсказы».	132
изъ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ. — I. Какъ работалъ И. С. Тургеневъ. — II. Орывокъ изъ воспоминаній о И. С. Тургеневѣ. — III. «Смерть искусству». — IV. Ученый «поединокъ» между Погодинымъ и Костомаровымъ о происхожденіи Руси. — V. Послѣдніе годы жизни Шопенгауэра. — VI. Печальная страница въ исторіи «государства святыхъ ключей»	145
ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ и БИБЛЮГРАФІИ. А. А. НИКОЛАЕВЪ. Школьныя попечительства и мелкая земская единица. — П. Б. И. Народное образованіе на выставкѣ курскаго земства — Библиографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія. — Изданія Товарищества «Донская Рѣчь». А. А. Н.	160
БИБЛЮГРАФІЯ. 1) Николай Ангельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. — Дм. СЕНЪ-ГЕЛЬЕ. 2) С. Н. Прокоповичъ. Кооперативное движеніе въ Россіи. — АНКИНА. 3) Живая Старина. В. С. 4) Л. Е. Оболенскій. Научныя основы красоты и искусства А. МИРСКАГО. 5) Академикъ А. И. Соболевскій. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ — А. Я. 6) Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. Болотные огни. — Петра Буки	174
НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Путешествія, зоологія. Русский путешественникъ въ Ласфъ. — Экспедиція за мамонтомъ. — Жилища короткохвостныхъ буревѣстниковъ. — Біологія, психо-фізіологія, фізіологія. Новая теорія происхожденія видовъ. — Существуютъ ли пріятные, красивые и непріятные цвѣта. — Вліяніе радія на человѣка. — Астрономія, физика. Новая наблюденія надъ перемѣнной звѣздой «Мира». — Ультрамикроскопическія частицы. Техника, химія, научныя примѣненія, изобрѣтенія. Химія и искусство. — Новое изобрѣтеніе Эдиссона. — Новое изобрѣтеніе Маркони. — Самый тяжелый поѣздъ въ мірѣ.	183
ОТВѢТЫ ПОДПИСЧИКАМЪ.	

Содержаніе № 9:

А. А. РАДЦИГЪ. Краткій обзоръ финансовой политики С. Ю. Витте и задачи новаго министерства	14
Ан. АШКЕРЦЪ. Углекопы. Стихотвореніе въ прозѣ	17
Л. РУСКИНЪ. Слово о безсловесныхъ	29
В. М. Б—КОВЪ. О необходимыхъ принципахъ. I. Экономическій принципъ публицистики 60-хъ годовъ	40

В. П. ВРАДІЙ. Маньчжурскіе наброски. (Впечатлѣнія натуралиста). I. Хунхузы. II. Смерть маньчжура	46
Проф. И. Х. ОЗЕРОВЪ. О нѣкоторыхъ задачахъ университетскаго преподаванія общественныхъ наукъ	56
Проф. В. ЛЕВЪ. Современные задачи химіи	62
В. БЕЛЫШЕ. Языкъ обезьянъ	69
Р. Л. ГАРНЕРЪ. Языкъ шимпанзе. Перев. С. Л. Халютина	74
Проф. Вернеръ ЗОМБАРТЪ. Капитализмъ и мода	91
Проф. Г. ИУАНКАРРЭ. Мѣсто астрономіи въ ряду наукъ	99
В. Т. ИВЪ. Очеркъ гражданского положенія русской женщины	114
Вс. АПОКИНЪ. Перелетъ птицъ и изученіе этого явленія любительскими силами.	124
Юрій ВЕСЕЛОВСКІЙ. Литературные отголоски. Замкнутый міръ (С. Гусевъ Оренбургскій «Разказы»).—Юдоль страданій (С. Юшкевичъ «Разказы», т. I)	138
Л. М. ДОЛИНОВЪ. Историческій опытъ и историческая истина	151
ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ. —I. 40-лѣтній юбилей «Русскихъ Вѣдомостей».—II. Русская печать о Л. Н. Толстомъ.—III. Воспоминанія графини С. А. Толстой о Тургеневѣ.—IV. Тургеневъ и освобожденіе крестьянъ.—V. Толстой и Достоевскій объ И. С. Тургеневѣ.	167
ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ И—БИБЛІОГРАФІИ. А. А. НИКОЛАЕВЪ. Изъ жизни нашихъ общественныхъ библиотекъ. («Общество и общественныя библиотeki. — Механизмъ управленія. — Объемъ полезной работы). Библиографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія.	178
БИБЛІОГРАФІЯ. П. Миллюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи.—В. А. Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества.—Вс. АПОКИНА. Георгій Тумбольтъ. Перекрещенцы. Соціальныя и религіозныя движенія во время реформациі.—Говоровъ. Брачный вопросъ въ быту учащихся начальной школы.—Новицкій. Исторія русскаго искусства съ древнѣйшихъ временъ.—А. И. ЯЦИМИРСКАГО. В. Н. Перетцъ. Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго.—Я. А. МИРСКАГО	187
НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Антропология и криминологія. Промежуточное звено между человѣкомъ и обезьяной. — Современные преступники. — <i>Біологія, зоологія, геологія и фیزیологія.</i> Новый бациллъ. Странное племя. — Извлеченіе теплоты изъ нѣдръ земли.—Къ вопросу о дѣйствіи беккерелевыхъ лучей на организмъ	196
Отвѣты подписчикамъ.	

Содержаніе № 10:

А. А. РАДЦІГЪ. О покровительственной системѣ новѣйшей формациі.	3
ЯНЪ ПЕРУЛА. Герои труда. Изъ быта чешскаго прелатаріата	10
Проф. УИЛЬЯМЪ РАМЗЕЙ. Нѣкоторые соображенія по поводу періодической системы	28
ЛЕОПОЛЬДЪ БЛЮМЕНТАЛЬ. Еврейскій вопросъ, мечты о Ватиканѣ, «Венеціанскій купецъ», г. Меншиковъ и публицистическое скоморошество	35
Проф. Э. ЦЮНЪ. Кантъ, Гельмгольцъ и проблема пространства	57
Женщина-врачъ М. И. ПОКРОВСКАЯ. Торговля бѣлыми невольницами	62
Л. ГОРСКІЙ. Декадентская поэзія на пути въ Россію	75
Г. Г. СОНИНЪ. Исторія одного заблужденія	93
Проф. С. АВЕ АРИУСЪ. Распространеніе жизни въ мировомъ пространствѣ	101
Л. М. ДОЛИНОВЪ. Историческій опытъ и историческая истина	108
Л. Н. КЛЕЙНБОРТЪ. Юридическая безпомощность народа.	121
АНКИНЪ. Вопросы медицины въ нашей деревнѣ.	131
Проф. Р. ДЖ. СТАЙЛСЪ. Теорія сна	149
В. М. Б.-КОВЪ. О необходимыхъ принципахъ	152
Изъ литературы и жизни. —I. Памяти Помяловскаго.—Плещеевъ.—III. Пресса въ Китаѣ.—IV. Рабочій вопросъ въ Америкѣ	179
Вопросы народнаго образованія и—библиографіи. А. А. НИКОЛАЕВЪ. Изъ жизни нашихъ общественныхъ библиотекъ. (Скудость нашихъ свѣдѣній о библиотечномъ дѣлѣ. — Разнокалиберность и разнородность отчетовъ. «Читатель, гдѣ ты?» «Кто ты, читатель?»—Читатель идетъ!—движеніе библиотекъ навстрѣчу читателю). <i>Библиографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія.</i> —А. А. Н.	194

Библиографія. 1) «Евгеній Онѣгинъ» въ польскомъ переводѣ. Лео Бельмонта. 2) «Петронутый уголокъ», грузинскіе рассказы. Д. Ведрбисели (Д. К. Маліевъ)—Я. БЕЗСОНОВА. 3) «Счастье поневолѣ» и «На дѣйствительной службѣ». И. Н. Потапенко.—А. М. АНЦОВА.—4) «Америка идетъ на Европу». Проф. Озеровъ.—Б. Н.—ВА.—5) «Безъ героевъ», П. А. Россіевъ.—Д. М. ОЛЕЕВИЧА.—6) «Недосказанные рассказы». К. Н. Войновъ.—Д. О.

203

Научная хроника. *Біологія, мієна, фізіологія, зоологія.*—Высшій предѣлъ температуры для жизни.—Вліяніе психики на пищевареніе.—Бактеріи на поверхности здоровыхъ растений.—Наименьшіе размѣры организмовъ.—Глазъ, какъ фотографическій объективъ.—Школа и умственное переутомленіе.—Предохранительная прививка противъ чумы.—*Астрономія, метсорологія.*—Величина видимой вселенной.—Проектъ французскихъ ученыхъ.—*Химія, техника.*—Способность платины къ окисленію.—Новый металлическій сплавъ.—Новѣйшіе проекты летательныхъ машинъ.

214

Отвѣты подписчикамъ.

Содержаніе № 11:

Г. М. ЛАЗАРЕВЪ. Къ вопросу о религіи, правѣ и нравственности, какъ о социальныхъ императивахъ	3
А. УЛЬЯНОВЪ. Изъ воспоминаній статистика. Зеленый клинъ	19
В. Я. КАНЕЛЬ. Общественная борьба съ туберкулезомъ	23
Проф. БЕРИНГА. Изъ рчи его	32
Проф. В. ДОДЦЪ. Къ вопросу о значеніи личности въ исторіи	35
А. А. РАДЦИГЪ. Исполненіе государственной росписи 1902 г.	42
Янъ НЕРУДА. «Герои труда». Изъ жизни западнаго пролетариата	48
П. Н. КРИЦКІЙ. Магнитная буря	62
Л. ГОРСКИЙ. Декадентская поэзія на пути въ Россію. II. Форма.	67
Францъ СЕРВЕ. Максъ Клингертъ	85
Робертъ ТИГЕРШТЕДТЪ. Къ психологіи естественно-научнаго изслѣдованія	110
Проф. П. ДЕЙЧЕРЪ. Народное образованіе въ Бельгіи	115
З. ВОЛЬСКИЙ. И Д. Боборыкинъ въ Римѣ	130
Проф. Дж. Р. КОЛЛИНСЪ. Звѣздный міръ и теорія эопера Кельвина	136
Жанъ КОНОРЪ. Свобода, или сонъ Эраста. Философская сказка	143
Д-ръ К. ТЕННИГЕСЪ. Древность человѣческаго рода	151
Проф. Г. ШВАЛЬБЕ. Предки человѣка	160
ЮРІЙ ВЕСЕЛОВСКИЙ. Литературные отголоски. О хмурыхъ и лишніхъ людяхъ. Борисъ Лазаревскій, «Повѣсти и рассказы»	165
ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ. Страна «восходящаго солнца».—Теодоръ Моммзенъ	174
ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ И—БИБЛИОГРАФІИ. А. А. НИКОЛАЕВЪ. Изъ жизни нашихъ общественныхъ библіотекъ. Профессиональная статистика читателя.—Демократизація нашихъ библіотекъ.—Выборъ книгъ. Охранители sui generis. Читательскіе вкусы.—Кто что почитываетъ и кто чѣмъ зачитывается?—Нѣсколько словъ объ эволюціи вкусовъ нашего читателя. «Лауреаты» средняго читателя: отдѣлы научные—философія, естествознаніе, обществовѣдніе. Библиографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія.—Сибирское переселеніе въ 1903 г. Что нужно знать каждому ходоку.—Какъ организовать кредитъ малодостаточнымъ лицамъ, занимающимся ремесломъ, кустарнымъ и сельскохозяйственнымъ промыслами.—С. Н. ШУБИНСКИЙ. Историческіе очерки и рассказы.	200
БИБЛИОГРАФІЯ. В. В. Сиповскій.—Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти А. ЯЦИМИРСКИЙ. П. Д. Драгановъ.—Графъ Л. Н. Толстой, какъ писатель всемірный, и распространеніе его произведеній въ Россіи и за границей. М. О. СК—ВИЧЪ С. А. Порѣцкій.—Давайте работать! А. А. Н. Н. Лихачевъ.—Дѣло о пріѣздѣ въ Москву Антонія Поссекина. А. И. ЯЦИМИРСКИЙ Алонизъ Риль.—Введеніе въ современную философію. В. В.—НЪ.	210
НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Состоитъ ли солнце изъ радія.—Вліяніе социальныхъ условій на физическое развитіе дѣтей.—Содержаніе аргона въ атмосферномъ воздухѣ.—Микробъ бѣшенства.—Потеря вѣса накаливаемыхъ	

металловъ.—Давленіе лучей.—Доисторическій городъ на островѣ Критъ.

—Слухъ рыбы. 214

Отвѣты подписчикамъ.

Письмо въ редакцію.

Расписаніе лекцій въ Парижской Высшей Школѣ Общественныхъ Наукъ.

Содержаніе № 12:

А. А. РАДЦИГЪ. Вѣщанія торговли Россіи въ первые 8 мѣсяцевъ 1903 г.	3
С. П. АЛИСОВЪ. Край будущаго (Изъ впечатлѣній побѣдки въ Сибирь). I. Отъ Петербурга до Челябинска. II. Сибирь.—Байкаль	9
Проф. Эдуардъ ГУЛЬДЕНЪ. Возрожденіе наукъ	35
Л. ГОРСКИЙ. Декадентская поэзія на пути въ Россію. III. Чувства и идеи.	54
Л. БРАНДТЪ. О чувствительности химическихъ реакцій	77
В. УДЕ. Новый взглядъ на искусство	83
ТЕ. Изъ впечатлѣній русскаго въ Швейцаріи	88
Проф. ФРАНСЭ. Ботаническія бестѣды	97
О. ГОФФМАНЪ. Измѣненія на поверхности луны	103
Доцентъ Н. Д. БЕРНШТЕЙНЪ. И. И. Чайковскій. (По поводу десятилѣтія со дня его смерти).	116
Анри КУПЭНЪ. Своеобразные похоронные обряды	130
Ю. А. ВЕСЕЛОВСКИЙ. Литературные отголоски. VI. Драма изъ народной жизни: С. Т. Семеновъ, «Надежда Чигалдаева» (Преступники), драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, пзданіе «Посредника».—Нищенство и мелодрама (А. Будинцевъ, «Солнечные дни», романъ).—Новый изобрѣтатель духовнаго быта: С. Елеонскій, «Разсказы».—Проблески симпатичнаго дарованія: О. Ольнечъ, «Очерки и разсказы»	142
ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ. Коневъ «Фронды».—Стачки въ 1902 году	157
ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ И—БИБЛИОГРАФІИ. А. А. НИКОЛАЕВЪ. Изъ жизни нашихъ общественныхъ библиотекъ. (Беллетристика: «читатель-простецъ» и «другъ-читатель». «Восходящія и заходящія свѣтила» читательскаго небосклона.—Періодическая пресса и ея читатели.—Нѣсколько словъ о бюджетахъ нашихъ библиотекъ и объ участіи въ нихъ нашихъ городскихъ и земскихъ «самоуправленій».—Заключеніе).—А. НИКОЛАЕВЪ.	165
Библиографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія.—Изданія М. Д. Орѣхова, «Новая Библіотека».—А. А. Н. В. Н. Ладыженскій. Что такое земство?—А. А. Н.	174
БИБЛИОГРАФІЯ. Освальдъ Кюльпе. Современная философія въ Германіи.—В. В.—нъ. Völkerkunde, von Dr. Heinrich Schurz.—А. Г. А. И. Яцимирскій. Сборникъ Тверскаго Общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія.—И. Александровъ. Г. Т. Хохловъ. Путешествіе уральскихъ казаковъ въ «Вѣловодское царство».—А. М. Аносовъ.	182
ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. Проф. Ив. Озеровъ	192
НАУЧНАЯ Х. ОНИКА. Сравнительная психологія, антропологія. Обладаютъ ли растенія разумомъ?—Соотношеніе психическихъ и физическихъ свойствъ.—Умъ животныхъ. Существовали ли люди въ третичномъ періодѣ.—Царство женщинъ. Біологія, зоологія, ботаника. Происхожденіе роговъ.—Отъ чего зависитъ разнообразіе окраски осеннихъ листьевъ.—Вліяніе низкихъ температуръ на органическую жизнь.—Способность насѣкомыхъ различать цвѣта.—Дерево Конфуція.—Дерево легче пробки. Медицина и гігіена. Туберкулезъ въ Египтѣ.—Алкоголизмъ въ Англіи.—Новѣйшіе успѣхи свѣтоленія.—Противотуберкулезная сыворотка д-ра Марморека.—Еще о борьбѣ съ туберкулезомъ. Астрономія, физика, химія и техника. Радій на солнцѣ.—Новое примѣненіе алюминія.—Цвѣтная фотографія.—Новости изъ области телефона.—Говорящее пламя.—Дѣйствіе электрическаго тока на туманъ.—Превращеніе олова въ золото.—О природѣ новыхъ звѣздъ	214

ОТВѢТЫ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Статистическій указатель статей за 1903 годъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ «ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ» ЗА 1903 ГОДЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Систематическій УКАЗАТЕЛЬ

содержанія „Вѣстника Знанія“ за 1903 г.

Беллетристика, путевые очерки, бытовые картинки и пр.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко: Встрѣчи мимоходомъ: I. Вичъ лѣсовъ. II. Старательница. III. Вѣчный лѣсовникъ. IV. Три несчастныхъ завода. V. Жмаевъ-золотоискатель. — Заводскіе рабочіе. — Подъ земель. VI. Попъ-охотникъ, попъ-механикъ, попъ-капель-мейстеръ. № 1, стр. 22, № 2, стр. 73.

Священникъ Г. Петровъ. Дорожныя думы и впечатлѣнія (по городамъ Европы). I. II. № 1, стр. 82, № 2, стр. 106.

С. И. Васюковъ. Картинки и впечатлѣнія съвера. № 3, стр. 10.

Его же. Очерки Кавказскаго черноморскаго побережья. № 6, стр. 116.

Апри Беранже. «Геній», драма въ 3-хъ актахъ пер. Мазуренко актъ I. № 2, стр. 13, актъ II, № 3, стр. 57. Актъ III, № 4, стр. 8.

А. Дебранъ. Воспоминанія о Верхней Албаніи: I. Домашняя жизнь албанцевъ. II. Нравы и обычаи въ Скутари. — Крестины. — Албанскіе похороны. № 4, стр. 72.

Г. М. Пилипенко. Въ поискахъ земли (Дорожныя впечатлѣнія въ Сибири). № 5, стр. 65.

Его же. Наше горе: I. По дорогѣ въ Угловую. II. Деревенскій идолъ (Изъ поѣздокъ по Уссурийск. краю). III. Ночь въ деревнѣ. IV. Каторжный. V. Угольная. VI. «Впередъ». VII. Пожаръ. № 6, стр. 18, № 7, стр. 7, № 8, стр. 34.

Р. Броунингъ. Поэма «Андреа дель-Сарто» пер. Л. Рускина, № 5, стр. 21.

Лео Бельмонтъ. Жизнь-кошмаръ. Изъ дневника непризнаннаго философа. Перевелъ съ рукописи В. М.—овъ. № 6, стр. 45, № 7, стр. 72.

Антонъ Ашкеригъ. Углекопы. Стихотвореніе въ прозѣ. № 9, стр. 15.

В. П. Врадій. Манджурскіе наброски (Впечатлѣнія натуралиста). I. Хунхузы. II. Смерть маньчжура. № 9, стр. 41.

Янъ Неруда. Герои труда. I. Изъ быта чешскаго пролетаріата. № 10, стр. 10. № 11, стр. 48.

- А. Ульяновъ*. Изъ воспоминаній статистика. Зеленый Клинь. № 11, стр. 19.
Проф. В. И. Ивановскій. Изъ поездовъ по Англіи. № 7, стр. 55.
Жанъ Коноръ. Свобода или сонъ Эраста. Философская сказка. № 11, стр. 143.
Мультатулли и его произведенія. Прил. къ № 1.
М. Нордау. Гдѣ истина?
     Его же. Жизнь и поэзія.
     Его же. Ложь брака.
     Его же. Естественная исторія любви.
Элленъ Кей. Свобода личности.
     Ея же. Тишина.
     Ея же. Женщина будущаго.
     Ея же. Мужество.
- } Приложенія къ № 8.
- Алисовъ*. Край будущаго. Изъ впечатлѣній поездки въ Сибирь. № 12, стр. 9.
Те. Изъ впечатлѣній русскаго въ Швейцаріи. № 12.
Научная хроника. Русскій путешественникъ въ Ласеъ. Экспедиція за мамонтомъ. № 8.

Политическая экономія, статистика.

- А. Радцигъ*. О государственной росписи на 1903 г. № 1, стр. 1.
     Его же. Таможенные недоразумѣнія съ Америкой и Англіей по вопросу о вывозѣ сахара. № 2, стр. 99.
     Его же. Новый русскій таможенный тарифъ. № 3, стр. 3.
     Его же. Внѣшняя торговля Сѣв.-Американскихъ Соедин. Штатовъ за послѣднія 20 лѣтъ. № 4, стр. 99.
     Его же. Желѣзодѣлательная промышленность Германіи. № 5, стр. 42.
     Его же. Наша официальная статистика. № 6, стр. 71.
     Его же. Торговля Маньчжуріи въ 1902 г. № 7, стр. 3.
     Его же. Наша официальная статистика. № 8, стр. 88.
     Его же. Краткій обзоръ финансовой политики С. Ю. Витте и задачи новаго министерства. № 9, стр. 3.
     Его же. О покровительственной системѣ новѣйшей формаціи. № 10, стр. 3.
     Его же. Исполненіе государственной росписи 1902 г. № 11, стр. 42.
     Его же. Наша официальная статистика. № 7, стр. 85.
     Его же. Внѣшняя торговля Россіи за первые 8 мѣсяцевъ 1903 г. № 12, стр. 3.
- Проф. Исаевъ*. Развѣтѣ промышленности на Западѣ и въ Россіи. № 1, стр. 67.
     Его же. Развѣтѣ промышленности въ Россіи. № 2, стр. 3.
     Его же. Къ вопросу о колоніяхъ. № 3, стр. 42.
- Проф. П. Дейчеръ*. Кооперативное движеніе въ Бельгіи. № 4, стр. 61.
Проф. Озеровъ. Письмо въ редакцію. № 12.
Проф. Замбартъ. Капитализмъ и мода. № 9, стр. 121.
- Словарь экономическихъ наукъ*. Прил. къ №№ 6 и 9.
- Проф. Шенбергъ*. Очеркъ исторіи народнаго хозяйства.
Проф. Грюнбергъ. Соціалистическія ученія.
Проф. Лексисъ. Обзоръ исторіи экономич. литературы.
     Его же. Соціологія.
     Его же. Меркантилисты.
     Его же. Фазіократы.
- Проф. Лезеръ*. Адамъ Смитъ.
Проф. Эльстеръ. Мальтусъ.

Проф. Диль. Давидъ Рикардо.

Проф. Штаммхаммеръ. Дж. Стюартъ Милль.

Проф. Адлеръ. Прудонъ.

Его же. Марксъ.

Проф. Иниремъ. Родбертусъ.

Его же. Марксъ.

Проф. Эшли. Историческая школа экономистовъ.

Проф. Цуккергандль. Организациа производства.

Кауикій. Мелкое и крупное производство.

Его же. Кризисы.

Проф. Бирмеръ. Союзы предпринимателей.

Его же. Рабочіе союзы въ важнѣйшихъ государствахъ.

Его же. Стачки.

Проф. Франкенштейнъ. Рабочій вопросъ.

Его же. Производительныя товарищества.

Его же. Потребительныя общества.

Проф. Геркнеръ. Рабочее законодательство.

Сравнит. таблица рабочаго законодательства.

Словарь-указатель.

Философія, психологія, обществовѣдѣніе, публицистика исторія.

Проф. П. Ковалевскій. Отцеубійцы. № 1, стр. 58.

Проф. А. А. Писаевъ. Еще о личности и средѣ. № 4, стр. 3.

А. Фоатицаро. Прогрессъ человѣчества. № 2, стр. 63.

Н. Г. Шавельскій. Французскій студентъ. № 2, стр. 133.

Проф. Сиджвикъ Мино. Сознаніе съ біологической точки зрѣнія. № 4, стр. 36.

А. Ланессанъ. Борьба за существованіе въ человѣческомъ обществѣ. № 4, стр. 128.

Проф. Максимъ Макс. Ковалевскій. Происхожденіе всеобщей подачи голосовъ.

№ 5, стр. 3.

Н. Окнерузамъ. Золотой телець и культрегеры. № 5, стр. 92.

Проф. Г. Струве. Значеніе философіи въ умственной жизни народа. № 6, стр. 3.

Жен.-вр. М. И. Покровская. Современная цивилизациа и вырожденіе. № 6, стр. 34.

Ея же. Торговля бѣлыми невольниками. № 10, стр. 62.

А. Г. Ляпраделль. Первая практика постоянного третейскаго суда въ Гаагѣ. № 6, стр. 101.

А. М. Долиновъ. Историческій опытъ и историческая истина. № 9, стр. 139, № 10, стр. 108.

В. Бразоленко. Очеркъ развитія бюрократіи въ Россіи. № 8, стр. 3.

Проф. Лампрехтъ. Хозяйственная жизнь въ связи съ общественнымъ развитіемъ. № 8, стр. 115.

Г. Пятигорскій. О рабствѣ прежде и теперь. № 8, стр. 123.

А. Рускинъ. Слово о безсловесныхъ (письмо изъ Италіи). № 9, стр. 18.

В. М. Б—ковъ. О необходимыхъ принципахъ. 1) Экономическій принципъ публицистики 60 годовъ. № 9, стр. 30.

Его же. О необходимыхъ принципахъ. № 10, стр. 152.

Проф. Вернеръ Зомбартъ. Капитализмъ и мода. № 9, стр. 75.

Б. Т. Изъ. Очеркъ гражданскаго положенія русской женщины. № 9, стр. 100.

Леопольдъ Блюменталь. Еврейскій вопросъ, мечты о Ватиканѣ, „Венеціанскій купецъ“, г. Меньшиковъ и публицистическое скоморошество. № 10, стр. 35.

Проф. Э. Ціонъ. Кантъ, Гельмгольцъ и проблема пространства. № 10, стр. 57.

Л. Н. Клейнбортъ. Юридическая безпомощность народа. № 10, стр. 121.

- Анкинъ.* Вопросы медицины въ нашей деревнѣ. № 10, стр. 131.
Проф. Р. Дж. Стайлсъ. Теорія сна. № 10, стр. 149.
Г. М. Лазаревъ. Къ вопросу о религіи, правѣ и нравственности, какъ о социальных императивахъ. № 11, стр. 3.
Проф. В. Доддъ. Къ вопросу о значеніи личности въ исторіи. № 11, стр. 35.
Робертъ Тигерштедтъ. Къ психологіи естественно-научнаго изслѣдованія. № 11, стр. 110.
Проф. Гульдентъ. Возрожденіе наукъ. № 12 стр. 9.
Веберъ. Панорама вѣковъ. Приложение къ № 1.
Проф. Шерръ. Лжедимитрій, царь Московскій. Приложение къ № 10.
А. Ф. К—Ш. Вопросъ о Лжедимитріи въ русской литературѣ. Прилож. къ № 10.
Проф. Шерръ. Задача Тампли. Приложение къ № 10.
А. Ф. К—Ш. Желѣзная маска. Приложение къ № 10.
Его же. Графъ Калиостро. Приложение къ № 10.
Д. Олсевичъ. Общественно-политич. жизнь Запада. Англія. Приложение къ № 10.
 Соціальныя утопіи. Приложение къ № 5.
Гюдри-Мено. Женщина. Приложение къ № 3.
Проф. Лексисъ. Соціологія. (Слов. экон. наукъ). Приложение къ № 9.

Антропологія, криминалогія, этнографія, археологія, исторія первобытной культуры.

- Д. Корончевскій.* Законъ культурнаго развитія. № 1, стр. 30.
Проф. Заборовскій. Центральная Азія и происхожденіе арійцевъ. № 5, стр. 50.
Д-ръ Л. Ре. Къ вопросу о родословномъ деревѣ человѣка. № 6, стр. 126.
Проф. Г. Клатчъ. Доисторическіе художники. № 8, стр. 72.
Д-ръ Г. Ланцъ-Либенфельсъ. Къ исторіи первобытной культуры Европы и Азіи.
 Родина арійской расы. № 8, стр. 95.
Д-ръ К. Теннисъ. Древность человѣческаго рода. № 11, стр. 151.
Проф. Г. Швальбе. Предки человѣка. № 11, стр. 160.
А. Куптэ. Своеобразные похоронные обряды. № 12.
Научная хроника. Къ вопросу о происхожденіи пола. Свидѣтельство крови на судебномъ слѣдствіи. Интересныя находки. Новая раса и трупы безъ костей. № 1.
 Примѣненіе дактилоскопін. Иллюзія вѣса у ненормальныхъ. № 2.
 Иллюзія вѣса у низшихъ расъ. № 4.
 Значеніе индивидуальности. Жилъ ли человѣкъ въ третичную эпоху? Вліяніе климата на измѣненіе расовыхъ признаковъ. Люди жвачные. № 6.
 Вырождаются ли культурные народы. № 7.
 Промежуточное звено между человѣкомъ и обезьяной. № 9.
 Доисторическій городъ на островѣ Критѣ. № 11.
Веберъ. Панорама вѣковъ. Приложение къ № 1.

Біологія, медицина, зоологія, ботаника, геологія, и другія естественныя науки.

- А. Такенъ.* Новая теорія вулкановъ. № 1, стр. 104.
Бельше. Почему вымерли первобытныя животныя. № 6, стр. 57.
Его же. Зачатки культуры у животныхъ. № 2, стр. 113.
Его же. Языкъ обезьянъ. № 9, стр. 63.
И. Стародубъ. Естественный подборъ въ новомъ трудѣ Вейсмана. № 3, стр. 81.
Проф. М. Лебъ. Жизненные явленія безъ жизненной силы. № 3, стр. 22.
 Куда ведетъ насъ наука и чего намъ ожидать отъ нея. № 3, стр. 90.
А. Николаевъ. Работы любителей и изученіе природы. № 4, стр. 86.
Ф. Ле-Дантекъ. Жизнедѣятельность протоплазмы съ химической точки зрѣнія.
 № 5, стр. 80.

А. К. Смоликовъ. Собираніе бабочекъ, какъ доходная статья. № 5, стр. 106.

І. Пушъ. Земледѣліе и бактеріи. № 7, стр. 47.

Э. С. Средства самозащиты организма. № 8, стр. 58.

Р. Д. Гарнеръ. Языкъ шимпанзе. № 9, стр. 70.

Вс. Апокинъ. Перелѣтъ птицъ и изученіе этого явленія любительскими силами. № 9, стр. 115.

Проф. С. Арреніусъ. Распространеніе жизни въ міровомъ пространствѣ. № 10, стр. 101.

В. Я. Канель. Общественная борьба съ туберкулезомъ. № 11, стр. 23.

Проф. Берингъ. Изъ рѣчи его. № 11, стр. 32.

Проф. Франсе. Ботаническія бесѣды. № 12.

В. Бельиш. Исторія міросозерцанія до Колумба. Приложение къ № 12.

Его же. Исторія современного естествознанія. Приложение къ № 7.

Его же. Происхожденіе органической жизни. Приложение къ № 11.

Его же. Основы развитія органической жизни. Приложение къ № 12.

С. К. Исаковъ. Руководство къ собиранію естественно-историческихъ коллекцій и наблюденію природы. Приложение къ № 3.

Э. Бернацкій. Современная медицина, сущность и предѣлы врачебнаго знанія. Приложение къ № 4.

Научная хроника. — Всѣхъ человѣческаго мозга соотношеніе физическихъ и умственныхъ свойствъ. Противоклоушная сыворотка. Лечение скарлатины эссенціей терпентина. Новыя наблюденія надъ окраскою животныхъ. Вліяніе гусеницъ на измѣненіе окраски бабочекъ. Чувствительность муравьевъ къ ультрафіолетовымъ лучамъ. Температура насѣкомыхъ. Высшія чувства у животныхъ. Дѣйствіе музыки на животныхъ. Вліяніе земляныхъ червей на химическій составъ почвы. Несгораемое дерево. Происхожденіе нефти. Обеззараживаніе прудовъ. Дѣйствіе электролиза на почву и растенія.

Подтвержденіе закона наслѣдственности. Фагоцитарная теорія старѣнія. Солнечные лучи и проростаніе сѣмянъ. Образованіе земляныхъ пирамидъ. № 2.

Новѣйшія изслѣдованія живучести сердца. Дѣйствіе вольтовой дуги, какъ средство противъ плѣшивости. Роль гипнотизма въ медицинѣ. № 3.

Происхожденіе жизни на землѣ. Что такое жизнь? Жизнеспособность сперматозоидовъ. Приготовленіе противоядной сыворотки отъ укуса змѣй. Къ вопросу объ Атлантическомъ материкѣ. Вредное вліяніе дыма на растенія. Водоросли буряція камни. № 5.

Новыя наблюденія надъ сегментацией яйца. Мечниковъ и Ру о прививкѣ сифилиса обезьянамъ, Ассоціація идей у попугая. Величайшее изъ летающихъ существъ. № 7.

Жилища короткохвостыхъ буревѣстниковъ. № 8.

Новая теорія происхожденія видовъ. Существуютъ ли пріятные красивые и непріятные цвѣта. Вліяніе радія на человѣка. Новый бактеріи. Странное племя. Извлеченіе теплоты изъ пѣдръ земли. Къ вопросу о дѣйствіи беккерелевыхъ лучей на организмъ. № 10.

Высшій предѣлъ температуры для жизни. Вліяніе психики на пищевареніе. Бактеріи на поверхности здоровыхъ растеній. Наименьшіе размѣры организмовъ. Глазъ, какъ фотографическій объективъ. Школа и умственное переутомленіе. Предохранительная прививка противъ чумы. № 10.

Вліяніе социальныхъ условій на физическое развитіе дѣтей. Микробъ бѣшенства. Новое средство противъ кровотеченія. Слухъ рыбъ. Къ вопросу о питательности алкоголя. Своеобразная фізіологическая лабораторія. Кокаиноманія. Явленія смерти. Интеллектъ и тѣлесная организація.

Спиртъ и мышечная сила. Органы чувствъ у рептилій и амфибій. Болѣзнетворное дѣйствіе лучей и испареній радія на различныя органическія ткани.

Астрономія, метеорологія физика, электротехника, инженерное искусство, химія, философія естествознанія.

Больше. Сонъ Кеплера. № 3, стр. 96.

Проф. А. Л. Корольковъ. Радиактивные явленія. № 4, стр. 30.

В. Тюринъ. Вещества, дѣйствующія однимъ своимъ присутствіемъ, № 1, стр. 52.

Проф. К. Фламаріонъ. Вечерняя звѣзда. № 4, стр. 57.

Его же. Земля и человѣкъ во вселенной: I. Разборъ положеній А. Р. Уоллеса II. Млечный путь и вселенная. III. Условія жизни. № 7, стр. 106.

Д-ръ Г. Либихъ. Юстусъ Либихъ. № 5, стр. 85.

Д-ръ А. Дессау. Новая данныя о рентгеновскихъ и беккерелевыхъ лучахъ. № 5, стр. 32.

А. А. Лекастъ. Радій. № 6, стр. 107.

Проф. В. Оствальдъ. Инженерное искусство и химія. № 7, стр. 68.

Д-ръ Г. Либихъ. Энергетизмъ, динамизмъ и матеріализмъ. № 4, стр. 108.

Проф. Оливеръ Лоджъ. Современные взгляды на матерію. № 8, стр. 18.

Проф. Вальтеръ Лебъ. Современные задачи химіи. № 9, стр. 57.

Проф. Г. Пуанкаре. Мѣсто астрономіи въ ряду наукъ. № 9, стр. 92.

Проф. Уильямъ Рамзей. Нѣкоторыя соображенія по поводу періодической системы. № 20, стр. 28.

Г. Г. Соингъ. Исторія одного заблужденія. № 10, стр. 93.

П. Н. Кричкій. Магнитная буря. № 11, стр. 62.

Проф. Дж. Р. Коллинсъ. Звѣздный міръ и теорія эира Кельвина. № 11, стр. 135.

Брандтъ. О чувствительности химическихъ реакцій. № 12.

Готфманнъ. Объ измѣненіяхъ на поверхности луны. № 12.

Популярная химія. Прил. къ № 8

В. Битнеръ. Общедоступный химическій анализъ почвы. Прил. къ № 8.

Л. Бреннеръ. Астрономическіе вечера. Прил. къ № 5.

В. Больше. Загадка млечнаго пути. Прил. къ № 5.

Общедоступный Университетъ. Вода въ природѣ. №№ 1—2.

" " Атмосфера. №№ 3—5.

" " Теплота. №№ 6—8.

" " Свѣтъ. №№ 9—10.

" " Звукъ. № 11.

Проф. Шниъ и проф. Ц—ръ. Лучи и волны. № 12.

Научная хроника.—Вращается ли земля. Лунные каналы и растительность на нашемъ спутникѣ. Грозы и фазы луны. Странное явленіе.

Новая гипотеза солнечныхъ протуберанцевъ. Недѣлятельные годы атмосферы. Вліяніе дневнаго свѣта на распространеніе электромагнитныхъ волнъ. Скорость распространенія X лучей. В. Присъ о беспроволочномъ телеграфѣ. Измѣненіе вѣса радиактивныхъ тѣлъ. Приборъ записывающій грозы. Искусственное полученіе драгоцѣнныхъ камней.

Новое изобрѣтеніе въ области телефоніи. Безпроводочный телефонъ. Система беспроволочнаго телеграфированія. Поппъ-Бранли. Новая рентгеновская трубка. Дактиностиль. Желѣзная дорога между Европой и Америкой. Фосфоръ на метеоритѣ. Телеграфныя проволоки и предсказаніе погоды. Періодическія явленія въ неорганизованной матеріи.

Радій какъ источникъ энергіи. Новый родъ свѣтовыхъ лучей. Метеоритъ

гигантъ. Катаніція Пресса и безпроводочный телеграфъ. Стоимость пушечныхъ выстрѣловъ.

Жидкій воздухъ. Болѣзни металловъ. Жидкій воздухъ и магнетизмъ. Еще о радіахъ. Поглашаютъ ли радіактивныя вещества энергію тяжести. Усіѣхъ достигнутый воздушнымъ кораблемъ Лебеди. Новыя наблюденія надъ переменнѣйшей звѣздой «Мира» Ультрасмекроскопическія частицы. Химія и искусство. Новое изобрѣтеніе Эдисона. Новое изобрѣтеніе Маркони. Самый тяжелый потѣздъ въ мірѣ. Величина видимой вселенной. Проектъ французскихъ ученыхъ. Способность платины къ окисленію. Новый металлическій сплавъ. Новѣйшіе проекты деталей машинъ. Состоитъ ли солнце изъ радія. Содержаніе аргона въ атмосферномъ воздухѣ. Потеря вѣса накаливаемыхъ металловъ. Давленіе лучей.

Критика, исторія литературы, литературныя обзорѣнія, біографическія замѣтки.

Н. Кузьминъ. Достоевскій въ каторгѣ и послѣ ссылки № 1, стр. 41. № 2 стр. 121.

Левъ Горскій. Современныя общественныя теченія въ польской литературѣ № 1, стр. 117.

Его же. Буря вокругъ Сенкевича № 7, стр. 93.

Его же. Декадентская поэзія на пути въ Россію № 10, стр. 75, № 11, стр. 67. № 12.

Проф. В. Н. Ивановскій. Мотивы поэзіи Некрасова № 3, стр. 27.

Е. Анничковъ. *Новые образы и старыя мнѣнія*. «На днѣ» Максима Горькаго и современная драма: 1) Возрожденіе трагизма въ современной драмѣ.— «Нора» на нѣмецкой сценѣ въ 1882 г. «Дама съ камеліями» или «Элиза» Гонкура. 2) О скукѣ жизни и о театрѣ Станиславскаго. Символизмъ и тенденція. Отъ «Мѣщанъ» обратно къ «Бывшимъ людямъ». 3) Развѣтленіе дѣйствія въ драмѣ «На днѣ». Участіе въ ней «утѣшительной лжи» Луки. Значеніе въ ней 4 акта. Кто герой пьесы? Міросозерцаніе «голаго человѣка» и теорія трагизма Шопенгауэра. 4) «Картины», сцены или «трагедія». Нитишванство Сатина и исканіе смысла жизни. № 3, стр. 113. *Его же.* Новые образы и старыя мнѣнія: Леонидъ Андреевъ въ обзорѣніи литературы за истекшій годъ и «Любовь среди развалинъ». Изъ исторіи русской журналистики, г. Гриневичъ. Кранихфельдъ и Ашешовъ о Некрасовѣ «Художественный театръ въ Москвѣ и эстетическія сомнѣнія г.г. Игнатова, Вержбицкой и Вересаева. Возрожденіе идеализма, какъ показатель борьбы автономной личности за свои права. Еще разъ о Леонидѣ Андреевѣ и о неожиданной дружбѣ графини С. А. Толстой съ г.г. Буренинымъ и Розановымъ. Сила, какъ одинъ изъ принциповъ художественнаго творчества. № 2, стр. 140.

Проф. М. И. Тамашевъ. Поэзія французскихъ крестьянъ. № 4, стр. 47.

Юрій Веселовскій. Литературные отголоски. «На новомъ мѣстѣ» Н. Хотымскаго.— «Бабъ» историческая драма г-жи И. Гриневской. Памяти Раффи, армянскаго борца за свободу. № 5, стр. 110.

Его же. Литературные отголоски. II. Поэтъ безмолвія. № 6, стр. 133.

Его же. Литературные отголоски. Къ юбилею В. Г. Короленко. А. Купринъ «Разказы» А. Серафимовичъ «Разказы».

Его же. Литературные отголоски. Замкнутый міръ (С. Гусевъ-Оренбургскій «Разказы») Юдоль страданій (С. Юшкевичъ «Разказы» т. I). № 9, стр. 125.

Его же. Литературные отголоски. О хмурыхъ и лишннихъ людяхъ Борисъ Лазаревскій «Повѣсти и разказы». № 11, стр. 165.

Его же. Литературные отголоски.— Драма изъ народной жизни: С. Т. Се

меновъ. «Надежда Чаголдаева» (преступники); драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Ницшеанство и мелодрама (А. Будищевъ, «Солнечные дни» романъ). Новый изобразитель духовнаго быта: С. Елеонскій, «Разсказы». Проблески симпатичнаго дарованія: О. Ольнемъ, «Очерки и разсказы». — № 12.

Бельмонтъ. О Львѣ Толстомъ. Отрывочныя мысли.

А. И. Яцимирскій. Поэтъ-работчій. П. А. Травинъ. № 8, стр. 65.

Л. Долиновъ. Странныя души современности. № 7, стр. 36.

Его же. Искатель истины. № 8, стр. 99.

А. И. Фаресовъ. Семидесятипятилѣтіе, Л. Н. Толстого. № 8, стр. 78.

З. Вольскій. П. Д. Воборыкинъ. въ Римѣ. № 11, стр. 130.

Изъ литературы и жизни: I. «На днѣ», Горькаго. II. Графъ Левъ Толстой по поводу своей книги «Война и Миръ». III. Голландскіе плантаторы ихъ миллионы и рабы. IV. Въ странѣ голода. № 1, стр. 33.

Литература и жизнь I. Густавъ Гейерстамъ, пѣвецъ супружества. II. Нитцше-Новый Ла-Рошфуко. III. Гете и Нитцше. IV. Лига женщинъ, «равнодушныхъ къ мужчинамъ». V. Пессимистическое теченіе въ современной японской литературѣ. № 3, стр. 132.

I. «Свадьба» и «Освобожденіе» С. Выспанскаго. Л. Горскій. II. Какія женщины нравятся мужчинамъ? III. Эмская депеша. № 4, 130.

I. Сенкевичъ и Золя. II. Священная пещера «Олисай-донъ». III. У лотосовыхъ озеръ. IV. Сибирскій «слѣдопытъ». № 5, стр. 122.

I. Босаки о Горькомъ. II. Популярность Горькаго за границей III. Биографія Горькаго въ цифрахъ. IV. Опасенія сибирскихъ крестьянъ. V. Казнь у китайцевъ. VI. Преподаваніе журналистики въ университетѣ. № 7, 129.

I. Какъ работалъ И. С. Тургеневъ. II. Отрывокъ изъ воспоминаній объ И. С. Тургеневѣ. III. «Смерть искусству» IV. Ученый поединокъ между Погодинымъ и Костомаровымъ о происхожденіи Руси. V. Последние годы жизни Шопенгауэра. VI. Печальная страница въ исторіи «государства святыхъ ключей». № 8, стр. 145.

I. 40-лѣтній юбилей „Русскихъ Вѣдомостей“. II. Русская печать о Л. Н. Толстомъ. III. Воспоминанія графини С. А. Толстой о Тургеневѣ. IV. Тургеневъ и освобожденіе крестьянъ. V. Толстой и Достоевскій объ И. С. Тургеневѣ. № 9, стр. 152.

I. Памяти Н. Г. Помяловскаго. II. А. М. Плещеевъ. III. Пресса въ Китаѣ. IV. Рабочій вопросъ въ Америкѣ. № 10, стр. 179.

Страна «восходящаго солнца». — Теодоръ Моммзенъ. № 11, стр. 174.

Мультатуми. Его произведенія и биографія. Прил. къ № 1.

Георгъ Брандесъ. Генрихъ Ибсенъ.

Б. Маршалль. Гергардтъ Гауптманъ.

А. Гартманъ. Морисъ Мэтерлинкъ.

Ф. Ломе. Исторія литературы. Прил. къ № 7.

Мишо ДЮмiakъ. Великія легенды человѣчества. Прил. къ № 2.

Библиографія. (См. общ. оглавленіе.

} Прилож. къ № 6.

Живопись, пластина, театръ, музыка.

Петръ Ге. Новое искусство, № 1, стр. 87.

М. П. З. Романъ Г. Сенкевича «Quo Vadis» въ иллюстраціяхъ № 2, стр. 42.

А. И. Яцимирскій. Художникъ крайняго Сѣвера № 6, стр. 84.

Францъ Серве. Максъ Клингеръ № 11, стр. 85.

Проф. В. Уде. Новый взглядъ на искусство, № 12.

Доч. Бернштейнъ. П. И. Чайковский. (По поводу десятилѣтія со дня его смерти), № 12.

А. Ру. Исторія искусствъ. Прилож. къ № 10.

Проф. Боринскій. Современный театръ, его задачи. Прил. къ № 11.

Жикисти. Театральная жизнь. Прилож. къ № 11.

Проф. Убель. Пракситель. Прилож. къ № 9.

Проф. Мутеръ. Возрожденіе античнаго искусства. Прил. къ № 9.

Его же. Леонардъ да-Винчи. Прил. къ № 9.

Народное образованіе.

Проф. П. Дейчеръ. Народное образованіе въ Бельгій, № 11, стр. 115.

Проф. И. Х. Озеровъ. О нѣкоторыхъ задачахъ университетскаго преподаванія общественныхъ наукъ, № 9, стр. 47.

Л. Клейнбортъ. Къ характеристикѣ читателя изъ народа, № 1, стр. 138.

Его же. Народъ и книга. № 2 стр. 156.

Его же. Съездъ представителей учительскихъ обществъ, № 3, стр. 155.

Его же. О книжныхъ земскихъ складахъ, № 4, 145.

А. А. Николаевъ. Ближайшія задачи народно-популярной литературы, № 3, стр. 145.

Его же. Къ вопросу о народной газетѣ № 5, стр. 131.

Его же. Деревня сама о себѣ (что думаетъ и говоритъ деревня о школьномъ и вѣтшкольномъ народномъ образованіи) № 6, стр. 145.

Его же. Кооперация и народное образованіе № 7, 137.

Его же. Школьные попечительства и мелкая земская единица № 8, стр. 160.

Его же. Изъ жизни нашихъ общественныхъ библиотекъ (Общество и общественныя библиотеки. Механизмъ управленія. Объемъ полезной работы) № 9, стр. 168.

Его же. Изъ жизни нашихъ общественныхъ библиотекъ. (Скудость нашихъ свѣдѣній о библиотечномъ дѣлѣ. Разнокалиберность и разнообразность отчетовъ. «Читатель, гдѣ ты?» «Кто ты, читатель?» Читатель идетъ! Движеніе библиотекъ на встрѣчу читателю) № 10 стр. 190.

Его же. Изъ жизни нашихъ общественныхъ библиотекъ. Профессіональная статистика читателя. Демократизация нашихъ библиотекъ. Выборъ книгъ. Охранители *spī generis*. Читательскіе вкусы. Кто что почитываетъ и кто чѣмъ зачитывается? Нѣсколько словъ объ эволюціи вкусовъ нашего читателя «Лауреаты» средняго читателя: отдѣлы научныя—философія, естествознаніе, общественновѣдѣніе № 11 стр. 198.

Его же. Изъ жизни нашихъ общественныхъ библиотекъ. (Беллетристика: «читатель-простецъ». — «Восходящія и заходящія свѣтила» читательскаго небосклона. — Периодическая пресса и ея читатели. — Нѣсколько словъ о бюджетахъ нашихъ библиотекъ и объ участіи въ нихъ нашихъ городскихъ и земскихъ «самоуправленій» — Заключение). — № 12.

Б. Т. И. Народное образованіе на выставкѣ Курскаго земства № 8, 169.

Библиографическія замѣтки о книгахъ для народа и самообразованія. №№ 1—12 Смотри предыдущій указатель.

Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Третій академическій годъ. Попечительный совѣтъ Администрація Уставъ Програма на 1904 г. Статистическій отчетъ распределеніе учащихся по образованію.

Приложенія, вышедшія за 1903 г.

Приложенія къ № 1: 1) «Общедоступный Университетъ». — **Вода въ природѣ**; 2) Энциклопедич. Библіотека. — **ВЕБЕРЪ «Панорама вѣковъ»**. Очеркъ всемірной исторіи; 3) Читальня «Вѣстника Знанія». — **Мультиатули и его произведенія**. Рисунки, портреты, снимки съ картинъ, хромофотографія.

Приложенія къ № 2: 1) «Общедоступный университетъ». — **Вода въ природѣ** II. 2) «Энциклопедическая Библіотека». В. БЕЛЬШЕ. **Исторія міросозерцанія** до Колумба, 3) Читальня «Вѣстника Знанія». — Мишо ДЮМЬЯКЪ. **Великія легенды человечества**. Снимки съ картинъ, рисунки, карты, портреты

Приложенія къ № 3: 1) «Общедоступный Университетъ». — **Атмосфера** — 2) «Энциклопедическая Библіотека для самообразованія». — **Руководство для собиранія коллекцій и наблюденій природы**. — 3) Читальня «Вѣстника Знанія». — ГЕДРИ-МЕНО. **Женщина**. Рисунки портреты хромофотографіи.

Приложенія къ № 4: 1) «Общедоступный Университетъ» — **Атмосфера** — 2) «Энциклопедическая Библіотека для самообразованія». — В. БЕЛЬШЕ. **Исторія современнаго естествознанія**. — 3) Читальня «Вѣстника Знанія». Э. БЕРНАЦКІИ. **Современная медицина и предѣлы врачебнаго знанія**.

Приложенія къ № 5: 1) «Общедоступный Университетъ»: **«Атмосфера»**. Часть третья. 2) «Энциклопедическая Библіотека для самообразованія»: — Л. Бреннеръ и В. Бельше. **«Астрономическіе вечера»**. 3) «Читальня «Вѣстника Знанія»: — **Соціальныя утопіи**. Рисунки, портреты, снимки съ картинъ

Приложенія къ № 6: 1. «Общедоступный университетъ»: — **«Теплота»** въ трехъ частяхъ. 1. 2. «Энциклопедическая Библіотека для самообразованія». — **Краткій систематическій словарь экономическихъ наукъ**. 3. «Читальня «Вѣстника Знанія». — Литературные портреты: «Г. Ибсенъ» — Брандеса. — «Г. Гауптманъ» — Б. Маршалль — «М. Матерлинкъ» — Гартмана. Рисунки, портреты, снимки съ картинъ.

Приложенія къ № 7: 1) «Общедоступный Университетъ»: **«Теплота»**, въ трехъ частяхъ. Часть вторая. 2) «Энциклопедическая Библіотека для самообразованія». Ф. ЛОЛІЕ. **Обзоръ исторіи всемірной литературы**. 3) Читальня «Вѣстника Знанія». — **Общественно-политическая жизнь Запада**. АНГЛІЯ. Рисунки, портреты, снимки съ картинъ.

Приложенія къ № 8: 1. «Общедоступный Университетъ»: **«Теплота»**, въ трехъ частяхъ. Часть третья. — 2. «Энциклопедическая Библіотека для самообразованія»: **Популярная химія** съ приложеніемъ статьи «Общедоступный химическій анализъ почвы». — 3. «Читальня «Вѣстника Знанія». — Максъ Нордау и Элленъ Кей. **Избранные парадоксы**. Рисунки, портреты, снимки съ картинъ.

Приложенія къ № 9: 1. «Общедоступный Университетъ»: **«Свѣтъ»** въ двухъ частяхъ. Часть первая. 2. Энциклопедическая библіотека для самообразованія: — **«Краткій систематическій словарь экономическихъ наукъ»**, въ двухъ частяхъ. Часть вторая. 3. «Читальня «Вѣстника Знанія». — **Старое искусство**. 1. Проф. Г. УБЕЛЛЬ. — «Пракситель» — 2. Проф. Р. МУТЕРЪ. — «Возрожденіе античнаго искусства». — 3. Его же «Леонардо да Винчи». Рисунки, портреты, снимки съ картины.

Приложенія къ № 10: 1) «Общедоступный университетъ»: **«Свѣтъ»**, въ двухъ частяхъ. Часть вторая. 2) Энциклопедическая библіотека для самообразованія. — АЛЬФОНСЪ РУ. — **«Краткая исторія искусствъ»**. 3) «Читальня Вѣстника Знанія». — **Историческія загадки**. Проф. І. ШЕРРЪ. — Лжедимитрій, царь Московскій. — Вопросъ о Лжедимитріи въ русской литературѣ. — Проф. І. ШЕРРЪ. — Загадка Тампли. — Железная маска. — Графъ Калиостро. Рисунки, портреты, снимки съ картинъ.

Приложенія къ № 11: 1) «Общедоступный Университетъ»: **«Звукъ»**. 2) «Энциклопедическая библіотека для самообразованія». — В. БЕЛЬШЕ. **Происхожденіе органической жизни**. 3) Читальня «Вѣстника Знанія». — Проф. К. ВОРИНСКІИ и ЖИНИСТИ. **І. Театръ, его задачи, исторія и представители**. II. **Современная театральная жизнь**. Рисунки, портреты, снимки съ картинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 г. НА

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“

Иллюстрированный журналъ модъ, рукодѣлій, хозяйства и литературы.

Выходитъ 4 раза въ мѣсяцъ — 48 номеровъ въ годъ

XXXIV г. изд. ВЪ ШЕСТИ ИЗДАНІЯХЪ XXXIV г. изд.

Журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ» даетъ:

48 модныхъ номеровъ новѣйшихъ дамскихъ и дѣтскихъ платьевъ, маскарадныхъ костюмовъ, верхнихъ вещей, бѣлья, рукодѣлій, содержащихъ до 3000 рисунковъ съ ихъ описаніями.

24 большихъ выкроечныхъ листа, содержащихъ около 2000 выкроекъ всевозможн. предмет. гардероба, до 500 узоровъ художеств. рукодѣлій, множество различн. буквъ и монограммъ для мѣтки бѣлья и проч.

24 иллюстрированныхъ литературныхъ приложеній, въ которыхъ будутъ помѣщены: романы, повѣсти, рассказы, біографіи выдающихся дѣятельницъ и дѣятелей, театр., музыка, съ портретами артистокъ и артистовъ, совѣты, кухня, меню, смѣсь, біографія, почтовый ящикъ и пр. Графология, подъ редакціей извѣстнаго Вѣнскаго психо-графолога Дольфини Поппэ.

Кромѣ того, въ теченіе года подписчицы получаютъ

РАСКРАШЕННЫЯ КАРТИНКИ НОВѢЙШИХЪ ПАРИЖСКИХЪ
МОДЪ:

При 2 изданіи:	12	При 3 изданіи:	36
При 4 изданіи:	48	При 5 изданіи:	60
При 6 изданіи:	96		

РАСКРАШЕННЫХЪ КАРТИНОКЪ.

ЦѢННЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ И ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Для годовыхъ подписчицъ ВСѢХЪ ШЕСТИ ИЗДАНІЙ:

1) Сезонныя панорамы верхнихъ платьевъ. 2) Картинки нарядовъ для костюмированныхъ баловъ и вечеровъ. 3) Раскрашенные узоры для художественныхъ рукодѣлій. 4) Въ видѣ особой преміи—25% скидки на всѣ изданія «Книгоиздательства Германъ Гоппе» (съ цѣны безъ пересыки) подробный каталогъ котораго высылается бесплатно.

II. Для годовыхъ подписчицъ на II, III, IV, V и VI изд., кромѣ вышеозначенныхъ премій, еще книгу

Новѣйшій журсъ кройки и шитья дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ.
о множествѣ рисунковъ и приложеній

Каждая хозяйка въ состояніи будетъ по этой книгѣ самостоятельно шить и кроить все необходимое для дома.

III. Для годовыхъ подписчицъ на IV, V и VI изд., кромѣ всѣхъ вышеозначенныхъ премій, еще книгу

Живопись по фарфору.

стеклу, тканямъ, кожѣ, дереву и пр. Съ 107 рисунками.

Годовая цѣна журнала „Модный СВѢТЪ“ на 1904 годъ.

1-е изданіе:	Безъ доставки	5 р.,	съ доставкой	6 р.,	съ пересылкой	7 р.
2-е	»	»	7 »	»	8 »	» 9 »
3-е	»	»	10 »	»	11 »	» 12 »
4-е	»	»	12 »	»	13 »	» 15 »
5-е	»	»	15 »	»	16 »	» 18 »
6-е	»	»	24 »	»	26 »	» 28 »

Допускается разсрочка—при подпискѣ непосредственно въ редакціи.

Для гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается подписка съ разсрочкою на льготныхъ условіяхъ, непосредственно въ редакціи, за поручительствомъ гг. казначеевъ.

При подпискѣ безъ доставки въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы: въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, цѣна 1-му изданію—6 р., 2-му изданію—8 р., 3-му изданію—11 р., 4-му изданію—13 р., 5-му изданію—16 р. и 6-му изданію—26 р.

Подробное объявленіе и каталогъ всѣхъ изданій фирмы «Книгоиздательство Германъ Гоппе» (М. А. Меллеръ) высылается по требованію бесплатно. 2 подробныхъ нумера высылаются за 2 десятикопѣечныя марки. Объявленіе въ отдѣльныхъ выкройкахъ и узорахъ художественныхъ рукодѣлій см. подробное объявленіе въ каталогѣ всѣхъ изданій М. А. Меллера, собственника фирмы «Книгоиздательство Германъ Гоппе». Подписка принимается въ Конт. Ред. журн. «Модный СВѢТЪ», Спб. Троицкая, 10.

Издатель М. А. Меллеръ.

Редакторъ С. И. Шишмарева

✱ Подписной годъ начинается съ 1 ноября. ✱

ОТКРЫТА ПОДПСКА НА 1904 ГОДЪ изд. г. XV.

ПРИРОДА и ЛЮДИ

✱ Изданіе П. П. Сойкина. ✱

За ПЯТЬ РУБ. безъ дост. въ Спб.
ШЕСТЬ РУБ. съ перес. по Россіи.

Допускается разр. при подп.
2 р., 1 февр. 1 р., 1 апр. 1 р. и 1 июня остал.

52 №№ художествен.-литературн. журнала,
въ которомъ принимаютъ участіе лучшіе представители современной
литературы. Девизъ журнала—быть другомъ семьи и дать каждому изъ
ея членовъ доступное, научное и полезное чтеніе.

СОЧИНЕНІЙ ТАЛАНТЛИВАГО БЕЛЛЕТРИСТА

18 книгъ **Вас. НЕМИРОВ.-ДАНЧЕНКО**
3400 стр.

состоящихъ изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, очерковъ и воспоминан.

Лица, не состоявшія подписчиками въ 1903 г., могутъ получить исключ. при подпискѣ на
1904 г. съ допл. 1 р. 75 к. безъ дост. въ Спб., а съ дост. и перес. по Россіи 2 р. **ПЕРВЫЯ**
12 Кн. соч. **ВАС. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО**, которыя были приложены
при журналѣ „Природа и Люди“ въ 1903 г.

52 №№ ХУДОЖЕСТВЕННО - ЛИТЕРАТУРНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ
СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ

при массѣ рисунковъ и иллюстрац. является иллюстриров. хроникой текущихъ
событій. вѣрнѣе—общедоступною всемірною иллюстраціею.

12 книгъ **БИБЛИОТЕКА РОМАНОВЪ**
съ рисун. 2400 стран.
(ПРИКЛЮЧЕНІЯ НА СУШѢ И НА МОРѢ).

Сюда войдутъ новыя и лучшія произведенія такихъ всемірно-извѣстныхъ авторовъ,
какъ *Жюль Вернъ, Л. Буссеназъ, А. Лори, Поль о'Ивуа, М. Пембертонъ, Уэльсъ,*
Хиппингъ, Конанъ Дойль и др.

Э о обычное наше приложеніе пользуется громаднымъ успѣхомъ среди юношества.

С РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ПОДАРОКЪ
СТЕРЕОБИХРОМОСКОПЪ

(СЕНСАЦИОННАЯ ОПТИЧЕСКАЯ НОВИНКА)

И КЪ НЕМУ

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ

Уплатившимъ
сплнн подписную
сумму будетъ вы-
слано (18 дек. 1903.
а подписавшимся
съ разсрочк. пла-
тежа—по уплатѣ
послѣдняго взноса

исполненныхъ красками, изображающихъ живописные виды всѣхъ странъ, выдающихся
событій, снимки съ художественныхъ произведеній. Предлагаемый, въ качествѣ преміи,
Стереобихромоскопъ, представляетъ *послѣднее слово оптической т хники*. Стере-
бихромоскопъ *даетъ полную иллюзію* разсматриваемыхъ сюжетовъ при свѣтовомъ
аффектѣ. За границей Стереобихромоскопъ въ короткое время *получилъ большую*
успѣхность и возбудилъ общій интересъ.

СПБ. „ПРИРОДА и ЛЮДИ“, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

Отдѣленіе Конторы: Невскій, 96, уг. Надеждинской.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

IX г. изд. на ОБЩЕДОСТУПНЫЙ журналъ

„ПАРИЖСКАЯ МОДА“

Иллюстрированный журналъ модъ и рукодѣлій.

Выходить 1 и 15 числа каждаго мѣсяца, т. е. 24 №№ въ годъ, въ особой обложкѣ,

24

выпуска, около 3.000 рисунковъ модъ дамскихъ нарядовъ для гулянья, баловъ и для дома, маскарадныхъ костюмовъ, рисунки дѣтскихъ модъ, разнаго бѣлья дамскаго, дѣтскаго, мужского, постельнаго, столоваго, художественныя работы и рукодѣлія, шляпы, шитье и кройка.

24

отдѣльных листа чертежей (по одному листу при каждомъ номерѣ): около 1.800 выкроечныхъ рисунковъ, дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ; выкроечные чертежи разнаго бѣлья и до 500 изящныхъ работъ и узоровъ всевозможныхъ художественныхъ рукодѣлій.

ПРЕМІЯ. Годовыя подписчицы получаютъ бесплатную премію на выборъ ОДНУ изъ слѣдующихъ трехъ:

1) КРАСОТА ЖЕНЩИНЫ, ея совершенствованіе и сохраненіе путемъ гііены. Матильда Похитоновой, женщины-врача, доктора медицины Парижскаго Университета 2-ое исправленное и дополненное изданіе, съ портретомъ автора и множествомъ портретовъ извѣстныхъ красавицъ-артистокъ, красивыхъ женскихъ головокъ и другихъ изящныхъ иллюстрацій.

2) ЖИВОПИСЬ ПО ФАРФОРУ, стеклу, атласу и разнымъ матеріаламъ. Съ 107-ю рисунками.

3) ИСКУССТВЕННЫЕ ЦВѢТЫ. Изготовленіе ихъ изъ шелка, бархата, атласа, бумаги, воска и проч. Съ 2 хромофотографическими рисунками въ 12 красокъ и 356-ю рисунками въ текстъ.

Заявленіе о томъ, которую именно изъ этихъ трехъ премій желаетъ получить подписчица, искорѣйше просимъ дѣлать при подпискѣ.

Желающія получить сверхъ бесплатной преміи еще ту или другую, изъ предложенныхъ подписчицамъ на выборъ, премій, доплачиваютъ за каждую лишнюю премію къ подписной платѣ по 50 коп. безъ перес. и по 75 коп. съ пересылкой.

Кромѣ этого, въ видѣ особой премій, редакция предоставляетъ всѣмъ подписчицамъ 25 — скидки со всѣхъ изданій, «Книгоиздательства Германъ Гоппе» (съ цѣны безъ пересылки), подробный каталогъ котораго высылается бесплатно.

Подписная цѣна журнала „Парижская Мода“.

Въ С.-Петербургѣ:		Въ Москвѣ:	
Безъ доставки:		Съ доставкой и перес.	Безъ дост.:
на годъ	3 р.	на годъ	4 р. — к.
» полгода	2 »	» полгода	2 » 50 »
на годъ	3 р. 50 к.	на годъ	3 р. 50 к.
» полгода	2 » 25 »	» полгода	2 » 25 »

Подписка принимается въ конторѣ журнала «Парижская мода»: въ С.-Петербургѣ, Троицкая ул., № 10.

Въ Москвѣ подписка принимается въ конторѣ П. Н. Печковской, Петровскія линіи. Объ отдѣльныхъ выкройкахъ и узорахъ художеств. рукодѣлій см. подробное объявленіе въ каталогъ всѣхъ изданій фирмы «Книгоиздательство Германъ Гоппе», (собств. М. А. Меллеръ) который высылается по требованію бесплатно.

Пробный номеръ высылается за одну десятикопѣчную марку.

Издатель М. А. Меллеръ.

Редакторъ С. И. Шишмарева.

„Tygodnik Ilustrowany”

daje rocznie przeszło 1200 ilustracyi, nadto w r. 1903 ofiarowuje
prenumeratorom

4 PREMJA ARTYSTYCZNE

w reprodukcjach KOLOROWYCH albo DRZEWORYTNICZYCH, do
oprawienia. W Styczniu 1903 roku otrzymali wszyscy prenumeratorzy
KOLOROWĄ REPRODUKCJĘ obrazu Wacława Pawliszaka

«KSIĄŻĘ JÓZEF POD RASZYNEM».

Tygodnik drukować będzie w 1903 między innemi nową powieść
Stefana Żeromskiego z cyklu historycznego «POPIOŁY», a w
dodatkach bezpłatnych niezależnie od przekładów.

12 tomów Sienkiewicza od N. R.

• • „KRZYŻACY”. • •

Prenumerata Tygodnika Ilustrowanego z dodatkiem po-
wieściowym i 12 tomami dzieł Sienkiewicza wynosi:

w Warszawie kwartalnie rb 2, rocznie rb. 8, z przesyłką
pocztową rb. 3, rocznie rb. 12.

Adres: Krak. Przedm. № 17, w Warszawie.

Открыта подписка на 1904 годъ
на иллюстрированный духовно-народный журналъ

КОРМЧІЙ

XVII годъ изданія.

издаваемый при участіи отца Іоанна Кронштадтскаго за 4 рубля въ годъ съ пересылкою. Даетъ 52 №№ иллюстрированнаго журнала разнообразнаго интереснаго духовно-нравственнаго содержанія. Въ журналѣ, между прочимъ, будутъ продолжаться печататься, имѣвшія выдающійся успѣхъ въ 1903 г. Ответы на недоумѣнные вопросы.

52 №№ Еженедѣльнаго Вѣстника подъ заглавіемъ Современное Обзорѣніе событій текущей жизни, издаваемого по программѣ: 1) руководящая передовая статья на современные темы; 2) церковная жизнь; 3) общественная жизнь; 4) заграничныя извѣстія; 5) добрые люди нашего времени; 6) полезные со-
вѣты и указанія; 7) разныя замѣтки; 8) изъ газетъ и журналовъ.

52 №№ иллюстрированныхъ листковъ по житіямъ воскресныхъ святыхъ (для чтенія въ храмѣ и семьѣ въ праздничные дни, а также для бесплатной раздачи въ церквахъ).

12 книжекъ для народа подъ общимъ заглавіемъ: «Народная бібліотека Кормчаго», состоящая изъ ряда назидательныхъ рассказовъ изъ быта народнаго, школьнаго, миссіонерскаго, военнаго и проч.

Кромѣ того особое приложеніе на 1904 годъ по желанію многихъ подписчиковъ: 24 православно-миссіонерскихъ листка, заключающихъ въ себѣ ответы на недоумѣнные вопросы расколо-сектантства.

2 книги поученій на всѣ воскресные и праздничные дни, а также на разные случаи приходской жизни. Давая это весьма цѣнное для пастырей проповѣдниковъ приложеніе, редакція озабочилась, чтобы поученія были изложены интересно, живо, общедоступно и кратко и чтобы онѣ получили были подписчиками своевременно. Поэтому первая книжка поученій на первое полугодіе будетъ приложена къ № 1) журнала, а вторая книжка на второе полугодіе разошлетъ въ Маѣ мѣсяцѣ. «Кормчій» предназначенъ для благочестиваго чтенія въ каждой семьѣ православнаго русскаго народа. Всѣ статьи «Кормчаго» глубоконазидательны изложены простымъ, понятнымъ народу языкомъ. Адресъ редакціи: Москва, Большая Ордынка, д. Борисова, (квартира священника С. С. Ляпидевскаго). Редакторъ Протоіерей Бухаревъ. Издатель Священникъ С. С. Ляпидевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ
на ежемѣсячный журналъ

„Земскій Сборникъ Черниговской губ.“

«Земскій Сборникъ» издается по слѣдующей программѣ:

Отдѣлъ I. Постановленія и распоряженія Правительства.

Отдѣлъ II. Земское и городское хозяйство. Земскія извѣстія и обзоры дѣятельности земскихъ и городскихъ учрежденій Черниговской губерніи.

Отдѣлъ III. Монографія, матеріалы и свѣдѣнія по археологіи, исторіи, этнографіи, народному образованію, по физической географіи, метеорологіи, почвовѣднію, экономическому быту, сельскому хозяйству, промышленности, торговлѣ, кредиту, правовѣднію, медицинѣ, ветеринаріи, энтомологіи, общественному призрѣнію и статистикѣ какъ теоретическаго, такъ и чисто практическаго, мѣстнаго характера. Отдѣлъ IV. Мѣстная хроника. Сообщенія отчеты и обзоры дѣятельности мѣстныхъ правительственныхъ общественныхъ и словесныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ. Отдѣлъ V. Разныя свѣдѣнія и корреспонденціи изъ уѣздовъ Черниговской губерніи. Отдѣлъ VI. Судебная хроника, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній, по дѣламъ, касающимся земскихъ интересовъ. Отдѣлъ VII. Справочныя извѣстія и объявленія. Подписная цѣна съ пересылкою на годъ 4 руб. (для служащихъ въ Черниговскомъ земствѣ 2 р.). Подписка принимается въ г. Черниговѣ, въ Губернск. Земск. Управлѣ.

Къ свѣдѣнію авторовъ и подписчиковъ.

1) Присылаемыя авторами и переводчиками подъ *заказными бандеролями* рукописи должны быть *четко* написаны, только на одной сторонѣ листа, съ оставленіемъ полей и нумераціею страницъ.

2) Рукописи могутъ быть измѣняемы и сокращаемы; если авторъ не желаетъ измѣненій, то долженъ упомянуть объ этомъ въ началѣ рукописи. Въ такомъ случаѣ, если, по редакціоннымъ соображеніямъ, безъ измѣненій рукопись печатаема быть не можетъ—она возвращается автору. Рукописи менѣе $\frac{1}{2}$ печатнаго листа и стихотворенія не возвращаются и по поводу ихъ редакция не ведетъ переписки.

3) При всѣхъ сношеніяхъ съ редакціею и конторою необходимо прилагать на отвѣтъ марку, а если прислана рукопись, то для полученія ея обратно нужно прислать соотвѣтственное число марокъ на отправку *заказною* бандеролью; въ противномъ случаѣ стоимость пересылки взыскивается наложеннымъ платежомъ.

4) Каждая рукопись должна быть снабжена подписью автора или переводчика и его подробнымъ адресомъ; на переводахъ же, кромѣ того, нужно упомянуть названіе сочиненія въ оригиналѣ, имя автора и пр. Если оригиналъ данъ редакціею, переводчикъ долженъ возвращать все вмѣстѣ съ рукописью, чтобы не произошло задержекъ въ сличеніи оригинала съ переводомъ. Размѣръ присылаемыхъ статей желателенъ не болѣе $\frac{1}{2}$ печатнаго листа.

5) Гонораръ выдается послѣ напечатанія одинъ разъ въ мѣсяцъ; отправка денегъ на счетъ получателя. *Авансы ни въ какомъ случаѣ не выдаются.*

6) Переводы поступаютъ въ полную собственность издателя. То же относится и къ статьямъ, помѣщаемымъ въ приложеніяхъ къ журналу, если не было особаго соглашенія.

7) Редакция ни въ какомъ случаѣ не можетъ взять на себя обязательство сохраненія порядка даваемыхъ приложеній и оставляетъ за собою право замѣнять, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, одно сочиненіе другимъ приблизительно однороднымъ и равноцѣннымъ.

8) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 к. почт. марками; при перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р., а иногороднаго на городской—50 к.

9) При заявленіяхъ о неполученіи № журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать адресъ бандероли, по которому высылается журналъ, или сообщить его №. Безъ этого условія наведеніе справокъ и исполненіе просьбъ очень затруднительно.

Адреса просить писать четко, иначе часто совершенно *невозможно* исполнить просьбу подписчика.

10) Жалобы на неисправность доставки, согласно почтовымъ правиламъ, направляются въ контору редакціи не позже полученія слѣдующаго № журнала.

11) Контора не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій жел. дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

12) Всѣ заявленія, касающіяся подписки, необходимо адресовать въ контору «Вѣстника Знанія», С.-Петербургъ, Кузнечный пер., д. № 2, кв. 1, уголъ Владимірскаго проспекта. По литературнымъ же вопросамъ непосредственно ред.-изд. Вильгельму Вильгельмовичу Битнеру.

„ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ“.

Редакторъ-Издатель В. В. БИТНЕРЪ.

«Иллюстр. толстый» ежемѣс. литературный, художественный и популярно-научный журналъ съ 36 кн. для самообразованія: бесплатн. приложен.

12 книж. „Общедоступнаго Университета“: 1) Систематическій курсъ природовѣдѣнія, по лекціямъ Буземанна; «Магнетизмъ», «Электричество», «Механика», въ связи съ другими естеств. науками, географ., астрономіей и пр. 2) Новѣйшіе успѣхи матеріальной культуры въ связи съ ея исторіей. По проф. Ласарь-Кону и проф. Бердрову. Здѣсь говорится о чудесахъ промышленности и техники, достигнутыхъ наукою и сравнивается съ одальними прошлымъ. Изложеніе живое, вполне общедоступное. Масса рисун., табл. и картинъ, частью въ краскахъ.

12 книж. „Энциклопедической Библіотеки для самообразованія“, состоящей изъ ряда самостоятельныхъ сочин. по разн. отраслямъ знанія: 1) Проф. Риль. Истор. древн. и новой философіи. — 2) Проф. Риль и проф. Кюльне. Истор. новѣйшей философіи. — 3) Проф. Гартз. Истор. западн. литературы XIX вѣка. 4) Проф. Макмилланъ. Жизнь растений. — 5) Проф. Мейеръ. Происх. солнеч. системы, земныя и космическія катастрофы. — 6) СИСТЕМАТ. СЛОВАРЬ БІОЛОГИЧЕСКИХЪ НАУКЪ, въ двухъ частяхъ. Часть I. — 7) По проф. Зиммелю. Философ. политич. экономіи. — 8) Проф. Шурицъ. Народовѣдѣніе. — 9) Проф. Блохъ. Соціальная истор. Римск. республики. — 10) СИСТ. СЛОВАРЬ БІОЛОГИЧ. НАУКЪ. часть II. — 11) Проф. Мейеръ. Жизнь на небесн. тѣлахъ и ея естеств. конецъ. — 12) Проф. Вундтъ. Естествознание и психологія. Легкое, живое и популярное изложеніе, при массѣ рисунк., портретовъ и картинъ, частью въ краскахъ, отличаетъ эту бібліотеку отъ другихъ изданій для самообразованія легкою усвояемостію.

12 книж. „Читальни Вѣстника Знанія“, состоящей изъ ряда соч. для легкаго самообразованія, чтенія, имѣющаго въ виду широкое образованіе: 1) Проф. Андерсонъ. Истор. погибшихъ цивилизацій. — 2) Проф. Мутеръ. Изъ ист. искусства: Кранахъ. Виттичелли. Дюреръ. — 3) Ф.-Поленцъ. „Въ странѣ свободы“. — 4) Бельше. Завоеваніе человѣка. — 5) Ницше и его произведенія. — 6) Проф. Эмерсонъ. Великіе люди. Платонъ. Сведенборгъ. Монтанъ. Шекспиръ. Наполеонъ. Гете. — 7) Кингслей. Старые и новые боги. Истор. ром. — 8) Рескинъ и его произведенія. — 9) Проф. Серванъ. „Допотопная“ Европа. — 10) Проф. Уинльдъ. Цѣль жизни и ея задачи. — 11) Тацитъ. Изъ древней исторіи. — 12) Проф. Германъ. Природа и экономич. жизнь. Главное назнач. „Читальни“ будить мысль, способствовать развитію гуманности и любви къ знанію и расширять умствен. кругозоръ читателей. Многочисленныя иллюстраціи еще болѣе оживляютъ изложеніе.

Въ 12 книгахъ самого „Вѣстн. Знан.“, являющагося не спеціальнымъ, а общелитературнымъ и притомъ иллюстр. журналомъ, принимаютъ участіе уважаемые литераторы, профессора, популяризаторы и беллетристы. Считаемо нужнымъ упомянуть, что профессора Парижской Русской Высшей Школы Обществ. наукъ принимаютъ въ „Вѣстн. Зн.“ близкое участіе. Кромѣ того редакция ставитъ себѣ цѣлью привлекать молодыя силы. Стремленіе къ знанію въ широкомъ смыслѣ слова, отраженіе жизни и духовныхъ запросовъ общества, всестороннее освѣщеніе вопросовъ дѣйствительности — составляютъ задачи „Вѣст. Зн.“, который, избѣгая доктринерства, явится строго прогрессивнымъ органомъ.

Всѣ наши обязательства по отношенію къ прошлогодн. подписч., несмотря на тяжелья, условія точно выполнены.

Подписная цѣна (48 кн.) 7 руб., съ дост. и перес. 8 руб. Разерочка по 2 руб. на 1904 годъ за 1/4 года. За границу 11 руб. Первые четыре книжки высылаются за 1 р. Налож. платежомъ дороже. Адресъ редакціи «Вѣст. Знан.»: С.-Петербургъ, Кузнецкій, 2, кв. 1.

Подписавшимся до 1-го декабря 1903 г. и внесшимъ не менѣе 4 р. Высылается бесплатно; № 12 „Вѣстника Знан.“ съ тремя прилож. Проф. Шницъ, „Лучи и воды“, Бельше, „Основы развит. органич. міра“ и В. Битнеръ, „Гипотезы и родств. явленія въ наукѣ и жизни“, или любой № „Вѣстн. Зн.“ съ тремя бесплат. приложеніями, или СЛОВАРЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ НАУКЪ, въ двухъ частяхъ. Подробныя объявленія высылаются бесплатно.

2015595706

